

1982-1983 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

1982
—
1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории

Институт истории СССР   Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1982—1983

Ответственный редактор
академик

М. В. НЕЧКИНА

МОСКВА «НАУКА» 1987

В очередной выпуск историографического ежегодника включены материалы по истории русской дореволюционной и советской исторической науки. Ряд статей посвящен критике современной буржуазной историографии. В специальном разделе помещены очерки, статьи и библиографические материалы о творчестве крупных русских и советских историков.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Н. И. БАСОВСКАЯ, Г. З. ИОФФЕ,
В. Г. ОВЧИННИКОВ, А. Ф. СМИРНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

академик **М. В. НЕЧКИНА**,
В. И. БУГАНОВ (зам. ответственного редактора),
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,
Е. В. ГУТНОВА, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
В. П. НАУМОВ,
член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
В. И. САЛОВ, В. В. СОГРИН,
Б. М. ТУПОЛЕВ, А. О. ЧУБАРЬЯН,
академик АН Киргизской ССР В. П. ШЕРСТОБИТОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ВТОРАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ПЕРИФЕРИИ СТРАНЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В. Л. Харитонов

Изучение хода второй российской революции в различных районах страны, несомненно, представляет немалый научный интерес. Громадные территориальные размеры Российской империи, многонациональный состав ее населения, существенные различия в уровне социально-экономического развития отдельных регионов и ряд других факторов придавали особое значение взаимодействию революционного процесса в Петрограде (и в определенной степени в Москве) и на периферии.

Опыт буржуазно-демократических революций XIX в. в Западной Европе, особенно революции 1848 г. во Франции, показал, что баланс сил между политическим центром революции и реакционными силами провинции складывался в пользу последних и вел к подавлению массового революционного движения. Контрреволюционная роль провинции послужила также одной из главных причин поражения Парижской коммуны. Историческая практика второй российской революции оказалась принципиально иной. Революционная периферия быстро и довольно решительно поддержала победу рабочих и солдат в столице. При этом революция на местах, как отмечал В. И. Ленин, зашла даже дальше, чем в центре страны¹.

Изучение истории второй российской революции на периферии страны в послевоенной советской исторической литературе насчитывает уже около четырех десятилетий. Появились десятки монографий, глав и разделов в коллективных трудах, а также статей (в том числе и историографических) на эту тему². Важную роль сыграл выход в свет в 1979 г. книги «Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов», где особый интерес с точки зрения рассматриваемой нами проблемы представляет раздел о солдатских массах в Февральской революции³.

Предметом анализа в настоящей статье стала литература о Февральской революции во всех регионах страны (без «второй столицы» — Москвы), а также в действующей армии и на флоте. До начала 60-х годов (причем наиболее интенсивно со вто-

рой половины 50-х годов) историография данной проблемы развивалась преимущественно вширь. В это время были написаны работы о Февральской революции в Узбекистане, Грузии, Белоруссии, Латвии⁴. Несколько позже появились исследования и различные публикации о февральско-мартовских событиях 1917 г. на Украине, в Азербайджане, Казахстане, Эстонии, Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке⁵. Примечательно, что была сделана даже попытка отразить влияние Февральской революции на положение дел в русской колонии в Урге (современный Улан-Батор)⁶. В поле зрения историков оказался также ход второй российской революции на фронтах, хотя ни в одной из работ февральско-мартовские события 1917 г. в действующей армии не стали предметом специального изучения⁷. Они оставались небольшой частью летописи революционного движения в 1917 г. Примерно в том же плане рассматривалась и история русского флота в период Февральской революции⁸.

Однако литература этого этапа имела и свои слабые стороны: неполнота исследования проблемы, особенно когда речь шла о положении в деревне; недостаточное внимание к выявлению особенностей революционного процесса на местах⁹; неоправданное расширение хронологических рамок Февральской революции и т. д.¹⁰ Заметим в этой связи, что в узком смысле слова с точки зрения решения вопроса о власти вторая революция в России, по определению В. И. Ленина, была восьмидневной революцией¹¹, начавшейся 23 февраля и закончившейся 2 марта 1917 г. когда окончательно сложилось двоевластие. При этом в наиболее крупных городских центрах периферии эти события уместаются в рамках первой декады марта 1917 г. Вместе с тем целый ряд явлений, связанных с развитием революционной инициативы масс после свержения царизма (крестьянское движение, образование фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и т. д.), получили развитие на периферии несколько позднее. В связи с этим Февральская революция в широком смысле слова имеет более или менее подвижную верхнюю хронологическую границу, которая может быть очерчена мартом 1917 г.

С конца 60-х годов исследование второй российской революции на местах обогащается рядом новых моментов. Этому в значительной мере способствовал выход в свет второго тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза»¹², монографий акад. И. И. Минца, Э. Н. Бурджалова, статей П. А. Алуфа, И. П. Лейберова и др.¹³

Научная разработка истории Февральской революции на периферии страны приобрела новые качественные особенности. Во-первых, появился ряд монографических работ, специально посвященных второй буржуазно-демократической революции в России. Если раньше Февральская революция как бы «вписывалась» в период первой мировой войны, занимая при этом весьма скромное место, то теперь она становится объектом специального научного исследования¹⁴. Во-вторых, происходит своеобразное

«расчленение» проблемы и обращение к ее важнейшим составным частям. Так, предпринимаются попытки проанализировать состав, численность и датировку возникновения Советов в масштабе всей России или отдельных крупных регионов¹⁵, движение солдатских масс на местах¹⁶ и т. д. Наконец, новым моментом явилась критика буржуазной историографии, прежде всего современной, применительно к ряду национальных регионов России¹⁷.

Ведущим в публикациях, посвященных Февральской революции в национальных районах, является тезис о неразрывной связи общероссийского революционного процесса с развитием событий на местах, о приоритете общих закономерностей исторического процесса в стране. Подчеркивается также, что вторая российская революция открыла новый этап в развитии пролетарского интернационализма в национальных регионах. Как отмечается в «Истории Узбекской ССР», «совместные демонстрации русских рабочих и трудящихся коренных национальностей в февральские дни, братание бывших царских солдат с коренным населением свидетельствовали о возникновении единого фронта трудовых масс коренного и русского населения»¹⁸. Характерной чертой всех публикаций о второй российской революции на периферии стало широкое освещение темы выхода партии большевиков из подполья, ведущей роли партийных организаций в борьбе за победу и развитие буржуазно-демократической революции.

Крупной вехой в разработке рассматриваемой проблемы стал выход в свет первого тома «Истории Великого Октября» акад. И. И. Минца, явившегося по существу первой крупной обобщающей работой по истории Февральской революции в центре и на местах. Особое внимание И. И. Минца уделил процессу образования Советов и установления двоевластия. В частности, впервые в исторической литературе была определена география, социально-классовое лицо и численность Советов, возникших в ходе Февральской революции в масштабе всей России¹⁹. Важными аспектами труда И. И. Минца явились развитие революции в армии, в наиболее крупных регионах страны, в российской деревне.

Следующий шаг в изучении второй революции на местах был сделан в вышедшей в свет в 1971 г. монографии Э. Н. Бурджалова²⁰. Эта работа носит капитальный характер. Здесь показано развитие второй российской революции во всех регионах страны. В отличие от многих предшествовавших работ, где при изложении февральско-мартовских событий 1917 г. в центре внимания были действия буржуазии и прямых противников революции, книга Э. Н. Бурджалова посвящена прежде всего революционному творчеству масс. Наряду с общими закономерностями революции на местах Э. Н. Бурджалову удалось выявить ряд ее локальных особенностей: соотношение различных форм революционной борьбы, силу и глубину революционного процесса в

разных районах страны и среди различных слоев населения, разнообразие решения вопроса о власти на местах и др.

В 1976 г. вышла в свет монография саратовских историков В. В. Васькина и П. А. Герасименко о Февральской революции в Нижнем Поволжье²¹. Эта работа — примечательное явление в новейшей историографии второй российской революции на периферии. Здесь получили освещение вопросы, связанные с установлением двоевластия, выходом партийных организаций из подполья, развитием революции в деревне, движением солдатских масс. Изложение событий хронологически не выходит за рамки марта — начала апреля 1917 г. Авторы показали значительную роль солдатских масс, которые в непростых условиях уездных центрах выступали в качестве решающей революционной силы²².

Симптоматичным стало появление в 1972 г. работы Д. А. Гаркавенко, впервые в новейшей историографии специально посвященной Февральской революции в вооруженных силах царской России²³. История Февральской революции в армии более четко вычленилась теперь в работах, охватывающих период всех трех российских революций²⁴. Появляются публикации о ходе Февральской революции на отдельных фронтах²⁵. О стремлении исследовать глубинные процессы, связанные с участием солдатских масс в Февральской революции, свидетельствуют монографии В. И. Миллера и Л. М. Гаврилова, в первых главах которых анализируется возникновение и начало деятельности солдатских комитетов — этого важного звена массового движения солдат в Февральской революции²⁶. Глубокий анализ событий в армии и на флоте характерен для указанной выше работы Э. Н. Бурджалова. В частности, сложные противоречивые процессы, начавшиеся в армии с победой Февральской революции, были квалифицированы им как начало распада старых вооруженных сил²⁷. Таким образом, уточнялся термин «разложение армии», принятый современниками Февральской революции и широко вошедший в историческую литературу. В то же время следует учитывать, что «распад» не составлял единственного содержания сложных процессов, проходивших в старых вооруженных силах России: здесь развивалась классовая борьба, достигшая апогея в дни Октябрьской революции, шла поляризация политических сил, нарастал процесс демократизации армии, возникали отдельные элементы будущей революционной армии, вставшей на защиту завоеваний Октября.

Важный вывод о классовом составе русской армии в 1917 г. сделал Д. А. Гаркавенко. По его подсчетам, крестьяне в армии составляли около 61%, рабочие — 21% состава²⁸. Эти данные относятся к солдатам призывов 1903—1913 гг. Однако они дают основание подвергнуть определенному сомнению устоявшийся в исторической литературе тезис о том, что накануне 1917 г. армия на 80—90% была крестьянской, и позволяют по-новому, более точно оценить революционные возможности вооруженных сил России.

Таковы наиболее общие черты и некоторые важнейшие выводы новейшей советской историографии второй российской революции на периферии. Очевидно, что для более всестороннего и детального анализа проблемы необходимо обращение к ее наиболее важным и интересным аспектам. Среди них центральное место, несомненно, занимает вопрос о власти.

Изучение истории второй российской революции дает основание считать, что за небольшим исключением вслед за победой революции в Петрограде на местах, как и в столице, установилось двоевластие. Между тем это положение не сразу утвердилось в нашей историографии, что объяснялось определенной недооценкой возникавших весной 1917 г. Советов. В. А. Соловьева, в частности, замечает, что в работах по Сибири до определенного времени «вопрос о Советах затрагивался лишь вскользь, освещение событий Февральской революции в Сибири, по существу, сводилось к подробному описанию организации и деятельности органов буржуазной власти»²⁹. В литературе проскальзывали неточные утверждения о будто бы «полновластном правлении» ген. Куропаткина в Туркестане в марте 1917 г.³⁰, о том, что Тифлисский Совет рабочих депутатов не располагал абсолютно никакой властью, так как «местная политическая власть была в руках городских исполнительных комитетов, организованных городской думой»³¹, и т. д. В то же время следует учитывать, что в отдельных случаях двоевластие действительно отсутствовало. Так, например, в Киргизии власть оставалась в руках царских чиповников и возникающих общественных комитетов³². Не было двоевластия и в некоторых глухих местах Сибири и Дальнего Востока (Ямал, Камчатка). Лишь в апреле сложилось двоевластие в Якутии³³.

В исторической литературе высказывалась точка зрения, согласно которой в действующей армии, как и по всей стране, сложилось двоевластие³⁴. Однако этот тезис был подвергнут сомнению, основанному на том, что «офицерско-солдатские комитеты, особенно те, которые образовались сверху, в первый период своего существования выражали безграничное доверие командованию и Временному правительству»³⁵.

Ведущим элементом в изучении вопроса о власти в период второй российской революции, несомненно, является история Советов — самого яркого воплощения революционного творчества масс. По определению В. И. Ленина, весной 1917 г. народ совершил гигантский скачок — «прыжок от царизма к Советам»³⁶. Отправным пунктом в изучении Советов, рожденных Февральской революцией, должен послужить анализ их численности и социального состава, а также датировка возникновения. По целому ряду регионов страны — Украине, Туркестану (в том числе отдельно по Казахстану), Белоруссии, Сибири, Уралу — сделан подсчет Советов и определено время их возникновения. В то же время применительно к отдельным регионам страны (Закавказье, Прибалтика) соответствующих данных в исторической ли-

тературе пока нет, что затрудняет воспроизведение более точной картины хода революции на местах. К сожалению, исследователи нередко называют число образовавшихся Советов, но не указывают их социально-классовой принадлежности (рабочий, солдатский, крестьянский и т. д.), что важно для изучения расстановки классовых сил, гегемонии рабочего класса в революции. Думается, что в число задач изучения Советов периода Февральской революции должно войти выявление исходных данных (дата возникновения, социальный и партийный состав и др.) с непрерывным указанием источников (что нередко отсутствует в работах об этих массовых организациях). Начало такой работе было положено в уже упоминавшейся статье И. И. Минца, в которой воспроизводился ряд сведений о Советах, возникших в стране в марте 1917 г. Эта инициатива нуждается в продолжении и углублении. Пока в исторической литературе имеются работы подобного рода лишь по Сибири и Украине³⁷.

Принципиально важным итогом исследования истории Советов в феврале-марте 1917 г. является вывод о многонациональном составе этих массовых организаций, возникших в ходе второй российской революции. Литература указывает лишь на два Совета, сформировавшиеся по национальному признаку: польский Совет в Киеве и мусульманский в Одессе (объединявший главным образом рабочих-узбеков)³⁸. Многонациональный состав Советов периода Февральской революции — следствие решающего влияния российского рабочего класса на революционный процесс.

Историческая литература неизменно обращается к характеристике партийного состава Советов, хотя из-за ограниченности источников эти попытки не всегда заканчиваются успешно. Анализируется прежде всего соотношение большевистских и меньшевистско-эсеровских сил в Советах. Выявлено небольшое число Советов, где с момента их возникновения преобладающим влиянием пользовались депутаты-большевики³⁹.

Изучение вопроса о партийном составе Советов в марте 1917 г. неизбежно приводит исследователей к необходимости выяснения причин преобладания мелкобуржуазных партий в этих организациях. Отметим, что почти во всех работах по истории второй российской революции на периферии при анализе этой проблемы заметно влияние прежней историографической традиции, когда объяснение шло за счет важных, но не главных посылок (изменение состава рабочего класса в период войны, малочисленность большевиков, неискренность масс в политике, быстрая победа революции и т. д.). Между тем в новейшей советской историографии исследование причин преобладания мелкобуржуазных партий в Советах получило определенное развитие. Если в многотомной «Истории КПСС» наряду с другими на передний план было выдвинуто положение о том, что в руках соглашателей были основные легальные центры⁴⁰, то в книге «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года» сделан акцент на гигантской

мелкобуржуазной волне как ключевом пункте объяснения проблемы⁴¹. Заметим попутно, что это звено исторического опыта второй российской революции имеет неоценимое значение для понимания такой важной черты современного революционного процесса, как увеличение в нем роли мелкобуржуазных масс. Представляется, что изучение «механизма» воздействия мелкобуржуазной волны на избирательную кампанию в Советы составляет важную задачу дальнейшего исследования истории второй российской революции.

Частью вопроса о власти в Февральской революции выступает проблема взаимоотношения Советов и общественных комитетов, и в частности тактика большевиков по отношению к буржуазным органам власти на местах. Историкография этого сюжета представляет дополнительный интерес, поскольку в литературе существуют различные точки зрения. Так, В. В. Адамов проводит мысль о том, что уральские большевики пошли на организацию общественных комитетов, с тем чтобы «использовать их для борьбы против контрреволюционных выпадов старой власти». После образования Екатеринбургского Совета они вышли из комитета, «но держали его работу в поле своего зрения»⁴². С другой стороны, С. А. Сидоренко считает ошибкой большевиков Томска и Новониколаевска участие в работе местных буржуазных органов власти⁴³. Столь же категорична в отрицательной оценке такой акции сибирских большевиков В. А. Соловьева⁴⁴.

Участие большевиков в общественных комитетах было довольно распространенным явлением. Этот неверный тактический шаг был обусловлен резким изменением политической обстановки в стране и ее необычайной сложностью. Характерно, однако, что в крупных партийных организациях Украины (Киев, Харьков, Екатеринослав, ряд пунктов Донбасса) преобладающей была линия на идейное и организационное размежевание большевиков с местными органами власти⁴⁵.

Любопытным эпизодом второй российской революции было пребывание большевика Г. И. Петровского на посту комиссара Временного правительства в Якутии. Думается, что Э. Н. Бурджалов верно обосновывает этот шаг видного партийца-ленинца такими обстоятельствами, как отсутствие классовой опоры у большевиков в далекой Сибири, их оторванность от центра страны, опасность сектантства в случае отказа от власти⁴⁶.

В исторической литературе приведены многочисленные факты сотрудничества Советов и буржуазных органов власти на местах. Наиболее широким такое сотрудничество было, пожалуй, в Сибири. С этим связана особенность названного региона страны, где во главе общественных комитетов становились лидеры мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков⁴⁷. Мелкобуржуазная волна, поднятая революцией, была предпосылкой сложного переплетения действий Советов и общественных комитетов. Однако степень такого переплетения не везде была одинаковой. В частности, в Харькове, Екатеринославе, Киеве и некоторых других

городах Украины в силу охарактеризованной выше позиции большевиков размежевание Советов с буржуазными органами власти было достаточно ощутимым признаком местной политической ситуации ⁴⁸.

В целом развитие второй российской революции на периферии носило бескровный характер, хотя в действующих частях армии и флота дело и доходило порой до вооруженных конфликтов (восстание на Балтийском флоте, стычки солдат с реакционным офицерством на фронте ⁴⁹). На бескровном в целом характере Февральской революции на местах спекулирует современная буржуазная историография, подкрепляющая этим фактом тезис о «падении», а не «свержении» царизма ⁵⁰. В ходу у современных буржуазных украиноведов и ложная идея о том, что бескровная победа революции на Украине продемонстрировала якобы бесклассовое «единство» украинского народа. Однако действительные причины относительно бескровного характера революции на местах состоят в том, что массовое движение на периферии происходило уже в условиях победившей в Петрограде революции. Историческая победа рабочих и солдат в столице обусловила и усилила революционный натиск на местах и, напротив, безнадежно ослабила позиции защитников старого строя. Следствием этого был почти немедленный переход на сторону революции широчайших солдатских масс. Вместе с тем бескровный характер революции отнюдь не означает автоматического падения царской администрации. Справедлив вывод Э. Н. Бурджалова о том, что революция «утвердилась в провинции не автоматически, не по мановению волшебного жезла. Крушение старой и создание новой власти на местах происходило в острой борьбе различных общественных сил» ⁵¹.

В свете сказанного представляет интерес характеристика сопротивления революции со стороны реакционных сил. Известный вывод о том, что острота классовой борьбы зависит от степени сопротивления эксплуататоров воле подавляющего большинства трудящихся, от применения насилия самим классом эксплуататоров, имеет универсальное значение и применим и к анализу Февральской буржуазно-демократической революции. Как правило, в литературе вопрос о сопротивлении революции со стороны реакции разработан слабо. На наш взгляд, для воссоздания полной и всесторонней картины этого процесса на периферии должны быть выделены два периода: первый — от получения известий о революционных событиях в Петрограде до отречения царя от престола, когда сопротивление было наибольшим, и второй — после отречения монарха, что обусловило переход адептов царизма к «примирению» с революцией. Очевидна также необходимость рассмотреть отношение к революции буржуазии, дворянства, духовенства и других слоев господствующих классов. Тщательный анализ вопроса о сопротивлении реакционных сил революции способствовал бы установлению более точной характеристики темпа развития революционного процесса в стране ⁵².

Заслуживает внимания вопрос об отношении большевиков Украины к лозунгу гражданской войны в период Февральской революции. Долгое время в исторической литературе выдвижение такого лозунга большевиками Киева и Харькова в начале марта 1917 г. квалифицировалось как серьезная ошибка⁵³. С такой негативной трактовкой тактического лозунга украинских большевиков не согласился Э. Н. Бурджалов, который определил его как «боевой революционный призыв большевистской партии, направленный против царизма и империалистической войны»⁵⁴.

В целом соглашаясь с подобной оценкой, мы полагаем, однако, что она нуждается в некотором уточнении и для этого следует рассмотреть документы с лозунгом гражданской войны дифференцированно. Что касается киевских большевиков, выдвинувших этот лозунг в листовке от 2 марта 1917 г., то их позиция представляется вполне закономерной: восьмидневная революция заканчивалась в день выхода прокламации. В листовке большевиков Харькова от 6 марта лозунг гражданской войны объективно уже не учитывал новых условий момента, когда необходимость вооруженного развития революции была временно исчерпана и мелкобуржуазная волна поднялась слишком высоко. Известно, что после свершения революции В. И. Ленин считал уязвимым лозунг «Долой войну!». В то же время отметим, что лозунг гражданской войны у украинских большевиков сыграл определенную роль в проведении демаркационной линии между большевиками и меньшевиками. Не случайно большевики Харькова, Екатеринослава, Киева, а также ряда пунктов Донбасса, выйдя из подполья, в дальнейшем успешно противостояли настойчивым объединительным тенденциям.

Вопрос, связанный с лозунгом гражданской войны, был частью большой проблемы отношения масс к империалистической войне в период второй российской революции. В исторической литературе, посвященной февральско-мартовским событиям на периферии, намечены лишь общие контуры изучения этой проблемы. Можно назвать, например, работу В. В. Адамова, где сделана попытка проанализировать этот вопрос применительно к Уралу⁵⁵. Трудно согласиться, однако, с автором, который полагает, что «оборонческие настроения были следствием недостаточного политического опыта у масс и глубоко укоренившихся предрассудков старины»⁵⁶. Это лишь частичное объяснение глубокой проблемы «революционного оборончества», мало разработанной в нашей исторической литературе.

Между тем исследование отношения масс на периферии к войне представляет немалый интерес. Дело в том, что в отличие от Петрограда, где революция отличалась определенным антивоенным содержанием, на периферии существовала более сложная гамма настроений масс: от антивоенных до революционно-оборонческих, но в иной пропорции, чем в столице. Февральско-мартовские события на местах происходили большей частью в период подъема волны революционно-оборонческого угара. Это

приводило к тому, что антивоенный характер массового движения притуплялся, ускользал, уступая место революционно-оборонческому. Изучение этого сложного процесса составляет одну из задач исследования истории Февральской революции на местах.

Важным условием дальнейшего развития историографии второй российской революции является более глубокое обоснование тезиса о том, что Февральская революция послужила прологом Октября, что в февральско-мартовские дни 1917 г. рабочий класс и другие трудящиеся слои страны добились крупнейших приобретений в своей организации и политическом просвещении. При этом следует учитывать ленинское положение о том, что после Февральской революции Россия стала самой свободной страной в мире среди воюющих государств⁵⁷, хотя это и не снимает вопроса о реакционности и классовой ограниченности политики буржуазного Временного правительства, особенно в отношении национальных регионов страны.

В заключение хотелось бы кратко остановиться на документальных публикациях по рассматриваемой проблеме. Большое значение имел выход в свет таких сборников документов, как «Революционное движение в России после свержения самодержавия» (1957), «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий» (1957. Т. 1), «КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия» (1959), и некоторых других, где были представлены и материалы о революционных событиях марта 1917 г. на периферии. Несомненна также положительная роль многочисленных местных публикаций, охвативших все крупные регионы страны в целом и отдельные территориально-областные единицы⁵⁸, хотя февральско-мартовские события 1917 г. в некоторых из этих публикаций отражены явно недостаточно.

Значительный вклад в источниковый фундамент проблемы был сделан обширными публикациями мемуарной литературы (правда, в значительной степени эти публикации воспроизводили, иногда с купюрами, уже вышедшие в свет воспоминания 20—30-х годов)⁵⁹.

Однако опубликованные документы и материалы далеко не исчерпывают источниковую базу изучения интересующей нас проблемы. С нашей точки зрения, в источниковых публикациях особенно слабо использована периодическая печать, которая представляет исключительную ценность для изучения истории февральско-мартовских событий на местах. По-видимому, настало время для специального документального издания по истории второй российской революции. Закономерными явились бы публикации специальных документальных сборников по истории Февральской революции в крупных регионах страны — на Украине, в Сибири, на Урале и т. п. Нуждается в новых изданиях и переизданиях мемуарная литература.

Таким образом, послевоенная советская историография второй российской революции на периферии имеет определенные дости-

жения. От изучения проблемы «вширь» сделан поворот к исследованию ее «вглубь». Углубленная научная разработка истории Февральской революции на местах остается одной из актуальных задач советской историографии.

- ¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 218.
- ² *Бирон А. К.* Февральская революция 1917 г. в латвийской историографии // Изв. АН ЛатвССР. 1967. № 8; *Лаула Э.* Историография Февральской революции в Эстонии // Изв. АН ЭССР. 1968. Т. 17. Обществ. науки. № 1; *Харитонов В. Л.* Советская историография Февральской революции 1917 г. на Украине // Свержение самодержавия. М., 1970; *Соловьева В. А.* Советская историография Февральской революции в Сибири // Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974. Вып. 1; и др.
- ³ Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979. С. 96—108. Авторы раздела — Миллер В. И., Протасов Л. Г.
- ⁴ *Штейнберг В. И.* Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции, 1914 — март 1977 г. Рига, 1954; *Жиглов К. Е.* Февральская революция в Узбекистане. Ташкент, 1957; *Саладков Т. Е.* Бальшавакі Беларусі у перыяде першай сусветнай вайны і другой русскай рэвалюцыі. Мінск, 1957; *Церцавадзе М. В.* Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг. Тбилиси, 1960. Ч. 1.
- ⁵ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1; История Азербайджана. Баку, 1960. Т. 2; *Софронов В. Н.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962; *Щербина И. Т.* Робітничий клас на Україні та його революційна боротьба у 1914—1917 роках. Київ, 1963; *Ромас А. А.* Социально-экономическое положение и революционное движение на Дальнем Востоке накануне и в период февральских событий 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; *Козиш А. К.* Рабочее движение на Украине в годы первой мировой войны и Февральской революции. Киев, 1965; История Эстонской ССР. Таллин, 1966. Т. 2; *Фомченко А. П.* Февральская революция 1917 года и ее отражение в Бухарском эмирате // Учен. зап. Ташк. пед. ин-та 1962. Т. 33, вып. 2.
- ⁶ *Даревская Е. М.* Февральская революция в России и ее русская колония в Урге // Труды Иркутского ун-та. 1958. Т. 25, вып. 1.
- ⁷ *Шурыгин Ф. А.* Революционное движение на Северном фронте в 1917 г. М., 1958; *Голуб П. А.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, март 1917 — февраль 1918 г. М., 1958; *Гапоненко Л. С.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1963; *Френкин М. С.* Революционное движение на Румынском фронте, 1917 — март 1918 г. М., 1965; *Стеклов А. П.* Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Тбилиси, 1966; и др.
- ⁸ *Сивков И.* Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., 1948; *Найда С.* Революционное движение в царском флоте. М.; Л., 1948; *Гречанюк Н., Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; и др.
- ⁹ Существовала, напротив, тенденция схематизировать ход Февральской революции на местах, подгоняя его под некий общий шаблон. Так, в одной работе говорилось: «Подобным образом (т. е. как в Петрограде.— В. Х.) после свержения самодержавия развернулись события во всей стране, в частности и на Урале» (Очерки истории большевистских организаций на Урале, 1883—1918. Свердловск, 1951. Ч. 1. С. 230).
- ¹⁰ Так, в одной из работ хронологические рамки изучения темы охватили весь период мирного развития революции 1917 г. См.: *Сафаралиев М. Г.* Победа Февральской буржуазно-демократической революции в Мордовии // Учен. зап. Мордов. ун-та. 1963. Вып. 28.

- ⁴¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.
- ⁴² См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2: Партия большевиков в борьбе за свержение царизма, 1904 — февраль 1917 года. М., 1966.
- ⁴³ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1967. Т. 1; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Алуф И. А. О некоторых вопросах Февральской революции // Вопр. истории КПСС. 1967. № 1; и др.
- ⁴⁴ Харитонов В. Л. Лютнева революція 1917 року на Україні. Харків, 1966; Адамов В. В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967; Сидоренко С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири. Челябинск, 1970; и др.
- ⁴⁵ Разгон А. И. О составе Советов Нижнего Поволжья в марте—апреле 1917 г. // Советы и союз рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции. М., 1964; Соловьева В. А. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1965; Минц И. И. Образование Советов, Февраль — март 1917 г. // История СССР. 1967. № 2; Харитонов В. Л. З Історії Рад на Україні, Березень 1917 р. // Український історичний журнал. 1975. № 1.
- ⁴⁶ Васькин В. В. Солдаты Нижнего Поволжья в февральско-мартовские дни 1917 г. // Из истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1965.
- ⁴⁷ Вирон А. К. Указ. соч.; Харитонов В. Л. Советская историография Февральской революции 1917 г. на Украине; и др.
- ⁴⁸ История Узбекской ССР. Ташкент, 1968, Т. 2. С. 566.
- ⁴⁹ Подробнее об этом см. в статье И. И. Минца «Образование Советов, Февраль—март 1917 г.» (История СССР. 1967. № 2).
- ²⁰ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
- ²¹ Васькин В. В., Герасименко П. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976.
- ²² Там же. С. 219.
- ²³ Гаркавенко Д. А. Партия, армия, флот в Февральской революции. Л., 1972.
- ²⁴ Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969; Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; и др.
- ²⁵ Шелюбский А. П. Северный фронт в дни Февральской революции: О революционных выступлениях солдатских масс // История СССР. 1967. № 1.
- ²⁶ Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974; Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983.
- ²⁷ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 158.
- ²⁸ Гаркавенко Д. А. Указ. соч. С. 43.
- ²⁹ Соловьева В. А. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири. С. 165; Иногда отсутствие двоевластия обуславливалось чисто субъективными рассуждениями. Так, в Иркутске единовластие местной буржуазии будто бы установилось благодаря соглашательскому составу Советов. См.: Софронов В. П. Указ. соч., с. 196—197).
- ³⁰ Ковалев П. А. Начало 1917 года в Туркестане — года победы буржуазно-демократической и социалистической революции // Науч. труды Ташк. ун-та. 1970. Вып. 346. С. 92.
- ³¹ Церцвадзе М. В. Указ. соч. С. 43.
- ³² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 307.
- ³³ Соловьева В. А. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири. С. 175.
- ³⁴ Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. С. 614; Голуб П. А. Партия, армия и революция. М., 1967. С. 34

- ³⁵ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 155.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 239.
- ³⁷ *Соборов В. П.* Указ. соч. С. 658—671; *Харитонов В. Л.* З Історії Рад на Україні.
- ³⁸ *Харитонов В. Л.* З Історії Рад на Україні. С. 84; *Ковалев П. А.* Указ. соч. С. 95.
- ³⁹ Надо отметить, что по этому вопросу в литературе нередко встречаются разночтения. Так, С. А. Сидоренко считает, что большевики имели преобладающее влияние во многих Советах Сибири (Указ. соч. С. 82), в то время как В. А. Соловьева полагает, что это имело место лишь в Красноярском Совете и до некоторой степени в Томском (Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири. С. 167). Трудно согласиться с утверждением, что «в тех местах, где до Февральской революции существовали большевистские организации, Советы создавались под их руководством» (Очерки истории большевистских организаций на Урале. Ч. 1. С. 233).
- ⁴⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 676.
- ⁴¹ Партия большевиков Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 180.
- ⁴² *Адамов В. В.* Указ. соч. С. 43, 46.
- ⁴³ *Сидоренко С. А.* Указ. соч. С. 106.
- ⁴⁴ *Соловьева В. А.* Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири. С. 167.
- ⁴⁵ *Харитонов В. Л.* Лютнева революція 1917 року на Україні. С. 156—157.
- ⁴⁶ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 337.
- ⁴⁷ Там же. С. 338.
- ⁴⁸ В свете этого трудно согласиться с Э. Н. Бурджаловым, который полагает, что на Украине взаимоотношения Советов и общественных комитетов складывались так же, как и в других периферийных регионах страны. См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 236. Подстрочное примечание.
- ⁴⁹ В свое время в литературе была высказана мысль о том, что «революция в первой своей части в борьбе против монархии прошла на фронте бескровно и очень быстро» и «вопрос безболезненно переходил в плоскость исключительно борьбы за новое строительство жизни народа, т. е. фактически к борьбе политических партий» (*Зайончковский А.* Кампания 1917 г. М., 1923. С. 32).
- ⁵⁰ См.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской историографии. М., 1970. С. 96—97.
- ⁵¹ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 161.
- ⁵² В этой связи трудно принять тезис Э. Н. Бурджалова, который полагает, что одной из причин более быстрой победы Февральской революции в промышленном центре России было отсутствие здесь сопротивления буржуазных националистов (Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 191). Последние в своем большинстве солидаризировались с революцией, имея в виду использовать ее в своих классово-политических расчетах.
- ⁵³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине: Сб. документов и материалов. Киев, 1957. Т. 1. С. 161; Большевистские организации Украины, Март—ноябрь 1917 г.: Сб. документов и материалов. Киев, 1957. С. 912; и др.
- ⁵⁴ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 225. Подстрочное примечание.
- ⁵⁵ *Адамов В. В.* Указ. соч. С. 49—52.
- ⁵⁶ Там же. С. 49.
- ⁵⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.
- ⁵⁸ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Киев, 1957. Т. 1; Октябрь в Екатеринославе. Днепрпетровск, 1957; Борь-

ба за власть Советов в Донбассе. Сталино, 1957; Борьба за Советскую власть на Южном Урале. Челябинск, 1957; Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию. Новосибирск, 1957; Борьба за власть Советов на Дону. Ростов н/Д, 1957; Победа Великой Октябрьской революции в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Ташкент, 1967. Т. 1; 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957; и др.

⁵⁹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; Борьба за победу Радянської влади на Україні. Київ, 1957; Харьков в 1917 году. Харьков, 1957; Октябрьская революция и гражданская война в Туркестане. Ташкент, 1957; Выросли в пламени. Саратов, 1957; и др.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX в. (Историография вопроса)

В. В. Поликарпов

Дореволюционная русская историография не освещала развитие современного ей государственного хозяйства. Это предопределялось прежде всего отсутствием в распоряжении историков серьезных источников, строгостью цензурных условий. «Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность,— писал Ленин,— интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику „все равно“ „не велено пущать“ за кулисы...»¹. Что касается казенной промышленности, то оглашение не только сведений, характеризующих состояние отдельных заводов, но даже суммарных данных по отраслям Военное министерство считало «совершенно недопустимым»².

В теоретическом наследии В. И. Ленина нет произведений, посвященных рассмотрению государственного производства вооружения. Однако еще в дореволюционное время он высказал чрезвычайно глубокие мысли, непосредственно относящиеся к рассматриваемому вопросу, причем значение их возрастает по мере развития конкретно-исторического изучения проблемы в наши дни.

Развитие казенных военных заводов в начале XX в. происходило в условиях перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. Обращаясь за займами за границу, писал В. И. Ленин, русское правительство не может «обойти» военно-промышленные монополии. «Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д... Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу». При такого рода сделках, цитирует В. И. Ленин статью берлинского обозре-

вателя. «почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки»³.

Русское правительство старалось держать подобные сделки в тайне и опровергало сообщения о них, появившиеся иногда в печати⁴. В секретных же документах различных ведомств нашел отражение постоянный нажим со стороны французского правительства, перед которым царизм устоять не мог. Занимая за границей деньги, правительство России заказывало французским монополиям вооружение по заведомо завышенным ценам⁵. Мировая печать в 1912—1914 гг. освещала конкурентную борьбу между-народных монополий из-за военных заказов русского правительства, из-за «жирных концессий» на переоборудование Пермского пушечного завода и постройку нового оружейного завода в Царицыне. Сквозь цензурные условия, В. И. Ленин не мог воспользоваться этими примерами и «был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом» и «формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громадной осторожностью, намеками»⁶. Тем не менее В. И. Ленин отметил роль постоянных поставщиков вооружения русскому правительству, таких, как Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии.

В. И. Ленин показал существенные особенности государственного (в том числе и военного) хозяйства, подчеркнул значительную обособленность сферы военного производства от процессов, происходящих на «вольном» рынке, необходимость учитывать своеобразие «особого вида народного хозяйства», каким являлось производство вооружения по казенным заказам, особенности, способствовавшие закреплению в нем «традиций старины»⁷⁻⁹.

Изучение российской казенной военной промышленности периода империализма началось в 20-х годах. Появившиеся в то время первые труды военных — практиков боевого снабжения армии предназначались по большей части для узкого круга специалистов¹⁰. Автором трехтомника «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.» был А. А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) в 1915—1917 гг. При его жизни в 1920 г. вышла первая часть работы (о производстве ружей, пулеметов и патронов), подготовленная к печати Военно-исторической комиссией. В 1922—1923 гг. Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн выпустила посмертным изданием остальные две части этого труда, посвященные производству орудий и снарядов. Та же комиссия в 1926 г. издала книгу бывшего начальника Управления полевого генерал-инспектора артиллерии (Упарт) Е. Э. Барсукова «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении», содержащую по сравнению с трудом А. А. Маниковского некоторые дополнительные данные. Для слушателей Военной академии РККА в 1925 г. был издан курс «Ар-

тиллерийское снабжение», прочитанный бывшим начальником хозяйственного отдела ГАУ Е. К. Смысловским. В 1928 г. Высший совет народного хозяйства издал работу бывшего начальника 2-го отдела технических артиллерийских заведений ГАУ В. С. Михайлова «Очерки по истории военной промышленности», а Штаб РККА — новую книгу Е. З. Барсукова «Работа русской промышленности на боевое снабжение армии в мировую войну». Появился и ряд других трудов, посвященных деятельности военно-хозяйственных органов накануне и во время первой мировой войны¹¹.

В названных трудах был в основном учтен доступный в то время исследователям круг источников. А. А. Маниковский сумел, например, воспользоваться некоторыми материалами Верховной следственной комиссии, подбиравшей в 1915—1916 гг. данные для обвинения бывшего военного министра В. А. Сухомлинова и его ближайших сотрудников в неправильном руководстве подготовкой к войне. В «Боевом снабжении» имеются также ссылки на архивные дела из фондов ГАУ, Упарта и дежурного генерала Ставки, Главного управления заграничного снабжения, на журналы Особого совещания по обороне и его подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. Е. З. Барсуков, сверх того, чем располагал Маниковский, использовал некоторые дела из фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), мемуары бывшего начальника канцелярии Военного министерства и помощника военного министра А. С. Лукомского, дневник помощника военного министра (1906—1912 гг.) и военного министра (1915—1916 гг.) А. А. Поливанова, публикации «Красно-го архива» и другие источники. Тем не менее предпринять систематическое выявление источников в архивах в те годы не было возможности, так что исследование военной промышленности, писал Е. З. Барсуков, «за ненахождением необходимых материалов мне пришлось отложить»¹².

Авторам первых работ по данному вопросу во многом помогло их личное знакомство с деятельностью дореволюционных военно-хозяйственных органов. Но это же создавало и определенные затруднения. Е. З. Барсуков признавался, что ему, как участнику описываемых событий, трудно было сохранить объективность¹³.

Большое влияние на освещение истории казенной военной промышленности в работах не только Е. З. Барсукова, но и ряда других историков и экономистов оказала позиция А. А. Маниковского. В отличие от Барсукова, Маниковского не волновали опасения впасть в субъективизм: «Все обвинения ГАУ относятся к периоду, когда я не был начальником его; с моего же вступления в эту должность начался период значительного улучшения боевого снабжения армии, почему прибегать к пристрастному освещению деятельности ГАУ в целях самооправдания у меня нет никаких оснований»¹⁴. Однако удержаться «па почве беспристрастия» было нелегко. Указанная Маниковским веха —

день его вступления в должность начальника ГАУ — разделила освещение деятельности этого учреждения на две неодинаковые по подходу полосы: до 27 мая 1915 г. — со слабостями и просчетами артиллерийского ведомства, которых, по мнению автора, оно могло бы избежать; и после 27 мая, когда «вся ответственность» за наиболее крупные просчеты, «как юридическая, так и моральная», лежит уже не на ГАУ, а на ГУГШ, Упарте и других государственных органах¹⁵.

Пристрастность автора ни в чем, может быть, не сказывается так ярко, как в характеристике особенностей и значения казенного, подведомственного ГАУ, производства вооружения по сравнению с частным (а она занимает в книге едва ли не центральное место) и в оценке правительственных мер в отношении казенных заводов. Описывая их состояние, А. А. Маниковский подчеркивает слабость казенной военной промышленности, признанную задолго до мировой войны, и утверждает, что строительство новых заводов «удалось двинуть наконец» будто бы лишь после смены начальника ГАУ¹⁶. Эта тенденция («уклон в сторону ГАУ», как именoval ее не совсем точно Е. З. Барсуков¹⁷) повлияла и на истолкование ряда важных документов, введенных в оборот А. А. Маниковским.

Тем не менее значение работы А. А. Маниковского весьма велико. В литературе уже отмечалось, что содержащийся в ней (как и в книге Е. З. Барсукова) богатый фактический материал был впоследствии широко использован историками¹⁸. Не менее существенно и то, что А. А. Маниковскому принадлежит и обстоятельное обоснование некоторых идей, получивших затем развитие в научной литературе, в частности объяснение разногласий между сторонниками казенного и частного производства вооружения. Получила признание энергично проведенная А. А. Маниковским мысль о том, что в борьбе между казенной и частной промышленностью все правительственные органы стояли на стороне частных предпринимателей (и против ГАУ). А. А. Маниковский утверждал, что ГАУ, стремясь развить казенное производство на подведомственных ему заводах, не встречало сочувствия в правительственных кругах. По его словам, проявившееся в этом влияние монополий на государственный аппарат было столь велико, что начальники артиллерийского и других главных управлений «оказались связанными по рукам и ногам» и только «с величайшими затруднениями» могли «кое-как влиять» на ход снабжения армии. Вместо того чтобы держать военно-промышленных дельцов в своих руках, «военному ведомству пришлось самому попасть в их цепкие лапы и сыпать в их ненасытную и бездонную утробу сотни миллионов». Обобщая свои впечатления, Маниковский указывал, что в политике заводского строительства «ярко сказалось могущественное влияние на наш правительственный аппарат частной промышленности и банков, державших ее в кабале»¹⁹. В подтверждение этой мысли А. А. Маниковский цитировал постановления правитель-

ства, свой официальный доклад на имя военного министра, ссылаясь на конкретные факты из истории разных отраслей военной промышленности и из деятельности точно указанных государственных органов.

Критические выводы и систематизированный А. А. Маниковским материал в совокупности создавали убийственную картину бюрократизма, косности и продажности военно-чиновничьего аппарата самодержавия. Сильной стороной труда А. А. Маниковского были конкретные примеры, подтверждавшие общую мысль о преимуществах централизованного государственного промышленного производства по сравнению с частным. Привлекали внимание те места книги А. А. Маниковского, где он популяризировал идею о возможности регулировать цены при помощи казенных заводов, а также его полемика с банковскими дельцами и металлзаводчиками, корыстно выступавшими против строительства казенных военных заводов²⁰.

Но значение указанного труда в историографии, несомненно, определялось не только приданным ему автором разоблачительным характером. Нельзя не отметить широту и реализм некоторых обобщений А. А. Маниковского. Итогом его размышлений было заключение о том, что неудовлетворительность боевого снабжения — это факт неоспоримый, но было бы грубой ошибкой всю вину за неудачи свалить на одно только снабжение, ибо истинные причины поражений царской армии кроются в «общих условиях», а недостаток боевого снабжения «являлся лишь частичным проявлением этих условий, как неизбежное их следствие»²¹.

Так же рассуждал и Е. З. Барсуков. В изданной в 1926 г. работе он делал вывод, что в 1900—1914 гг. «само по себе ни бывшее артиллерийское ведомство, ни даже вообще военное ведомство царского правительства далеко не властно было своевременно усилить артиллерию». Однако если А. А. Маниковский, изображая бессилие своего ведомства преодолеть влияние банков и монополий, «угнетавших» казенную военную промышленность, стихийно склонялся к объяснению действий государственных органов материальными и даже социальными факторами, то Е. З. Барсуков усматривал корень зла в том, что верхи царской армии «не предусматривали» грандиозных масштабов войны и «не учли» значения экономики для современной войны, а разные ведомства не сумели объединить свои усилия²², проявив поразившее рецензента его работы «легкомыслие»²³.

В 20—30-х годах труды старых специалистов находили применение в деятельности соответствующих советских органов. В 1928—1930 гг. Штабом РККА было предпринято переиздание труда А. А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии», сопровождавшееся его существенной переработкой. Во вступительной статье, подписанной начальником снабжений РККА и бывшим начальником ГАУ, членом РВС СССР П. Е. Дыбенко, отмечалось, что ряд вопросов поставлен автором «с большой

смелостью и с большим даром предвидения». Признавалось, что «издаваемый труд А. А. Маниковского... является очень ценным и для настоящего времени»²⁴. Е. З. Барсуков свидетельствовал, что спрос на труд А. А. Маниковского «не только остается большим, но и увеличивается в связи с все более и более расширяющимся интересом к вопросам обороны СССР» и потребностью учесть «грандиознейший опыт войны, пережитый старой Россией...»

По его словам, «авторы, работающие в печати над вопросами снабжения и военной экономики, много заимствуют из труда А. А. Маниковского»²⁵. В 1937 г. работа А. А. Маниковского была издана в третий раз — в серии «Библиотека командира».

Несмотря на появление в 20-х годах работ, затрагивавших те или иные стороны развития казенной военной промышленности, сама проблема еще только начинала вырисовываться. Это можно видеть из суждений, высказанных в печати в 1930 г. В статье «Государственная промышленность», помещенной в 1-м издании БСЭ, существование в начале XX в. казенной военной промышленности, заслуживающей самостоятельного изучения, по существу, вовсе не признавалось. Утверждалось, что до революции «типичными формами» промышленности в России были лишь «частнокапиталистическая и мелкая докапиталистическая» промышленность. Что же касается казенных военных заводов (и других государственных предприятий), то они «являлись исключением» и возникали под влиянием каких-то «особых специфических причин», причем «вся внутренняя структура их по существу ничем не отличается от структуры частнокапиталистических предприятий»²⁶. Подобные выводы не опирались на специальное изучение вопроса и не ориентировали исследователей на такое изучение.

Одновременно вышел в свет учебник для вузов «История русского народного хозяйства» П. И. Лященко. Не выделяя специально казенное военное производство, П. И. Лященко писал о государственной промышленности в целом, что в ее развитии с 90-х годов XIX в. усматриваются черты последовательной, чисто буржуазной государственной экономической политики. Одновременно автор оговаривался, что это направление экономической политики «все же так и не получило совершенно законченных буржуазно-капиталистических форм, сохранив по-прежнему двойственность и остатки феодально-помещичьей политики». Но, как бы споря с собой, П. И. Лященко тут же снова заявлял противоположное: государственное хозяйство еще в 90-х годах получило «законченное буржуазно-капиталистическое выражение». Противоречивость суждений П. И. Лященко объяснялась, видимо, неузученностью вопроса. Автор считал, что «подробное рассмотрение этого государственного хозяйства не может входить в наши задачи... тем не менее для рассматриваемой эпохи его нельзя обойти молчанием»²⁷. Включив в свой учебник небольшой раздел «Государственное хозяйство»,

П. И. Лященко, по сути дела, впервые определенно выдвинул задачу изучения истории казенной промышленности.

Появление первых профессиональных исследований по истории военной промышленности начала XX в. приходится на 40-е годы.

В 1948 г. вышло в свет новое издание учебного пособия «История народного хозяйства СССР» П. И. Лященко, второй том которого содержал обширный новый материал о развитии казенной (в частности, военной) промышленности в период империализма. П. И. Лященко считал ее государственно-капиталистической и отмечал общее усиление к началу XX в. государственного хозяйства и государственного капитализма в России, в результате чего эта сфера экономики «стала не простым бюрократическим привеском в управлении страной, а являлась источником доходных статей в государственном бюджете и в государственных финансах»²⁸. Такая характеристика соответствовала считавшейся в конце 40-х годов максимально допустимой оценке степени государственного вмешательства в экономику (из экономических функций функций эксплуататорского государства тогда признавалось лишь собирание налогов). Но и эта осторожная попытка снова затронуть вопрос о роли государственного хозяйства встретила несогласие: рецензенты упрекали П. И. Лященко за то, что в книге «явно преувеличивается» роль государственных предприятий²⁹.

Определение казенной военной промышленности как государственно-капиталистической не вызвало возражений, хотя термин этот вводился П. И. Лященко без теоретического обоснования (ранее он применялся в том же понимании в дореволюционной публицистике³⁰, а в довоенной советской научной литературе — в значении, близком к современному термину «государственно-монополистический капитализм»), несмотря на существенные ограничения понятия «государственный капитал» в «Капитале» К. Маркса³¹. Вместе с тем наличие в книге П. И. Лященко специальных разделов о государственном хозяйстве и экономической политике царского правительства свидетельствовало о том, что советская историография российского империализма приступила к разработке вопроса о значении государственного вмешательства в экономику как средства экономической политики³².

Дальнейший шаг вперед был сделан П. И. Лященко в 1950 г. при новом переиздании его труда, получившего к тому времени статус авторитетнейшего учебного пособия и отмеченного Государственной премией СССР. При переиздании разделы о государственном хозяйстве подверглись переработке, означавшей по существу преодоление утвердившегося в полемике 1948—1949 гг. норматива: П. И. Лященко рассматривал теперь государственное хозяйство не только как аппарат для сбора налогов и пополнения казны, но и как «мощное экономическое оружие в системе абсолютизма». По мнению П. И. Лященко, наличие в распоряжении царизма собственных предприятий усиливало его и полити-

чески, и экономически³³, позволяло держать важнейшие отрасли промышленности в своих руках, а буржуазию — в подчинении и зависимости, делая ее союзником в «самых реакционных социально-экономических начинаниях».

П. И. Лященко дал и свою оценку удельного веса казенных предприятий в военной промышленности. В отличие от более развитых капиталистических стран с сильной частной военной промышленностью в России «преобладающая часть предметов боевого снабжения» производилась не на частных, а на казенных заводах. Даже после военных поражений 1915 г., когда обнаружился катастрофический недостаток боевого снабжения, правительство далеко не сразу решило более широко привлечь к работе на оборону частную промышленность, в то время как только она «могла развить свои производительные силы в должных размерах для снабжения армии». Что же касается казенной промышленности, то она была предметом особых забот казенных ведомств. Существование сильной государственной промышленности, как считал П. И. Лященко, было «не в интересах финансово-монополистического и банкового капитала и промышленной буржуазии, которая всегда протестовала против „казенного строительства“»³⁴.

На этот раз внимание П. И. Лященко к истории казенного хозяйства было встречено с одобрением. Рассмотрение истории финансов в связи с общим развитием государственного хозяйства расценивалось как крупное достоинство труда. Рецензент издания признавал, что автор «убедительно показывает крупную роль государственных предприятий... в системе русского монополистического капитализма», их «важную роль в развитии экономики страны»³⁵. Правда, в объяснении причин, побуждавших царизм ориентироваться на преимущественное развитие казенного производства вооружения, П. И. Лященко впал в противоречие, ссылаясь на слабость и неразвитость частной промышленности³⁶ и одновременно на ее силу (способность «развить свои производительные силы в должных размерах»). Но в целом подход к этому вопросу с точки зрения борьбы классовых интересов намечал путь для дальнейшего плодотворного изучения проблемы.

Историографическое значение труда П. И. Лященко можно лучше понять в свете судьбы другого крупного исследования по истории русской военной экономики в 1914—1917 гг. Речь идет о докторской диссертации А. Л. Сидорова (1943 г.). Взгляд А. Л. Сидорова на социальную природу казенной промышленности, изложенный в этом труде, во многом совпадал с приведенными выше оценками П. И. Лященко. Рассмотрев программу строительства новых казенных заводов во время первой мировой войны, А. Л. Сидоров писал, что «реакционный характер подобных программ» вытекал из стремления правительства «упрочить отживший строй», «обеспечить себе независимость от буржуазии в деле военного производства, с тем чтобы не дать ей возможности путем экономического давления добиться политических

уступок»³⁷. А. Л. Сидоров показал, что во время войны строительство казенных военных заводов приобрело небывалый размах: расширялись старые и создавались десятки новых предприятий, причем с постройкой новых артиллерийских заводов, наметенной в виде специальной программы, эта отрасль казенного хозяйства должна была по меньшей мере утроиться. Резюмируя материал о деятельности Особого совещания по обороне, А. Л. Сидоров отмечал, что оно дало «сильнейший толчок» расширению государственного производства вооружения; «развитие казенных заводов во время войны было наиболее сильным»³⁸. В книге³⁹ еще сохранялись следы прежнего взгляда автора, выраженного в его более ранних трудах («в процессы производства государство не вмешивалось»; «„огосударствление“ экономических функций самодержавием было сделано чрезвычайно незначительно» и т. п.)⁴⁰. Но с таким представлением уже расходился обобщаемый по-новому материал, что свидетельствовало о назревшем сдвиге в понимании А. Л. Сидоровым роли государственного аппарата царизма, характера его воздействия на военную экономику.

Между тем вопрос этот в теоретическом плане привлек к себе повышенное внимание историков в связи с дискуссией 1947—1948 гг. о возможных для буржуазного государства пределах вмешательства в экономику⁴¹. Дискуссия была свернута после выступлений в печати ряда экономистов, предложивших руководствоваться в данном вопросе старой формулой: государство — это институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат сбора налогов; хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Не отрицая очевидных фактов, говорящих о прямом вмешательстве государства в экономику (например, создание государственных заводов), сторонники этой точки зрения утверждали, однако, что подобные явления характеризуют лишь «внешнее развитие». «Существо» же проблемы они сводили к тому, что империалистическое государство не только не имеет в своих руках хозяйства, а само находится в руках стихийного капиталистического хозяйства. Особенно недопустимым признавалось так или иначе «противопоставлять» частное предпринимательство государственному капитализму⁴².

Такой исход дискуссии на время повлиял на дальнейшее изучение проблемы⁴³. Что касается новых данных, полученных А. Л. Сидоровым, то их публикация затормозилась⁴⁴. Глава монографии, содержащая часть собранного им свежего материала о фактическом ходе строительства казенных военных заводов по программе артиллерийского ведомства, появилась в печати в 1955 г. Но здесь бездоказательно и даже в противоречии с тут же приведенными фактическими данными о действительном ходе строительства эта программа характеризовалась как плод утопического прожектерства⁴⁵. Тем не менее значение этой работы А. Л. Сидорова весьма велико: это было первое историческое

исследование специально по вопросу о развитии казенной военной промышленности в период империализма⁴⁶.

Насколько незыблемым оставалось в 50-е годы представление о «могущественном влиянии» заводчиков и банкиров, умевших использовать государственный аппарат для «всяческого угнетения» казенных военных заводов (А. А. Маниковский), показывает развитие этой концепции в работах А. П. Погребинского и И. В. Маевского. «Робкие попытки» царского правительства расширить казенную военную промышленность, по словам Погребинского, потерпели «провал», что объяснялось политикой монополистической буржуазии: «Как только в буржуазную печать проникали сведения о готовящемся дооборудовании казенных заводов, магнаты капитала требовали от царского правительства отмены этого решения». По указке Путиловых и Вышнеградских торгово-промышленное ведомство накануне войны «выступило против принятия программы расширения казенных заводов, и это мероприятие было сорвано»⁴⁷. Как считал И. В. Маевский, была провалена и та программа заводского строительства, которая разрабатывалась во время войны⁴⁸. А. П. Погребинский не приводит каких-либо источников в подтверждение выводов о «провале» и «срыве» программ строительства казенных заводов. И. В. Маевский же называет источники своих сведений по некоторым из «проваленных» объектов, и это позволяет убедиться, что реальной их основой является в лучшем случае тенденциозное истолкование документов.

Так, обнаружив в делах Особого совещания по обороне копию представления Военного министерства в Думу о кредите на постройку воронежского завода взрывателей⁴⁹, И. В. Маевский делает из этого вывод, что проект Думой «не был по существу принят к рассмотрению»⁵⁰, хотя источники не дают оснований для такого заключения. Сообщая, что Министерство финансов «отказало в выделении ассигнований» на строительство алюминиевого завода, автор сослался на несуществующий источник⁵¹. А на деле 14 октября 1916 г. министр финансов сообщил Военному министерству, что «не встречает со своей стороны препятствий» для проведения соответствующего законопроекта⁵². Совет министров, пишет далее, ссылаясь на тот же источник, И. В. Маевский, «не удосужился» рассмотреть проект этого завода. В действительности же он рассматривался дважды (22 июля и 16 ноября 1916 г.), причем Совет министров признал дело «исключительно срочным» и немедленно отпустил на строительство первые 4 млн. руб., вписав их в виде «условного» (т. е. спешного) кредита в бюджет 1917 г.⁵³

По сравнению не только со специальной статьей о программе заводского строительства А. Л. Сидорова, но и с работой 1928 г. Е. З. Барсукова книга И. В. Маевского делала шаг назад. Не оспаривая точки зрения, согласно которой военная промышленность России работала не на рынок, а по заказам казны⁵⁴, И. В. Маевский обнаружил «появление в период войны нового

рынка, не свойственного периоду мирного времени». «Рынком сбыта новой продукции,— пишет он,— являются в условиях войны армия и флот». По мысли автора, военные условия «внесли лишь внешние различия», тогда как существо рыночного хозяйства не изменилось («меняется лишь ассортимент выпускаемой продукции», но «не меняется ее товарная форма»). Поэтому излишне «заниматься изучением этой стороны вопроса, которая ничего принципиально нового не вносит»⁵⁵.

В 1957 г. бюро Отделения исторических наук АН СССР утвердило составленную Институтом истории записку «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма)». В ней обращалось внимание на актуальность изучения истории военной промышленности; к числу узловых вопросов социально-экономической истории России было отнесено развитие государственного хозяйства, а также совокупность проблем, связанных с экономической политикой царизма, изучение которой, как было сказано в записке, до сих пор не начато⁵⁶.

С 60-х годов начался новый этап в разработке данной проблемы. Развитию казенных заводов уделено значительное место в книге М. П. Вяткина «Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг.» (М.; Л., 1965); судьба морских заводов освещена в монографии К. Ф. Шаццло «Русский империализм и развитие флота» (М., 1968). Заводы артиллерийского ведомства изучались В. Н. Ашурковым, Ю. Ф. Субботиным, В. А. Суховым и другими. Все эти исследования положили начало систематическому освоению источников, наметили пути решения ряда наиболее трудных в теоретическом и методическом отношении вопросов.

Один из них — оценка масштабов казенного военного производства в рассматриваемое время. Интерес к этому вопросу появился еще в конце 50-х годов, когда ставилась задача выяснить удельный вес государственного капитализма в целом «как общественно-экономического уклада по сравнению с другими укладами, существовавшими в царской России»⁵⁷. Попытку решить эту задачу статистическими методами применительно к казенной военной промышленности предпринял А. Л. Вайнштейн⁵⁸. Его подсчет дал цифру 140 млн руб., включавшую стоимость построек и инвентарного имущества, а также материалов, полуфабрикатов и готовой продукции на заводах Военного и Морского министерств на 1 января 1914 г. Эта сумма оказалась сильно преуменьшенной⁵⁹ и, кроме того, не включала группу военных заводов, состоявших в ведении Горного департамента⁶⁰. Источники и методику исчислений А. Л. Вайнштейн раскрыл лишь в общих чертах. Вычислив стоимость основного капитала, приходившуюся на одного рабочего в металлообрабатывающей промышленности в 1908 г., он использовал эту величину в качестве коэффициента для того, чтобы, исходя из ориентировочного подсчета численности рабочей силы, занятой на заводах военного и морского ведомств к концу 1913 г., определить возможную стои-

мость их имущества. При этом автор не пояснил, какие у него имелись основания считать избранный им коэффициент применимым, несмотря на разные условия конъюнктуры и занятости в 1908 и 1913 гг.⁶¹

Таким образом, в литературе до сих пор отсутствуют надежные данные о состоянии казенной военной промышленности (как, впрочем, и других отраслей государственного производства), а общие оценки места и роли казенных предприятий в производстве вооружения резко расходятся. Согласно одной точке зрения, казенные заводы «являлись основой боевого снабжения русской армии»⁶². Частное же производство играло «меньшую роль», а специализированных военных частных предприятий в России «вовсе не существовало»⁶³.

Другая точка зрения состоит в том, что все важнейшие военные предприятия контролировались банковскими монополиями, вооружение изготовлялось «главным образом частной промышленностью», а казенная выпускала только винтовки и пулеметы да «в известной степени» винтовочные патроны⁶⁴. При этом как бы сбрасывается со счетов существование таких важнейших предприятий военной промышленности, как казенные Пермский пушечный, Петроградский трубочный, Обуховский сталелитейный, пороховые и многие другие заводы. Обращает на себя внимание и то, что подобные взаимоисключающие оценки, как правило, не подкрепляются конкретными данными.

По вопросу о характере развития государственного производства вооружения одно время существовал взгляд, будто накануне первой мировой войны оно свертывалось под давлением монополистических финансовых групп. По мнению И. Ф. Гиндина, российский государственный капитализм получил наибольшее развитие в 90-х — начале 900-х годов (до революции 1905—1907 гг.), после чего хозяйственная деятельность казны усиливалась только в области железнодорожного транспорта и кредита, а по отношению к производству предметов железнодорожного и военного назначения казна выступала лишь как «крупнейший потребитель продукции»⁶⁵. При решении более частных вопросов не всегда учитываются данные о состоянии казенного производства в военном судостроении; считается, что к началу мировой войны военно-морские заказы за много лет вперед удалось захватить двум финансовым группам, объединившим основные частные заводы⁶⁶. В отношении казенных горных заводов высказывалось мнение, что правительство, не сумев преодолеть их убыточность, «пошло по компромиссному пути» и к 1914 г. «почти половину» из них «было вынуждено закрыть или продать» и что после революции 1905—1907 гг. происходил «упадок казенной горнозаводской промышленности, распад которой создавал почву для роста мелкого производства»⁶⁷.

Для другой позиции характерно признание недостаточности казенного производства вооружения для осуществления империалистической экспансии царизма, но при этом учитываются и

факты, говорящие о росте данной области производства накануне и особенно во время мировой войны. Тенденция роста наиболее ясно прослежена именно на материале военных лет. А. Л. Сидоров, как уже говорилось, пришел к выводу о существенном расширении производства на государственных военных предприятиях. Указывая, кроме того, на острый характер борьбы между монополистическими группировками и правительственными органами по вопросу о секвестре Путиловского и Царицынского заводов, А. Л. Сидоров утверждал, что, взяв эти заводы себе, правительство «решило вопросы, государственная целесообразность осуществления которых была давно ясна»⁶⁸. Значение этого факта чрезвычайно велико для характеристики тенденции к огосударствлению военного производства, так как проведенная мера непосредственно затрагивала интересы двух самых мощных международных финансовых групп, связанных с военной промышленностью России⁶⁹.

Та же тенденция отмечена в специальных работах об уральской горной промышленности. Было установлено, что в 1906—1917 гг. на Урале «ни один казенный завод не был передан в частную эксплуатацию», т. е. правительство на деле не встало на путь «компромисса», а твердо шло по «пути, намечившемуся в 70—80-х годах XIX в.», отвергая предложения о передаче своих заводов в частные руки⁷⁰. В 1915—1916 гг. удельный вес частных заводов в производстве чугуна снизился, а казенных — соответственно возрос. Казенные заводы Урала, писал С. А. Залесский, в течение первого года войны «значительно расширили выработку проката», а «некоторое временное сокращение производства на втором году войны» (в абсолютном измерении) объяснялось их дополнительной перестройкой с целью дальнейшего расширения, тогда как частные заводы довольно быстро деградировали⁷¹. Общая картина роста казенных предприятий военной промышленности пока, однако, не сложилась.

Социальная природа казенного производства вооружения характеризуется в литературе как государственный капитализм. Разные мнения высказаны лишь об особенностях данной разновидности капитализма, которая одними авторами определяется как «особый, своеобразный вид хозяйства», отличающийся от «чисто капиталистического уклада»⁷², другими — либо как капиталистические предприятия «особого рода», либо как однородные с частнокапиталистическими, но отличавшиеся отсталостью и «заскорузлостью», хотя и это отличие постепенно исчезало⁷³. Разногласие возникло лишь в отношении уральских заводов. Аргументируя оценку их как капиталистических, М. П. Вяткин писал, что они «строились на основе наемного труда, т. е. были организованы капиталистически»⁷⁴. Возражая ему, Д. В. Гаврилов указал, что свободный наем сочетался на Урале с «обязательственными отношениями» между казной и рабочими этих заводов, с отработками и другими «остатками крепостничества», и на этом основании пришел к выводу, что эволюция казенных

заводов Урала в сторону капитализма продолжалась до 1917 г., но так и не завершилась. Тем самым Д. В. Гаврилов внес в свое определение этих заводов как государственно-капиталистических оттенков условности. По его мнению, в начале XX в. на Урале еще не закончилась полностью смена крепостнических отношений капиталистическими⁷⁵. В. Н. Ашурков, оценивая до-реформенные казенные заводы как своеобразное проявление «государственного феодализма», подобно М. П. Вяткину, связывает превращение их в государственно-капиталистические с реорганизацией производства на началах вольного труда. Не раскрывая этого положения, автор отсылает читателей к одному из исследований П. А. Зайончковского⁷⁶, но там постановка вопроса о государственно-капиталистическом характере производства вовсе отсутствует. Вопрос о роли «обязательственных» отношений в казенной промышленности Урала в XX в. получил частичное освещение в книге М. П. Вяткина, система же отработок и другие элементы аграрного аспекта проблемы в целом остаются, по существу, едва затронутой историками темой⁷⁷.

Но этим не исчерпываются трудности, связанные с определением социальной природы тех или иных отраслей казенной военной промышленности. Капиталистическое производство, как известно, является производством прибавочной стоимости. Признавая предприятия военного, морского и горного ведомств капиталистическими, литература указывает на существование и иных, внеэкономических критериев оценки казенного производства. Так, М. П. Вяткин допускал, что успешность деятельности казенных горных заводов оценивалась в зависимости от приносимых прибылей (или убытков). И все же, по его мнению, дело «не сводилось только к коммерческой стороне». Ссылаясь на пример ряда заводов, он утверждал, что смысл их существования как казенных предприятий определялся в глазах правительства не столько соображениями рентабельности, сколько установками экономической политики⁷⁸. Более категорически эту мысль формулирует Д. В. Гаврилов: эффективность производства на казенных заводах определялась, по его мнению, не экономической выгодностью, рентабельностью, а необходимостью данной продукции для нужд военного и других казенных ведомств. С точки зрения Д. В. Гаврилова, уральская казенная промышленность функционировала «не на основе традиционного закона получения капиталистической прибыли»⁷⁹. Тот же принцип действия казенных заводов выявлен исследованиями о промышленности артиллерийского ведомства: правительство «зачастую теряло из поля зрения экономическую сторону» работы своих предприятий, которая «всецело определялась политической обстановкой и развитием самой военной техники», и проявляло «безразличие к рентабельности производства и улучшению экономических показателей»⁸⁰. Администрацию заводов морского ведомства (Адмиралтейского и Ижорского) также «совершенно не интересовала стоимость и прибыльность того или иного заказа,— пишет

К. Ф. Шацилло, — поскольку и прибыль и убытки относились на счет морского ведомства». Такие понятия, как доходность, себестоимость, прибыль, были неизвестны руководителям казенных заводов. Да и само правительство видело цель существования казенных заводов «не в погоне за прибылью — этом главным стимуле всякого частнокапиталистического производства»⁸¹. По наблюдениям И. Ф. Гиндина, государственные заводы могли снижать цены, не только не считаясь с себестоимостью изделий, но даже не имея о ней точного представления⁸².

Таким образом, государственное производство вооружения существенно отличалось от обычного капиталистического производства, при котором извлечение прибавочной стоимости является его определяющим мотивом. Исходя из этого, едва ли последовательно было бы считать, что закономерности, свойственные «чистому» капитализму, действуют и в казенном военном хозяйстве, хотя бы и в несколько иных, своеобразных формах. Конкретное преломление законов «чистого» капитализма в условиях казенного производства до сих пор не раскрыто, а без фактического обоснования мнение о второстепенном, формальном и т. п. характере выявленного в литературе «своеобразия» экономических основ государственного производства вооружения тем более не кажется единственно возможным. Другое решение уже намечено⁸³, и оно согласуется с указанием Маркса об особенностях некоторых предприятий, где хозяйство ведется в условиях капитализма «вовсе не капиталистически», а на государственный счет⁸⁴, а также с указанными выше суждениями В. И. Ленина. Вопрос о сущности различия между характером эксплуатации труда в казенной промышленности и производством прибавочной стоимости в частных предприятиях пока мало изучен.

Другая важная сторона проблемы — связь производства вооружения со своим рынком сбыта. Для капиталистического предприятия продажа продукции — обязательное звено в кругообороте капитала, без которого производство лишается цели и не приносит прибыли. По завершении процесса производства «вся товарная масса... должна быть продана», — писал Маркс. Если же это не происходит или происходит не в полной мере, то «имеет место частичная или полная потеря капитала»⁸⁵⁻⁸⁶. В этой связи необходимо рассмотреть взаимоотношения казенной промышленности со «свободным» рынком и выяснить, до какой степени сдача рыночной (гражданской) продукции заказчикам и комиссионерам напоминает превращение товарного капитала в денежный, происходящее в процессе капиталистического воспроизводства, насколько она заменяет собой отсутствующий сбыт основной продукции казенных военных заводов на свободном рынке. Между тем рынок сбыта большинства казенных заводов еще остается неизученным. Исследование деятельности морских и артиллерийских заводов показало, что в сбыте своей продукции они работали исключительно на казну и были «отключены от сферы капиталистического рынка»⁸⁷. Однако И. Ф. Гиндин отмечал, что

ввиду неравномерности и несистематичности загрузки казенных заводов заказами военного и морского ведомств их администрация стремилась «догрузить заводы выполнением частных заказов или производством рыночной продукции»⁸⁸. М. П. Вяткин, сославшись на правительственные решения о передаче в частные руки предприятий, не связанных с производством предметов вооружения, указывал, что производство предметов широкого потребления на казенных заводах сокращалось. Но, по его же данным, ни один из казенных горных заводов в частные руки так и не перешел⁸⁹. Известно, что заводы горного ведомства торговали кровельным железом, прокатом, трубами, косами, серпами и т. п., военные — изготовляли по заказам охотничьего ружья и порох, офицерские пистолеты, полуфабрикаты для кустарей-оружейников, морские — поставляли частным предприятиям специальные сорта стали.

В исторической литературе фактическая сторона дела освещена пока на единственном примере — рыночного производства (вернее, его части — сельскохозяйственных орудий и машин) Воткинского завода. Как выяснилось, для него были характерны невнимание к качеству и надежности изготавливаемых орудий (завод продавал негодные изделия, отказывался принимать их назад, не обеспечивал замену износившихся частей), непригодность к специфике крестьянского хозяйства (слишком тяжелые для одной лошади и дорогие плуги) и т. п. Как пишет А. А. Александров, ввиду недостаточной подвижности завода в коммерческом и техническом отношении он был не в состоянии тягаться не только с крупными заграничными фирмами, но и с местными кустарями и постоянно испытывал заторы сбыта⁹⁰. Эти наблюдения совпадают с другими данными как по Воткинскому, так и по прочим казенным горным заводам⁹¹, но расходятся с выводом о том, что данное производство «целиком подчинялось капризам капиталистического рынка»⁹². Термин «рынок» еще более условен и затемняет фактическое положение дела, когда применяется к сбыту казенными заводами их основной, военной, продукции.

Выводы К. Ф. Шацлло, И. Ф. Гиндина и других авторов о некоммерческом характере казенного производства вооружения, а также предложенная П. И. Лященко (1950 г.) трактовка казенных заводов как орудия экономической политики царизма, очевидно, изменяют постановку вопроса о взаимоотношениях между казенным и частным производствами. Раньше ведомственные заводы представлялись предприятиями, находящимися во власти рыночной стихии и действующими в конкурентной борьбе с монополиями на свой страх и риск, как бы независимо один от другого и без опоры вовне. Теперь центр тяжести, по-видимому, смещается с раскрытия этих взаимоотношений, внешне действительно напоминающих конкуренцию, на анализ социальной сущности государственного хозяйства и особенностей экономической политики царизма в этой области в целом, проявлявших-

ся и в положении, роли казенных заводов на рынке, и в принципах их финансирования.

При этом обнаруживаются некоторые явления, противоречащие безоговорочному включению казенного военного производства в систему государственного капитализма (сильные натуральные тенденции, отсутствие полноценного оборота капитала и др.). Для более конкретной характеристики места государственного производства вооружения в капиталистическом хозяйстве пока не хватает фактических данных. Очевидно, решающим для возникшего таким образом вопроса моментом являются формы эксплуатации рабочей силы на казенных военных предприятиях. Начало изучению этих, самых существенных, отношений положено в статьях В. В. Адамова, Н. Н. Алеврас, В. Н. Ашуркова, И. А. Баклановой, Д. В. Гаврилова, С. В. Мурзинцевой и других историков, но накопленный к настоящему времени фактический материал еще не может быть сведен в сколько-нибудь полную картину. По-видимому, пока есть основания говорить лишь о том, что государственное производство вооружения являлось частью той исторической среды, в которой шло формирование и развитие капиталистических отношений. Считать же его составной частью государственного капитализма преждевременно.

Для изучения казенного производства вооружения ныне характерны, таким образом, отказ от коренящихся в дореволюционной публицистике представлений об «угнетении» казенных заводов монополиями и об их роли обычного конкурента по отношению к частным производителям вооружения. Начался переход к изучению экономических основ государственной промышленности, а это привлекло внимание к ее рыночным связям. Остается спорной давно сложившаяся характеристика эксплуатации рабочих в казенном военном производстве, для уточнения которой нужны дополнительные фактические данные. Систематическое, источниковедчески обоснованное изучение особенностей и отличий казенного производства вооружения от частного, надо полагать, может яснее рассмотреть и черты их сходства.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 257.

² Ответ канцелярии Военного министерства на запрос Министерства торговли и промышленности в связи с проведением всероссийской фабрично-заводской переписи 1908 г. // ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72955. Л. 83 об.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 362—363.

⁴ Верно ли, «что мы приняли на себя обязательство на часть займа... сделать заказы во Францию?» — спрашивали министра финансов В. Н. Кокцова в Думе. «На это я могу прямо ответить вам — заявил он, — что... ничего подобного не было». Правда, «каждый год и даже по несколько раз в год приезжают в Россию разные господа из Парижа и говорят, что вот вы занимаете деньги и мы так охотно даем вам, что вам следовало бы поддержать заказами французскую промышленность, но на этих разговорах все и оканчивается» (Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. III созыв. Сессия 2 (Далее: ДБК III/2). СПб., 1909. Прил. к № 29. Стенограмма заседания 31 января 1909 г. С. 16. Ср.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1922. Ч. 2. С. 43).

- ⁵ См.: Всеподданнейший отчет государственного контролера (Далее: ВОГК) за 1906 год. СПб., 1907. С. 41—42; ЦГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 866; *Рома-нов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. М.; Л., 1955. С. 313—316; *Бовыкин В. И.* Из истории проникновения иностранного капитала в Россию: («Пермское дело») // Науч. докл. выпш. шк. Ист. науки. 1958. № 1; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, 1897—1914. Л., 1970. С. 119—122, 283.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 301.
- ⁷⁻⁹ Там же. Т. 3. С. 335, 601; Т. 6. С. 259; Т. 23. С. 26—27; Т. 32. С. 318—319; Т. 34. С. 173.
- ¹⁰ См.: *Барсуков Е. З.* Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. С. 1, 5, 78, 229; *В. Т.* Незанимательная арифметика // Книга и оборона СССР. 1930. № 3/4. С. 24.
- ¹¹ *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. М.; Л., 1926. Ч. 1; *Петров М.* Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. Разыскать названную книгу *В. С. Михайлова* не удалось.
- ¹² *Барсуков Е. З.* Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. С. 9—10. Из переписки Барсукова (ОР ГБЛ. Ф. 218. № 685. Л. 117 об.—119; ЦГВИА, Ф. 234. Оп. 1. Д. 23) видно, что в середине 1930 — начале 1932 г. он возглавлял работу группы специалистов, собиравшей в архивах Москвы и Ленинграда материалы для намеченного к изданию шестого тома (в пяти книгах), посвященного вопросам боевого снабжения, «Сборника документов мировой войны на русском фронте».
- ¹³ *Барсуков Е. З.* Указ. соч. С. 9.
- ¹⁴ *Маниковский А. А.* Указ. соч. М., 1920. Ч. 1. С. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 26; М., 1923. Ч. 3. С. 103.
- ¹⁶ Там же. Ч. 1. С. 61.
- ¹⁷ Точнее было бы: «в сторону ГАУ с конца мая 1915 г.»
- ¹⁸ См.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 70.
- ¹⁹ *Маниковский А. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 69, 77—78; Ч. 3. С. 158, 164, 174. Поэтому едва ли правильно считать, что Маниковский ограничился «только изложением фактов», не поднявшись «до теоретических выводов и обобщений» (*Королев А. А.* Освещение истории тульских медно-прокатных и патронных заводов (1880—1918 гг.) в советской исторической литературе // Учен. зап. Кафедры истории КПСС Тульск. пед. ин-та. 1969. Вып. 1. С. 175).
- ²⁰ См.: Экон. жизнь. 1920. 15 июня.
- ²¹ *Маниковский А. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 9.
- ²² *Барсуков Е. З.* Указ. соч. С. 196—197.
- ²³ Война и революция. 1926. № 10. С. 179.
- ²⁴ *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд./Переработан и дополнил *Е. З. Барсуков.* М.; Л., 1930. Т. 1. С. 9. См. также: Война и революция. 1930. № 10.
- ²⁵ *Маниковский А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 10, 12 (предисловие Барсукова). Ср.: *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 84—86.
- ²⁶ БСЭ. 1930. Т. 18. Стб. 308—309.
- ²⁷ *Лященко П. И.* История русского народного хозяйства. М.; Л., 1930. С. 422.
- ²⁸ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 383.
- ²⁹ См.: Вopr. экономики. 1949. № 2. С. 116; Сов. книга. 1949. № 6. С. 83; Вестн. АН УССР. 1949. № 7 (153). С. 78.
- ³⁰ См., напр.: выступления председателей Совета съездов представителей промышленности и торговли *В. В. Жуковского* в Думе и *Н. С. Авдакова* в Государственном совете: Стеногр. отчет Государственной думы II созыва. Сессия 2. СПб., 1907. Ч. 1. Стб. 927—928; Стеногр. отчет Государственной думы III созыва. Сессия 1. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 3568, 3573; Государственный совет. Сессия VIII: Стеногр. отчет. СПб., 1913. Стб. 2445. См.

- также: *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С. 217; *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 94, 96.
- ³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 112, 94, 133; Т. 46. Ч. 1. С. 452—459.
- ³² *Тарновский К. Н.* Указ. соч. С. 74.
- ³³ Эта мысль получила признание в работах ряда историков, продолживших после Лященко изучение казенного промышленного производства. См.: *Шаццлло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 210—214, *Гиндин И. Ф.* Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 116; *Он же.* Социально-экономические итоги развития Российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 73, 84; *Дякин В. С.* Из истории экономической политики царизма в 1907—1914 гг. // Ист. зап. 1983. Т. 109.
- ³⁴ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. 2-е изд. М., 1950. Т. 2: Капитализм. С. 388—389, 578, 597.
- ³⁵ Сов. финансы. 1951. № 2. С. 43.
- ³⁶ *Лященко П. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 578. Характерно, что рецензент этой книги А. П. Погребинский в последующем слабостью как раз казенных, а не частных заводов объяснял преимущественное предоставление военных заказов частным заводам. (*Погребинский А. П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 97) Ни одно ни другое мнение не подкреплялось развернутой аргументацией.
- ³⁷ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 135. См. также: *Он же.* К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы первой мировой войны // Ист. зап. 1955. Т. 54. С. 157—159.
- ³⁸ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение... С. 341, 86. Ходу строительства новых государственных заводов была посвящена специальная глава. (Там же. С. 424—449).
- ³⁹ Там же. С. 189. Ср.: *Он же.* Кризис российского империализма в период первой мировой войны: (Доклад, прочитанный в МГУ в 1949 г.) // *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 46—48.
- ⁴⁰ *Сидоров А. Л.* Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 171, 173.
- ⁴¹ Непосредственным предметом обсуждения являлась книга Е. С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (М., 1947).
- ⁴² Подробнее о ходе дискуссии см.: *Тарновский К. Н.* Указ. соч. С. 104 и др.
- ⁴³ Полемика была продолжена в 1958—1965 гг. См. ряд статей в сборниках: «Об особенностях империализма в России»; «Методологические проблемы политической экономии» (М., 1965).
- ⁴⁴ Предпринятая А. Л. Сидоровым в 1948 г. попытка издать свою работу окончилась неудачей (см.: *Тарновский К. Н.* Путь ученого // Ист. зап. 1967. Т. 80. С. 227—228). Труд был опубликован через 25 лет, посмертно.
- ⁴⁵ Ист. зап. 1955. Т. 54. С. 158.
- ⁴⁶ В 20—40-х годах появились лишь считанные статьи и научно-популярные очерки по истории некоторых из казенных военных заводов.
- ⁴⁷ *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк истории. М., 1959. С. 61; *Он же.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. С. 95—96.
- ⁴⁸ *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957. С. 69, 70, 83, 122, 180.
- ⁴⁹ ЦГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 166. Л. 24—29.
- ⁵⁰ *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 69—70.
- ⁵¹ Там же. С. 180. Ср.: ЦГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 79. В этом деле нет 31-го листа, на который ссылается автор, в нем всего 20 л.
- ⁵² ЦГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2154. Л. 13.

- 53 *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 180. Ср.: История металлургии легких сплавов в СССР, 1917—1945. М., 1983. С. 39; ЦГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 79. Л. 20; Оп. 1. Д. 39. Л. 313; Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 220 (особый журнал Совета министров); Ф. 29. Оп. 3. Д. 2154. Л. 4—5; ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 336. 383.
- 54 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 318—319; Т. 34. С. 173.
- 55 *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 100—101.
- 56 См.: *Вопр. истории.* 1957. № 9. С. 195—203.
- 57 История СССР. 1959. № 3. С. 232. Выступление В. Я. Лаверычева при обсуждении доклада В. И. Бовыкина, И. Ф. Гиндина и К. Н. Тарновского о государственно-монополистическом капитализме в России.
- 58 См.: *Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 293, 291, 312, 313.
- 59 Одну лишь незаконченную продукцию на четырех своих заводах Морское министерство оценивало к 1914 г. более чем в 130 млн. руб., а сверх того стоимость оборудования и построек лишь трех из этих заводов — в 60 млн. руб. См.: *Ист. зап.* 1979. Т. 104. С. 151, 165.
- 60 Горный департамент оценивал в 1908—1909 гг. стоимость инвентаря своих заводов в 32 млн. руб., а стоимость запасов материалов и незаконченных изделий в 23—26 млн. руб. При этом стоимость 1,8 млн дес. леса и земли не учитывалась (ДБК III/2. Прил. к № 50. Стенограмма заседания 9 февраля 1909 г. С. 35; Доклад по смете доходов и расходов Горного департамента на 1908 г. // СПб., 1908. Стб. 1416. Ср.: *ВОГК за 1907 г.* СПб., 1908. С. 109; здесь стоимость инвентаря оценена в 33—36 млн. руб.).
- 61 Надо полагать, не было возможности в каких-либо определенных цифрах выразить и технические особенности производства военных заводов с их более точным (и потому более дорогим) механическим оборудованием. Существенно и то, что не все военные заводы принадлежали к числу металлообрабатывающих; промышленная статистика 1908 г., использованная А. Л. Вайнштейном, относила их к разным группам учета: металлообработка, обработка питательных веществ, химическое, полиграфическое производство и пр. Наконец, она вовсе не располагала данными о предприятиях Военного министерства (за исключением общей численности рабочих).
- 62 Советская военная энциклопедия. 1977. Т. 4. С. 36; Советская историческая энциклопедия. 1965. Т. 6. Стб. 825; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. 2-е изд. Т. 2. С. 388—389, 578, 597; *Хромов П. А.* Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960. С. 53.
- 63 *Лившин Я. И.* Монополии в экономике России. М., 1961. С. 33. Ср., однако, с. 154, где говорится о промышленных монополиях, «державших в своих руках» военную промышленность.
- 64 *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 74; *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. С. 176—177, 61—62; *Он же.* Государственные финансы... С. 37—39.
- 65 *Гиндин И. Ф.* Государственный капитализм в России домонополистического периода // *Вопр. истории.* 1964. № 9. С. 76—77, 85, 87, 92—93.
- 66 См.: *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки... С. 172. См. также: *Большаков А. М., Рожков Н. А.* История хозяйства России в материалах и документах. М.; Л., 1926. Вып. 3. С. 131.
- 67 *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М., Л., 1965. С. 125; *Шебалдин Ю. Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. // *Ист. зап.* 1959. Т. 65. С. 166—167; *Ольховая Л. В.* К истории мелкого производства на Урале // *Вопросы истории Урала.* Свердловск, 1963. Вып. 3. С. 38—39.
- 68 *Сидоров А. Л.* Экономическое положение... С. 131.
- 69 Одним из последствий секвестра Путиловского завода было прекращение деятельности крупнейшего монополистического объединения в производстве снарядов, так называемого гранатного комитета, крайне выгодной для русско-французской финансовой группы. См.: *Торпан Н. И.*

Финансово-монополистические группировки в военной промышленности на территории Эстонии в 1911—1917 гг. // Изв. АН ЭССР. 1984. Т. 33. Обществ. науки. С. 120—123, 228—230.

- ⁷⁰ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 127.
- ⁷¹ Залесский С. А. Черная металлургия Урала в годы первой мировой войны // Ист. зап. 1956. Т. 55. С. 153, 154, 161, 163; *Он же*. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы первой мировой войны // Там же. 1959. Т. 65. С. 82, 97. См. также: Цейтлин М. А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М., 1968. С. 290—292.
- ⁷² Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX в. (1861—1904 гг.) // Вопросы истории СССР. Ульяновск, 1972. С. 82, 95; *Он же*. Уральская казенная горнозаводская промышленность — один из особых видов хозяйства дореволюционной России // Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма: Тезисы сообщений. Свердловск, 1969. С. 117, 122.
- ⁷³ Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 265, 213—214, 316—317. Встречается и полное отрицание социально-экономических различий. См.: Фальков А. М. Государственно-монополистический капитализм в военной судостроительной промышленности России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Л., 1960. С. 6.
- ⁷⁴ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 5, 268
- ⁷⁵ Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы... С. 95—97; *Он же*. Уральская казенная горнозаводская промышленность. С. 122.
- ⁷⁶ Ашурков В. Н. Предприятия военного ведомства как элемент многоукладной экономики России // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 112; Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М., 1952. С. 57.
- ⁷⁷ См.: Алеврас Н. Н. Изучение некоторых источников по истории аграрных отношений на горнозаводском Урале в свете трудов В. И. Ленина // Историкографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12. С. 31, 38; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900. М., 1985. С. 12, 138. Многолетняя дискуссия о связи рабочих с землей идет главным образом на основе изучения материалов помещичьих и частных заводов.
- ⁷⁸ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 269, 272, 125. См. также: Гиндин И. Ф. Государственный капитализм... С. 77.
- ⁷⁹ Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы... С. 106, 118, 120.
- ⁸⁰ Ашурков В. Н. Предприятия военного ведомства... С. 116—117; Субботин Ю. Ф. Военная промышленность России во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7.
- ⁸¹ Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 174—175, 216. В источниках иногда упоминается о «прибылях» казенных военных заводов, служивших будто бы даже «в помощь» государственному бюджету. В таких случаях слово «прибыль» употребляется явно не в прямом и ограниченном теоретическом смысле созвучного термина политической экономии.
- ⁸² Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в) // Ист. зап. 1980. Т. 105. С. 145.
- ⁸³ См.: Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 225, 234. Хозяйство не только горных, но и морских заводов в некоторых отношениях выдерживает сравнение с «феодальными доменами» (Шацлло К. Ф. Русский империализм, С. 219).
- ⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 262—263.
- ^{85—86} Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 267—268; Т. 46. Ч. 1. С. 379—385. Менее существенно другое звено — обращение заводов к рынку не с целью сбыта продукции, а для приобретения средств производства. Оно менее существенно для характеристики особенностей казенной военной промышленности потому, что и частнокапиталистическому предприятию в принципе не обязательно получать сырье, топливо, оборудование с рынка: не иск-

лючительным является такое положение (особенно в эпоху империализма), когда часть своего продукта, в виде средств производства, предприятия используют, не выпуская на рынок, в натуральной форме для обновления или пополнения своего постоянного капитала. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 74, 233, 569; Т. 25, Ч. 2. С. 351; Т. 26. Ч. 2. С. 540—544, 559; Ч. 3. С. 222, 223, 256, 457; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 312, 313.

⁸⁷ Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 53; Ашурков В. Н. Указ. соч. С. 116; Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы... С. 106.

⁸⁸ Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование... С. 145, 146.

⁸⁹ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 272—273, 127.

⁹⁰ Александров А. А. Сельскохозяйственное машиностроение на Воткинском казенном заводе // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981. С. 101—105, 107, 109, 113—115, 119—123.

⁹¹ См.: Вяткин М. П. Указ. соч. С. 43, 112, 115; Журнал Горного ученого комитета от 23 декабря 1905 г. Б. м., Б. г. С. 19—20; Стеногр. отчет Государственной думы III созыва. Сессия 3. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 524—526; Новое время. 1910. 6 окт.

⁹² Александров А. А. Указ. соч. С. 97—98.

ВНУТРЕННЕЕ ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIV—XVI вв. В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Л. И. Ивина

В социально-экономическом развитии государства важное место занимает процесс заселения и хозяйственного освоения его земель. Этот процесс в исторической науке получил название «внутренней колонизации». Внутренняя колонизация отличается от внешней колонизации, под которой понимается основание поселений за пределами своей страны. Как правило, внешняя колонизация в классово антагонистическом обществе связана с насильственным подчинением местного населения и захватом чужих территорий. Под внутренней колонизацией, или внутренним освоением земель, понимается освоение свободных, пустующих, обойденных при первоначальном расселении территорий. Внутренняя колонизация в самой общей форме представляется как процесс освоения и использования в хозяйственных целях земель, покрытых лесами, кустарниками, болотами и т. д., более интенсивного использования угодий, превращения этих отвоеванных у природы земель в поля, около которых располагались поселения, складывались условия, способствовавшие созданию определенного уровня культуры народа.

Изучение внутренней колонизации предполагает выяснение целого комплекса вопросов. Они рассматриваются учеными в рамках определенных периодов, для которых характерны те или иные существенные факторы, позволяющие представить этот

процесс в динамике. Независимо от времени и масштабов внутреннего освоения земель, в центре внимания историков находится население вообще и сельское, т. е. крестьянство, в частности, сыгравшее решающую роль в освоении новых земель. Внутреннее освоение земель неразрывно связано с историей крестьянской общины, являясь важным фактором ее развития. Важными в изучении внутреннего освоения земель оказываются вопросы, связанные с историей возникновения поселений — ибо их появление и является главным и наиболее ярким признаком освоения земель и создания центров феодальной эксплуатации — и с их дальнейшей судьбой, интенсивностью и масштабами включения земель в число обрабатываемых путем расчистки, возрождением пустующих и залежных земель. Все эти вопросы являются частью общей проблемы феодализма, главную роль в котором играло землевладение, особенно крупное. Оно было подлинной основой средневекового общества, создавало предпосылки для получения господствующим классом в свое распоряжение труда крестьян.

В Русском государстве, как и в западноевропейских государствах, процесс внутреннего освоения земель был длительным и сложным. Своими корнями он уходил в глубокую древность и на раннем этапе истории народа был связан с процессом образования государства и его территории. Этот многовековой процесс в истории России имел несколько этапов. Внутреннее освоение земель отчетливо прослеживается (в силу сохранившегося комплекта источников) с XIV в. и совпадает с наметившимся к этому времени процессом образования единого Русского государства.

Вопросы, связанные с освоением территории Русского государства в XIV—XVI вв., занимают большое место в русской дореволюционной и советской историографии¹. Их рассматривали многие историки, которые по-разному подходили к этой проблеме.

В середине XIX в. выдающимся русским либеральным историком С. М. Соловьевым была выдвинута идея об особой роли колонизации в истории России. Термин «колонизация», происходящий от латинского слова *colonia* — поселение, существовал в русском языке еще до С. М. Соловьева. Под ним понималось, во-первых, основание поселений в какой-либо другой стране и, во-вторых, освоение пустующих и окраинных земель, т. е. внутренняя колонизация. В западноевропейских странах процесс внутренней колонизации из-за ограниченных размеров территории проходил гораздо раньше, чем в России. Так, в Англии он был завершен к XIII в.² Более поздний по сравнению с Западной Европой процесс внутренней колонизации в России С. М. Соловьев объяснил, обратившись к обоснованию общей концепции русской истории. К объективным факторам, влиявшим на историю России, наряду с «ходом внешних событий» он отнес и географический фактор — «природу страны». Внимание С. М. Соловьева к определению роли географического фактора в развитии

русского исторического процесса было существенным шагом вперед по сравнению с его предшественниками и рассматривается в советской историографической литературе как большая заслуга историка³.

В противоположность западноевропейским странам, где «камень», горы разделяли территорию и с самого начала способствовали устойчивости государственных образований с прочными феодальными замками и городскими укреплениями, в России, по мнению Соловьева, дерево, лес, непрочные деревянные строения и городские частокотлы никого не привязывали к месту, не создавали условий для прочной оседлости⁴. Население находилось в движении, осваивало новые земли. Под процессом колонизации С. М. Соловьев понимал прежде всего мирное заселение пустых пространств вдоль течений крупных рек. Этим процессом С. М. Соловьев интересовался главным образом в связи с изучением роста государственной территории России. Он, в частности, писал, что «государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно процессом колонизации...»⁵.

В представлении С. М. Соловьева процесс колонизации протекал в условиях борьбы с «азиатцами», «леса» со «степью», под которой понималась длительная борьба русского народа с восточными кочевыми племенами, вторгавшимися на территорию России вплоть до XVI в. Этим он объяснял направление колониционного потока, устремленного на Северо-Восток — славяне были оттеснены туда «стремительным движением азиатских племен». Новый этап в истории России наступил тогда, когда ее народ, собравшись с силами, начал «наступательное движение на Азию», которое, по мнению С. М. Соловьева, и составило содержание нового периода русской истории с XVI в., со времени укрепления Русского государства при Иване IV.

Таким образом, С. М. Соловьев поставил вопрос о колонизации как о важном факторе общественного развития страны. Он старался рассмотреть ее значение как для истории России в целом, так и для истории Северо-Восточной Руси в частности. Отводя важную роль государству в своих обществено-исторических построениях, С. М. Соловьев считал, что оно оказывало большое влияние на процесс колонизации. В его представлении именно государство в лице великокняжеской власти закрепляло результаты колонизации. Затронутая С. М. Соловьевым проблема колонизации быстро привлекла к себе внимание других историков.

В лекциях, читанных в Казанском университете в 1857 г. и впервые опубликованных в 1866 г., С. В. Ешевский, представлявший либеральное направление в русской историографии, указал на необходимость изучения колонизации Северо-Восточной Руси и рекомендовал в качестве источника для этой темы соловецкие жития святых. По сравнению с общей постановкой вопроса, ха-

рактерной для С. М. Соловьева, Ешевский сделал шаг в направлении конкретного изучения проблемы. Важную роль в процессе колонизации он отводил монастырям, считая сборники житий важным источником, в котором «можно найти и лучшие указания на первые трудности поселения среди чужих племен, на борьбу с природой, на историю первых колонистов, на состояние страны в эпоху их поселения»⁶.

Взгляд С. М. Соловьева на колонизацию получил более законченную форму в интерпретации одного из основателей «государственной школы» — К. Д. Кавелина. Идеи Соловьева были использованы Кавелиным в его теоретических построениях, необходимых для обоснования особенностей, присущих великорусскому племени и созданному им Московскому государству. К. Д. Кавелин рассматривал природные условия Северо-Восточной Руси, колонизацию этого района, смешение пришлого и местного элемента как факторы, обусловившие возникновение самодержавного государства⁷.

Колонизация стала предметом обсуждения и в революционно-демократических кругах. Н. Г. Чернышевский, напечатав в «Современнике» в целом положительную рецензию на четвертый том «Истории России с древнейших времен», не согласился с теорией колонизации в том виде, как она была изложена С. М. Соловьевым⁸. По мнению Н. Г. Чернышевского, нельзя при помощи одной лишь теории колонизации объяснять общие закономерности исторического развития России. Вместе с тем возражения Н. Г. Чернышевского не следует понимать как отрицательное отношение к изучению конкретных вопросов, связанных с колонизацией как таковой.

Живейший интерес к проблеме колонизации проявил историк-демократ А. П. Щапов. Утверждая, что «главный фактор в истории есть сам народ» и «жизнь народная», он противопоставил историческим построениям официально-охранительных и либеральных историков свою концепцию истории России, в которой важное место отвел «началу областности», и в духе этого начала коснулся и роли колонизации. «Русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа... — писал он. — Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации»⁹. Отношение А. П. Щапова к колонизации определялось его общеисторическими взглядами, в основе которых лежала попытка пересмотреть историю России сначала с позиций земско-областнической теории, а затем (после 1864 г.) на «естественнонаучной, антропологической основе»¹⁰. Такой подход имел тенденцию рассматривать историю с позиций материализма, однако материализма вульгарного. Тем не менее элементы материалистического понимания истории, содержащиеся в работах Щапова, позволили ему, отводя решающую роль в истории «массам народа», одновременно поставить вопрос и о «народной колонизации». Такой подход был принципиально отли-

чен от воззрений С. М. Соловьева, отводившего в процессе колонизации важную роль государству.

Высказанная А. П. Шаповым мысль о народной колонизации получила дальнейшее развитие и своеобразное преломление в построениях крупнейшего представителя либерального направления в русской историографии второй половины XIX — начала XX в. — В. О. Ключевского. Его взгляды формировались не только под влиянием С. М. Соловьева, учителя Ключевского, но и других историков, в частности А. П. Шапова. Труды В. О. Ключевского представляли новый этап по сравнению с работами С. М. Соловьева и его современников в трактовке проблем колонизации. Выдвинутая С. М. Соловьевым идея о России как стране, постоянно находящейся в процессе колонизации, благодаря усилиям В. О. Ключевского получила новое освещение и дальнейшее развитие.

Для С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, особенно для последнего, вопрос о колонизации был частью теоретических рассуждений об особенностях русского исторического процесса. В. О. Ключевский, не без влияния Соловьева, обратился к изучению этой проблемы, но подошел к ее решению как к решению конкретной проблемы, на основании тщательного изучения еще не привлекавшихся источников. В начале научной деятельности он смотрел на вопросы колонизации как на главный предмет своих исследований. Молодой Ключевский обратился к житиям святых именно как к источнику для изучения роли монастырей в колонизации России. Первый вариант магистерской диссертации Ключевского так и назывался — «Об участии монастырей в колонизации Северо-Восточной Руси»¹¹. Рукопись этого сочинения свидетельствует о том, что Ключевский тщательно собрал и внимательно изучил литературу о русских монастырях, составил их списки, представил их географическое размещение. Уже тогда он выдвинул идеи, которые впоследствии заняли важное место в его рассуждениях как о значении колонизации для истории России, так и о роли монастырей в колонизационном процессе. Рассматривая значение монастырей в ходе колонизации, Ключевский не преувеличивал их роли. В его представлении не монастырь, а промышленный люд России был застрельщиком в освоении новых земель. Изучение Ключевским огромного количества рукописных текстов житий святых имело для его работы неожиданные результаты. По словам М. В. Нечкиной, «тема Ключевского о роли монастырей в колонизации Северо-Восточной Руси рухнула в процессе исследования»¹². Вместо работы об истории монастырей появилась книга о житиях святых как историческом источнике. Однако намеченная тема, определенный подход к ее решению получили дальнейшее развитие в последующих работах Ключевского. Она присутствовала в магистерской диссертации о житиях святых, в статье о Соловецком монастыре, в книге «Боярская дума» и, наконец, в курсе лекций по русской истории. Много места этой проблеме отвел Ключевский в рецензии на книгу либерального.

историка В. С. Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». Вопросы колонизации занимают большое место в общей концепции русской истории, выдвинутой Ключевским. Колонизация Русской равнины привела, по его мнению, к возникновению Суздальского княжества. В представлении Ключевского, склонного преувеличивать роль колонизации, она раздвинула границы Руси, обеспечила ее быстрое развитие, но одновременно ослабила центр Русского государства, «разрядила» его население, что, в свою очередь, привело к замедлению развития и к слабости государственной жизни. Особенно большую роль колонизации отводил Ключевский в истории Северо-Восточной Руси. Северо-восточную струю русской колонизации он считал источником всех основных явлений в жизни верхневолжской Руси. Из последствий колонизации сложился, как полагал Ключевский, весь политический и общественный быт Северо-Восточной Руси¹³. Несмотря на искусственность рассуждений В. О. Ключевского о роли колонизации в истории России, его заслугой было то, что в общем колонизационном потоке он выделял три направления: народное, монастырское, княжеское. Занявшись историей монастырей и их ролью в колонизационном процессе, В. О. Ключевский обратил внимание на связь монастырской колонизации с колонизацией народной. К тому же он считал, что монастырская колонизация шла вслед за колонизацией народной: «Пустынный шел в одну сторону с крестьянскими поселениями»¹⁴. Начав с изучения монастырской колонизации, Ключевский подошел к постановке вопроса о народной колонизации. Сопоставляя их значение, он отдал предпочтение колонизации народной. «Монастырь,— писал Ключевский,— не был ни первым, ни единственным двигателем заселения Северо-Восточной Руси»¹⁵. Исследуя в отличие от своих предшественников социальные и экономические факторы, В. О. Ключевский, развивая идеи А. П. Щапова, обратился к конкретному изучению проблемы народной колонизации. Распространение русского населения на новые территории, освоение им новых земель он рассматривал, в отличие от С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, как процесс, обусловленный не деятельностью государства, а природными условиями страны и ростом населения.

Таким образом, если А. П. Щапов только теоретически поставил вопрос о народной колонизации, то В. О. Ключевский наметил пути ее изучения в конкретном историко-экономическом плане. Он обратил внимание также на то, что к концу XVI в. имело место бегство крестьянского населения на окраины. Существенный вклад внес Ключевский и в изучение монастырской колонизации, исследовав географическое размещение монастырей, определив время их возникновения и приобретения ими земельных владений. В. О. Ключевский определил ареал наибольшей активности монастырской колонизации в XIV—XVI вв., который ограничивался линиями: р. Кострома — р. Вычегда, р. Шексна — Белозеро.

Ключевский, начав с изучения истории монастырской колонизации, сделал первые шаги по пути конкретного изучения внутреннего освоения земель в России. Темы общего колониационного процесса и монастырской колонизации оказались тесно связанными. Поскольку главным источником служили материалы из монастырских архивов, в XIX в. историки изучали прежде всего историю монастырской колонизации. Благодаря своей «колониационной теории» В. О. Ключевский сумел существенно дополнить имевшийся к тому времени конкретный материал о внутреннем освоении земель, особенно на Северо-Востоке Русского государства. Однако в теоретическом плане в своих работах, прежде всего в «Курсе русской истории», он явно преувеличивал значение колонизации как чуть ли не важнейшего фактора русского исторического процесса.

Наряду с В. О. Ключевским о роли монастырей в русском колониационном процессе писали и другие историки, например В. С. Иконников. В. С. Иконников стремился показать монастыри в качестве проводников византийской образованности. Подобная тенденция наложила отпечаток и на решение им вопроса о роли монастырей в процессе колонизации Северо-Восточной Руси. В. С. Иконников считал главной причиной распространения монастырей стремление их создателей отрешиться от земной суеты¹⁶. Выдвигая религиозность в качестве главного мотива в колониационной деятельности монастырей, В. С. Иконников вместе с тем обратил внимание на некоторые стороны их хозяйственно-экономической деятельности, в частности на приобретение земельных владений, создание поселений, на взаимоотношения монастырей с крестьянами. В. С. Иконников в отличие от В. О. Ключевского сильно преувеличивал значение монастырей в заселении Северо-Восточной Руси. Он полагал, что монастырская жизнь была одним из главных путей заселения края.

Русские дореволюционные историки уделяли большое внимание процессу формирования территории Русского государства, расселению славян и освоению ими новых земель. В этой связи выдвинутая В. О. Ключевским теория колонизации оказалась очень популярной среди русских либеральных историков. На русскую историю как на историю непрерывно колонизирующейся страны смотрел представитель либеральной историографии конца XIX — начала XX в. ученик В. О. Ключевского П. Н. Милюков. В сжатой и схематичной форме он дал изложение хода русской колонизации и попытался решить вопрос о численности населения Русского государства к середине и концу XVI в.¹⁷

Новый аспект изучения проблемы колонизации получил отражение в книге либерального историка Н. К. Никольского о Кирилло-Белозерском монастыре, обладавшем к концу XVI в. огромными земельными владениями¹⁸. Исходя из представления о том, что для общежительных монастырей, нуждавшихся в постоянных источниках содержания, важную роль играли земельные владения, Никольский впервые, используя богатейший архив

Кирилло-Белозерского монастыря, проследил историю формирования и роста крупной монастырской вотчины на землях Белозерского края. Основание монастыря и начало создания его вотчины Никольский связывал с колонизационным передвижением крестьянского населения из пределов Московско-Ростовской земли к северу. Он показал важную роль переселенцев-крестьян, к привлечению которых на монастырские земли были направлены усилия монастыря со времен основания, ибо доходность вотчины прежде всего зависела от количества тягловцев. Вместе с тем ученый показал, что монастырские крестьяне подвергались тяжелому налоговому обложению, а, чтобы удержать их, монастырская братия высказывалась в пользу ограничения права крестьянского перехода уже в XV в. Учитывая противоречия интересов монастыря, феодала и крестьян, Никольский обратил внимание на некоторые вопросы внутреннего освоения земель. Восстанавливая картину формирования и роста монастырских земельных владений, он показал, как шло освоение этих земель усилиями монахов и крестьян, которых разными способами привлекали монастырские власти. Обработка росчистей, по наблюдениям Никольского, выполнялась как случайными силами, так и более организованно, руками наемных (деловых) людей, соседних крестьян. Вновь привлеченных на монастырские земли крестьян Никольский называл «колонизационным элементом». Он также много сделал для разработки типологии поселений. Рассматривая типы поселений, Никольский остановился на проблеме возникновения новых поселений. Такими новыми поселениями он считал починки, т. е. поселки из одного или более дворов, возникшие в период предоставленной льготы. По истечении урочных лет починки становились деревнями. С основанием церковного храма поселение превращалось в погост. Если в монастырском поселении создавался монастырский двор и возникали «выселки», находившиеся от поселения в экономической зависимости, то такое поселение превращалось в село. Село было административным, судебным и финансовым центром для окрестных деревень и починков, составлявших «ключ» или «волость». Утрата этих признаков делала село сельцом. Собранный Никольским материал, отражающий процесс возникновения поселений и дальнейшего их развития, не потерял своего значения и поныне.

Отмечая явления колонизационного порядка в Кирилло-Белозерской вотчине, Никольский указывал на то, что в конце XVI в. пустыли кирилловские земли, особенно земли Вологодского края, что он связывал с кризисом, поразившим всю Северо-Восточную Русь.

Таким образом, несомненной заслугой Никольского является то, что он собрал колоссальный конкретный материал и положил начало изучению проблем внутреннего освоения земель в рамках отдельного района, ограниченного владениями крупной монастырской вотчины. Много сделал Никольский по установлению степени освоенности Белозерского края, определив местоположение

некоторых белозерских волостей. Что же касается ряда общих вопросов развития колонизационного процесса, то здесь Никольский выступал с позиций Ключевского.

Важное значение для изучения проблемы внутреннего освоения земель как в общем плане, так и применительно к Северо-Востоку Руси имели труды С. Ф. Платонова, возглавлявшего официальную историографию конца XIX — начала XX в. Он первым дал экономический обзор областей Московского государства, следуя, правда, за принятым в приказном делопроизводстве XVI в. административным делением, и наметил особенности их географического, исторического и экономического развития¹⁹.

Характеризуя Замосковский край, его экономическую жизнь, Платонов остановился и на господствовавших в нем формах землевладения. Уезды Замосковских городов в XVI в. являли собой, по мнению Платонова, «картину полного развития частного землевладения, вне которого оставалось лишь небольшое количество дворцовых земель»²⁰. Указав на «широкое развитие монастырского землевладения», он отмечал, что «после монастышского первое место в сфере льготного землевладения занимало боярство», рядом с ним стояли «московские дворяне»²¹. Платонов подчеркивал преобладание поместного землевладения над вотчинным и указывал на резкое сокращение черных земель. «За исключением волостей и сел, оставшихся в прямом управлении государства, «дворца», и за исключением черных земель, приписанных к посадам, вся масса земли в замосковном пространстве была к концу XVI века передана в руки частных землевладельцев и изъята таким образом из распоряжения тяглого земледельца»²², — писал Платонов.

Уделив в «Очерках по истории смуты» большое внимание общей характеристике отдельных районов России, их экономической жизни, С. Ф. Платонов впоследствии перешел к более углубленному изучению отдельных из выделенных им территорий, в частности рассмотрел вопросы, связанные с внутренней колонизацией Севера²³.

Проблемам внутреннего освоения земель было отведено большое место в монографии Н. А. Рожкова (1899 г.) о сельском хозяйстве Московской Руси в XVI в. Взгляды исследователя в эти годы испытывали влияние как концепции его учителя В. О. Ключевского, так и идей «экономического материализма». Новым в исследовании Н. А. Рожкова было деление Московской Руси на шесть районов. В основу такого деления он положил не только климатические условия, но и, что особенно важно, экономическое развитие: 1) Север, к которому он относил, используя терминологию XVI в., поморские города (включая Вологду, «которая собственно причислялась к замосковным городам») и почти всю Обонежскую пятину вместе с северной частью Вятской пятины; 2) Западное Полесье (Новгородская и Псковская губернии по административному делению XIX в.), к которому он относил «старинные города от немецкой украины, включая сюда Бело-

озеро» и новгородские пятины (за исключением отнесенных к Северу); 3) Днепровская область; 4) Степь; 5) Прикамье; 6) Центральная область, «заключенная между всеми вышеозначенными пятью областями,— древние замосковные города»²⁴.

В разделении Московской Руси XVI в. на районы Н. А. Рожков шел по пути, во многом сходному с тем, которым следовал С. Ф. Платонов. Но сам подход Н. А. Рожкова к изучению вопросов, связанных с экономическим строем страны и проблемами освоения земель, отличался от принятого в книге С. Ф. Платонова. Главное внимание Н. А. Рожковым обращено на историю сельского хозяйства, которое ранее не подвергалось специальному изучению, на вопросы, касавшиеся хозяйственной жизни, как экономические, так и климатические, геологические (почва) и т. п. В этой связи им исследовались некоторые проблемы, связанные с внутренним освоением земель: вопросы распространенности леса в XVI в.; почва и ее производительность; население Центра в первой половине XVI в., в 50—60-е годы, в конце XVI в.; колонизация Севера, Прикамья и других районов; среднее число дворов и людей, приходившихся на одно поселение в XVI в.; причины колонизации. Рожков дал значительный материал по соотношению «живущих» и запустевших поселений в последней трети XVI в., а также другие конкретные сведения о хозяйственном кризисе, неизвестные ранее.

Рассматривая распространение различных видов землевладения в выделенных им районах, Н. А. Рожков специально остановился на развитии монастырского землевладения. Среди других монастырей Рожков выделял Троице-Сергиев монастырь, считая его историю в какой-то мере типичной. Появление новых монастырей он связывал с приливом населения в те районы, где они возникали. Большое внимание уделено Н. А. Рожковым местному и черному землевладению.

Рассматривая процесс роста и передвижения населения, изменения в сельскохозяйственной технике, системе земледелия, применении агротехнических новшеств, Н. А. Рожков тем самым сделал шаги по изучению социально-экономических предпосылок внутренней колонизации России XVI в.

Членение территории страны, предложенное Н. А. Рожковым, критически оценивалось в советской исторической литературе. Так, М. Н. Тихомиров отвергал предложенное Рожковым разделение России XVI в. на районы, считая неудачной терминологию («Степь», «Поднепровье» и т. п.), которая, по его мнению, не соответствовала географическим и хозяйственным признакам территории. Вызывала возражения у М. Н. Тихомирова и методика, принятая Рожковым, и некоторые выводы, «противоречащие самой природе сельского хозяйства в России»²⁵. Критикуя работы Рожкова, Л. В. Черепнин вместе с тем подчеркивал, что «интересна и важна его попытка показать обусловленность изменений в политическом строе социально-экономическими сдвигами»²⁶. Обращаясь к работам Н. А. Рожкова, прежде всего к его

монографии о сельском хозяйстве Московской Руси в XVI в., с точки зрения их значения для изучения истории внутреннего освоения земель, следует сказать, что они способствовали привлечению внимания историков к этой проблеме и расширению разрабатываемого круга вопросов.

Оригинальная концепция истории России, выдвинутая Н. П. Павловым-Сильванским, хотя в целом и укладывалась в рамки либерального направления в русской историографии, тем не менее являлась шагом вперед. В противовес схеме, в той или иной мере типичной для С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Н. Миллюкова, Н. П. Павлов-Сильванский, обосновывая свою теорию русского феодализма, иначе оценивал значение колонизации. Выступая против преувеличения роли колонизации в общем процессе исторического развития России, он вместе с тем старался проследить ее значение при изучении происхождения института общины и условий существования общины в период развития феодального землевладения²⁷. Павлов-Сильванский тесно связывал колонизацию, внутреннее освоение земель с борьбой между общиной и боярщиной и представлял этот процесс в следующем виде. Первоначально, когда свободных земель было много, существовал «вольный захват». В тех местах, где население сгущалось, должны были появиться ограничения захвата со стороны волости. Наиболее интенсивно процесс внутренней колонизации проходит на протяжении XV в., усиливается строительство починков на расчищенных от леса землях. Процесс освоения земель в общине приводит к земельному «утеснению», во многих местах, например около Москвы и Твери, «запасный фонд земель» исчезает в XVI в. Одновременно с освоением неводеланных земель происходит отрыв и постепенный переход волостных земель к крупным землевладельцам — боярам и монастырям. Изучая конкретную историю древних волостных общин и их живучесть в период развития феодального землевладения, Павлов-Сильванский обращал внимание на такие вопросы внутренней колонизации, как тип заселения земель (речной и озерный), устойчивость поселений (в течение четырех и более веков), отмечал господствующий тип поселения — деревню, описывал другие типы поселений, указывал на данные топонимики, помогающие изучению процесса внутренней колонизации.

Возникновение марксистского направления в русской историографии, кризис буржуазной исторической науки, становление советской исторической науки после победы Великой Октябрьской социалистической революции нашли свое отражение и в литературе по истории русского феодализма, так или иначе связанной с проблемой внутреннего освоения земель. Поскольку сложный процесс выработки марксистской концепции истории СССР периода феодализма в трудах советских историков освещен в специальной историографической литературе, не будем останавливаться на нем подробно. Заметим лишь, что, несмотря на попытки некоторых историков в 20-х годах перейти на марксистские

позиции, это удавалось им не сразу. Ряд работ 20-х годов интересен главным образом благодаря собранным в них конкретным сведениям.

Большой новый фактический материал по истории внутреннего освоения земель содержали появившиеся в 20-х годах работы М. К. Любавского. В монографии «Образование основной государственной территории великорусской народности» он показал освоенность территории России до XVI в., локализовав на карте волости, села, монастыри, известные по источникам²⁸. Любавский признавал первостепенное значение социально-экономических факторов в объединении земель, но ему не удалось последовательно провести эту мысль в своем труде, хотя в нем и указывалось на некоторые факты, позволявшие судить о хозяйственном развитии отдельных территорий — княжений, выявлялись сведения об уездном, становом и волостном делении княжеств, их населенности, наличии крупных поселений, при этом подчеркивалась роль городов.

Значительное место М. К. Любавский отводил проблеме колонизации, оказавшей большое влияние на развитие отдельных земель. В колонизационном процессе, по мнению М. К. Любавского, большую роль играли крупные светские (князья, бояре) и крупные духовные (монастыри) феодалы.

Вслед за В. О. Ключевским М. К. Любавский много сделал для изучения истории монастырей. Прослеживая их возникновение, он касался монастырской колонизации главным образом в XIV—XV вв. Много внимания уделил М. К. Любавский изучению роли монастырей в заселении территории — образовании новых сел, деревень, починков. Как и В. О. Ключевский, он считал, что в домонгольский период монастыри возникали обычно в крупных городах, на окраинах городов и в их окрестностях. Вместе с тем М. К. Любавский разделял мнение Н. К. Никольского, полагавшего, что, будучи не только церковными, но и хозяйственными организациями, монастыри возникали там, где было много пустых земель и угодий, где легче всего можно было получить княжеское пожалование, способствовавшее развитию привилегированного монастырского землевладения.

Отвоя много места крупным светским феодалам и монастырям, М. К. Любавский оставил вне поля зрения историю народной колонизации. Возможно, что М. К. Любавский, с одной стороны признававший значение социально-экономических факторов, а с другой — оставивший без внимания народную колонизацию, оказался в плену тех сохранившихся источников, которые прежде всего свидетельствовали о монастырской колонизации и колонизации, осуществлявшейся крупными феодалами. В результате народные массы в изображении Любавского не были (вопреки истине) активной силой, пассивно следовали за крупными землевладельцами. По Любавскому, «дальнейшая внутренняя колонизация» после нашествия Батыя «производилась преимущественно под руководством земельных владельцев — князей, бояр,

церковных учреждений». Не имевшие «крова, скота, хлеба и земледельческих орудий» крестьяне должны были «подсаживаться к тому, у кого имелись хозяйственные средства — постройки, скот, орудия, семена»²⁹. Присущее книге М. К. Любавского приращение роли народа в колонизационном процессе отмечено в советской исторической литературе. Вместе с тем признается, что труд М. К. Любавского содержит «конкретные данные», которые «представляют значительный интерес», что он может быть использован как «хороший справочный материал»³⁰.

Кроме опубликованных работ М. К. Любавского, сохранилась верстка его неизданной книги «Историческая география России в связи с историей русской колонизации» (1923)³¹. В ней он также касался как вопроса о колонизации в целом, так и о монастырской в частности. Монастырская колонизация рассматривалась в книге как «движение, которое дополняло и расширяло земскую и княжескую колонизацию»³². Такой подход был несколько отличен от принятого в опубликованной позднее книге.

В процессе становления советской исторической науки наряду с постановкой кардинальных исторических проблем предметом изучения стали и такие вопросы, как внутреннее освоение земель. Особенность работ, посвященных этой теме, состояла в том, что они создавались и публиковались под влиянием трудов, рассматривавших с марксистско-ленинских позиций такие основополагающие проблемы, как становление и развитие феодальной формации, история народных масс, прежде всего крестьянства, история классовой борьбы в России. Это особенно сказалось на работах, вышедших в конце 20-х—30-х годах.

Проблема внутреннего освоения земель была затронута в работе А. А. Савича, посвященной монастырской колонизации русского Севера в XIV—XVII вв.³³ В отличие от М. К. Любавского, А. А. Савич подчеркивал значение крестьянского колонизационного процесса, который предшествовал монастырской колонизации. Проследив направление монастырской колонизации из Новгорода, Ростово-Суздальской и Московской земель, А. А. Савич показал, что возникновение монастырей часто наталкивается на сопротивление крестьян.

А. А. Савич был первым советским историком, который использовал жития святых в качестве источника по истории колонизации и классовой борьбы, почерпнув из них немало важных данных. В этом смысле он преодолел скептическое отношение к этому источнику, существовавшее в историографии со времен В. О. Ключевского.

А. А. Савич считал, что на развитие монастырского землевладения накладывал свой отпечаток район, в котором возникал монастырь. Боярские земли, расположенные вблизи монастыря, могли служить для него питательной средой. Такие земли попадали в монастыри по вкладам, путем покупок, закладов. Волостные крестьянские земли часто присваивались монастырем благодаря захватам. Борьба монастыря за земли с крестьянами об-

легчалась наличием у него жалованных иммунитетных грамот, получаемых от правительства. Труднее было вести борьбу монастырю с помещиками. А. А. Савич обратил внимание на то, что монастырская колонизация XIV—XVII вв. протекала главным образом в районах, где помещичье землевладение было развито слабо или вовсе отсутствовало.

В середине 30-х годов публикуются серьезные исследования Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского, посвященные истории сельского поселения Руси⁵⁴. В 1936 г. Б. А. Романов написал на эти исследования развернутую рецензию, по своему характеру и объему переросшую в самостоятельное исследование⁵⁵. Работы Н. Н. Воронина, С. Б. Веселовского и Б. А. Романова, посвященные истории сельского поселения, затрагивали ряд вопросов, тесно связанных с проблемой истории внутреннего освоения земель.

Н. Н. Воронин поставил перед собой задачу создать общий очерк социально-экономических типов сельских поселений феодальной Руси в их историческом развитии, выбрав для изучения четыре основных сельских типа поселений, обозначившихся терминами «погост», «свобода» (слобода), «село» и «деревня»⁵⁶. Б. А. Романов, оспаривая точку зрения Н. Н. Воронина, считал, что при исследовании проблемы сельских поселений прежде всего необходимо различать специфику районов и соблюдать территориальную четкость⁵⁷. Не вдаваясь в разбор существа этого спора, отметим, что в ходе дискуссии еще раз была подчеркнута важная роль поселений, их видов, их возникновения и эволюции в разнообразных процессах и явлениях социально-экономического развития страны, в частности таких, как смена дофеодальных отношений феодальными, развитие феодализма, освоение земель. В ходе обсуждения вопроса о роли погоста Н. Н. Воронин усмотрел в нем одну из наиболее характерных и важных форм сельского поселения, а конкретно — «значительное количество хозяйств-семей». Б. А. Романов считал, что при Иване III погост представлял собой административно-податный округ. Что же касается Северо-Востока, то здесь, по мнению Б. А. Романова, не имели места ни окружное, ни общественно-территориальное употребление термина «погост» и он фигурировал здесь только в качестве населенного пункта, и в XVI в. пункта только церковного⁵⁸.

В представлении Б. А. Романова (в данном случае близком к мнению Н. П. Павлова-Сильванского) «село» — это исконный термин для обозначения сельского поселения, как крестьянского, так и господского⁵⁹. «Деревню» же он считал «основным понятием сельского поселения». В этом он расходился с Н. Н. Ворониным, видевшим в селе на его раннем этапе «поселок рабов на господской земле», а в деревне — неизменное однодворное семейное поселение. Принимая в данном случае точку зрения Б. А. Романова, мы хотим отметить, что сам по себе спор этих историков лишний раз доказывал важность выявления всех сведений,

говорящих о возникновении и запусении поселений, переходе их от одного владельца к другому, об изменении их типа.

В ходе обсуждения Н. Н. Ворониным и Б. А. Романовым вопроса о сельских поселениях были затронуты и другие интересные нас проблемы. По словам Б. А. Романова, «эпоха писцовых книг — это эпоха доминирующего выступления перед нами «села» как административно-хозяйственного центра феодального владения и прикрытых им обломков старой территориальной общины»⁴⁰. Тем самым Б. А. Романов указывал на возможность изучения сведений о селах, как об одном из показателей характера и темпа процесса феодализации. Встал во время дискуссии и вопрос о зависимости между степенью феодализации и удаленностью сельских поселений от городов. Указывая на наличие погостов вокруг городов, Н. Н. Воронин полагал, что процесс феодализации «особенно интенсивно развивался именно в ближайшей периферии старых городов»⁴¹. С этим положением согласился Б. А. Романов, который нашел его (в части, касающейся процесса феодализации) довольно вероятным для начальной стадии процесса, добавляя при этом, что в результате его развития «к XVI в. мы уже почти не видим черных волостей не только в уездах этих старых городов, но и во всем междуречье» (Оки и Волги. — Л. И.)⁴².

С. Б. Веселовский в работе «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.» поставил перед собой задачу исследовать типы поселений (погост, село, деревня) в Северо-Восточной Руси⁴³. Дав описание отдельных владений в Московском, Звенигородском, Можайском и Верейском уездах Московского княжества, он затем остановился на характеристике одной из местностей Верхнего Поволжья, района между Угличем и Калязинским, где сходились границы Кашинского уезда Тверского княжества, Ростовского княжества, Угличского удела московских князей и Переяславского уезда Московского великого княжества⁴⁴. Указывая в одной из последующих работ на особенности этого района, С. Б. Веселовский отмечал роль слобод в его заселении⁴⁵. Активизацию процесса заселения этого района С. Б. Веселовский относил ко времени после ликвидации Тверского княжества⁴⁶. Таким образом, наряду с изучением типов поселений и этапов их эволюции в трудах С. Б. Веселовского рассматривались история заселения и другие вопросы, связанные с внутренним освоением земель. В работе С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.» и в рецензии на нее, написанной Б. А. Романовым, поднимались такие вопросы, как колонизация бывших земель новгородских бояр (в Бежецкой пятине)⁴⁷, действия «монастырского аппарата», владельцев, приведшие к частичному перераспределению населения, и влияние их, как и роста населения, на изменения величины селений и др. Дебатировалась выдвинутая С. Б. Веселовским проблема «владельческого укрупнения селений», начавшегося со второй половины XV в., как «одна из сторон процесса распространения

феодалных отношений,— процесса включения в сферу феодальной эксплуатации новых групп крестьянства»⁴⁸. Не соглашаясь с С. Б. Веселовским, считавшим деревню ранним типом поселения, Б. А. Романов полагал, что «не с „деревни“ начинается история человеческого поселения в любом пункте Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.», а «либо с „займища“, либо с „починка“, в котором впервые и ставится крестьянский двор или даже 2 и более дворов». Впоследствии из починка, «если он выдержит испытание некоторого времени», и возникает в официальных документах «деревня»⁴⁹. К проблемам, поднятым в 30-х годах Ворониным, Веселовским, Романовым, возвратился в 80-х годах А. Я. Дегтярев. Он рассматривает в первую очередь развитие сельского расселения⁵⁰. Признавая, что исследование истории отдельных волостей, что осуществлялось Веселовским и Романовым, давало несравненно больше, чем можно получить, исследуя историю отдельных поселений, Дегтярев отмечает вместе с тем, что этот путь не позволил увидеть ряд закономерностей, возникавших при взаимодействии отдельных феодальных комплексов.

Большое место проблеме освоения земель отводилось А. Н. Насоновым в историко-географическом исследовании «„Русская земля“ и образование территории древнерусского государства». История освоения земель интересовала А. Н. Насонова прежде всего в связи с образованием государственной территории в IX—XII вв., определение которой было дано им с марксистско-ленинских позиций впервые в советской историографии. Этот процесс падал на время, характеризующееся заметными успехами в освоении феодалами общинных земель, усилением различных видов эксплуатации, повышенным интересом к «вирам и продажам»⁵¹. А. Н. Насонов подчеркивал, что «период, когда феодальный уклад получает широкое распространение, оказывается и периодом интенсивного расширения государственной территории или, точнее, освоения территории государственной властью». Культурные и хозяйственные аспекты колонизации А. Н. Насоновым не рассматриваются. Своим исследованием А. Н. Насонов стремился подтвердить «существование связи между развитием и распространением феодальных отношений и ростом государственной территории, распространением дани и суда предшественников государственной власти»⁵². Подобный подход объясняет мнение А. Н. Насонова, согласно которому главная причина роста территории государства — деятельность военной организации феодальной знати, аппарата принуждения, деятельность князей, воевод-тысяцких и т. п. Рассматривая рост государственной территории путем распространения дани и суда, А. Н. Насонов отмечал как важный момент в этом процессе установление постоянных мест суда и сбора дани — «становищ» и «погостов». Тем самым он обращался к вопросу о возникновении поселений и их типов, которые интересовали его исключительно как центры административной власти. Коснулся А. Н. Насонов и вопроса о роли колонизации. В отличие от не-

которых предшественников (таких, как М. К. Любавский) он не отождествлял процесс образования государственной территории с процессом колонизации. В изучаемом процессе колонизация, по его мнению, «не могла играть решающей роли». «Некоторую роль, конечно, колонизация играла в расширении территории государства, но это были два разных процесса, иногда только связанные друг с другом», — писал он⁵³. Такая точка зрения принципиально отличала позицию А. Н. Насонова от концепций, выдвигавшихся дореволюционными либеральными историками (В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и др.), которые преувеличивали значение колонизации в русском историческом процессе.

Таким образом, А. Н. Насонов ставил проблему освоения земель в совершенно определенном и вместе с тем в специфическом плане, имея в виду распространение государственных институтов и подчинение земель их влиянию. Интересы А. Н. Насонова обращены к эпохе «распространения феодального способа производства», — к эпохе, когда вызревали и складывались будущие феодальные «самостоятельные полугосударства»⁵⁴, т. е. к IX—XII вв. Вместе с тем его книга не только вклад в изучение ряда вопросов ранней истории Руси. Она служит также отправной точкой для исследования и последующих периодов истории СССР, дает толчок занятию не только историко-географическими, но и историко-экономическими и историко-правовыми темами. Ее продолжением могло бы послужить, например, изучение роли поселений, являвшихся административными центрами в уже «освоенных» районах в более позднее время — в период Русского централизованного государства.

Л. В. Черепнин рассматривал вопросы внутреннего освоения земель в комплексе проблем аграрных отношений (формы феодальной собственности на землю и эксплуатации крестьян, классовая борьба в деревне, процесс оформления крестьянского закрепощения и др.), явившихся предпосылками образования Русского централизованного государства⁵⁵. Л. В. Черепнин подошел к внутреннему освоению земель как к сумме явлений, каждое из которых охарактеризовал в своей работе. В целом внутреннее освоение земель он представил как часть общего процесса социального и экономического развития страны, связав его с вопросами классовой борьбы и показав на конкретном материале, как в процессе освоения пустошей и возобновления на них жилых поселений возникали споры между черными крестьянами и феодалами, как черносошные земли становились источником для создания и расширения светских и духовных феодальных владений.

Непосредственно понятие «внутреннее освоение земель» Л. В. Черепнин раскрыл как процесс, шедший в нескольких направлениях: возрождение заброшенных в предшествующий период земель — заселение пустошей; продолжавшееся освоение новых лесных и болотистых районов и возникновение новых селений;

расширение культивируемой территории, увеличение размеров пашни и числа дворов, сокращение лесов и пустошей в старых обжитых районах и расширение, таким образом, их влияния как центров хозяйства и управления.

Продолжая вслед за Н. К. Никольским, Н. П. Павловым-Сильванским, С. Б. Веселовским, Н. Н. Ворониным, Б. А. Романовым наблюдения над типами поселений, Л. В. Черепнин внес в изучение этого вопроса ряд новых положений. Он выделял «старые» села и деревни — устойчивые очаги земледелия; запустевшие поселения, покинутые крестьянами, но оставшиеся на учете под названием пустошей и селищ; вновь возникшие в лесу или на пустошах поселения — починки, деревни. Л. В. Черепнин полагал, что само по себе поселение неотделимо от земли, которая к нему тянет. Тем самым он подчеркивал земледельческий характер основных типов сельских поселений в различных княжествах и уездах Северо-Восточной Руси. Группировка селений применительно к их роли в сельскохозяйственном производстве дала возможность Черепнину заметить сдвиги в аграрных отношениях на Руси XIV—XV вв.

Л. В. Черепнин смотрел на Северо-Восточную Русь как на обширную область, во всех районах которой (за малым исключением) сложился устойчивый комплекс обжитых крестьянским населением, из года в год культивируемых старопахотных земель. Он считал, что можно говорить об известном подъеме производительных сил в сельском хозяйстве, достигнутом не столько путем каких-либо существенных изменений его техники, сколько в результате систематического расширения и упорного многолетнего освоения народными массами площадей, занятых под земледельческими культурами. Определенный этап в освоении земель Л. В. Черепнин связывал с ростом плотности населения «старых» сел, появлением вокруг них новых поселков, расширением площади, занятой каждым селом, уменьшением изолированности между поселками. Возникновение крупных поселений Л. В. Черепнин рассматривал как явление, которое влекло за собой определенные изменения в образе жизни населения. С появлением крупных сел менялись пути сообщения, между земледельческими селами устанавливалось постоянное общение.

Таким образом, процесс внутреннего освоения земель был представлен Л. В. Черепниным в тесной связи с анализом важнейших социально-экономических изменений в жизни Русского государства XIV—XV вв.

Эволюция сельских поселений, плодотворно изучавшаяся в 30-е годы, стала предметом внимания со стороны Г. Е. Кочина, который собрал в своей книге 1965 г. новые данные по типологии сельских поселений⁵⁶. Важным моментом в его исследовании было рассмотрение социально-экономических предпосылок, способствовавших внутреннему освоению земель (уровень сельскохозяйственной техники, культура земледелия, влияние систем земледелия на тип сельского поселения), хотя некоторые его

утверждения, например о вытеснении села поселением нового типа — деревней, встречаются возражения в современных исследованиях⁵⁷. Г. Е. Кочин пришел к выводу, что уже в XIII—XIV вв. в лесной части Русского государства господствующим типом поселения становится деревня. В книге собран большой материал об этапах развития поселений, исходным началом для организации устойчивых селений берется починок и рассматриваются характерные особенности превращения его в деревню.

Историю возникновения монастырей нового типа на Руси XIV—XVI вв. и их столкновения с крестьянством на материале житий святых изучал И. У. Будовниц⁵⁸. Вслед за В. О. Ключевским, А. А. Савичем и С. Б. Веселовским он не только изучал историю монастырей и монастырской колонизации, но пошел дальше, рассматривая эти проблемы с принципиально новых, марксистско-ленинских позиций. Он связал их с социально-экономическими и политическими процессами образования единого Русского государства. И. У. Будовниц считал, что под колонизационной ролью монастыря надо понимать освоение им новых земель, привлечение на вновь освоенные участки крестьян, превращение последних в феодално-зависимых людей. Таким образом, он учитывал социальные процессы, происходившие в государстве. На основе многочисленных фактов в книге И. У. Будовница показано, что монастырская колонизация шла за народной, крестьянской колонизацией, монахи появлялись, как правило, уже в обжитых крестьянами местах, а расширение монастырского землевладения приводило к столкновениям и борьбе с крестьянством.

Решение проблемы внутреннего освоения земель находится в тесной связи с изучением народонаселения. Рост населения обычно включается в число причин, порождавших этот процесс. Для Русского государства XVI в. в исторической литературе общая цифра населения вычислялась неоднократно. Большое распространение получили подсчеты А. И. Копанева⁵⁹, проведенные на основе данных XVI в., а не более поздних источников, как это делали его предшественники. Пользуясь содержащимися в источниках указаниями на наличие жилых поселений (село, деревня и др.), вновь возникших (починки), запустевших (пустоши) и учитывая другие социально-экономические сдвиги, произошедшие в XVI в., А. И. Копанев полагал возможным решить вопрос о темпах роста населения в государстве. Он пришел к выводу, что первая половина XVI в. в Русском государстве была ознаменована ростом населения, особенно в центральных уездах, в Новгородской области, на Белоозере и в восточных уездах. Эти данные необходимо связывать с изучением внутреннего освоения земель названных областей. Суммируя сведения источников и наблюдая историков для второй половины XVI в., А. И. Копанев отметил отлив населения из центральных уездов и Новгородской земли на Юг, в Поволжье, на Север, в Прикамье. В то же время А. И. Копанев выделяет Белоозеро, отличавшееся

гем, что там запустение не было глубоким, так как из Новгородской земли население шло через Белоозеро и Вологодский уезд; к выводу о приливе населения он приходил на основании появления новых монастырей. По мнению А. И. Копанева, большинство ушедшего населения при первых признаках улучшения жизни возвращалось назад. Отвергая факт бродяжничества населения в XVI в., Копанев полагал, что нельзя отрицать и широкой колонизации русского народа, которая неразрывно связана с ростом территории Русского государства в XVI в.

Вопросов внутреннего освоения земель коснулся А. И. Копанев и в работах, посвященных изучению различных форм землевладения на Белоозере и в Подвинье⁶⁰. Большое внимание А. И. Копанев уделил роли поселения в формировании различных владений, особенно на территории Белоозерского края. Он создал карты поселений для различных периодов истории этой территории, установив степень заселенности края в XIV—XVII вв. Занимаясь крестьянским землевладением и судьбами волости на Севере, А. И. Копанев детально изучил структуру деревни и каждого крестьянского хозяйства. Он указывал на пополнение в первой половине XVI в. фонда земель путем естественного прироста — хозяйственного освоения крестьянами новых площадей.

Внутреннее освоение земель, являясь важным фактором развития крестьянской общины, неразрывно связано с ее историей, в Русском государстве — с историей черных волостей. Для изучения черных волостей центральной части России в XIV—XVI вв. много сделал Ю. Г. Алексеев⁶¹. Он стремился с марксистско-ленинских позиций решить задачу, которую в свое время лишь наметил Н. П. Павлов-Сильванский. Алексеев не только попытался изучить структуру волости, показать место крестьянских волостных земель в аграрной истории Русского государства XIV—XVI вв., но и проследить ее судьбу до конца XVI в. Историю черных волостных земель в XIV—XVI вв. наиболее детально Ю. Г. Алексеев рассмотрел на примере Переяславского уезда, в тесной связи с историей монастырского и светского землевладения. Им на конкретном материале показано, что с уничтожением в XVI в. черной волости земля стала монопольной собственностью класса феодалов.

Ю. Г. Алексеев касался и непосредственно проблемы внутреннего освоения новых земель общинниками и роли общины в этом процессе. Он отметил, что «и волость, и государственная власть заинтересованы в крестьянской «силе», они «рядят» и «сажают» крестьян «на лес, на старь», чтобы превратить лесную целину в культурные сельскохозяйственные участки». Сажающиеся на новые земли крестьяне получают от имени великого князя льготы на 10—15 лет. Возникновение на волостной земле новых слобод таким путем Ю. Г. Алексеев рассматривал как «результат внутренней колонизации, осуществляемой силами волостных крестьян». При этом он не только констатировал подобные явления,

но и отмечал содержание и общее значение этого процесса: «внутренняя колонизация, т. е. увеличение площади пахотной земли в стране,—важнейший результат трудовой деятельности русского крестьянства; вместе с тем—это основной фактор русской аграрной истории XIV—XV вв., фундаментальное условие успешной борьбы за национальную независимость и создание единого государства»⁶².

Видное место в советской историографии феодальной эпохи занял коллективный труд по аграрной истории Северо-Запада России под редакцией А. Л. Шапиро⁶³. В нем на основе новой методики освещены и вопросы, связанные с внутренним освоением земель Новгородских пятин, Севера и Пскова. Большое место уделено рассмотрению социально-экономических предпосылок, способствовавших освоению новых земель. Авторы произвели подсчеты населения, его распределение, плотность и рост, установили общее число поселений, время наиболее интенсивного возникновения новых поселений. Дифференцированный подход к распределению селений по числу дворов и типам позволил получить новые данные о процессе укрупнения селений на территории Новгородских пятин, исследовать роль сел и селеч в системе новгородских поселений и наметить этапы в их развитии. Большое внимание уделено распределению землевладения до и после конфискации Ивана III, охарактеризованы разные категории землевладельцев. Изучая формы земледелия, авторы подчеркнули их разнообразие, указав, в частности, на то, что при господстве, например, в Новгородских пятинах паровой зерновой системы в лесной полосе в XV—XVI вв. наряду с ней сохранились и экономически были необходимы подсечные земледелие, лесной и луговой перелог и залежно-паровая система. Они установили невысокую урожайность в Новгородских пятинах, которая поддерживалась неблагоприятным соотношением земледелия и скотоводства. Трехтомное исследование по аграрной истории северо-западных районов России, основанное на массовом писцовом материале, может быть использовано как основа для изучения вопросов внутреннего освоения северо-восточной территории России, материалы по которой сохранились значительно хуже и часто представлены фрагментарно.

Изучая эволюцию аграрных отношений с конца XV до середины XIX в. на Русском Севере, П. А. Колесников рассмотрел важнейшие аспекты внутреннего освоения огромной территории — от Белозерья, Вологды, бассейна реки Вятки до берегов Ледовитого океана, объединенной общностью почвенно-климатических, исторических и социально-экономических условий, и присущие отдельным ее частям особенности, образующие порайонную специфику⁶⁴.

На основе сопоставимых источников массового характера, прежде всего писцовых книг, автор выявляет районы с большей и меньшей заселенностью, различными условиями для развития сельского хозяйства, крестьянских промыслов. Учитываются

районы ранней и поздней колонизации, различавшиеся между собой степенью развития феодальных отношений. Показатели процесса заселения и освоения — типы населенных пунктов и количественные их изменения — становятся исходными данными для решения поставленных в книге задач. Автор стремился выявить начальный момент устройства земледельческого хозяйства в XVI—XVII вв. (починок, выставок, займище, выселок), углубил принцип группировки селений по их роли в сельскохозяйственном производстве, предложенный Л. В. Черепниним, выделяя вновь возникшие селения в лесу (на лесной целине) и на пустошах — ранее бывших в хозяйственном обороте участках. Таким образом, различаются селения и типы земельных угодий по их отношению к уже пущенным в сельскохозяйственный оборот землям (старопахотным жилым и запустевшим) и вновь вводимым за счет лесной целины. Группировка данных источников по производственному принципу и по характеру землепользования помогает полнее извлечь сведения для понимания земледельческого освоения края и хода хозяйственной колонизации.

В книге приводятся данные об общем количестве селений Поморья и их плотности в первой четверти XVII в. Они становятся исходными для исследования эволюции процесса внутренней колонизации как в XV—XVI вв., так и в последующие века. Учет пустошей, определение времени их запустения, учет количества жилых поселений в первой четверти XVII в. позволили Колесникову определить количество жилых поселений в первой половине XVI в., выявить степень освоенности земельных площадей. Исчисляя удельный вес различных категорий населения Поморья в начале 70—80-х годов XVI в., первой четверти XVII в., Колесников выявляет тенденцию к неуклонному уменьшению земледельческого населения, проявившуюся на рубеже XVI—XVII вв. Наблюдения за эволюцией земельных угодий деревень и волостей обнаружили чрезвычайно медленный рост фонда старопахотных угодий. Расширение в основном шло за счет распашей ранее запустевших земель, ставших переложными и поросших лесом. Все эти явления Колесников рассматривает в связи с возраставшим воздействием политических и социально-экономических факторов. Изучая вопрос об устойчивости северных деревень как очагов земледелия, сопоставляя данные о старых жилых деревнях и возникавших починках, займищах, выставках, выселках, Колесников установил время интенсивного хозяйственного освоения районов Севера и темпы строительства новых поселений. Начальный этап заселения Севера кончается в XV в. Новый период заселения продолжается до 30-х годов XVII в. Он характеризовался некоторым снижением интенсивности строительства деревень в уездах более ранней колонизации и повышением интенсивности заселения восточных уездов Поморья.

Обобщение накопленного материала и дальнейшая разработка проблем аграрной истории XIV—XVI вв. и вопроса внутреннего освоения земель содержится в работах Н. А. Горской⁶⁵ и

А. Л. Шапиро⁶⁶. В них прослеживается эволюция систем и орудий земледелия, применение удобрений и другие меры повышения урожайности, характеризуются состояние производительных сил, урожайность. Авторы приходят к выводу, что подъем производительных сил, имевший место в XIV—XV в., продолжался и в XVI в. Тогда наряду с расширением территории пашенного земледелия, расчисткой лесных участков под постоянную пашню, заселением пустошей намечается сдвиг в развитии почвообрабатывающих орудий и изменении систем земледелия.

К труду по аграрной истории Северо-Запада, выполненному под редакцией А. Л. Шапиро, близка по тематике, методике исследования и кругу источников книга А. Я. Дегтярева, посвященная истории сельского расселения на территории Северо-Запада, Севера и центральных районов России в XV—XVII вв.⁶⁷ В ней рассматриваются вопросы эволюции расселения, его порайонные особенности, выявляются социально-экономические факторы, двигавшие расселением в XV—XVII вв. Материалом, на котором строит свое исследование автор, являются массовые источники — писцовые книги Новгородских пятин. Данные, полученные при их обработке, сопоставляются с отрывочными сведениями выписей из писцовых описаний по центральным районам Русского государства XV—XVII вв. Привлекаются материалы выписей отдельных митрополичьих и монастырских владений, расположенных во Владимирском, Московском, Переяславском, Костромском, Угличском, Суздальском, Тверском, Нижегородском и Тульском уездах. Такая методика позволила автору установить главные особенности сельского расселения и на этой территории. Обработка и изучение источников проводились Дегтяревым с применением математической статистики, при помощи методов, используемых в современных экономико-географических трудах.

Дегтярев показал, что гнездовой тип расселения, господствовавший в южной части Новгородских пятин в X—XII вв., к концу XV в. был уже изжит. В XV — первой половине XVI в. на Северо-Западе происходило активное формирование новых селений, к середине XVI в. их насчитывается около 40 тыс. Хозяйственная колонизация шла по пути «выставочной» колонизации из владельческих центров.

Изучая характерные особенности типов поселений — деревни, села, сельца, их внешний облик, Дегтярев отметил моменты перехода поселений из одного статуса в другой и внес коррективы, подчеркивая, что число сел и селец на определенной территории зависело не только от естественно-географических условий, но и от сложившейся картины феодального землевладения. В первой половине XVI в. возникновение поместной системы влияло на увеличение числа сел и селец. Вместе с тем автор пришел к выводу, что поземельный принцип обложения, право крестьянского выхода, существование захватного права, льготы, ведущие к окультуриванию новых земель, т. е. к внутреннему освоению, особенности движения феодальной ренты и т. д. обусловили раз-

витие системы поселений в XV—XVI вв. по пути создания мелких (малодворных) поселений, постоянного почкования существовавших деревень — образования починков.

В центральном районе, во владениях Владимирского, Московского и Переяславского уездов Дегтярев выявил развитую систему расселения, при которой опорный центр хозяйственного освоения — крупное поселение — село подчиняет район с 7—16 поселениями. Картина расселения в митрополичьем владении Костромского уезда приближается, по мнению Дегтярева, к типу расселений в Новгородской и Тверской землях. Крупных сел во владении нет, их заменяют более мелкие — сельца, которым подчиняется по 23 деревни. Подобная же обстановка отмечается Дегтяревым во владении Троице-Сергиева монастыря в Городском стане Угличского уезда. Особенности, связанные с различием естественно-географических условий, находит Дегтярев во владениях Нижегородского и Тульского уездов.

Во второй половине XVI в. в большинстве районов Русского государства общее число поселений сократилось примерно наполовину, а облик уцелевших изменился: выросла доля крупных поселений за счет мелких. Существовавшие села и деревни поглощали уголья запустевших. Возросла средняя дворность уцелевших поселений. Это было вызвано, как подчеркнул Дегтярев, тяжелыми государевыми податями и изменением структуры зависимого населения, прежде всего ростом прослойки бобылей. Изменение в облике поселений в XVII в. в книге связывается с введением подворного обложения, которое привело к сокращению семейных разделов, увеличив таким образом состав крестьянского двора. Таким образом, в работах А. Я. Дегтярева впервые в советской историографии на основе собственных исследований и исследований других советских ученых дана общая характеристика сельского расселения феодальной Руси, которая позволяет судить о заселенности отдельных земель государства.

Дальнейшему изучению вопросов, связанных с внутренним освоением земель, во многом способствует монография В. А. Кучкина, посвященная формированию государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.⁶⁸ Продолжая работу, начатую А. Н. Насоновым, по изучению образования территории Древнерусского государства до Батыева нашествия, Кучкин расширяет хронологию своего исследования, используя все ныне известные археологические и письменные источники, и впервые подробно прослеживает изменения границ феодальной Северо-Восточной Руси. Основную причину расширения территории Древнерусского государства и его части — Ростовской земли — В. А. Кучкин связывает с развитием и укреплением феодальных отношений, вместе с тем учитывая и значение колонизации в Ростовскую землю кривичей и вятичей. Он внимательно изучил все изменения, происходившие на территории княжеств Северо-Восточной Руси, и очертил их границы, снабжая свои изыскания великолепным картографическим материалом. Кучкин, по-новому

локализовал многие села, волости, уточнил названия поселений, даты возникновения некоторых городов, очертил лесные просторанства и тем самым воссоздал более реальную картину степени освоенности отдельных районов. Прослеживая потоки переселенцев, двигавшихся по Волге и другим рекам, Кучкин уточнил направления переселенческих волн и время освоения территорий по этим рекам, принятые в исторической литературе. Более детально изучил он места притока населения в период ордынских набегов XIII в. Прослеживая изменения территории Северо-Восточной Руси в XIV в., Кучкин уточнил ряд прежних представлений о границах, локализовал многие поселения и тем самым создал более полную картину, дающую возможность судить о населенности земель.

После возникновения марксистского направления в русской историографии, начало которому было положено еще в дореволюционные годы, прежде всего трудами В. И. Ленина, наметился принципиально новый подход к изучению всего комплекса проблем, связанных с историей феодализма в России, в том числе и к изучению истории внутреннего освоения земель. Уже в 30-х годах в работах С. Б. Веселовского, Н. Н. Воронина, Б. А. Романова было многое сделано для выяснения роли поселений и их эволюции в процессе развития социально-экономических отношений на Руси в XIV—XVI вв. Новое звучание и содержание приобрели проблемы внутреннего освоения земель, будучи затронутыми в трудах советских историков в тесной связи с такими кардинальными проблемами русского феодализма, как история классовой борьбы, история крепостничества, история феодальной собственности (труды Л. В. Черепнина).

Новый этап разработки проблемы внутреннего освоения связан с подъемом советской исторической науки в 50—80-х годах. Появились работы, которым присущ комплексный подход к проблеме, усовершенствование исследовательской методики, значительное расширение источниковой базы. В них подробно изучаются развитие сельских поселений в различных районах Руси рассматриваемого периода и влияние на них развивающихся феодальных отношений (работы А. И. Копанева, Ю. Г. Алексева, А. Л. Шапиро, П. А. Колесникова, А. Я. Дегтярева и др.). Вместе с тем отдельные аспекты проблемы внутренней колонизации России нуждаются в дальнейшей разработке. Необходимо как продолжать изучение общих социально-экономических процессов, являвшихся предпосылками внутренней колонизации, так и вести локальные исследования, которые должны выяснить особенности колонизации отдельных районов Русского государства.

¹ Настоящая статья не претендует на исчерпывающий обзор литературы. Она начинается с анализа работ, написанных в середине XIX в., когда уже был найден в архивах и опубликован значительный комплекс источников.

² *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии XI—XIII вв. Л., 1973. С. 80—111 и др.

- ³ Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 97—99.
- ⁴ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 60—61; М., 1960. Кн. 2. С. 648 и др. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I. С. 361—362, 365; *Черепнин Л. В.* С. М. Соловьев как историк // *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 5—51; *Сахаров А. М.* История России в трудах С. М. Соловьева // *Вестн. МГУ. История.* 1971. № 3. С. 77—78.
- ⁵ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 62—63.
- ⁶ *Ешевский С. В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 317. См. также: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 124, 587.
- ⁷ См.: *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки по русской истории // *Собр. соч.* СПб., 1897. Т. 1. Стб. 611—618.
- ⁸ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 399—405.
- ⁹ *Шапов А. П.* Неизданные сочинения // *Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете.* 1926. Т. 33, вып. 2/3. С. 12, 13. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 67.
- ¹⁰ *Шапов А. П.* Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 158.
- ¹¹ См.: *Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 124, 125, 129, 133.
- ¹² Там же. С. 149.
- ¹³ См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории, лекция XII // *Соч.* М., 1957. Т. 1. С. 291—293.
- ¹⁴ *Ключевский В. О.* Новые исследования по истории древнерусских монастырей: (По поводу соч. В. С. Иконникова) // *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы: Третий сборник статей. М., 1914. С. 33.
- ¹⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶ См.: *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1863. С. 92, 97, 129, 131, 137, 138, 142, 143, 149, 159, и др.
- ¹⁷ См.: *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1898. Ч. 1. Подсчеты Миллюковым населения позднее были оспорены и уточнены. См.: *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. // *Ист. зап.* 1959. Т. 64. С. 233—234.
- ¹⁸ См.: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., 1897. Вып. 1; СПб., 1910. Вып. 2. С. 2, 23—28 и др.
- ¹⁹ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 24—55.
- ²⁰ Там же. С. 52.
- ²¹ Там же. С. 52—54.
- ²² Там же. С. 55.
- ²³ См.: Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1.
- ²⁴ *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 2—3.
- ²⁵ См.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 7—8.
- ²⁶ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 100. Разбор книги Н. А. Рожкова см.: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 175—178.
- ²⁷ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- ²⁸ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великоросской народности. Л., 1929. В отделе картографии ГИМ хранится авторский вариант карты М. К. Любавского (ГИМ. ОК. № 5529), отражающей заселение Руси. На ней обозначены города, населенные пункты, монастыри, возникшие до 1533 г., с 1533 до 1613 г. и после 1613 г. См.: *Бескровный Л. Г., Гольденберг Л. А.* О предмете и методе исторической географии // *История СССР.* 1971. № 6. С. 23—36.
- ²⁹ *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁰ См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 107—108; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 5, 7; Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 15.
- ³¹ ОР ГБЛ. Ф. 364 (М. К. Любавского). Карт. 2. Ед. хр. № 5. Под таким же названием курс лекций М. К. Любавского, читанный в Московском

- университете, был издан литографическим способом. См.: *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 4; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 499.
- ³² ОР ГБЛ. Ф. 364, карт. 2. Ед. хр. № 5. Л. 75.
- ³³ *Савич А. А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV—XVII вв. // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 47—115.
- ³⁴ *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 138; *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. // Там же. М.; Л., 1936. Вып. 139.
- ³⁵ См.: *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма: (По поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327—476.
- ³⁶ *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 20.
- ³⁷ *Романов Б. А.* Указ. соч. С. 331—332.
- ³⁸ Там же. С. 416.
- ³⁹ Там же. С. 416—418.
- ⁴⁰ Там же. С. 369. В данном случае Б. А. Романов развивает мысль Н. П. Павлова-Сильванского, увидевшего следы древнего общинного строя в материалах писцовых книг XVI в.
- ⁴¹ *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴² *Романов Б. А.* Указ. соч. С. 374.
- ⁴³ Уже в ранних работах С. Б. Веселовского находим огромный фактический материал по истории сельских поселений и типологии земельных угодий. Изучение практики кадастра позволило Веселовскому наметить методику, по которой можно уловить ввод в производство новых земель, определить ранее пущенные в оборот земли. См.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. М., 1913—1917. Т. 1—2; *Он же.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1905—1916. Т. 1, 2.
- ⁴⁴ *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. С. 84—92.
- ⁴⁵ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. С. 162.
- ⁴⁶ *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. С. 31.
- ⁴⁷ *Романов Б. А.* Указ. соч. С. 440.
- ⁴⁸ *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. С. 10.
- ⁴⁹ *Романов Б. А.* Указ. соч. С. 440.
- ⁵⁰ *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 8—11 и др.; *Он же.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV—XVII вв.) // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 139—151.
- ⁵¹ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 26.
- ⁵² Там же. С. 267.
- ⁵³ Там же. С. 217.
- ⁵⁴ Там же. С. 26.
- ⁵⁵ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. С. 161—176.
- ⁵⁶ См.: *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965.
- ⁵⁷ См.: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня... С. 13 и др.; *Он же.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси. С. 141.
- ⁵⁸ См.: *Будовиц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.
- ⁵⁹ См.: *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. С. 233—254.

В 70-х годах Я. Е. Водарский произвел новый подсчет численности населения России к середине и концу XVI в. Его цифры меньше данных Копанева. См.: *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 26—27, 41—49.

- ⁸⁰ См.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1951; *Он же.* Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; *Он же.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. Вып. 4; *Он же.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- ⁸¹ См.: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966; *Он же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России; *Он же.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 119—128 и др.
- ⁸² *Алексеев Ю. Г.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. С. 75.
- ⁸³ См.: Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1978.
- ⁸⁴ См.: *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- ⁸⁵ См.: *Горская Н. А.* Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1.
- ⁸⁶ *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.
- ⁸⁷ См.: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня... См. также: *Он же.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси. С. 144—151.
- ⁸⁸ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РАННИЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XIX в. В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Основные направления и проблемы)

М. А. Додолев

Интерес к ранним буржуазным революциям — характерная особенность современной испанской историографии — проявился еще в 50-х годах, когда в связи с разгромом фашизма развернулась дискуссия о «постфранкизме», будущем политическом устройстве Испании. Консервативные историки Испании, занимавшие в этот период ключевые позиции в области науки и культуры и отражавшие монархические настроения части господствующих классов, именно в этот период предприняли попытку «пересмотреть (или «подправить») обскурантистские установки идеологов франкизма, осуждавших либеральные и демократические взгляды, как не соответствующие «традициям Испании», и отрицательно относившихся к изучению истории Испании XVIII—XIX вв.

Одним из первых на необходимость изучения этой эпохи и пересмотра взглядов историков XIX в. в ряде статей и лекций «Консерваторы, новаторы и реформаторы на исходе старого режима» еще в 1955 г. указал молодой священник Ф. Суарес Вердегер, бывший преподавателем Валенсийского университета и деятелем полурелигиозного общества «Опус деи». Полемизируя со взглядами буржуазных либеральных авторов, сводивших всю историю XIX в. к борьбе двух партий — либералов и абсолютистов, Суарес утверждал, что они не только обедняют, но и извращают историю Испании, игнорируют ее традиции и специфические особенности. Действительными протагонистами истории Испании в XIX в. были не либералы («новаторы») и не абсолютисты («консерваторы»), а сторонники реформ («реформаторы»), якобы имевшиеся во всех партиях. Именно они будто бы вели Испанию по пути прогресса, находили «правильные решения», не порывая с традициями, но и не цепляясь слепо за все, связанное с ними¹.

«Вне всякого сомнения, — утверждал Суарес, — не только началом, но и истоком всей современной истории Испании является период Войны за независимость (1808—1814)»². Именно в этот период вследствие нашествия наполеоновской Франции Испания раскололась на два лагеря — «традиционалистов» и «новаторов».

К числу первых он отнес весь испанский народ, а к числу вторых — небольшую группу интеллигентов, испытавших влияние Просвещения и Французской революции XVIII в.: «либералес» и «афрансесадос» («офранцузенных»). «Афрансесадос» перешли на сторону наполеоновской Франции не только потому, что они находили нереальным всякое сопротивление наполеоновской армии, но также и потому, что они рассчитывали при помощи «марионеточного» правительства Жозефа Бонапарта осуществить в стране прогрессивные реформы (ликвидировать инквизицию, ограничить число монастырей, ввести в действие принятую по указке Наполеона «байоннскую» конституцию). Либералы, в отличие от «афрансесадос», остались на стороне испанского народа, но они воспользовались создавшейся исключительной обстановкой (оккупацией страны наполеоновской армией) для того, чтобы навязать Испании конституцию 1812 г., будто бы бывшую «простой копией» французской конституции 1791 г. и поэтому аннулированную в мае 1814 г., вскоре после окончания войны и возвращения короля Фердинанда VII из плена. Ликвидация конституционного режима произошла без всяких затруднений, ибо Войну за независимость испанский народ вел исключительно в целях защиты религии и правящей династии. «Восстание и война, — утверждал Суарес, — вызывались в такой же мере стремлением к сопротивлению захватчику, как и стремлением к сопротивлению политическим новшествам»³. Именно по этой причине испанский народ будто бы единодушно поддержал в 1814 г. отмену конституции 1812 г. и всех декретов кортесов.

Отрицая назревание в Испании в конце XVIII в. предпосылок буржуазной революции, Суарес рассматривал политический кризис «старого режима» вне всякой связи с социально-экономическими процессами, происходившими в Испании в XVIII и XIX вв. Смена «старого режима» новой «либеральной системой» будто бы была осуществлена постепенно, в результате реформ, а не революций. Буржуазная революция 1820—1823 гг. будто бы была вызвана случайными причинами. Суарес не придавал значения тому факту, что революции 1820—1823 гг. предшествовали многочисленные заговоры и военные восстания («пронунсиаменто»), которые, несмотря на их провал, неоднократно повторялись. «Первые пронунсиаменто» в Испании, по мнению Суареса, будто бы «не имели никаких откликов». «Решающим фактором», приведшим к революции 1820—1823 гг., была «деятельность масонских лож, сумевших использовать недовольство военных»⁴.

Тезисы Суареса, в 1965 г. ставшего ректором Наваррского университета (г. Памплона) в 60—70-х годах нашли воплощение в трудах его многочисленных последователей и учеников. Методологическая основа этих работ, часто посвященных очень узким темам, — эмпирический догматизм, деидеологизация исторической науки, фетишизация материалов архивов, отрицание общих закономерностей исторического развития, преувеличение специфических особенностей истории Испании, что приводит к обособлению

ее от истории других стран и рассмотрению внешней политики в отрыве от внутренней.

В теоретическом отношении авторы этих работ по существу исходят из крайних субъективно-идеалистических взглядов, отрицания роли борьбы народных масс, в частности игнорирования крестьянских движений в период разложения феодального строя⁵.

Заемствуя отдельные положения клерикально-монархических авторов XIX в., широко, но не всегда критически используя источники реакционного происхождения, последователи школы Суареса крайне отрицательно оценивают роль первых буржуазных революций и конституции 1812 г., видя в них последствие «международного иудо-масонского заговора». По их мнению, Великая французская революция XVIII в., кризис «старого режима» ознаменовали начало «нового и даже постыдного периода упадка Испании»⁶, — периода потери ею колониальной империи. При этом они не обращают внимания на действительные объективные причины, помешавшие предотвратить отпадение «заморских владений» Испании, и все внимание сосредоточивают на субъективных идеологических аспектах. По их мнению, всеобщее недовольство испанского народа в 1808 г. правлением Годоя, расстройством финансов, коррупцией, подчинением политики мадридского кабинета Наполеону нисколько не означало, что режим абсолютной монархии переживал кризис и был дискредитирован в глазах испанского народа⁷.

Отрицая, что в период Войны за независимость борьба классов и партий обострилась, Х. Г. Комеллас (один из наиболее способных представителей «школы Суареса», в 1964 г. ставший заведующим кафедрой новейшей истории Севильского университета) утверждает, что кризис «старого режима» начался в 1812 г. (т. е. не в 1808 г., не в период восстания испанского народа, а значительно позже), после того, как кадисские кортесы приняли либеральную конституцию. Ученик Суареса Дж. Дием в статье «Источники кадисской конституции», изобразив конституцию 1812 г. результатом иностранного влияния и механических заимствований, исключил всякую связь («континуитет») конституции 1812 г. и кадисских кортесов с историческим прошлым Испании на том основании, что некоторые важные положения конституции не были оригинальными и заимствованы из французских конституций 1791 и 1795 гг. Дополняя эти утверждения, Кристина Торре, автор статьи «Бартоломе Хосе Галлардо и Критико-комический словарь», опубликованной в том же сборнике, что и статья Дж. Диема, на основе анализа лишь одного эпизода попыталась доказать, что лидеры кадисских кортесов вопреки положениям принятой ими конституции 1812 г. в действительности придерживались антиклерикальных взглядов. В новейшей работе «Процесс созыва кортесов (1808—1812 гг.)»⁸ Суарес попытался доказать, что процесс созыва кортесов принял революционный характер лишь в 1810 г. в результате «махинаций» Кинстаны и

других «новаторов», якобы скрывших от Регентского совета и кортесов декрет Центральной верховной правительственной хунты от 29 января 1810 г., который регламентировал порядок работы совета и кортесов. Вся концепция автора, таким образом, строится на совершенно недоказанной гипотезе.

Негативное отношение к деятельности первых дворянских просветителей и революционеров, будто бы несущих историческую ответственность за то, что в странах Испанской Америки начало развиваться сепаратистское движение⁹⁻¹⁰, в работах историков-традиционалистов выразилось также в попытке оправдать противников либерализма. Так Дис-Лоис, автор монографии «Манифест 1814 г.», конституции 1812 г., этой хартии испанского либерализма, противопоставила так называемый «Манифест персов», реакционный документ, составленный группой рьяных сторонников абсолютной монархии, призывавших короля отменить все декреты кортесов.

Пытаясь доказать, что этот документ создавал для Испании возможность развиваться по пути реформ, автор пишет: «Во всяком случае под влиянием Манифеста был принят в Валенсии декрет от 4 мая 1814 г. (аннулировавший постановления кортесов и восставший режим абсолютной монархии.— *М. Д.*), что доказывает существование в Испании реформаторского движения, которое укоренилось в политической традиции Испании и которое противостояло революционному новаторству либералов»¹¹. При этом автор даже не попытался выяснить причины, вследствие которых немногие реформы, предложенные в «Манифесте персов», остались неосуществленными, а его авторы преданы забвению.

Историки-традиционалисты даже предприняли попытку оправдать феодально-абсолютистский переворот, осуществленный в Испании в мае 1814 г., и сопровождавшие его репрессии. В вышедшей еще в 1958 г. монографии «Политика Фердинанда VII в 1814—1820 гг.» (отмеченной национальной премией) Мария дель Кармен Пинтос-Виейтес настаивала на неправомерности употребления термина «государственный переворот» в отношении событий апреля—мая 1814 г., приведших к свержению конституционного режима в Испании. При этом автор (вопреки своей декларации) исходит не из объективного и всестороннего изучения фактов, а из уже знакомой нам схемы, согласно которой Война за независимость будто бы была направлена не только против наполеоновской Франции, но и против «новаторских идей»¹².

Автор не только не поняла сущности и характера Войны за независимость испанского народа, сочетавшей дух возрождения с духом реакционности¹³, но и не заметила диалектику превращения освободительных войн французской революции в захватнические войны Наполеона, которая была понятна еще в первой четверти XIX в. даже умеренным либералам не только Испании, но и других европейских стран¹⁴.

В результате автор не только не поняла огромного прогрессивного значения Войны за независимость, но и сущности событий,

произошедших в период временного торжества феодально-абсолютистской реакции, не смогла объяснить причин, вследствие которых «политика частичных уступок» Фердинанда VII не удовлетворяла «ни тех и ни других»¹⁵.

Классовые основы абсолютной монархии в первые годы правления Фердинанда VII автор не рассматривает. Король будто бы проявлял благожелательность в отношении «ко всем социальным классам»¹⁶ и в отличие от кортесов прежде всего заботился об интересах «скромного сельского труженика»¹⁷.

Главное противоречие эпохи — противоречие между феодальным дворянством и духовенством и эксплуатируемым крестьянством — в монографии не нашло отражения. Отказавшись от рассмотрения влияния международных проблем, борьбы держав вокруг Испании и Испанской Америки, автор лишила себя возможности связать проблемы внешней политики Фердинанда VII с проблемой разложения феодальной системы и назревания буржуазной революции в Испании. Лишь в одном месте Пинтос-Виетес глухо указала на то, что оказавшись в изоляции, правительство Фердинанда VII не смогло найти выход из создавшейся обстановки и даже «смирилось с тем, что его политические враги получали значительную помощь от иностранных держав»¹⁸.

Революцию 1820 г., по мнению автора, осуществило «небольшое число либералов»¹⁹, которых народ не поддерживал. Проявление ликования в Мадриде появилось лишь после того, как король объявил декретом о восстановлении конституции 1812 г.

Резко отрицательно «как о ненужных» отзывался о «первых прононсиаменто» и революции 1820—1823 гг. Х. Г. Комеллас. По его мнению, организаторы первых военных восстаний (Мина, Порлье, Ласи и др.) руководствовались только личными мотивами и не пользовались никакой поддержкой²⁰. Они изображаются в качестве экзальтированных романтиков, безответственных и невежественных авантюристов или психически неуравновешенных лиц. Восстание Риго ничем не отличалось от других «прононсиаменто». Оно завершилось успехом «по чисто случайным причинам»²¹. Решающую роль сыграла «ошибка» короля, согласившегося пойти навстречу требованиям восставших войск. «Крах 1820 г., — утверждал Комеллас, — произошел исключительно по его вине»²². Недовольство некоторых слоев городского населения Испании не привело к «подлинной непопулярности» в Испании абсолютной монархии²³. Именно поэтому в 1823 г., в период интервенции Священного союза, конституционный режим потерпел крах. Решающую роль в организации вторжения в Испанию «ста тысяч сыновей Святого Людовика» сыграли не обращения Фердинанда VII к государям Священного союза с просьбами о помощи, а «комбинации европейской политики»²⁴.

Тезисы «памплонской школы» подвергло критике большинство исследователей неолиберального направления, работающих в крупнейших университетах Испании: Мадридском, Барселонском и Валенсийском.

В 1949 г. в восьмом томе журнала «Saitabi», издании Валенсийского университета, неолиберал Д. Севилла Андрес развил тезис об оригинальном характере конституции 1812 г., якобы открывавшем возможность мирного преобразования общества «старого режима». Он обратил внимание на то, что принятие кадисской конституции не могло быть случайным явлением и было подготовлено идейным развитием Испании в XVIII в. По своему происхождению, идеологии и развитию испанская революция существенно отличалась от французской революции XVIII в., а Война за независимость испанского народа носила «национальную, чисто иберийскую окраску»²⁵. Единственной войной, которую по ее основным идеологическим мотивам можно сравнить с Войной за независимость испанского народа, была война 1812 г. в России.

Указывая на специфические черты конституции 1812 г., Д. Севилла Андрес подчеркнул, что она серьезно ограничивала личную власть короля. В то же время автор согласился с Суаресом и его последователями относительно того, что «Манифест персов» будто бы не служил «защите абсолютизма»²⁶. Всю ответственность за отмену конституции 1812 г. и феодальную реакцию в Испании он возложил на Фердинанда VII, преувеличивая, таким образом, роль отдельной личности.

С тезисами школы Суареса относительно роли реформаторов и сущности «Манифеста персов» согласился и христианский демократ, заведующий кафедрой Севильского университета Санчес-Ахеста. Но при этом он указал, что между роялистами-реформаторами («персами») и либералами существовало серьезное расхождение — «радикализм, с которым последние провозгласили принцип суверенитета нации»²⁷. По словам автора, вопрос о внутреннем политическом устройстве Испании в 1812 г. стал основным вопросом, решению которого были подчинены другие проблемы. «Достаточно вспомнить,— пишет Санчес-Ахеста,— один факт: потеряли почти всю Испанскую Америку потому, что армия, которая направлялась для ее умиротворения, сочла провозглашение конституции 1812 г. более важным, чем сохранение испанской империи»²⁸. По мнению автора, лидеры кадисских кортесов стремились сохранить специфические испанские традиции. Особенности конституции 1812 г. не позволяли рассматривать ее как простое воплощение принципов французской революции XVIII в. Деятельность кортесов в 1810—1813 гг. выражала «испанскую политическую традицию», возникшую в период раннего средневековья и позднее преданную забвению. После либералов к средневековой истории Испании для обоснования своих политических позиций стали обращаться также абсолютисты. «Это объясняет, почему в испанских кортесах на протяжении всего XIX в. так много говорили об истории»²⁹.

Решительно отвергая мнение Суареса, что конституция 1812 г. была простой копией французской конституции 1791 г., Санчес-Ахеста писал: «Насколько слепы должны были бы быть патрио-

ты, чтобы почти единодушно одобрить такую конституцию, которая выражала идеи врага»³⁰.

Война за независимость, по мнению Санчеса-Ахесты, пробудила национальное сознание испанского народа, выдвинула в стихийной форме принцип суверенитета нации, противопоставив его принципу законности власти монарха. Полемизируя с Суаресом, автор утверждает: «Явно наивно полагать, что глубокий исторический поворот, который произошел в развитии Испании в XIX в., был простым результатом осуществления планов небольшого числа людей, руководствовавшихся революционными идеями»³¹.

Решительно отвергли тезисы школы Суареса и другие испанские историки неолиберального направления.

В 1958 г. выпускник Мадридского университета писатель и историк Р. Солис опубликовал монографию «Кадис кортесов: Жизнь в городе в 1810—1813 гг.», в которой показал большое значение событий, происходивших в Кадисе в период Войны за независимость, для формирования испанской нации. Опровергая утверждения реакционных историков о том, что принятие кадисской конституции было подготовлено наполеоновской агентурой, Солис на основе изучения материалов местной печати и архивов сделал вывод о том, что масонские ложи в период осады Кадиса играли незначительную роль. Большое значение имеет и опровержение автором утверждений реакционных историков относительно ответственности кадисских кортесов за отделение «заморских владений». «Несправедливо, — писал Р. Солис, — обвинять Кадис и кадисские кортесы в том, что они были причиной отделения Америки и всех бедствий, обрушившихся на Испанию в XIX в. С абсолютной беспристрастностью следует признать, что крах произошел в тот момент, когда абсолютистская реакция аннулировала конституцию, которая создавала единственную возможность для воссоединения»³².

На большое прогрессивное значение Войны за независимость, первых буржуазных революций и конституции 1812 г. уже в своих первых работах указал заведующий кафедрой Саламанкского (а затем Мадридского) университета М. Артола Гальего. По мнению Артолы, уже в 1808 г. в Испании произошел «радикальный разрыв» со «старой системой». Обращение в мае 1808 г. алькальда (мэра) небольшого города Мостолеса было единственным случаем, когда от имени всей нации с призывом объявить войну Наполеону обратился представитель старой власти. Война испанского народа сразу же приобрела национально-освободительный и революционный характер³³. Артола указал на взаимосвязь между герильей и революционными преобразованиями в Испании. Однако он недооценил специфические условия герильи, тот факт, что «первыми герильясами были крестьяне, а не солдаты, дезертиры или беженцы»³⁴. В условиях создавшейся «революционной ситуации» монархическую законность сменила народная законность. Однако присоединение к восставшему народу провинциального дворянства и буржуазии наложило печать

на дальнейшее развитие событий. Принятие в марте 1812 г. кадисскими кортесами конституции означало передачу власти «самоу сильному в тот момент общественному классу — буржуазии»³⁵. Принятие конституции 1812 г. не только внесло в борьбу первых дворянско-буржуазных революционеров элемент новой политической идеологии, сознательности и направленности, но и создало особую доктрину испанского либерализма. Создание этой доктрины было результатом длительного идейного процесса, хотя ее основные идеи не отличались оригинальностью. Для того чтобы «замаскировать» действительный характер своей революции, испанские либералы прибегли к «средневековой испанской традиции»³⁶, которую позднее взяли на свое вооружение абсолютисты.

Артола обратил внимание на то, что буржуазный классовый характер революции более ясно проявился в социально-экономических декретах кортесов, которые обходила молчанием буржуазная либеральная историография XIX в. Именно принятие этих декретов крайне обострило обстановку, создало накануне возвращения в Испанию Фердинанда VII атмосферу гражданской войны. С 1810 по 1840 г., утверждает Артола, Испания переживала период «перманентной гражданской войны»³⁷.

Так же четко Артола указал и на классовый характер государственного переворота в мае 1814 г. Решающую роль в неудаче первой буржуазной революции в Испании он отвел влиянию церкви³⁸. Отрицая существование среди роялистов партии сторонников реформ, Артола в соответствии с концепциями либеральных историков XIX в. сделал вывод, что «центральной темой истории Испании в период с 1814 по 1840 г. стала борьба абсолютистов и либералов за власть, которая для первых служила средством сохранения старого строя, а для вторых — средством создания нового общества»³⁹.

Артола не согласился с мнением, что вторая буржуазная революция (1820—1823 гг.) была результатом простого верхушечного переворота, осуществленного группой военных и ставшего возможным в результате ошибок короля. По его мнению, уже «первые пронунсиаменто» показали, что определенные социальные слои в Испании испытывали глубокое недовольство. «Недовольство буржуазии и новых кадров армии, — пишет Артола, — бесспорная черта действительности» Испании первых лет правления Фердинанда VII⁴⁰.

В то же время Артола явно преувеличил «революционность» испанской буржуазии, не показал ее непоследовательность, враждебность в отношении народных масс, постоянное стремление к классовому компромиссу с феодальной аристократией и церковью, нежелание осуществить аграрную реформу.

Решающую роль в провале второй буржуазной революции (1820—1823 гг.) Артола ошибочно отвел французской интервенции, «вторжению ста тысяч сыновей Святого Людовика». Он даже утверждал, что тайное сопротивление Фердинанда VII прави-

тельству умеренных либералов, его обращения к Священному союзу имели «более серьезное значение для будущего режима», чем оппозиция кортесов.

Для взглядов Артолы вообще характерен некоторый схематизм. Так, по его мнению, «государственный переворот», осуществленный Фердинандом VII в мае 1814 г., произвел большое впечатление в странах Западной Европы будто бы потому, что они подвергались влиянию некоего «атлантического цикла революций»⁴¹.

Преувеличивая значение географических условий, Артола не обратил внимания на тот известный факт, что именно в России, стране Восточной Европы, произошло первое после подавления конституционного режима в Испании военное восстание — восстание декабристов. Решающую роль сыграл не некий «атлантический цикл революций», а сходство социальных и политических условий двух стран, их совместное участие в войне против Наполеона и «сближение» в первые годы Реставрации⁴².

Тезисы Артолы разделил и другой неолиберальный историк, с 1964 г. заведовавший кафедрой общей истории Испании Барселонского университета К. Секо Серрано. Он обратил внимание на трудность положения правительства «умеренных либералов» в период «конституционного трехлетия», ибо оно было вынуждено одновременно бороться как с роялистами, так и с «демагогическими крайностями» левых, радикальных элементов («комунерос» и др.). Свое отрицательное отношение к последним Секо Серрано (как и все буржуазные историки XIX и XX вв.) объяснил тем, что эти группы в конечном счете только вызывали «фатальную реакцию, получившую поддержку Европы Меттерниха». По мнению Секо Серрано, правительства «умеренных либералов», и в особенности их наиболее типичный представитель Мартинес де ла Роса (депутат кадисских кортесов, поэт и историк), будто бы стали главным объектом враждебности Фердинанда VII. Стремясь показать несостоятельность традиционалистской историографии, пренебрежительно относившейся к испанскому Просвещению и раннему (дворянскому) либерализму, Секо Серрано явно не сумел раскрыть классовую сущность деятельности первых испанских либералов, объяснить причины их оторванности от народа, хотя и заметил, что ранний, «либеральный» (по терминологии автора) цикл буржуазной революции в Испании отличается от последующего, «социалистического» отсутствием у него «подлинно буржуазной базы»⁴³.

Большое место при объяснении перехода Испании от феодализма к капитализму отвел в своих работах географическим условиям, «атлантическому циклу революций» испанский исследователь радикально-демократического направления заведующий кафедрой новейшей истории Испании Валенсийского (а затем Мадридского) университета Х. М. Ховер Самора.

По мнению Ховера, поскольку «решающим фактором, определяющим особенности исторического развития Европы, является

ее связь с остальной частью мира»⁴⁴, значительное внимание следует уделить внешнеполитическим аспектам истории Испании периода Войны за независимость и буржуазных революций XIX в.

Исследователь показал, что причины краха колониальной империи и возникновения первых буржуазных революций в Испании были значительно более глубокими и сложными, чем это представлялось историкам-традиционалистам, и вызрели уже в конце XVIII в. Он связал назревание этих причин с теми изменениями, которые в международных отношениях и политическую жизнь европейских стран (к ним он не отнес Россию и другие восточноевропейские страны) внесла Великая французская революция XVIII в. К этим изменениям автор отнес несоответствие новым условиям принципов внешней политики Испании эпохи Просвещения, последствия Войны за независимость и вмешательство европейских держав во внутренние дела Испании периода первых революций. По мнению Ховера, процесс назревания объективных предпосылок буржуазной революции в Испании, роста реального влияния буржуазии в 1789—1843 гг. до сих пор изучен недостаточно. Поэтому вполне допустима постановка вопроса, произошла ли в Испании первой половины XIX в. «подлинная революция»⁴⁵.

Интерес к ранним буржуазным революциям в 60-х годах стимулировало внимание, которое в это время некоторые испанские историки, осознавшие несостоятельность традиционалистской историографии, проявили в отношении методологических вопросов, изучения экономических процессов, ознакомления с развитием исторической науки в других странах (Франции, Италии, ФРГ, США, СССР)⁴⁶.

Значительную роль в этом отношении сыграли труды историков-марксистов П. Вилара и М. Туньон де Лара, а также каталонского медиевиста Х. Висенса Вивеса (1910—1960) и его учеников, которые отбросили методологические принципы «германского историзма» (школы Ранке) и заложили основы «современного периода испанской и латиноамериканской историографии»⁴⁷. В основанном Висенсом Вивесом журнале «Estudios de historia moderna» («Исследования по новой истории») была не только выдвинута программа методологического обновления испанской исторической науки, но и сделаны важные шаги на этом пути, уделено внимание изучению настроений народных масс в переломный период истории Испании от начала французской революции до окончания Войны за независимость испанского народа. Называя события 1808 г. «национальной революцией», Висенс Вивес утверждал, что не следует игнорировать «фермент социального обновления»⁴⁸, антиаристократическую тенденцию в этот период.

Висенс Вивес и его последователи уделяли особое внимание «мятежу в Аранхузе», предшествовавшему началу Войны за независимость и приведшему к отречению Карла IV. «Восстание

2 мая в Мадриде (т. е. начало Войны за независимость.— М. Д.) становится более понятным, если в памяти сохраняется мятеж в Аранхуэсе,— утверждает ученик Х. Висенса Вивеса, профессор Барселонского университета Педро Волтес.— В обоих случаях народ выходит на улицу, бросая вызов государству и грандиозной силе, которая должна гарантировать общественный порядок: «французской армии»⁴⁹.

Таким образом, мы видим, что Войну за независимость и революцию в Испании современные каталонские историки рассматривают в тесной диалектической взаимосвязи (не противопоставляя их, как это делают последователи «памплонской школы»). При этом особое внимание уделяется социально-экономическим предпосылкам революции.

Изучение объективных экономических процессов, происходивших в Испании и Испанской Америке в XVIII—XIX вв., в частности анализ статистических данных, характеризующих состояние финансов и торговых связей Испании, позволило ученикам Висенса Вивеса раскрыть более глубокие причины кризиса феодального строя в Испании и происхождения ранних буржуазных революций. Не случайно, что одному из учеников Висенса Вивеса, профессору Барселонского университета Х. Фонтане, принадлежит лучшая работа по данной тематике, монография «Крах абсолютной монархии 1814—1820 гг.».

Обратив внимание на глубокие социально-экономические причины кризиса, начавшегося под влиянием Великой французской революции,— потерю колониальных рынков, застой экономики, истощение финансовых ресурсов и вследствие этого дезорганизацию государственного аппарата, Фонтана убедительно показал, что падение абсолютной монархии в 1820 г. было подготовлено всем предшествующим развитием Испании и что восстание Риго было поддержано населением некоторых приморских городов (Кадиса, Ла Коруньи, Барселоны, Валенсии) и Мадрида. По мнению барселонского исследователя, уже в 1817 г. «заговор Ласи» получил поддержку некоторых слоев буржуазии Каталонии и городских народных низов (промышленного пролетариата, мелких торговцев и т. д.)⁵⁰.

Причина «краха абсолютной монархии» заключалась в «неразрешимом противоречии» между стремлением испанского государства в 1814—1819 гг. «сохранить в целостности структуру старого режима и невозможностью найти необходимые ресурсы, не затрагивая эту структуру. Терзаемое этим противоречием испанское государство шло от поражения к поражению, пока не подошло к капитуляции почти без сопротивления в 1820 г., побежденное скорее вследствие своей собственной слабости, чем вследствие натиска революционных сил»⁵¹.

Фонтана отверг как вымысел версию сторонников школы Суареса о том, что среди испанских роялистов в то время будто бы существовала партия сторонников серьезных реформ. Критикуя упомянутую нами монографию Кристины Дис-Лоис

«Манифест 1814 г.», Фонтана указал, что эта работа «вносит очень мало нового и не содержит существенно важных данных. Самое любопытное, что, вопреки намерениям ее автора, в действительности эта работа доказывает, что «Манифест персов», документ, подписанный столь незначительными людьми, что даже специалист не в состоянии установить их личность, не вызвал сколько-нибудь значительных откликов и не приобрел большого значения. Так что приравнение его к конституции 1812 г. (как это сделал Ф. Суарес) совершенно несостоятельно»⁵².

Опровергая утверждения реакционных историков относительно но стихийного характера отмены конституции 1812 г., Фонтана подчеркивает, что государственный переворот 1814 г. готовился весьма тщательно⁵³.

В отличие от работ буржуазных авторов в монографии Фонтаны показано также значение главного антагонистического противоречия эпохи,— противоречия между крестьянскими народными массами и режимом помещиков. По словам Фонтаны, классовые противоречия между помещиками и крестьянами обострились еще задолго до Войны за независимость. «События 1808 г. приобрели в некоторых пунктах Испании характер антифеодальной революции»⁵⁴. Государственный переворот мая 1814 г. был результатом феодально-абсолютистской реакции. Правительство Фердинанда VII в действительности защищало интересы не «скромного сельского труженика», а интересы феодалов и церкви.

В другой монографии, «Кризис старого режима (1808—1833)», Фонтана подчеркнул решающую роль восстания испанского народа против Наполеона в развитии процесса перехода от феодализма к капитализму. «Развал государственного аппарата в 1808 г.,— пишет Фонтана,— выявил глубину латентного кризиса и доказал невозможность починить старое здание»⁵⁵. По словам автора монографии, недоверие к старым властям стало «всеобщим». Однако присоединение к восстанию части правящих классов воспрепятствовало его дальнейшей «радикализации»⁵⁶, т. е. перерастанию в буржуазно-демократическую революцию.

В отличие от нелиберальных историков (Артола, Секо Серрано и др.) Фонтана, в сущности, согласен с К. Марксом, сравнившим участие представителей высших классов в провинциальных хунтах с ролью «плотины против революционного потока, всякий раз как он грозил выйти из берегов»⁵⁷.

Изменения, произошедшие в Испании в период Войны за независимость (1808—1814 гг.), носили необратимый, глубокий характер, и поэтому попытка Фердинанда VII вернуться в проведении политики к периоду до 1808 г. была по меньшей мере нелепой⁵⁸. Для того чтобы «открыто начать проведение политики реформ», было необходимо «признать» допущенную в 1814 г. грубую ошибку. И поскольку Фердинанд VII не решился откровенно это сделать, он не смог осуществить и политику коренных реформ.

Большое значение Фонтана, как и Артола, придает «консти-

туционному трехлетию». В то же время в отличие от Артолы он резко критически относится не только к действиям Фердинанда VII и роялистов, но также и к действиям правительства «умеренных либералов» и кортесов. Деятельность кортесов в 1820—1823 гг., как и в 1810—1814 гг., носила непоследовательный, реформистский характер и была продиктована страхом перед восстанием народных масс. Фонтана подчеркивает, что буржуазная революция в Испании в отличие от французской революции XVIII в. с самого начала носила противоречивый характер⁵⁹. В период «конституционного трехлетия» (1820—1823 гг.) все противоречия испанской революции открыто выступили наружу. «Деятели конституционного трехлетия придерживались тех же реформистских иллюзий, какие мы видели у деятелей кадисских кортесов: то же желание примириться с господствующими классами старой системы, тот же страх перед такой социальной революцией, какой была французская революция XVIII в.»⁶⁰.

Решительно возражая Комелласу, Фонтана отрицает, что вмешательство европейской политики во внутренние дела Испании после окончания «конституционного трехлетия» ликвидировало разрыв между правительством и народом⁶¹.

Как поворотный момент в истории буржуазных революций в Испании рассматривает «конституционное трехлетие» И. М. Завала⁶². Именно в это время на политическую сцену вышли левые радикальные и республиканские группы, более понимавшие чаяния народных масс. Мы сказали бы, что именно в это время окончился период дворянской революционности и начинался новый, разночинский период.

В 1975 г. появилась фундаментальная работа профессора Барселонского университета А. Хиль Новалеса «Патриотические общества (1820—1823 гг.)», в которой изучены происхождение, деятельность и идеология первых массовых политических организаций, возникших в период «конституционного трехлетия», их взаимоотношения с «либеральными» правительствами и населением не только крупнейших столичных центров, но и многих провинциальных городов. Отвергая реакционную легенду, согласно которой испанское крестьянство якобы всегда выступало на стороне феодальной реакции, Хиль Новалес подчеркивает, что ненависть крестьянства к либералам объясняется той антинародной политикой, которую последние проводили во время своего пребывания у власти⁶³. В монографии прослеживается закулисная сторона деятельности либералов. Главную причину поражения второй буржуазной революции автор, в отличие от Артолы, Секо Серрано, видит не в интервенции Священного союза, а во «внутренней» слабости испанской революции, расколе организаций левых радикальных элементов («комунерос»), в результате которых Испания перед лицом интервенции оказалась совершенно «безоружной»⁶⁴.

Анализируя социальный состав революционных «патриотических обществ», автор показал, что представители буржуазии

(коммерсанты и промышленники) составляли в них ничтожное меньшинство (около 1,6%), и сделал вывод, что в период «конституционного трехлетия» испанская буржуазия потеряла возможность сыграть действительно революционную роль и осуществить коренную аграрную реформу. На VII коллоквиуме испанских и французских историков (По, 1977 г.), явно полемизируя с Артолой, Хиль Новалес заявил, что после «конституционного трехлетия» говорить о существовании в Испании «революционной буржуазии» невозможно⁶⁵. По мнению автора, более чем к итальянскому Рисорджименто, к «конституционному трехлетию» применим тезис Антонио Грамши о «неудавшейся революции». Несмотря на то что вторая буржуазная революция в 1823 г. потерпела крах, она имела большое значение, ибо подготовила третий, решающий этап превращения абсолютной монархии в конституционную дворянско-буржуазную монархию. Хиль Новалес пересмотрел негативные оценки деятельности левых течений и групп, которые господствовали в испанской историографии в XIX и в первой половине XX в., и подчеркнул, что одна из основных причин поражения революции заключалась в расколе и незрелости этих течений и групп.

По мнению Хиль Новалеса, в Испании, как и в Англии, осуществился союз буржуазии с аристократией, при том существенном отличии, что в Испании не произошла такая большая революция, которая имела место в Англии в середине XVII в.

Особенности начала буржуазной революции Хиль Новалес убедительно связал с особенностями испанского Просвещения. По его словам, «испанская революция 1820 г. в значительной степени была дочерью Просвещения по испанскому образцу». Демократическое начало в конституции 1812 г. происходило от Войны за независимость. Именно в этот период были заложены «основы буржуазной революции»⁶⁶.

В последние годы появился ряд специальных работ, посвященных отдельным аспектам ранних буржуазных революций. И хотя в этих работах отсутствует понятие дворянской революционности, примечательно появление историко-социологических работ, рассматривающих как формирование испанской интеллигенции, так и ее роль в процессе перехода от «старого режима» к современному обществу⁶⁷.

Труды Фонтаны, Хиль Новалеса и некоторых других авторов не только раскрыли ненаучный характер концепций реакционных историков, но и во многом способствовали глубокому и всестороннему изучению буржуазных революций в Испании, «преодолению чудовищного пробела в наших знаниях относительно этой эпохи»⁶⁸, что очень важно для изучения процесса разложения в Испании феодального строя и создания современного буржуазного общества.

Анализ некоторых важнейших трудов современных испанских историков показывает, что становление историографии буржуазных революций XIX в. в Испании происходило в условиях остро-

го столкновения различных школ и направлений (традиционалистского, с одной стороны, неолиберального, радикально-демократического, марксистского — с другой), отражавшего кризис франкистского режима и борьбу вокруг вопроса о будущем политическом строе Испании. В развернувшейся дискуссии после принятия в 1978 г. новой конституции, ознаменовавшей крах попыток сохранить франкистский режим, все более активное участие стали принимать также историки-марксисты. В новых условиях, создавшихся в Испании, возрос интерес к работам К. Маркса, посвященным испанским революциям, и вообще к марксизму. Марксизм все чаще признается в качестве одного из наиболее плодотворных историко-философских учений⁶⁹.

- ¹ *Suarez Verdeguer F.* Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerias del Antiguo régimen. Pamplona, 1955. P. 41.
- ² *Suarez Verdeguer F.* Las tendencias políticas durante la guerra de la Independencia. Zaragoza, 1959. P. 3.
- ³ *Suarez Verdeguer F.* La crisis política del Antiguo régimen en España (1800—1840). 2 ed. Madrid, 1958. P. 25.
- ⁴ *Ibid.* P. 61.
- ⁵ Так Х. Г. Комеллас, автор работы «Конституционное трехлетие», отказывается от конкретных выводов и обобщений под тем предлогом, что он не желает покидать «научную основу и вступать во всегда опасную область интерпретаций» (*Comellas J. G.* El Trienio constitucional. Madrid, 1963. P. 439). См.: также: *Suarez F.* Reflexiones sobre la historia y sobre el metodo de la investigación histórica. Madrid, 1977.
- ⁶ *Comellas J. G.* Historia de España moderna y contemporanea (1474—1974). Madrid, 1974. T. 2. P. 23.
- ⁷ *Martinez de Velasco A.* La formacion de la Junta central. Pamplona, 1972. P. 79—89.
- ⁸ *Suarez F.* El proceso de la convocatoria a Cortes (1808—1810). Pamplona, 1982.
- ⁹⁻¹⁰ Так, вопреки фактам они преувеличивают степень распространенности в Испанской Америке манифестов Кинтаны, декретов и прокламаций Центральной хунты и кортесов (см.: *Dérozier A.* Manuel Josef Quintana et la naissance du libéralisme en Espagne. P., 1968. P. 551). В действительности деятельность кадисских кортесов затормозила развитие в Испанской Америке сепаратистского движения и создавала реальную возможность урегулирования отношений между Испанией и её заморскими владениями. См.: *Майский И. М.* Испания 1808—1917 гг. М., 1957. С. 97.
- ¹¹ *Diz-Lois C.* El Manifiesto de 1814. Pamplona. 1974. P. 42.
- ¹² *Pintos Vieites M.* La política de Fernando VII entre 1814 y 1820. Pamplona, 1958. P. 17.
- ¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 436.
- ¹⁴ *Balbo C.* Studi sulla Guerra d'indipendenza di Spagna e Portogallo: Scritti da un ufficiale italiano. Torino, 1847. P. 175.
- ¹⁵ *Pintos Vieites M.* Op. cit. P. 226.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 118.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 336.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 366.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 287—366.
- ²⁰ *Comellas J. G.* Los primeros pronunciamientos. Pamplona, 1958. p. 165. Однако в другой монографии «Конституционное трехлетие» Комеллас исправил это утверждение, упомянув, что «первые pronunciamento» систематически поддерживала группа «видных промышленников и коммерсантов». — *Comellas J. G.* El Trienio constitucional. P. 15.
- ²¹ *Comellas J. G.* Los realistas en el trienio constitucional (1820—1823). Pamplona, 1958. P. 16.

- ²² *Comellas J. G.* Los primeros pronunciamientos. P. 38.
- ²³ *Comellas J. G.* El Trienio constitucional. P. 15.
- ²⁴ *Ibid.* P. 313.
- ²⁵ *Sevilla Andrés D.* Historia constitucional de España (1800—1966). Valencia, 1966. Vol. 1. P. 24.
- ²⁶ *Ibid.* P. 25.
- ²⁷ *Sanchez Agesta L.* Historia del constitucionalismo español. 2 ed. Madrid, 1964. P. 28.
- ²⁸ *Ibid.* P. 30.
- ²⁹ *Ibid.* P. 34.
- ³⁰ *Ibid.* P. 47.   ³¹ *Ibid.* P. 57.
- ³² *Solis R.* El Cadiz de las Cortes: La vida en la ciudad en los años de 1810 a 1813. Madrid, 1958. P. 85. В 1969 г. эта книга была переиздана.
- ³³ *Artola M.* La burguesía revolucionaria (1808—1874). Madrid, 1974.
- ³⁴ *Sanchez Diana J. M.* Burgos en la Guerra de la Independencia: (La ciudad y los guerrilleros // Hispania. 1970. N 116. P. 67—70.
- ³⁵ Memorias de tiempos de Fernando VII: Edición y estudio preliminar de Don Miguel Artola. Madrid, 1957. Vol. 2. P. XXXVII.
- ³⁶ *Ibid.* P. 30.
- ³⁷ *Artola M.* Los orígenes de la España contemporánea. 2 ed. Madrid, 1959. Vol. 1. P. 633.
- ³⁸ *Artola M.* La burguesía revolucionaria. P. 41.
- ³⁹ *Ibid.* P. 8.
- ⁴⁰ *Artola M.* La España de Fernando VII. Madrid, 1968. P. 617.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 43, 713.
- ⁴² По этому вопросу см.: *Додолев М. А.* Россия и Испания 1808—1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984.
- ⁴³ *Seco Serrano C.* La Revolución española en el mundo contempo poraneo // *Menandez Pidal R.* Historia de España. Madrid, 1968. T. 26. P. XXVIII; Biblioteca de autores españoles desde de la formación del lenguaje hasta nuestros días. Madrid, 1962. T. 148. P. XIII—XVI; *Seco Serrano C.* Los antecedentes históricos de la democracia // *Arbor.* 1982. Marzo. P. 7—35.
- ⁴⁴ *Jover J. M.* Política, diplomacia y humanismo popular. Madrid, 1976. P. 87.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 158—159.
- ⁴⁶ *Voltes Bou P.* Tendencias actuales de la historiografía. Valladolid, 1957. P. 57. Вернувшийся из эмиграции М. Туньон де Лара в 1983 г. был избран почетным доктором Сарагосского университета.
- ⁴⁷ *Barraclongh C.* Tendances actuelles de l'histoire. P., 1980. P. 191.
- ⁴⁸ *Vivcens Vives J.* Aproximación a la historia de España. Barcelona, 1952. P. 72.
- ⁴⁹ *Voltes P.* Fernando VII: Vida y reinado. Barcelona, 1985. P. 46.
- ⁵⁰ *Fontana J.* La quiebra de la monarquía absoluta. 2 ed. Barcelona, 1974. P. 249.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 75.
- ⁵² *Ibid.* P. 79.
- ⁵³ *Ibid.* P. 85.   ⁵⁴ *Ibid.* P. 252—253.
- ⁵⁵ *Fontana J.* La crisis del Antiguo régimen (1808—1833). Barcelona, 1979. P. 9.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 18.
- ⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 439.
- ⁵⁸ *Fontana J.* La crisis del Antiguo régimen. P. 27.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 13—15.
- ⁶⁰ *Ibid.* P. 31.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 34.
- ⁶² *Zavala J. M.* Masones, comuneros y carbonarios. Madrid, 1971.
- ⁶³ *Gil Novales A.* Las sociedades patrióticas (1820—1823). Madrid, 1975. Vol. 1. P. XII.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 606.
- ⁶⁵ *Gil Novales A.* Del Antiguo al Nuevo Régimen en España. Ensayo de interpretación in: De la crisis del Antiguo régimen al franquismo // VII Coloquio de Pau. Madrid, 1977. P. 40.

- ⁶⁶ *Gil Novales A.* Ilustracion y Liberalismo en España // *Spicilegio Moderno*. 1978. N 10. P. 28—39.
- ⁶⁷ *Villacerta Banos Fr.* Burguesia y cultura: Los intelectuales espanoles en la sociedad liberal, 1808—1931. Madrid, 1980.
- ⁶⁸ *Moral Ruiz J.* Hacienda y sociedad en el trenio constitucional (1820—1823). Madrid, 1975. P. 13 (Prologo de Jozef Fontana).
- ⁶⁹ *Seco Serrano C.* Los antecedentes historicos de la democracia // *Arbor*. 1982. Marzo. P. 11; *Dominguez Ortiz A.* Interview // *Historia* 16. 1982. Enero. P. 99.

ПРОБЛЕМА «ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ» В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ И БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Г. Блосфельд

Вспоминая о настроениях английских рабочих, вызванных Великой Октябрьской социалистической революцией, выдающийся вождь английского пролетариата, впоследствии руководитель Коммунистической партии Великобритании Г. Поллит писал: «В те времена... достаточно было упомянуть на собрании о русской революции, чтобы вызвать бурю горячих аплодисментов. Именно это настроение породило в 1920 году «советы действия» и ту угрозу прямого действия..., которая помешала Ллойд-Джорджу начать открытую войну против России»¹. В то же время Г. Поллит отмечал, что вожди Лейбористской партии Великобритании повели очень широкую, но тонкую и осторожную пропаганду против Октябрьской революции.

Оценивая английское рабочее движение тех лет, В. И. Ленин писал: «...В Англии,— все дальше и дальше распространяется движение в пользу Советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской, демократии»². В создании многочисленных советов (комитетов) действия и Национального совета действия против антисоветской интервенции В. И. Ленин видел уступку правых рабочих лидеров настроениям трудящихся. Он писал о деятельности Национального совета действия: «Меньшевики вынуждены в этом «Комитете действия» вступить на путь противоконституционный»³. Передовые английские рабочие высказывались «за революционные действия против интервенции и за организацию местных советов действия» как зародыша английской Советской власти⁴.

Это влияние Октябрьской революции на английское рабочее движение и Лейбористскую партию не могло остаться не отмеченным в английской лейбористской и буржуазной историографии. Но надо сказать, что специального анализа и подробного освещения этого вопроса в лейбористской историографии нет. Бур-

жуазные историки уделили ему большее внимание, но лишь в последние тридцать лет. В целом же историография вопроса невелика.

Освещение влияния Великой Октябрьской революции на Лейбористскую партию, оценки отношения лейбористов к ней являются предметом данной статьи. Не претендуя на полноту, мы постарались отметить те работы, где дается какая-либо оценка этого влияния, и показать определенную эволюцию английской историографии в этом плане.

Сразу после Октябрьской революции лейбористская и буржуазная печать была полна злобных выпадов против революции и большевиков. Но сами эти выпады в значительной части были продиктованы боязнью резонанса Октябрьской революции в английском рабочем классе. Позже лейбористы не могли обойти молчанием не только Октябрьскую революцию, но и ее влияние на свою партию.

Об отношении к Октябрьской революции и о настроениях в лейбористской партии в тот период можно судить по мемуарам и отчетам лейбористских деятелей разного толка о пребывании в Стране Советов. Но уже в 20-х годах появляются первые работы, пытающиеся хоть немного осмыслить влияние Октябрьской революции на английское рабочее движение и Лейбористскую партию. Работы раннего периода отмечали влияние Октября в узких рамках, связывая его непосредственно с событиями и явлениями английского рабочего движения 1918—1920 гг.

Во многих работах 30—40-х годов вообще замалчивалось это влияние, рост активности рабочего класса связывался только с опытом первой мировой войны.

События второй мировой войны и последовавшие за ней победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии, начавшийся процесс крушения колониализма ярко высветили всемирное значение Великого Октября. Интерес трудящихся к советскому народу и к его опыту строительства социализма не мог не сказаться на исследованиях историков, в том числе и английских. За последние тридцать лет английские историки должны были глубже рассмотреть влияние Октябрьской революции на английское рабочее движение, иногда даже выходя за пределы 1921 г., но не далее 1924 г., не рассматривая важнейшие события английского рабочего движения и борьбу в Лейбористской партии с конца 20-х годов и позже под углом зрения влияния Октябрьской революции.

Некоторое исключение в этом плане в последние годы представляет книга бывшего активиста «Клуба левой книги» Д. Лэвиса⁵, в которой он говорит об отношении левых лейбористов в 30-х годах к опыту Октябрьской революции в связи с успехами советского народа перед лицом мирового экономического кризиса. Автор считает, что первоначально это была «наивная вера», а затем наступила пора анализа, который означал «осуждение многих сторон» Октябрьской революции.

Характерной чертой работ последних лет является расширение источниковедческой и историографической базы исследований.

Лейбористская историография рассматриваемого вопроса, как отмечал М. М. Карлинер⁶, никогда не была единой, наблюдаются значительные различия в аргументации представителей левого и правого крыла, внутри них также имеются самые разные оттенки в оценке конкретных явлений и событий.

Буржуазные историки фактически стали рассматривать эту тему лишь с 50-х годов и в своих работах во многом воспользовались лейбористской аргументацией. Но надо отметить, что зачастую их работы более обстоятельны, имеют более солидную источниковедческую базу.

Из ранних работ лейбористских деятелей можно отметить книгу супругов Бакстон, бывших либералов-пацифистов, пришедших в конце первой мировой войны в Независимую рабочую партию (НРП). Написанная в 1920 г., книга непосредственно не рассказывает о влиянии Октябрьской революции на английское рабочее движение, не вскрывает причины этого влияния, но она во многом посвящена рассмотрению событий, связанных с Октябрьской революцией, анализу теории научного коммунизма и ее влияния на послевоенный мир.

Считая, что русская революция ярко выразила черты нового общественного движения, так же как «движение в Париже в 1789 г.», авторы не рассматривают революцию как «необходимую и неизбежную часть социальной трансформации»⁷. Они считают, что условия в России во многих отношениях были уникальны и если там революция была оправдана, то на Западе, и в частности в Великобритании, для нее не было таких оснований. Влияние Октябрьской революции на мировое рабочее и социалистическое движение авторы склонны целиком приписать войне. В большевизме они видят марксистский социализм, осуществляемый в строго очерченных исторических условиях и основанный на материалистической философии. «От ранних утверждений социалистической теории» большевизм, по мнению Бакстонов, отличается тем, что «столкнулся с целой группой практических проблем, которые ранее перед ней серьезно не стояли»⁸. Типичными из них они называют противопоставление Советов и парламентаризма, методы экспроприации и принципы, на которых должна быть основана вооруженная защита революции. Бакстоны в отличие от многих последующих историков не противопоставляют марксизм ленинизму, справедливо видя в последнем претворение в жизнь марксистской теории, ее развитие. Они считают, что, хотя большевизм мог бы быть применен как теория и в других условиях, только условия войны, породившей насилие и хаос, экономический упадок, страдания массы людей, впервые сделали большевизм «великой европейской силой»⁹. Без нее влияние большевизма на европейское рабочее движение было бы невозможно.

Осуждая большевиков за революционное насилие, они вынуж-

дены признать его необходимость в переходный период, а также успехи Советского правительства в дипломатической и социально-экономической областях ¹⁰.

Авторы запутались в противоречиях собственного мировоззрения и оценивают влияние Октябрьской революции, оставаясь приверженцами ненасилия. Целью общества они считают предотвращение в будущем всяких насильственных конфликтов (и войн, и революций) ¹¹. Путь переговоров, взаимных уступок — вот единственный путь классовой борьбы, который они признают. В широком влиянии Октябрьской революции они видят подтверждение, а не отрицание своих социал-пацифистских идей.

В плане рассмотрения влияния Октября на английское рабочее движение представляет интерес книга Дж. Клейтона «Подъем и упадок социализма в Великобритании, 1884—1924». Ее автор — один из организаторов НРП, одно время секретарь лидской организации НРП и секретарь лидского отделения тред-юниона газовых рабочих, друг И. Гайндмана и Кейр Гарди. Он отрицательно относится к Октябрьской революции, диктатуре пролетариата, всей деятельности большевиков и в то же время отмечает, что Октябрьская революция оказала очень большое влияние на английское рабочее движение.

Клейтон признает, что В. И. Ленин был великим реалистом и сумел верно определить и использовать революционную ситуацию в России ¹². Он говорит, что Ленин увидел невозможность свершения социализма конституционным путем, так как «с каждым новым успехом социалисты становились частью существующего порядка, элементов не революции, а стабильности» ¹³.

В то же время сам он считает, что социализм, осуществляемый в России, далек от марксизма. Он обвиняет большевиков в «терроре», считая, что они «дискредитировали идею социализма», заставив социалистов всех стран «в смущении закрыть свои лица» ¹⁴. Клейтон подменяет понятие диктатуры пролетариата понятием «диктатура партии». Искажая высказывания Ленина, он заявляет, что Ленин стремился к тому, чтобы рабочие всех стран осуществили именно такую революцию, как в России ¹⁵, а английские коммунисты получали указания из Москвы.

Однако Дж. Клейтон вынужден показать широкое влияние Октябрьской революции на английский рабочий класс, которое никак не укладывается в рамки пресловутого «московского руководства». В противовес многим английским историкам он говорит о завоевании коммунистами масс в 1918—1921 гг. как об объективно возможной реальности, которой очень боялись лейбористские лидеры. Говоря о победе консерваторов на выборах 1918 г., он пишет: «Реальная опасность для Лейбористской партии была не в этом скоротечном триумфе политических соперников; она была в подъеме Коммунистической партии, вдохновленной переворотом... в России. Волна антипарламентских чувств все больше уводила тред-юнионистов и гильдейских социалистов от старой

испытанной конституционной линии и оживляла надежду на прямые действия»¹⁶. Создание Совета действия, включавшего представителей БКТ и Лейбористской партии, по его мнению, еще более «поощряло революционные идеи»¹⁷.

Он указывает, что лейбористские лидеры всячески стремились увести рабочее движение от влияния революционных идей, сохранить за собой руководство и реформистский характер рабочего движения. Он отмечает, что, хотя успех Совета действия и способствовал росту революционных идей, руководство Совета не было революционным. Он верно указывает, что Р. Макдональд, лидеры тред-юнионов и Лейбористской партии между 1918 и 1922 годами выработали специальный курс с целью ослабления влияния коммунистов в своих собственных рядах и предостережения «среднего класса от отождествления революционных коммунистов, которые следовали Марксу в московской интерпретации, с респектабельными британскими социалистами, чьи надежды основывались на завоевании большинства в палате общин»¹⁸. Он отмечает, что именно из-за лидеров тред-юнионов и Лейбористской партии была сорвана «возможность индустриальной и социальной революции в результате всеобщей забастовки, совершенно реальная в первые год или два после войны»¹⁹.

Указывая на влияние левых революционных сил в тред-юнионах в первые годы после войны, Клэйтон пишет, что лейбористских лидеров тревожило, не помешают ли левые мирному приходу к власти Лейбористской партии, но изгнать левых из тред-юнионов было нельзя²⁰.

Клэйтон с удовлетворением отмечает, что коммунисты были исключены из НРП. Он показывает, что лидеры НРП, хотя и провозгласили в своей программе социализм, в то же время поспешили отмежеваться от революции и требования конфискации имущества капиталистов. Для Макдональда, писал он, было ясно, что НРП в случае прихода к власти не использует ее, чтобы осуществить свою программу²¹. Правые лейбористские лидеры сознательно шли на то, чтобы подменить революционный, научный социализм реформистским социализмом.

Клэйтон, стоящий целиком на стороне социал-реформизма, хорошо показал положение, сложившееся в организованном рабочем движении Великобритании под влиянием Октября, и позицию, занятую в связи с этим лейбористскими лидерами, хотя, возможно, несколько преувеличил влияние революционных сил и коммунистов на рабочее движение.

Выдающийся историк английского рабочего движения Д. Коул, фабианец, один из руководителей гильдейского социализма, принадлежавший тогда к левому крылу лейборизма, не мог не отразить в своих работах влияние Октябрьской революции на английское рабочее движение и Лейбористскую партию, хотя специально этот вопрос он не исследует, лишь бегло констатируя это влияние и не анализируя его причин.

Коул пишет, что в Англии «влияние революции в России было

глубоким и широким, симпатии к России и стремление оградить социалистическую республику от враждебных капиталистических стран охватило всех организованных рабочих»²². Он отмечает, что левое крыло Лейбористской партии выступало в поддержку революционной России, требовало более революционной программы, включавшей более определенные гарантии рабочего контроля, чем то имело место в новой, принятой в 1918 г. лейбористской программе²³.

Говоря о влиянии Октября на английских рабочих, Д. Коул пишет, что после 1917 г. социализм для них стал осязаемой реальностью, «капиталистическая система утратила характер неизбежности, чувство возможной альтернативы глубоко проникло в умы активных рабочих в лейбористском движении»²⁴.

Симпатии к Октябрьской революции, как считает Коул, сильнее всего проявились в период так называемого русско-польского кризиса в 1920 г., когда английское правительство выступило в поддержку Польши и готовило новую антисоветскую интервенцию. Автор отмечает, что Лейбористская партия взяла на себя руководство мощным движением протеста в стране и, сформировав Совет действия и приняв соответствующее решение на национальной конференции, способствовала распространению призыва к всеобщей стачке против войны. Он считает, что в результате быстрого формирования советов действия по всей стране на базе местных советов тред-юнионов и организаций Лейбористской партии положение близилось к революционной ситуации и, оценив это, правительство Ллойд-Джорджа вынуждено было отступить. В то же время Д. Коул отмечает, что руководство Лейбористской партии удовлетворилось этим, вместо того чтобы добиваться возобновления торговли с Россией и признания Советского правительства. Угроза всеобщей стачки не была приведена в исполнение. «Совет действия не был распущен, он просто прекратил существование»²⁵.

В отличие от большинства английских историков, считающих так называемое «письмо Зиновьева» главной причиной поражения первого лейбористского правительства, Коул полагает, что «оно не оказало действия на огромную массу организованных рабочих»²⁶.

К сожалению, Коул очень бегло говорит о левом крыле в Лейбористской партии и ничего — о поведении лидеров в связи с влиянием Октябрьской революции, не анализирует, как мы уже говорили, изменения в политике Лейбористской партии под этим углом зрения. Однако добросовестное изложение им целого ряда фактов, даже в обобщенном виде, позволяет читателю судить о размерах непосредственного влияния Октябрьской революции на английское рабочее движение.

В известной работе левого лейбориста Р. Милибенда этот вопрос освещен довольно скупо и лишь в связи с организацией советов действия против антисоветской интервенции. Автор при этом основывается на книге буржуазного историка С. Граубарда

(см. далее), но он, так же как и Д. Коул, пишет о значительном влиянии рабочего класса на предотвращение интервенции в Россию и отмечает симпатии к Октябрьской революции среди левых в Лейбористской партии ²⁷.

В официальной истории Лейбористской партии под редакцией Г. Трейси ничего не говорится о влиянии Октябрьской революции на английское рабочее движение, но инициатива создания советов действия против антисоветской интервенции приписывается без всяких оговорок лейбористским лидерам ²⁸.

В изданной в 1950 г. книге Ф. Уильямса, праволейбористского историка, фактического преемника Трейси в качестве историографа Лейбористской партии, отражены симпатии лейбористов к Февральской революции. Подлинной революцией в России Уильямс считает именно Февральскую революцию, посвятив ее влиянию на английское рабочее движение целую главу. Он обходит молчанием влияние Октябрьской революции. Говоря о движении «Руки прочь от России», он объясняет симпатии к Стране Советов и все движение только антивоенными настроениями рабочих. Автор отмечает, что именно в социализме трудящиеся и все антивоенные силы видели в тот момент единственную возможность предотвращения войн в будущем, поддержка лидерами лейборизма движения против антисоветской интервенции в связи с этими настроениями способствовала усилению позиций Лейбористской партии ²⁹. С этим трудно спорить, но это односторонняя оценка движения, одностороннее объяснение влияния Октября на английский рабочий класс. Ф. Уильямс не хочет учитывать тот факт, что рабочие видели в Советской России пример для себя, он подменяет классовые задачи партии в этот период общенациональными, общедемократическими задачами в соответствии с идеологией правых лейбористских лидеров. Он полностью одобряет пополнение партии в первые послевоенные годы различными мелкобуржуазными элементами, что отразилось в новом уставе 1918 г., хотя, конечно, в классовом отношении это не усилило партию.

Тенденция к замолчанию влияния Октябрьской революции отмечается в истории Лейбористской партии известного праволейбористского историка Г. Пеллинга ³⁰, в работе профсоюзного и лейбористского деятеля, председателя национального исполкома Лейбористской партии в 1972—1973 гг. Б. Симпсона ³¹. В работе последнего период 1914—1920 гг. вообще как бы выпал; от предвоенного подъема рабочего движения автор сразу переходит к анализу распада так называемого Тройственного союза (объединение трех крупнейших тред-юнионов Англии) в 1921 г. Это вполне закономерно, так как все исследование деятельности тред-юнионов и лейбористского движения ведется с позиций конституционности, с позиций социал-реформизма бернштейнианского типа. И все-таки Симпсон не смог пройти мимо событий, которые были откликом на Октябрьскую революцию. Он отмечает, что интервенция в Советскую Россию способствовала успеху агит-

тации за прямые действия, за всеобщую стачку. Автор осуждает эти действия. Причины распада Тройственного союза и неудачи всеобщей стачки 1922 г. он видит в деятельности самих защитников прямых действий, но не в действиях лейбористских и профсоюзных вождей, которые были заинтересованы в срыве стачки, не способствовали ее успеху, не позаботились об ее организации. Одновременно он вынужден признать, что, несмотря на малочисленность КПВ, ее влияние всегда было велико в профсоюзах, что «вызывало зависть других политических партий»³². И это, как он считает, характерно и для сегодняшнего дня.

В буржуазной историографии значительный интерес представляет книга С. Граубарда, специально посвященная рассмотрению влияния Великой Октябрьской социалистической революции на английское лейбористское движение. Выход такой книги на фоне многолетнего замалчивания буржуазной историографией этой проблемы, на наш взгляд, был знаменателен и отражал тот интерес к Советскому Союзу, который возник после второй мировой войны.

Во введении автор пишет, что историк XX столетия должен относиться к Октябрьской революции примерно так же, как к изучению влияния Великой французской революции на европейскую историю XVIII в. Он считает, что изучение истории с 1917 г. может привести к пониманию большого влияния Октябрьской революции на мир в более поздний исторический период³³. Автор при этом вовсе не собирается сказать, что это влияние было благотворным для английской истории и Лейбористской партии. Наоборот, он считает его, с одной стороны, вредным, а с другой — не затронувшим широкие массы рабочих, рядовых членов партии.

Граубард пишет во введении, что положение Лейбористской партии как оппозиционной и надежда стать правящей партией привели к тому, что события в России стали главным предметом спора, и задачей первостепеннейшей важности являлась выработка правильной и здоровой политики в отношении Советской России³⁴.

Поражение партии на выборах 1924 г., падение первого лейбористского правительства, автор, согласно лейбористской версии, объясняет проведением ею агитации в пользу России в течение предыдущих семи лет³⁵.

Однако непосредственно в тексте книги автор вступает в противоречие с этими положениями и с приводимыми им же фактами. С. Граубард показывает, что отношение к Советской России в Лейбористской партии было двойственным и это определяло политику партии в целом. Он пишет, что сочувствие Лейбористской партии Временному правительству никогда не могло вылиться в действенную поддержку из-за отрицательного отношения английских рабочих к войне. Лейбористские лидеры осуждали Советскую Россию за выход из войны и за меры диктатуры пролетариата. Но если в первом случае, пишет автор, их могла под-

держат лишь горсточка в лейбористском движении, то во втором большинство лейбористов порицало большевиков.

Единственной группой Лейбористской партии, которая поддержала Октябрьскую революцию, была БСП, которая рассматривала победу большевиков «как естественную кульминацию событий марта 1917 г. и не видела причин сожалеть по поводу низвержения умеренных»³⁶. После Брест-Литовска в пропагандистскую кампанию признания Советского государства включилась и НРП. Но, как отмечает Граубард, даже в период интервенции в Россию в 1918 г. НРП не считала интервенцию империалистической и выступала против нее с чисто пацифистских позиций.

Автор отмечает раскол в Лейбористской партии на сторонников и противников войны. Официально Лейбористская партия, кроме БСП и НРП, до осени 1918 г. стояла за продолжение войны и только с осени 1918 г. перешла целиком к вопросам будущего мирного устройства, оставаясь, однако, равнодушной к антисоветской интервенции. Большинство тред-юнионов, заявляет С. Граубард, продолжало молчать, лишь меньшинство вело кампанию против интервенции³⁷.

Однако автор не объясняет, почему же тогда лидеры лейбористов вынуждены были все-таки заняться этим вопросом и как объяснить те факты широкой антиинтервенционистской кампании в Англии 1919—1920 гг., которые он подробно излагает. Автор пишет о выступлении федерации горняков и Тройственного союза (горняки, механики и неквалифицированные рабочие) с требованием вывода войск из России, об их намерении перейти к «прямым действиям». Это «меньшинство» союзов составляло большинство организованных сознательных рабочих. Автор справедливо отмечает, что парламентская лейбористская фракция проявила очень слабую активность в этом вопросе, в то время как редактируемая Д. Лэнсбери «Дэйли геральд» сделала вопрос об интервенции в России одним из основных. При этом он указывает, что лидеры лейборизма вынуждены были поддержать и требования «прямых действий», хотя Макдональд называл их злоупотреблением парламентскими средствами, а один из умеренных профсоюзных лидеров — Э. Бевин отказался выполнить просьбу предпринимателей повлиять на докеров, чтобы они загрузили военный корабль, отправлявшийся в Россию³⁸.

С. Граубард подчеркивает единство партии в этот период, не делая различий между позицией лидеров и масс трудящихся, считая, что лидеры целиком поддержали боевые настроения рабочих. Однако он с сочувствием излагает речь Бевина на лейбористской конференции 1920 г., в которой тот осуждал БСП за безответственность и говорил о невозможности всеобщей забастовки³⁹.

Создание Совета действия, который возглавили лейбористские лидеры, он рассматривает как отказ Лейбористской партии в целом от своих прежних парламентских традиций. «Лейбористы,—

пишет он, — так часто говорили о всеобщей забастовке и постоянно избегали ее, что она стала скорее пунктом веры, чем планом действия»⁴⁰. С созданием же Совета в 1920 г. они, как считает автор, стояли на грани всеобщей забастовки с политическими целями. Он пишет, что в тот период массовое движение вполне могло свергнуть правительство и «ни один лейбористский борец никогда не забывал август 1920 г.»⁴¹

Но излагая дело так, будто лидеры и массы Лейбористской партии были заодно, автор пытается доказать, что английские рабочие выступали против интервенции вообще, а не из чувства солидарности с Советской Россией; только БСП выступала именно против интервенции в Страну Советов. С этим согласиться нельзя, в партии были значительные расхождения по этому вопросу, настроения БСП разделялись многими рядовыми лейбористами и членами тред-юнионов, часто руководством на местах. Нельзя согласиться и с выводом, который автор делает из данной посылки, будто КПВ с самого начала не имела шансов на успех ввиду осуждения большинством рабочих насилия и диктатуры. Автор считает, что лишь меньшинство в НРП требовало присоединения к III Интернационалу. Однако факты массового движения, описанные самим Граубардом, опровергают это. Объяснить это движение только одними пацифистскими настроениями вне сочувствия первому государству рабочих и крестьян нельзя, интерпретация Граубарда здесь явно однобока.

Но автор справедливо отмечает, что лейбористские лидеры стояли за дипломатическое признание Советской России, за расширение торговых связей с ней с целью улучшения экономического положения Англии и снижения уровня безработицы, будучи, однако, враждебны Советской власти.

В целом, по Граубарду, Октябрьская революция оказывала влияние на политику Лейбористской партии, не превращая ее в партию революционную. «Враждебность к британским коммунистам и дружба с Советской Россией, двойственная реакция Лейбористской партии на русскую революцию оставались краеугольным камнем ее политики»⁴². Политика защиты дружбы с Россией обеспечивала Лейбористской партии успех у масс рабочего класса и способствовала улучшению его положения, считает автор. Он справедливо указывает, что, имея даже Лейбористская партия большинство в парламенте, она не пыталась бы сделать большего⁴³.

Автор, однако, не прав, считая, что эта позиция разделялась всей партией. Его симпатии целиком на стороне лейбористских лидеров, занявших демагогическую позицию, которая в сложный момент отвратила Англию «от революционного влияния» и «революционных действий». Отмечая это, Граубард затем представляет дело, противореча самому себе, будто в Англии не было даже почвы для революционных настроений.

В книге другого буржуазного историка — У. Макэлви — подчеркивается многослойность Лейбористской партии. Автор счита-

ет, что это было скорее движение, чем политическая партия, и указывает, что среди лейбористов и в тред-юнионах сильны были стремления выйти за пределы парламентских действий и использовать прямые действия для достижения своих требований⁴⁴. Макэлви отмечает серьезные противоречия внутри лейборизма и подчеркивает, что «прямые действия» были поддержаны лейбористами и особенно профсоюзными лидерами, наподобие Томаса, только из страха лишиться доверия собственных союзов⁴⁵.

Макэлви пишет, что подъем рабочего движения в 1918—1921 гг., рост членства тред-юнионов, возникновение советов действия «вызывали в средних классах тревогу за то, что страна быстро движется к революции»⁴⁶. Он указывает, что это движение рассматривалось ими как распространение на английской почве «русского коммунизма». В отличие от большинства буржуазных историков он считает, что возможность революции в Англии была вполне реальной. В то же время он справедливо отмечает раскол внутри лейбористского движения, в которое включает и коммунистов. Он пишет о страхе в лейбористских кругах относительно того, что тред-юнионы окажутся под влиянием коммунистов.

Тревоги оказались напрасными, как считает автор, из-за сдержанности, консерватизма и терпения английского рабочего класса⁴⁷. Английские буржуазные историки любят ссылаться на эти факторы, хотя факты, приводимые Макэлви, говорят вовсе не о «сдержанности и терпении». Ошибки левого крыла, значительные разногласия в нем, включая и коммунистов; демагогия и предательство правых лидеров лейборизма способствовали тому, что левые настроения в рабочем движении не получили должного руководства. Макэлви симпатизирует Болдуину и Макдональду, считая позицию первого гуманной, позицию второго мужественной.

В действительности оба этих политических лидера сделали немало для укрепления буржуазно-реформистских иллюзий в рабочем классе, а в конечном итоге — для укрепления влияния правых лейбористов в рабочем движении.

В «Английской истории» буржуазного ученого Тэйлора влияние Октябрьской революции на английское рабочее движение посвящено всего несколько строк. Он отмечает, что симпатии к Советской России были одним из элементов, хотя и второстепенным, недовольства английских трудящихся после первой мировой войны⁴⁸. Говоря о значительном влиянии коммунистов, он стремится нивелировать различия между ними и лейбористами и создать также впечатление полного единства в Лейбористской партии, подчеркивая господство оппортунизма. «Многие, если не большинство социалистов, — пишет он, — разделяли их (коммунистов. — Е. Б.) веру в то, что капитализм рушился, обвиняли, подобно коммунистам, капитализм в империалистических войнах. Большинство социалистов говорило о классовой войне, хотя без

серьезных намерений использовать более сильное оружие, чем забастовки и подача голосов»⁴⁹ (на выборах в парламент).

В пособии по истории Лейбористской партии для семинарских занятий студентов, подготовленном П. Эдельмэном⁵⁰, отмечаются некоторые события английского рабочего движения, связанные с защитой Советской России (отказ от загрузки парохода «Джолли Джордж» военным снаряжением и боеприпасами) и свидетельствующие о революционном подъеме. Однако автор заявляет, что рост зарплаты, вызванный послевоенным бумом в промышленности, покончил с революционной агитацией. Об Октябрьской революции и о ее непосредственном влиянии на английское рабочее движение упоминаний нет, не приведено ни одного документа по данному вопросу. Зато полностью приведена фальшивка — «Письмо Зиновьева». Явная цель пособия — внушить студентам мысль о «подрывной» революционной деятельности молодой Советской Республики, об отсутствии всякой почвы в английском рабочем движении для революционных действий, замолчать значение Октябрьской революции и ее международное влияние.

С точки зрения уяснения позиций английской буржуазной историографии по вопросу о влиянии Октябрьской революции на английское рабочее движение и политику Лейбористской партии интерес представляет книга С. Уайта⁵¹, в которой исследуются движущие пружины установления торговых и дипломатических отношений Англии с молодым Советским государством. Книга охватывает период с 1918 г. до признания Советской России лейбористским правительством в 1924 г. Работа основывается на богатой источниковедческой и историографической базе: используются документы и материалы НРП, Лейбористской партии, тред-юнионов, КПВ, находящиеся в архивах и библиотеках Англии, СССР и США, работы советских, английских, американских историков. В книге уделено значительное внимание рабочему движению и Лейбористской партии в этот период. В отличие от большинства исследований буржуазных и лейбористских историков здесь нет антисоветских и антикоммунистических выпадов.

Исходная позиция автора и его выводы сходны с концепцией С. Граубарда: в Англии не было почвы для революции, английский рабочий класс не был революционен, признание СССР было вызвано не революционным движением, а нежеланием рабочих продолжать военные действия и тяжелым экономическим положением и безработицей в послевоенные годы, которые требовали восстановления торговли с Россией.

С. Уайт показывает значительные разногласия внутри Лейбористской партии, расхождения между руководством и рядовыми членами. Он аргументированно показывает, что правым лидерам НРП, Лейбористской партии, тред-юнионов Октябрьская революция и Советская власть были глубоко ненавистны, что они стремились не допустить революционного движения в Англии, что в

борьбе против антисоветской политики правительства, за установление отношений с СССР ими двигали чисто экономические мотивы⁵². В то же время автор считает, что до конца 1919 г. на всех уровнях в Лейбористской партии не было оппозиции политике правительства в отношении Советской России⁵³.

Автор показывает размах движения «Руки прочь от России!», создание советов действия по всей стране, отмечая, что на местах они были готовы к более решительным действиям, чем Национальный совет, руководимый лидерами Лейбористской партии и БКТ. Но он считает, что не это движение заставило правительство вывести английские войска из России, что решение об этом было принято фактически раньше, чем возникло движение⁵⁴. Само движение против антисоветской интервенции, пишет он, оппозиция рядовых членов Лейбористской партии были направлены «гораздо больше против угрозы войны, чем против возможности нападений на Советскую Россию»⁵⁵, чувство солидарности с Советским правительством было «слабым и аморфным»⁵⁶. Как только миновала опасность военных действий, пишет он, основные стимулы для Совета действия были потеряны. Отказ Национального совета действия от прямых действий «продемонстрировал умеренные наклонности лейбористских лидеров», но главная причина этого отказа и неудачи «политики классовой солидарности с Советской Россией» объясняются «отсутствием поддержки такой политики среди масс рабочего класса»⁵⁷.

С автором трудно спорить относительно того факта, что революционное движение английского рабочего класса не достигло высокого уровня. Но его заявления и аргументы явно противоречат свидетельствам Г. Поллита, который, говоря о незрелости английского рабочего движения и об отсутствии революционной ситуации, в то же время указывал на массовое стихийное сочувствие Октябрьской революции, победе рабочего класса России, а не только на отклики на Декрет о мире и пацифистские настроения. Аргументы С. Уайта противоречат и заявлениям лейбористских авторов — очевидцев событий тех лет, которые отмечают массовые симпатии рабочих к Советской власти⁵⁸. С. Уайт обходит молчанием сильное течение в НРП за присоединение к III Интернационалу, существовавшее среди лейбористов и в профсоюзах мнение о необходимости приема КПВ в Лейбористскую партию, так как это не укладывается в его схему.

Он заявляет, будто мнение о том, что на политику Лейбористской партии в отношении Советской России оказывалось значительное давление снизу, не подтверждается⁵⁹. Автор совершенно отрицает это влияние на программу партии 1918 г. «Труд и новый социальный порядок». Он отрицает влияние рабочего движения на внешнюю политику Лейбористской партии. Исходя из того, что либералы стремились к возобновлению торговли с Россией, что в Лейбористской партии внешнеполитическая активность определялась фактически бывшими либералами-пацифиста-

ми из Союза демократического контроля Мореллом, Бакстоном и др., С. Уайт делает вывод, что установление торговых и дипломатических отношений с СССР явилось результатом влияния либеральных традиций. Однако тот факт, что лидеры лейборизма должны были согласиться на создание Совета действия (автор говорит о его «пропагандистском значении»⁶⁰ — для кого же эта пропаганда?), и то, что они выступили за признание СССР во имя сокращения безработицы и оживления экономики, как раз и свидетельствует, что они учитывали настроения рабочего класса, ибо иным путем они не могли сохранить свое влияние на английских рабочих.

Оценивая в целом английскую историографию влияния Октябрьской революции на английское рабочее движение, на Лейбористскую партию, приходится констатировать, что ни лейбористская, ни буржуазная историография не дали верной картины и правильного анализа этого влияния. Несмотря на определенный интерес к этой теме и появление ряда специальных трудов, лейбористские и буржуазные историки, даже опираясь на фундаментальную источниковедческую базу, включая прессу и работы представителей левого крыла лейборизма и коммунистов, даже давая верное описание фактов, в силу своего мировоззрения не делают верных выводов, вступая в противоречие с приводимыми ими же фактами.

Леволейбористская историография этого вопроса бедна, в основном она представлена работами Д. Коула. Ее характеризует признание влияния Октябрьской революции на Лейбористскую партию и то, что она отмечает сочувствие Советской России среди рядовых лейбористов при враждебности лейбористских лидеров.

Несмотря на определенные различия между работами праволейбористских и буржуазных историков, можно выделить общие моменты в их теоретических построениях, характерные как для первых послереволюционных лет, так и для современного периода. Они либо совершенно отрицают революционные настроения в английском рабочем классе, либо признают их частично. Движение против антисоветской интервенции объясняется английской лейбористской и буржуазной историографией исключительно пацифистскими настроениями английских рабочих. Но в этих пределах в целом выделяются два варианта. Одни историки вообще отрицают симпатии к Советской России и говорят только о нежелании продолжения войны среди рабочих. Другие пишут о наличии этих симпатий, вызванных заявлениями о мире, сделанными Советской властью. В работах английских лейбористских и буржуазных авторов либо преувеличивается революционная ситуация в Англии, либо полностью отрицается всякая почва для революционных настроений. Но и те и другие говорят о невозможности восприятия марксизма-ленинизма в Англии.

По-прежнему имеет место сознательное замалчивание влияния Октябрьской революции на английское рабочее движение и

Лейбористскую партию и сознательное искажение истории, выражающееся в попытках объяснить активизацию левых сил в Лейбористской партии и рабочем движении «руководством Москвы»⁶¹.

- 1 *Поллит Г.* Английский рабочий класс и Октябрьская революция // Красный Интернационал профсоюзов. 1927. № 10, С. 355.
- 2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 511.
- 3 Там же. Т. 41. С. 327.
- 4 *Fox R.* The Class Struggle in Britain in the Epoch of Imperialism. L., 1933. Part 2, P. 48.
- 5 *Lewis J.* The Left Book Club. L., 1970. P. 107—119.
- 6 *Карлинер М. М.* Лейбористская историография Великой Октябрьской социалистической революции // Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961, С. 175.
- 7 *Buxton Ch. R., Buxton D. F.* The World after the War. L., 1920. P. 92.
- 8 Ibid. P. 96.
- 9 Ibid. P. 97.
- 10 Ibid. P. 106—109.   11 Ibid. P. 151.
- 12 *Clayton J.* The Rise and Decline of Socialism in Great Britain, 1884—1924. L., 1926. P. 179. 180.
- 13 Ibid. P. 180.
- 14 Ibid. P. 183.
- 15 Ibid. P. 178.
- 16 Ibid. P. 177.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. P. 187.   19 Ibid. P. 193.
- 20 Ibid.   21 Ibid. P. 192, 201—203.
- 22 *Cole G. D. H.* A Short History of the British Working Movement, 1789—1947. L., 1948. P. 382.
- 23 *Cole G. D. H.* A History of the Labour Party from 1914. L., 1948. P. 96.
- 24 *Cole G. D. H.* A Short History of the British Working Movement. P. 383.
- 25 Ibid. P. 396.
- 26 Ibid. P. 383.
- 27 См.: *Мулибенд Р.* Парламентский социализм. М., 1964. С. 87, 118, 120.
- 28 *The British Labour Party* / Ed. by G. Tracey. L., 1948. Vol. 1. P. 122.
- 29 *Williams F.* Fifty Years' March. L., 1950. P. 289.
- 30 *Pelling H.* A Short History of the Labour Party. L., 1964.
- 31 *Simpson B.* Labour: The Unions and the Party: A Study of the Trade Unions and the British Labour Movement. L., 1973.
- 32 Ibid. P. 75, 16.
- 33 *Groubard S. R.* British Labour and the Russian Revolution, 1917—1924. Cambridge, 1956. P. 3.
- 34 Ibid.
- 35 Ibid. P. 4.
- 36 Ibid. P. 57.   40 Ibid. P. 113.
- 37 Ibid. P. 62, 63.   41 Ibid. P. 114.
- 38 Ibid. P. 92.   42 Ibid. P. 256.
- 39 Ibid. P. 98.   43 Ibid. P. 290.
- 44 *McElwee W.* Britain's Locust Years, 1918—1940. L., 1962. P. 22.
- 45 Ibid. P. 53.
- 46 Ibid.
- 47 Ibid. P. 54.
- 48 *Taylor A. J. P.* English History, 1914—1945. Oxford, 1965. P. 138.
- 49 Ibid. P. 143.
- 50 *Adelman P.* The Rise of the Labour Party, 1880—1945. L., 1972.
- 51 *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. L., 1979.
- 52 Ibid. P. 215—216. Он пишет, ссылаясь на высказывания Клайнса и Сноудена, что лейбористские лидеры считали даже, будто с помощью торговли с Россией удастся «покончить с большевизмом» (Ibid. P. 228).
- 53 Ibid. P. 40.   54 Ibid. P. 38.

⁵⁵ Ibid. P. 241.

⁵⁶ Ibid. P. 241—242.   ⁵⁷ Ibid. P. 241.

⁵⁸ См. упоминавшиеся работы Коула, Клейтона и др.

⁵⁹ *White S.* Op. cit. P. 205.

⁶⁰ Ibid. P. 51.

⁶¹ См., например, одну из работ последних лет: *Kendall W.* The Revolutionary Movement in Britain, 1900—1921: The Origins of British Communism. L., 1969, а также упоминавшуюся работу П. Эдельмэна.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРОИРЛАНДСКОМ КРИЗИСЕ ¹

И. Г. Рыбалкина

С развитием государственно-монополистического капитализма в развитых капиталистических странах происходит изменение исторических концепций. В особенности это относится к изучению периодов, смыкающихся с современностью. Одной из таких животрепещущих проблем является острейший социально-политический кризис в Ольстере, который продолжается уже много лет, приобретая перманентный характер. Этим обусловлено постоянное внимание к нему со стороны исследователей. Если в период начального этапа борьбы за гражданские права в англо-ирландской историографии преобладало умеренное, буржуазно-реформистское направление ², то по мере развития кризиса появилось большое количество работ консервативно настроенных авторов, что можно объяснить затяжным характером событий вследствие неспособности британского империализма кардинальным образом решить острейшую проблему.

Продолжительность и кажущаяся безысходность кризиса вызваны как рядом внутривнутриполитических факторов, так и курсом английского правительства. Хотя распространено мнение, что для урегулирования проблем Северной Ирландии официальный Лондон не предлагает в настоящее время четко выработанной программы, ирландские коммунисты указывают, что «подлинной политикой правительства является бездействие» ³. Оно поддерживает борьбу двух общин между собой для оправдания присутствия британских войск и сохранения военной власти в интересах многонациональных монополий. Североирландский кризис используют для практической тренировки гражданских и военных властей с целью научиться бороться с «городскими партизанами» и вообще недовольными. Это мнение подтверждается ростом расизма и действиями правительства, направленными против национальных меньшинств в Англии.

В свое время в середине 60-х годов британские лейбористы поддерживали появление в Северной Ирландии «нового», или «либерального», юнионизма, отражавшего стремление более даль-

новидной части североирландской протестантской буржуазии несколько сгладить национальные и социальные противоречия, умерить антагонизм между двумя основными общинами, укрепив тем самым социально-экономическую и политическую базу юнионистского режима. Лейбористский кабинет и отдельные представители «нового юнионизма» были готовы пойти на определенные уступки Движению за гражданские права в Северной Ирландии, возникновение которого относится ко второй половине 60-х годов. Однако политика умеренных уступок натолкнулась на ожесточенное сопротивление большинства ольстерских «лоялистов», потомков протестантских англо-шотландских колонистов, вскормленного британским колониализмом «английского гарнизона», на северо-востоке Ирландии. Они представляли ольстерскую протестантскую буржуазию и землевладельцев, мелкобуржуазные круги и значительную часть протестантских рабочих и фермеров.

Сменявшие друг друга правительства в ходе развития кризиса предпринимали определенные попытки, направленные на урегулирование проблемы. К их числу следует отнести Саннингдейлское соглашение 1973 г., очередную «Белую книгу» по Северной Ирландии 1974 г., доклад комиссии Беннета 1978 г., «рабочий документ» кабинета Тэтчер по Северной Ирландии 1979 г., «Зеленую книгу» 1980 г. Все эти меры, отражавшие стремление британских правящих кругов приглушить остроту социального взрыва, встретили упорное сопротивление протестантских «лоялистов», не желавших лишаться даже части своих привилегий. Разнужданные действия «ультра» — результат многолетнего потворства английских властей, опасаящихся применять действенные меры против своих союзников, «сохраняющих» Ольстер в составе Соединенного Королевства. Кризис в Северной Ирландии продолжается.

Затягивание кризиса сказывается на настроениях и выводах исследователей, занимающихся ирландской историей. Уже с момента возникновения он привлек внимание ученых. Первоначально появились работы журналистов и политических обозревателей⁴, некоторых историков⁵, затем стали выходить исследования политологов и социологов⁶, экономистов⁷, были изданы книги обобщающего характера⁸. В настоящее время в историографии некоторое преобладание получили представители буржуазно-реформистского направления, в работах которых отсутствует резко выраженный шовинизм, антикоммунизм, негативизм в оценке перспектив борьбы за демократические преобразования. Хотя и стало появляться больше, чем прежде, работ консервативно настроенных авторов, господствующее положение следует все-таки отнести представителям буржуазно-реформистского направления, претендующим на «объективность» и «беспристрастность» научного анализа.

В обзоре основное внимание уделяется последним по времени историческим монографиям (помимо этих работ, появились и книги, где кризис изучается не столько в аспекте исторической

ретроспективы, сколько в плане анализа и описания создавшейся в Ирландии ситуации) ⁹. В историографии проблемы правомерно выделить два направления: консервативное и буржуазно-реформистское.

Для консервативного направления характерна реакционная концепция — резко выраженный антикоммунизм, шовинизм, пренебрежительное отношение к ирландцам-католикам. Авторы этого направления отрицают наличие дискриминации католической общины в Северной Ирландии; выступая против воссоединения страны, они подчеркивают более высокий жизненный уровень на севере острова, чем в Ирландской республике всемерно эксплуатируя этот факт в своих политических интересах. Тем самым они продолжают наиболее реакционные, шовинистические традиции, идущие вразрез со временем. Однако литература эта возникает отнюдь не на пустом месте: она отражает общественно-исторические концепции наиболее реакционных, агрессивно настроенных британских империалистических кругов, которые издавна восхваляли британский империализм и ольстерскую протестантскую реакцию, оправдывали раздел Ирландии, отрицали всякую возможность уступок освободительному движению ирландского народа ¹⁰.

Книгу одного из самых реакционных представителей этого направления — Дж. Биггса-Дэвисона пронизывает ярый антикоммунизм. Автор занимает своеобразную позицию в историографии Британских островов. Он католик-юнионист, сторонник союза с Великобританией, проживает в Англии и является членом английского парламента от Консервативной партии. Он первый (и, очевидно, единственный) католик, который выступал перед ольстерскими протестантами на заседании Оранжевских лож.

Во многих явлениях современной североирландской действительности Биггс-Дэвисон усматривает признаки «коммунистической угрозы» ¹¹. В частности, он положительно оценивает вступление Ирландии вслед за Англией в Общий рынок, видя в этом залог дальнейшей интеграции западноевропейской экономической системы, повышения конкурентной способности товаров этих стран, прежде всего по отношению к американскому экспорту. Однако он высказывает опасения по поводу возможных, на его взгляд, «опасных» последствий уменьшения роли США как бастиона империализма, в частности, на Европейском континенте. Автор призывает к консолидации реакционных сил для усиления противодействия «коммунистической идеологии» и распространению ее среди западноевропейского пролетариата ¹².

Со вступлением Ирландии в ЕЭС многие ирландские политические организации связывали надежды на появление тенденции к объединению острова в рамках единой экономической, а впоследствии и политической системы. В связи с этим Биггс-Дэвисон настойчиво стремится убедить читателей в полной несостоятельности таких надежд: «Объединенная Европа не подразумевает Объединенной Ирландии» ¹³. Автор эксплуатирует обострив-

шуются в настоящее время в странах развитого капитализма национальную проблему и использует ее для дезорганизации тех политических сил, которые выступают за единство Ирландии. В связи с этим он осуждает конституцию Ирландской республики, в которой говорится о 32 графствах¹⁴. Биггс-Дэвисон призывает «счигаться с реальностью», а также внести в конституцию поправки¹⁵. Призывы к «реализму» весьма характерны для представителей консервативного направления, их основная цель — увековечить раскол Ирландии и воспрепятствовать продолжению традиций национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы начала века. В своих «построениях» автор опирается на высказывания крупнейших британских консерваторов, в частности приводит слова Э. Хита, бывшего лидера английской Консервативной партии и премьер-министра, по вопросу о расколе Ирландии: «Для разговоров о том, что это должна быть одна страна, не существует ни исторических, ни логических оправданий. Можно с таким же основанием говорить, что Испания должна поглотить Португалию»¹⁶.

Консерватизм автора проявляется и в его отношении к Стормонту (североирландскому парламенту). Роспуск Стормонта английским правительством в марте 1972 г. и введение в провинции «прямого правления» из Вестминстера явились результатом четырехлетней — с 1968 г. — борьбы католического населения за свои права, против юнионистской диктатуры, оплотом которой в течение полувека был Стормонт. Выражая полную поддержку североирландскому парламенту, одному из основных орудий протестантской реакции для подавления католической оппозиции, Биггс-Дэвисон пишет: «Для некоторых представителей этой палаты она была символом полувекового угнетения, для других — она символ 50 лет постоянного прогресса в развитии образования, в том числе как католического, так и светского, в строительстве жилых домов, в развитии промышленности и социального обеспечения»¹⁷. Вступая в явное противоречие с фактами, он безапелляционно заявляет: «...Стормонт был средоточием преобразующей энергии и быстрого продвижения к завоеванию эффективных гражданских прав и прекращению избирательных махинаций на выборах в местные органы власти»¹⁸. Тем самым Биггс-Дэвисон пытается полностью опровергнуть реальность Северной Ирландии в угоду наиболее реакционным британским политическим кругам.

К монографии Бигга-Дэвисона примыкает работа другого представителя консервативного направления, Д. Акенсона, посвященная новейшей истории Ирландии¹⁹. Автор — американский ученый ирландского происхождения, посвятивший немало лет изучению этой страны. Несмотря на то что последняя его книга написана как составная часть серии «Библиотека американской внешней полигики» и в задачу ее входило отражение истории внешних отношений между США и Ирландией, эта монография является, по существу, историей Ирландии в XX в., где дается также краткий очерк истории средних веков и нового времени.

Акенсон отмечает, что книга написана главным образом для 16 млн. американцев, которые связывают свое происхождение с Зеленым островом. По утверждению Акенсона, ирландское население Америки якобы не отличается склонностью к прогрессивным настроениям: «Американцы ирландского происхождения в той степени, в которой их можно определить как отдельную группу, консервативны в политическом отношении; они прохладно встретили воинствующий социализм ольстерских католических лидеров»²⁰⁻²¹. Однако многочисленные факты, напротив, свидетельствуют, что во время визита в США Б. Девлин ей удалось собрать значительные денежные средства в пользу оппозиционных католических организаций²².

Работу отличает обилие использованного материала, подробный библиографический раздел, носящий характер историографической главы. Акенсон проявляет интерес к экономической и социальной истории, что ставит его монографию на новую ступень по сравнению с исследованиями многих историков. Он уделяет внимание изучению государственного строя и политической структуры Северной Ирландии. Автор справедливо рассматривает Ольстер как «отдельный регион экономической системы, включающей единое целое Соединенного Королевства»²³. Он прослеживает развитие ольстерской экономики и рост индустриализации начиная с последней четверти XVIII в. и отмечает, что, несмотря на высокую степень индустриализации производства, экономика Северной Ирландии представляла собой довольно шаткую и уязвимую структуру. Одной из основных причин ее уязвимости автор считает почти полную зависимость от источников сырья и топлива, не учитывая, однако, такого серьезного фактора, как раскол страны.

Исследуя социальную структуру Ольстера, он связывает особенности социального расслоения двух общин с их различным экономическим положением: «Эти различия в социальной структуре усугубляются неоднородным в экономическом отношении положением двух общин»²⁴. Акенсон в целом признает бедственное положение католического населения и отмечает наличие «социальной сегрегации»²⁵, хотя и необоснованно считает ее добровольной.

Для него характерно эксплуатирование факта более высокого жизненного уровня населения Северной Ирландии по сравнению с Ирландской республикой²⁶. Это во многом сближает его книгу с работами представителей консервативного направления, которые стремятся, пользуясь «экономической аргументацией», обосновать и оправдать нежелание ольстерских протестантов ликвидировать раскол страны. Между тем в связи с успехами, достигнутыми в экономике Ирландской республики за последние десятилетия, и вследствие постоянной промышленной депрессии в Ольстере, вызванной расколом страны и усугубленной нынешним кризисом, уже не представляется возможным так безоговорочно, как раньше, утверждать о существовании значительной разницы в

жизненном уровне широких слоев населения, проживающего по разные стороны границы.

Начало перемен в политической жизни Ольстера автор связывает со вступлением на пост премьер-министра Т. О'Нейла и с проведением им «нового курса». У Акенсона есть меткое замечание относительно одной из причин появления «нового юнионизма» О'Нейла: «Благодаря накопленному политическому опыту ему удалось предвидеть, что из-за увеличения католического населения увеличивается и его избирательная способность»²⁷. Автор резонно подчеркивает понимание О'Нейлом необходимости добиться поддержки католиков.

Касаясь взаимоотношений Ольстера с Ирландской республикой, Акенсон с одобрением отмечает наличие «нового прагматического подхода к вопросу о Севере»²⁸ у правительства Ш. Лемасса, который в значительной степени устраивал и английские правящие круги. Он считает, что выработке этого курса способствовали «становившиеся все более тесными англо-ирландские экономические связи»²⁹. Апогеем новой политики Лемасса в отношении Ольстера автор считает «ответственный обмен визитами между Лемассом и премьер-министром Т. О'Нейлом»³⁰, осуществленный в 1965 г. Акенсон положительно оценивает тенденции к экономическому сближению севера и юга страны — в этом вопросе он разделяет точку зрения английских правящих кругов, стремящихся найти новые формы эксплуатации Ирландии как единого целого. Автор с нескрываемой иронией демонстрирует свое отношение к ситуации, в которой оказалось правительство Ирландской республики в связи с разразившимся кризисом. Он презрительно называет его политику «смесью оппортунизма и истерии, наивности и дипломатических извращений»³¹. Критикуя его курс, Акенсон ищет подтверждения своей оценке среди наиболее консервативных элементов ирландской буржуазии.

В работе нередки высказывания, выдержанные в духе шовинизма по отношению к североирландским католикам: «Отличительной особенностью католической общины является негативизм, горечь и бесплодная агрессивность»³². Реакционные построения, стремление безосновательно очернить католическую общину — все это накладывает особый негативный отпечаток на монографию Акенсона.

Консервативный английский военный историк Р. Эвелег, рассматривающий североирландскую проблему с точки зрения решения ее военными средствами, предпринял попытку предложить некоторые меры по реорганизации полицейского аппарата и использования внутренних войск³³. Основываясь на своем опыте пребывания в Ольстере в 1971 г. в среде командного состава британской армии (автор имеет звание полковника), Эвелег излагает возможность «подавления беспорядков» в этой части Соединенного Королевства.

Автор беззастенчиво фальсифицирует роль и место англий-

ских военнослужащих в конфликте. Невзирая на общеизвестные факты жестокости и зверств солдат и полиции, особенно наглядно засвидетельствованные перед широкой мировой общественностью международным трибуналом в Страсбурге в 1978 г., он утверждает, будто «солдат, какие бы обвинения против них ни выдвигались, нельзя обвинить в отсутствии мужества, дисциплины, энергии и повиновения политическому руководству. Полиция, несмотря на все оскорбления, бросаемые против нее, проявила в целом исключительную храбрость, трудолюбие и чувство справедливости»³⁴.

Всю вину за непрекращающееся кровопролитие Эвелег возлагает лишь на недостатки в «конституциональной структуре для контроля кампании по подавлению восстания и на недостатки в законах, управлявших действиями сил безопасности. Ошибки в конституции вели к тому, что кампания правительства не могла проводиться эффективно»³⁵. По его мнению, большинство поджогов и убийств происходило якобы из-за недееспособности «гражданских властей, которые не смогли обеспечить эффективную помощь военным в сохранении мира»³⁶.

Автор всемерно обеляет жестокие, неблагоприятные действия британской армии и ольстерской полиции, затушевывает многочисленные факты убийств, пыток и издевательств, арестов по малейшему подозрению, заключения в тюрьму без суда и следствия, что стало с введением британских войск повседневным явлением в Северной Ирландии.

Видный североирландский критик Дж. Бекетт известен своими исследованиями в области новой истории Ирландии³⁷. Его последняя монография³⁸ посвящена развитию протестантизма и протестантской традиции, которую он называет англо-ирландской, на Зеленом острове с момента первых завоевательных экспедиций англичан в XII в. Много внимания отводится религиозному аспекту, в частности образованию ирландской разновидности англиканской церкви (Church of Ireland).

Монография, посвященная в основном средневековым сюжетам, в целом обязана своим появлением вспышке нынешнего кризиса. Основную задачу автор видит не только в оправдании, но и в возвеличивании роли протестантской общины в истории Ирландии, причем он не делает различий ни для «Объединенных ирландцев» XVIII в*, ни для современных протестантских фанатиков³⁹.

Бекетту свойственна абсолютизация географического фактора в истории Британских островов, которым на протяжении столетий умело пользовалась Англия. В результате автору присуще одно из ошибочных, но тем не менее характерных положений консервативной аргументации в оправдании зависимости Север-

* Революционное общество, подхватившее призыв Великой французской революции «Свобода, равенство, братство!» и поднявшее в 1798 г. восстание против господства англичан, в руководстве которого решающую роль играли представители протестантизма, отвергавшие религиозный раскол.

ной Ирландии от Великобритании — географизм: «Англо-ирландской традиции сейчас более 800 лет, а условия, из которых она происходит, и того старше. Географическое положение Британских островов таково, что Ирландия и Великобритания не могут существовать абсолютно отдельно друг от друга: если Ирландское море, с одной стороны, препятствует полному слиянию, то, с другой стороны, Атлантический океан препятствует полному отделению... В конце концов в Ирландии нет своего коренного населения. Предки ирландцев любой части страны — это пришельцы, завоеватели и поселенцы»⁴⁰. Он оправдывает захватнические устремления английских правящих кругов, колониалистские тенденции внешней политики Англии в ирландском вопросе.

Бекетт неоднократно подчеркивает «огромный», по его мнению, вклад представителей протестантской общины в британскую культуру, а также говорит об «исключительно плодотворной, цивилизаторской» якобы миссии Англии, демонстрируя откровенный шовинизм и оправдывая необходимость раскола: «Англо-ирландцы вполне осознают, что Ирландия и Великобритания имеют так много общего, что полное отделение никому не может быть полезным, поскольку они с благодарностью вспоминают о культурном воздействии, которое оказывает Англия»⁴¹. Автором преднамеренно смешиваются культурное и колонизаторское влияние. Его концепция — не слишком заметная модификация джингоистских построений относительно «цивилизаторской миссии» белого человека, и в частности англичанина, в отсталых странах, изобретенных еще в прошлом веке в период «строительства империи».

В целом свою основную задачу Бекетт усматривает в оправдании раскола страны, оперируя аргументами британских империалистических кругов начала века. Он убежден, что «к 1920-м годам раскол стал единственным реальным средством избежать разрушительную гражданскую войну неопределенной продолжительности»⁴². Между тем в настоящее время уже невозможно мыслить в категориях прошлого, поэтому Бекетт стремится предложить свой вариант выхода из кризиса. Вследствие краха концепций реакционных политических сил в Северной Ирландии он пытается наметить некоторые общие направления вероятного развития провинции. Однако для достижения компромисса или какого-либо приемлемого для обеих сторон выхода автор требует максимальных уступок лишь со стороны Ирландской республики, возлагая всю ответственность за судьбу обеих частей Зеленого острова на республиканское правительство, от которого добивается такта, сдержанности, уважения к «традиционным опасениям»⁴³ североирландских ультра, не желающих со своей стороны проявлять ни готовность ни стремление к взаимопониманию.

К консервативному направлению относится и книга известного государственного деятеля Ирландской республики, историка, дипломата и писателя, бывшего министра почт и телеграфа К. К. О'Брайена. В свое время во многих работах он высказывал

плодотворные идеи, однако впоследствии в связи с общим поправлением ирландской буржуазии, проявившимся и в период нынешнего Ольстерского кризиса, О'Брайен проделал в своих концепциях заметную эволюцию, отражающую нестабильность его политической позиции. В настоящее время по многим вопросам он высказывает взгляды консервативнее официальной точки зрения правящей буржуазной партии Фианна Файл. Неслучайным стало принятие им предложения английского консервативного еженедельника «Обсервер» занять пост его главного редактора. В связи с этим общественность Ирландской республики отмечает, что являясь руководителем одного из самых официозных английских журналов и переселившись в Англию, О'Брайен порвал с некогда присущей ему демократической традицией ирландской национальной историографии.

В его книге дана картина развития ирландского общества как в северной, так и в южной Ирландии в исторической ретроспективе; начиная исследование истории страны с конца XIX в., с эпохи Ч. Парнелла, автор рисует широкую панораму борьбы ирландского народа против господства англичан. Вместе с тем отличительной чертой его работы является апелляция к «реальности» североирландской действительности. Отрицая закономерность возникновения кризиса, антиимпериалистический характер борьбы, автор не учитывает ее места в общем ходе освободительного движения ирландского народа. Подвергая критике исторические концепции прогрессивных сил Ирландии и не выдвигая какой-либо позитивной альтернативы, он, в частности, пишет: «Среди членов кабинета, в партии и в стране были люди, для которых, для их эмоциональной души и для их понимания значения жизни и славы, память о 1916 г. была решающей. Для большинства из них Богсайд означал новую вспышку вулкана. Они не рассматривали жителей Богсайда как людей, добивавшихся равных прав в Северной Ирландии или отражавших очередную налет полиции, они считали их людьми, начавшими последнюю стадию многовековой борьбы против английского господства в Ирландии. Они смотрели на полицию как на английских наемников, а протестантов, которые поддерживали полицию, считали людьми, обманутыми английской пропагандой. Это была явно упрощенная концепция истории и действительности»⁴⁴. Апелляция автора к «реальности» не несет в себе позитивной нагрузки, в ней не предлагается поисков выхода из кризиса, конструктивных путей его решения. Более того, возникновение кризиса в Северной Ирландии в конце 60-х годов объективно стало продолжением национально-освободительной революции 20-х годов. Именно незавершенность этой революции поставила перед участниками нынешних событий ряд задач, обусловленных необходимостью бороться за предоставление элементарных буржуазно-демократических свобод и ликвидацию системы дискриминации католического меньшинства.

Стремление О'Брайена подчеркнуть лишь «реальное положение

ние вещей» является, по его собственному мнению, характерным для его концепции: «Ни один человек не критиковал меня за то, что я не учитывал аспекта реальности... За что меня критиковали, и довольно горячо, так это за упоминание аспекта реальности: существование двух отдельных общин, католической и протестантской»⁴⁵. В русло этой концепции укладываются и другие его выводы и рассуждения, более всего напоминающие констатацию фактов без какой-либо попытки аналитического подхода: «Я убежден, что в настоящее время ни одна из основных групп населения Ирландии фактически не хочет объединения; то, что ольстерские протестанты не имеют такого намерения, совершенно очевидно. Ольстерские католики заинтересованы скорее в равноправии, особенно в отношении приема на работу, чем в единстве страны, хотя их концепция равенства включает и право размахивать трехцветным республиканским флагом, поскольку протестанты размахивают английским»⁴⁶. Составной частью той же бесплодной концепции «реальности» является иронизирование над национальными устремлениями и чувствами североирландских католиков, а также концентрация внимания на курьезных, парадоксальных, зачастую недолговечных явлениях кризиса: «Как мы видели, наиболее отчетливо выражавшие свои идеи воинственно настроенные представители католической общины мыслили, или говорили, что мыслили, в рамках классовой борьбы, социальной революции и борьбы против империализма. Но то, что случилось, было схваткой между католиками и протестантами, в конце которой появилась британская армия, т. е. империалисты,— к огромному облегчению и большой радости католиков...»⁴⁷. Подобные приемы автор использует как для выступлений против политических противников, так и для «подкрепления» своей аргументации. Однако он обращается к явлениям, носящим временный характер: например, «защитная функция» британской армии уже через месяц после прибытия английских войск утратила свое значение и армия превратилась в орудие, направленное против католической общины. К тому же в действительности нынешний кризис является буржуазно-демократическим этапом борьбы, движущей силой которого выступает католический рабочий класс, а лидером — католические средние слои и радикальная интеллигенция, поднявшиеся на справедливую борьбу за предоставление элементарных буржуазно-демократических свобод и ликвидацию системы дискриминации католиков.

О'Брайен — один из немногих исследователей, которые убеждены в глубоко религиозном характере ольстерского кризиса, поэтому его вспышку он называет прежде всего «конфликтом между двумя группами населения по религиозному признаку»⁴⁸. Такой вывод представляется не просто удивительным для видного историка, лично знакомого с обстановкой, но идет вразрез с действительностью, вступает в противоречие со взглядами подавляющего большинства исследователей североирландской проблемы⁴⁹.

О'Брайен справедливо называет одним из важнейших аспектов кризиса национальный⁵⁰. Однако, поскольку главное место он отводит религиозному фактору, основная характеристика, которая дается современным событиям, формулируется прежде всего как «конфликт между ИРЛАНДСКИМИ католиками и ОЛЬСТЕРСКИМИ протестантами»⁵¹. Помимо ограничения североирландской проблемы лишь национальной и религиозной сторонами, автор отрицает наличие классовых противоречий⁵², проходит мимо экономического и социально-политического факторов, игнорирует колонизаторскую роль английских правящих кругов в истории страны.

В книге О'Брайена отсутствует осуждение главного виновника нынешних событий — британского империализма, который в настоящее время сталкивается с плодами своей многолетней политики в ирландском вопросе. Автор полностью отрицает планомерную политику британских правящих кругов, на протяжении многих веков направленную на раскол ирландского общества, которую признавали даже английские исследователи прошлого века⁵³. Несмотря на это, он считает: «Английское правительство 1920-го года вовсе не создавало (и оно в настоящее время искусственно не ухудшает) отношения между двумя общинами в Ирландии, которые по существу являются результатом раскола острова»⁵⁴. Автор отрицает общеизвестные факты, что много веков назад североирландское общество было расколото политикой «разделяй и властвуй». В настоящее время правящие круги Великобритании сталкиваются с плодами политики своих предшественников в ирландском вопросе: попытки английских правящих кругов урегулировать проблему встречают саботаж и сопротивление ольстерских ультра, не желающих предоставлять католикам равные права и тем самым терять даже часть своих привилегий.

Создавая «алиби» британским правящим кругам, О'Брайен отвергает очевидные факты ирландской истории и роль в ней английского правительства: «Ольстерские протестанты — это не «английский гарнизон в Ирландии»; они формируют общину с собственным волеизъявлением. Мысль, что современная Англия манипулирует протестантами, чтобы «держать в тисках Ирландию», — это лишь продукт большого мира фантазии, в котором живет Шин-Фейн»⁵⁵. Апологетическая позиция автора по отношению к английскому правительству — результат поправления некоторых слоев ирландской национальной буржуазии. Сказалась также усилившаяся в последнее время экономическая интеграция Британских островов в единый промышленно-хозяйственный комплекс. Все это привело к тому, что авторы консервативного направления либо не видят, либо предпочитают не замечать прямой связи нынешней ситуации с длительной, планомерной политикой британского колониализма и империализма в Ирландии, без чего подлинные, глубинные истоки нынешнего кризиса в Северной Ирландии понять нельзя.

Вторым направлением в историографии проблемы является

довольно разнообразно представленное буржуазно-реформистское течение. Наряду с собственно историческими трудами здесь встречаются исследования по экономической истории, книги политологов и социологов. Большинство этих работ рассматривает североирландскую проблему в более широком контексте насущных проблем региональной политики Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Национальным факторам уделяется, как правило, недостаточное внимание.

Для представителей этого направления свойственна в целом более прогрессивная позиция, осознание необходимости реформ и преобразований, направленных на демократизацию общественной жизни Ольстера. Они с большим сочувствием относятся к движению за гражданские права, признают справедливость его требований. Отдельные авторы, например ирландский историк Дж. Мерфи, в своих исследованиях обращаются к движению широких народных масс, справедливо отмечая национально-демократический характер борьбы. Вместе с тем в работах буржуазно-реформистского направления налицо определенная переоценка роли политических факторов.

Исследование видного политолога и социолога Р. Роуза⁵⁶ подтверждает эту мысль. Он неоднократно обращался в своих трудах к теме кризиса в Северной Ирландии⁵⁷, поскольку с середины 60-х годов начал заниматься вопросами структуры политической власти в Ольстере (для сравнения ее с британской структурой): «Основной мотив для выбора моей темы носил академический характер — лучше понять природу политической власти. В Англии, казалось, мало изучали эту проблему, где политической власти тогда никто не бросал вызов... История же Северной Ирландии знала немало примеров вызовов, брошенных властям как со стороны протестантов, так и со стороны католиков. В 1965 г. в провинции царил мир, хотя ее законное правительство не воспользовалось поддержкой всех своих подданных»⁸⁵⁻⁵⁹.

Работы Роуза отличает скрупулезность исследования, обилие фактических данных, широкое применение методов математической статистики, глубина подхода, постановка важных, интересных вопросов, многочисленные социологические данные, богатая источниковедческая основа, общий высокий научный уровень. Однако он выступает против массовых демократических движений, полагаясь в основном на буржуазный реформизм. Его исследования призваны удовлетворить потребности британских правящих кругов в конкретном анализе североирландской проблемы для выявления наиболее эффективных путей ее решения. Свою главную задачу автор усматривает в определении социальных корней кризиса и причин появления «потенциальных повстанцев», он стремится найти способы погасить недовольство и в конечном итоге ликвидировать кризис, имея при этом в виду сохранение «успокоенного» Ольстера в составе Соединенного Королевства.

Роуз справедливо подчеркивает во многих отношениях новаторский характер попыток либеральной деятельности администрации Т. О'Нейла: «Цели О'Нейла были новыми, даже революционными — он стремился добиться ни более, ни менее, как полностью законного режима, поддерживаемого согласием католиков так же, как и протестантов. О'Нейл полагал, что посредством экономического роста можно будет отучить католиков от «старомодных» стремлений к единству Ирландии и успокоить опасения протестантов по поводу конкуренции со стороны католиков при приеме на работу. Он также стремился установить более дружеские отношения с Республикой... О'Нейл призывал к терпимости по отношению к католическому меньшинству»⁶⁰. Роуз полностью солидарен с ольстерским премьером в намерении приглушить остроту социальных, национальных, классовых, политических и религиозных противоречий с целью стабильности североирландского режима.

Вместе с тем автор склонен преувеличивать значение политического фактора в возникновении и развитии кризиса, когда говорит о том, что вопросы политического руководства являются центральными в ольстерской проблеме⁶¹. «Фактически Северная Ирландия — это непокорная часть Соединенного Королевства, управляемая без согласия, когда ею вообще удается управлять. В этом и состоит проблема Северной Ирландии»⁶². При подобном анализе остается в стороне сложный комплекс, переплетение целого ряда важных факторов — социально-экономических, исторических, национальных, культурных, религиозных и т. п.

В исследованиях Роуза, объективно служащих британским правящим кругам для поисков выхода из кризисного состояния, отсутствует осуждение английского империализма как главного виновника обострения обстановки в Ольстере.

К буржуазно-реформистскому направлению принадлежит и книга Дж. Мерфи⁶³, профессора ирландской истории Ирландской республики. Автор — известный политический деятель, отстаивающий последовательно национальную, демократическую, антиимпериалистическую позицию. Однако его историческая концепция, хотя в ней имеются и рациональные положения, несколько отстает от его прогрессивных политических взглядов. В работе заметно стремление приуменьшить зло, которое было нанесено политикой британского империализма Ирландии. Он снимает с последнего вину за раскол страны и утверждает, что англо-ирландский договор 1921 г., положивший начало расколу, был в сущности «пределом того, что могло позволить в этом вопросе любое английское правительство»⁶⁴. Мерфи расценивает гражданскую войну 1921—1923 гг. как конфликт между «идеалистами и прагматиками»; он с явным неудовольствием отмечает, что «гражданская война способствовала неестественной поляризации в ирландской внутренней политике» на протяжении жизни целого поколения.

Североирландскому кризису посвящена отдельная глава, где

события рассматриваются с момента подписания англо-ирландского договора 1921 г. Автор проявляет интерес к проблемам социальной истории. Характерен с этой точки зрения анализ структуры крупнейшей протестантской организации: «Оранжевый орден со своим обширным членством, распространяющимся на все слои общества — земельную аристократию и мелких фермеров, промышленных магнатов и рабочих судоверфей, давал экономически непривилегированным протестантам иллюзию принадлежности к высшему протестантскому народу»⁶⁵.

Однако вопросы экономического положения провинции выпадают из поля зрения автора, в своей работе он почти не уделяет им внимания. Поэтому для объяснения причин зарождения движения за гражданские права Мерфи оперирует существенными, хотя отнюдь не самыми важными аргументами. В некотором отношении автором абсолютизируется фактор культуры. По его мнению, исключительно серьезную роль сыграл Акт об образовании 1947 г., основанный на соответствующем законе, принятом английскими лейбористами. Согласно этому законодательству обязательное бесплатное школьное образование продлевалось до 15 лет, что давало возможность детям католиков и протестантов получать равное начальное образование (для католических семей, занимавших, как правило, более низкое социальное положение, сделать это прежде было гораздо труднее). Был открыт также доступ и в университеты. «Более широкое распространение системы высшего образования на Севере имело один непредвиденный и серьезный результат. Через определенное время в католической общине появились исключительно целеустремленные и политически подготовленные лидеры, которые были полны решимости покончить с таким положением вещей, когда меньшинство населения считалось гражданами второго сорта. Тем самым Акт об образовании 1947 г. посеял зубы дракона»⁶⁶. Переоценка фактора культуры и образования, неправомерный акцент, придаваемый автором явлениям вторичного характера, свидетельствуют об определенной доле идеализма его исторических концепций.

Несмотря на противоречивое отношение к влиянию научно-технической революции на католическую общину, в заключении Мерфи приходит к знаменательному выводу. Он пишет, что некоторую надежду вызывают новые процессы, наметившиеся в среде протестантского рабочего класса, а именно «его растущее отрицание традиционного юнионистского руководства и пробуждение сознания, что бедность и невежество в конце концов всегда были главными врагами для простых протестантов и католиков, невзирая на религиозный раскол»⁶⁷. Автор подводит читателей к верной мысли, что залог решения североирландской проблемы — в единстве рядов рабочих католиков и протестантов.

Вместе с тем вряд ли можно признать справедливой оправдательную позицию автора по отношению к роли британских правящих кругов в ирландской истории. Мерфи придерживается того мнения, что возникновению кризиса в 1968 г. способствова-

ло «невмешательство» Англии в ирландские дела⁶⁸, что Великобритания не разрабатывала в отношении соседнего острова никакой политики. При подобном подходе заглушается бесспорный факт, что не кто иной, как британские правящие круги оказали решающую поддержку протестантам-экстремистам, ярким противникам национально-освободительного движения ирландского народа.

Другой автор рассматриваемого направления — Г. МакЭйон занимает довольно радикальную позицию: в частности, он знаком с работами К. Маркса и Ф. Энгельса по ирландскому вопросу⁶⁹. Являясь сторонником «официального крыла» Шин-Фейн — Рабочей партии, он высоко отзывается о взглядах К. Гулдинга, одного из наиболее видных руководителей этой организации, представляющей радикально-демократическое крыло в политической жизни Ирландской республики. Автор полностью разделяет взгляды К. Гулдинга и зачастую цитирует их в своей работе: «Размышления и изучение им обстановки привели его к необходимости применения марксистского анализа для изучения положения в Северной Ирландии, и из всего этого следовало, что корни ольстерской болезни были в колониальной зависимости от Англии. Он считал, что религиозная проблема используется как орудие, с помощью которого протестантских рабочих откалывали от их естественного союзника, и полагал, что лишь система образования, организованная на основе веротерпимости и в обстановке отказа от насилия, смогла бы разрушить такое положение»⁷⁰.

МакЭйон не обходит стороной и социально-экономические аспекты кризиса, хотя не останавливается подробно на их изучении. Автор указывает как на одну из причин кризиса на концентрацию крупных промышленных объектов в восточных районах провинции, населенных главным образом протестантами. Он упоминает экономический план Т. Вильсона относительно развития восточного Ольстера и доклад Локвуда по поводу создания второго университета в Северной Ирландии, рассматривая их как меры, направленные против католической общины, поскольку в них не учитывались нужды западных областей, населенных католиками. Автор приводит высказывание известного английского архитектора-проектировщика и экономиста Дж. Копкатта, приглашенного в Ольстер североирландским правительством для разработки планов создания нового промышленного комплекса близ Белфаста. После года работы Копкатт покинул Северную Ирландию. Ему не удалось убедить стормонтское правительство отказаться от планов строительства нового города и вместо этого обратить внимание на развитие второго по величине города — Дерри, населенного преимущественно католиками, что способствовало бы более пропорциональному распределению промышленных и научных центров на территории Северной Ирландии. «Совершенно очевидна необходимость, — говорил он, — избрать Дерри в качестве центра высшего образования, помимо

Белфаста. Это может оказаться наиболее благоприятной возможностью для объединения населения и сближения общин в будущем»⁷¹. «Однако,— как справедливо отмечает МакЭйон,— менее всего на свете правительство желало именно объединения населения»⁷².

Автор указывает, что разногласия на религиозной, казалось бы, основе — результат многовековой целенаправленной политики правящих кругов, руководствующихся принципом «разделяй и властвуй». Он подчеркивает, что в других странах, например в США, американцы ирландского происхождения, и католики, и протестанты мирно живут как в соседстве друг с другом, так и с представителями других национальностей⁷³. МакЭйон приводит интересный факт, когда говорит о постоянном стремлении североирландских правящих кругов углубить межобщинные разногласия: «Важно отметить, что католические школы в Северной Ирландии получают больше средств от государственной казны, чем те же школы в соседней Ирландской республике, где 95% населения — католики»⁷⁴. Тем самым автор указывает на преднамеренный характер раскола североирландского общества правящими кругами, стремящимися, чтобы разобщенность двух общин закреплялась с раннего детства.

В заключении он ссылается на книгу К. О'Брайена «Ирландские государства» и отмечает, что разделяет важную мысль автора о необходимости как можно быстрее положить конец насилию и вооруженным столкновениям. И хотя К. О'Брайен вообще не упоминает о роли британского империализма в расколе страны, МакЭйон пишет о нем: «Мне кажется, что я в большей степени, чем он, подчеркиваю продолжающуюся виновность Англии в расколе страны, но с его основной мыслью я согласен»⁷⁵. МакЭйон также полагает, что в вопросе о присоединении к Ирландской республике «североирландских протестантов не нужно и не должно принуждать». Выступая за объединение Ирландии и ее народа, автор поддерживает федеративный вариант и обращается к примеру Швейцарии, разделенной на ряд децентрализованных кантонов, где в настоящее время мирно живут католики и протестанты, которые когда-то враждовали между собой сильнее, чем две североирландские общины.

Несмотря на то что его позиция сходна с позицией Шин-Фейна, она довольно эклектична и близка к точке зрения буржуазных авторов. Один из важнейших вопросов развития для него — фактор культуры и образования. В целом работу МакЭйона можно отнести к левому крылу буржуазно-реформистской историографии.

Известный журналист и историк из Ирландской республики Т. П. Куган не раз в своих исследованиях обращался к истории страны и национально-освободительного движения. В последней работе он затрагивает проблему развития ирландской нации в исторической ретроспективе. Основное внимание уделено изучению ирландского национального характера, традиций, привычек,

а также факторов, влияющих на их формирование. Все эти сведения даются на фоне новейшей истории Ирландии; последняя глава посвящена современному ольстерскому кризису.

Куган полагает, что причины, которыми руководствуются протестанты в стремлении сохранить раскол страны, имеют характер экономический, религиозный, а также территориальный⁷⁶. При этом он не принимает в расчет социально-политический, национальный, культурный факторы. Однако признание им экономического аспекта отличает в методологическом отношении его работу.

Полемизируя с авторами консервативного направления, которые, поддерживая нежелание протестантов ликвидировать раскол страны, оправдывают их поведение экономической «аргументацией» и постоянно подчеркивают более высокий жизненный уровень в Северной Ирландии, как в части Соединенного Королевства, чем в Ирландской республике, Куган резонно отмечает: «Безусловно, лояльность проявляется также и английскому «государству благосостояния» и английскому жизненному уровню, который до 1970-х годов был значительно выше, чем на Юге, хотя весьма сомнительно, насколько выше он сейчас, когда пишутся эти строки»⁷⁷. Хотя автор и говорит о колониальной зависимости Северной Ирландии от английского империализма⁷⁸, он не указывает на то, что материальной основой нежелания протестантов, в первую очередь буржуазных и мелкобуржуазных слоев и рабочей аристократии, ликвидировать раскол является прежде всего боязнь утратить свои весьма существенные колониальные привилегии, полученные за счет угнетения католического меньшинства.

В экономическом развитии Ирландской республики достигнуты определенные успехи; растет численность населения, возвращаются эмигранты⁷⁹. За последние 15 лет увеличились темпы роста промышленного производства, происходит индустриализация экономики. В настоящее время Ирландия стоит на пороге превращения в индустриально-аграрное государство⁸⁰. Увеличилась ее роль в мировой торговле, несколько уменьшилась зависимость от Англии — доля экспорта в Великобританию снизилась с 54% до 48% в 1976 г.⁸¹ Эти процессы развиваются параллельно с продолжающимся социально-политическим кризисом в Северной Ирландии.

Т. П. Куган является убежденным противником экстремизма как с католической, так и с протестантской стороны. Наиболее резкие обвинения он адресует лидеру протестантских фанатиков Пэйсли, который своими подстрекательскими речами, угрозами и обвинениями в адрес маршей сторонников гражданских прав всемерно накаляет обстановку⁸². Куган приводит ряд доказательств того, что в нынешней борьбе первые взрывы бомб и первые убийства были делом рук протестантских экстремистов⁸³. Тем самым он подчеркивает, что терроризм католиков стал ответной реакцией на террор протестантов.

Английские, ирландские и американские авторы большой коллективной монографии, посвященной проблемам изучения ирландской истории и культуры⁸⁴, несмотря на поддержку справедливых требований борцов за гражданские права, а также на то, что симпатии их на стороне католической общины, склонны отдавать приоритет среди причин кризиса религиозному фактору: «По мнению Пэйсли, причиной беспорядков были католики, по мнению Девлин — экономические и социальные несправедливости. Скорее всего, проблемы носили больше религиозный характер, чем экономический, и, вероятно, виновниками являлись больше протестанты, чем католики»⁸⁵. В работе усиленно подчеркивается влияние религиозного аспекта, которому неправомерно отводится доминирующая роль, и отмечается, что якобы «Девлин была гораздо менее реалистична. Экономические несправедливости, которые она хотела бы возвести во главу угла, занимали второстепенное место в глубоко засевших религиозных противоречиях...»⁸⁶

В целом авторы монографии склонны рассматривать развитие Ольстерской проблемы в связи со вступлением Англии и Ирландии в ЕЭС как «стирающееся противоречие». «Время и обстоятельства, — утверждают они, — стали главным лекарством»⁸⁷. Четко прослеживается их примиренческая позиция, стремление к отказу от конечного справедливого исхода борьбы, что, в свою очередь, ведет к подавлению противоречий и отодвигает демократическое решение проблемы на неопределенно длительный срок.

Другое крупное коллективное исследование английских и ирландских историков, посвященное ирландской истории и культуре, относящееся к буржуазно-реформистскому направлению, также отмечено примиренческими тенденциями⁸⁸. В частности, авторы приветствуют начавшееся было с 1965 г. во время правления Т. О'Нейла сближение между севером и югом Ирландии. Но вместе с тем для них характерен реалистичный подход к проблеме, справедливое решение которой, как они верно отмечают, может затянуться на долгие годы: «Несмотря на то что призывы к воздержанности и примирению раздавались как со стороны католических, так и протестантских священников, позитивная реакция на них среди воинствующих группировок была минимальной. В 1976 г. североирландское Движение женщин за мир довольно успешно попыталось разрушить границы религиозной розни; оно еще оставляет некоторую надежду, что скорее разум, чем ружье убийцы, в конечном счете одержит верх»⁸⁹.

Однако, несмотря на серьезный подход к проблеме, при изучении причин ее зарождения отсутствует упоминание о вине Великобритании в расколе острова, об ее империалистической, колониальной политике на современном этапе, о стремлении английских правящих кругов не упустить Ольстер из орбиты своего влияния, что отрицательно сказывается на возможности мирного, демократического разрешения кризиса.

В работе английского исследователя Р. Клаттербака, посвя-

щенной усилению массовых политических выступлений в Англии в последние годы⁹⁰, в одной из глав изучается и кризис в Северной Ирландии, в частности первая всеобщая забастовка, организованная ольстерскими юнионистами-протестантами в мае 1974 г. Автор делает верное наблюдение, что виновником ухудшения политического климата Великобритании являлись, как правило, консервативные правительства. Он приводит убедительные цифровые данные по Ольстеру, иллюстрирующие увеличение числа убийств после прихода к власти правительства тори в июне 1970 г.: «Например, в 1972 г. в Северной Ирландии было убито 468 человек, почти в 2 раза больше, чем в любой другой год до или после этого. Активность протестантских террористов увеличилась, а начиная с 1972 г. и в дальнейшем с каждым годом все больше католиков было убито протестантами, чем протестантов католиками...»⁹¹. Клаттербак также отмечает, что в 1971 и 1972 гг. подозреваемые интернированные без суда и следствия террористы все поголовно были католиками и лишь 5 февраля 1973 г. были интернированы первые два протестанта. Автор воссоздает краткую, но убедительную картину произвола и беззаконий, творимых в Ольстере на протяжении уже второго десятилетия.

При анализе наиболее характерных тенденций, присущих обобщающим трудам по истории североирландского кризиса, становится заметным некоторое поправение общественной мысли Ирландской республики по отношению к ольстерским событиям по сравнению с задачами национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы, которые ирландская национальная буржуазия выдвигала в начале века и в межвоенный период и которые были направлены на достижение полной независимости от Англии. Наряду с этим в большинстве работ ирландских авторов не только из Ирландской республики ясно прослеживается стремление в большей степени учесть реальные факторы, определяющие исторический процесс, осуждение экстремизма, желание покончить с насилием и террористическими акциями с обеих сторон. По мере развития кризиса все больший интерес к североирландским событиям проявляется историками, главным образом ирландского происхождения, многих стран. Знаменательной является попытка осмысления места современного кризиса в новейшей истории Ирландии и его роли в развитии демократического движения, а также обращение к движению широких народных масс; некоторыми авторами высказывается надежда на возможность в будущем достижения единства католических и протестантских трудящихся. Общей тенденцией следует назвать определенную «конвергенцию» направлений, появившуюся в основном за счет поправления буржуазно-реформистского направления.

Вместе с тем совершенно очевидно, что попытки защиты интересов британского государственно-монополистического капитализма на страницах работ буржуазных историков не ослабевают,

но приобретают иные, более изощренные формы. Все еще остаются нераскрытыми некоторые центральные вопросы темы: о главных виновниках ольстерских событий, о месте этих событий в развитии национально-освободительной антиимпериалистической революции.

- ¹ В статье рассматривается буржуазная литература по исследуемому вопросу.
- ² См.: *Колпаков А. Д., Бочкарева И. Г.* Англо-ирландская историография ольстерского кризиса // Новая и новейшая история. 1976. № 1.
- ³ *Sinclair B.* Northern Ireland // Labour Monthly. 1977. Oct. P. 451.
- ⁴ *Hastings M.* Barricades in Belfast: The Fight for Civil Rights in Northern Ireland. N. Y., 1969; *Target G.* The Unholy Smoke. L., 1969.
- ⁵ *Boyd A.* Holy War in Belfast. L., 1969; *Edwards O. D.* The Sins of Our Fathers: Roots of Conflict in Northern Ireland. Dublin, 1970; *Norman E. A.* History of Modern Ireland. L., 1971.
- ⁶ *Budge I., O'Leary C.* Belfast: Approach to Crisis: A Study of Belfast Politics, 1613—1970. L., 1973; *Rose R.* Governing without Consensus: An Irish Perspective. L., 1972; *Elliott R. S., Hickie J.* Ulster: A Case Study of Conflict Theory. L., 1974.
- ⁷ *Coe W. E.* The Engineering Industry of the North of Ireland. Belfast, 1969.
- ⁸ «The Celtic Nationalism». L., 1968; *Edwards R. D.* A New History of Ireland. Dublin, 1972; *O'Farrell P.* Ireland's English Question: Anglo-Irish Relations, 1534—1970. L., 1971; *Tierney M., MacCurtein M.* The Birth of Modern Ireland. Dublin, 1969.
- ⁹ *Fisk R.* The Point of No Return: The Strike Which Broke the British in Ulster. L., 1975; *MacStiofain S.* Revolutionary in Ireland. Cremonesi, 1975; *Gibson B.* The Birmingham bombs. L., 1976; *Darby J.* The Conflict in Northern Ireland. Dublin, 1976; *Hull R. H.* The Irish Triangle: Conflict in Northern Ireland. Princeton, 1976; *Bleakley D.* Crisis in Ireland. L., 1974; *Moody T.* The Ulster Question, 1603—1973. Dublin, 1974; *Target G. W.* Bernadette: The Story of Bernadette. Devlin; L., 1975; *Winchester S.* Northern Ireland in Crisis: Reporting the Ulster Troubles. N. Y., 1975; *Sheane M.* Ulster and its Future after the Troubles. Stockport, 1977.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Колпаков А. Д., Полякова Е. Ю.* Историография раскола Ирландии // Вopr. истории. 1974. № 9.
- ¹¹ *Biggs-Devison J.* The Hand is Red. L., 1973. P. 143—144, 198.
- ¹² Ibid. P. 153.
- ¹³ Ibid. P. 152.
- ¹⁴ Ирландская республика включает 26 графств, Северная Ирландия — 6.
- ¹⁵ Ibid. P. 152.
- ¹⁶ Ibid. P. 126.
- ¹⁷ Ibid. P. 199.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Akenson D. H.* The United States and Ireland. Cambridge (Mass). 1973.
- ²⁰—²¹ *Akenson D. H.* The United States and Ireland. P. 242.
- ²² *Devlin B.* The Price of My Soul. N. Y., 1969. P. 200.
- ²³ *Akenson D. H.* The United States and Ireland. P. 207.
- ²⁴ Ibid. P. 215.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid. P. 210.
- ²⁷ Ibid. P. 227.
- ²⁸ Ibid. P. 262.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 263.
- ³¹ Ibid. P. 258.
- ³² Ibid. P. 216.
- ³³ *Eveleigh R.* Peace Keeping in a Democratic Society: The Lessons of Northern Ireland. L., 1978.
- ³⁴ Ibid. P. 2.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 8.

- 37 См.: *Beckett J. The Making of Modern Ireland. L., 1972.*
- 38 *Beckett J. The Anglo-Irish Tradition. N. Y., 1976.*
- 39 *Ibid. P. 153.*
- 40 *Ibid. P. 148.*
- 41 *Ibid. P. 152—153.*
- 42 *Ibid. P. 150.*   43 *Ibid.*
- 44 *O'Brien C. C. States of Ireland. L., 1972. P. 196—197.*
- 45 *Ibid. P. 155.*
- 46 *Ibid. P. 296—297.*
- 47 *Ibid. P. 183.*   48 *Ibid. P. 305, 307.*
- 49 Напр., Р. Роуза, Я. Бэджа, К. О'Лири, Г. Фитцджеральда, О. Д. Эдвардса, Д. Боултона, Г. Келли, М. Уоллеса и др.
- 50 *O'Brien C. C. Op. cit. P. 305.*
- 51 *Ibid. P. 307—308.*
- 52 *Ibid. P. 306.*
- 53 *Милль Д.-С. Англия и Ирландия. Харьков, 1873. С. 2.*
- 54 *O'Brien C. C. Op. cit. P. 11.*
- 55 *Ibid. P. 305.*
- 56 *Rose R. Northern Ireland: Time of Choice. Washington, 1976.*
- 57 *Rose R. Governing without Consensus: An Irish Perspective. L., 1971.*
- 58—59 *Rose R. Northern Ireland: Time of Choice. P. 5.*
- 60 *Ibid. P. 14—15.*
- 61 *Ibid. P. 5.*
- 62 *Ibid. P. 9.*
- 63 См.: *Колпаков А. Д. Дж. Мерфи. Ирландия в двадцатом столетии // Новые кн. за рубежом по обществ. наукам. 1976. № 8.*
- 64 *Murphy J. A. Ireland in the Twentieth Century. Dublin, 1975. P. 37.*
- 65 *Ibid. P. 158.*
- 66 *Ibid. P. 162.*
- 67 *Ibid. P. 171.*
- 68 *Ibid. P. 25, 155, 157—158.*
- 69 *MacEoin G. Northern Ireland: Captive of History. N. Y., 1974. P. 7, 133.*
- 70 *Ibid. P. 225.*
- 71 *Ibid. P. 69.*
- 72 *Ibid. P. 70.*   74 *Ibid. P. 46.*
- 73 *Ibid. P. 2.*   75 *Ibid. P. 297—298.*
- 76 *Coogan T. P. The Irish: A Personal View. L., 1975. P. 11.*
- 77 *Ibid. P. 171.*
- 78 *Ibid. P. 185.*
- 79 *The Economist. 1977. 12 March.*
- 80 Подробнее см.: *Турчаникова М. Экономические проблемы Ирландской республики // Мировая экономика и международные отношения. 1977. № 10.*
- 81 *The Financial Times. 1977. 18 March.*
- 82 *Coogan T. P. Op. cit. P. 182.*
- 83 *Ibid. P. 181.*
- 84 *Irish History and Culture: Aspects of a People's Heritage. Kansas, 1976.*
- 85 *Ibid. P. 343.*
- 86 *Ibid.*
- 87 *Ibid.*
- 88 *The Irish World: A History and Cultural Achievements of the Irish People. L., 1978.*
- 89 *Ibid. P. 280.*
- 90 *Clutterbuck R. Britain in Agony: The Growth of Political Violence. L., 1978.*
- 91 *Ibid. P. 134.*

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ США XX в. И ПРОБЛЕМА РОЛИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

В. В. Согрин

Проблема роли классовой борьбы в истории США занимает центральное место в дискуссиях марксистских и буржуазных историков-американистов. Именно в этом вопросе буржуазная историография настойчиво стремится создать альтернативу марксистско-ленинской концепции истории США. Вместе с тем в рамках буржуазной историографии эпохи империализма оформились определенные разногласия в трактовке роли классовой борьбы в истории США и способах полемики с марксистской историографией. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать и обобщить эволюцию интерпретации классовой борьбы ведущими направлениями буржуазной историографии США XX в.¹ Отметим, что эти направления могут быть разделены на два основных течения: социально-критическое, включающее в первую очередь прогрессистское и радикальное направления, и апологетическое, объединяющее большинство направлений и школ буржуазной историографии США.

В буржуазной историографии США самостоятельный и устойчивый интерес к роли классовой борьбы складывается позднее, чем в европейской буржуазной историографии, а именно в последней трети XIX в. Оформление подобного устойчивого интереса, в свою очередь, было следствием резкого обострения в Соединенных Штатах эпохи перехода к империализму всех классовых антагонизмов. Острый «социальный вопрос» стал мощным стимулом развития социально-экономической историографии, в рамках которой зародилось прогрессистское направление. Отталкиваясь от злободневных вопросов современности, историки-прогрессисты обратились к новому «прочтению» явлений и факторов прошлого, стремясь вскрыть зарождение, эволюцию, генетические связи процессов, выступивших на первый план в американской действительности эпохи перехода к империализму. Тема социального конфликта в американской истории становится центральной в трудах историков прогрессистского направления, добившегося ощутимого влияния в буржуазной исторической науке США первой трети XX в. А ведущие историки-прогрессисты — Ф. Д. Тернер, Ч. Бирд, К. Беккер, В. Л. Паррингтон, А. Шлезингер-старший — добились также широкого международного признания.

В анализе историками-прогрессистами роли классового конфликта различимы два уровня: первый — это теоретическое осмысление характера классовых размежеваний в американской истории, второй — конкретно-историческое изучение разнообразных проявлений классовой борьбы. Полного единства между двумя

уровнями не существует: конкретно-исторические исследования историков-прогрессистов подчас преодолевали схоластические теоретические постулаты мэтров прогрессистской историографии. Конкретно-исторические выводы историков-прогрессистов и поныне сохраняют научное значение, они представляют ценность и для марксистской историографии. Но, конечно же, всестороннего анализа заслуживают оба уровня прогрессистской историографии; такой анализ отвечает актуальной в наши дни задаче раскрытия соотношения между теоретико-методологическими основами буржуазной историографии и конкретно-исторической практикой ее представителей.

Историки-прогрессисты, обратившись к изучению классовой борьбы, сосредоточились на том объекте, который являлся главным для марксистской историографии. Это требовало от них определения своего отношения к историческому материализму. Выполнение данной задачи взял на себя известный либерально-реформистский экономист и социолог Э. Селигман, выступивший в 1903 г. с монографией «Экономическая интерпретация истории».

Объявив себя последователем «экономической интерпретации истории», Селигман заявлял, что «подлинным создателем» этого метода должен быть признан К. Маркс. Согласимся, что при всей ограниченности восприятия марксова метода Селигманом это смелое признание в устах буржуазного ученого. Вместе с тем Селигман на практике не шел дальше стремления приспособить исторический материализм к нуждам буржуазной исторической науки, в том числе позитивистской методологии и объективизма, обнаруживших неспособность постичь движущие силы исторического развития. Он, в частности, предложил разъединить марксовы «философию истории» и «политическую экономию». Неприемлемые стороны марксизма были заключены для буржуазного идеолога в марксовую политическую экономию, теории прибавочной стоимости, обосновании антагонистического противоречия между трудом и капиталом и выводах о неизбежности экспроприации частной собственности. Что касается марксовской «философии истории», то она, по Селигману, вполне приемлема для приверженцев индивидуализма и частной собственности и предполагает лишь исследование развития социальных, политических и культурных институтов в тесной взаимосвязи с экономическими основами общества². В действительности подобное «расщепление» диалектически связанных неразрывных частей марксизма оказалось возможным только в голове буржуазного теоретика, результатом чего и явился предложенный Селигманом эволюционистский метод «экономической интерпретации истории».

Сущность этого метода впервые наиболее полно раскрылась в монографиях Ч. Бирда, признанного лидера прогрессистской историографии. Бирд, подобно Селигману, в период своего формирования изучал труды К. Маркса, был хорошо знаком с доктринами фабианских социалстов, но в отличие от Селигмана объявил родоначальником «экономической интерпретации исто-

рии» одного из авторов американской конституции — Д. Мэдисона³, доказывавшего неизбежность разделения каждого общества на враждебные экономические фракции-классы. Хотя попытка Бирда опереться на Мэдисона диктовалась желанием «американизировать» «экономическую интерпретацию истории» (реальное воздействие идей Мэдисона на «экономическую интерпретацию истории» прогрессистских авторов не прослеживается), его взгляды по существу стояли ближе именно к идеям умеренного «отца-основателя» США, а не к историческому материализму.

«Экономической интерпретации истории» историков-прогрессистов и взглядам Мэдисона была присуща типичная ограниченность всех буржуазных теорий классов и классовой борьбы, которая заключается, как неоднократно отмечали основатели исторического материализма, в неспособности показать историческую обусловленность и, следовательно, преходящий характер антагонистических общественных противоречий, вызываемых к жизни и существующих только при определенных способах производства. Метод исторического материализма устанавливал сложные и многообразные взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, экономического базиса и политико-идеологических надстроечных явлений и венчался стройным учением об общественно-экономических формациях. Метод же «экономической интерпретации истории» вообще не имел в своем основании какой-либо строгой и законченной социологической теории, в результате чего скользил по видимой части, верхушке «айсберга» классовых противоречий и классовой борьбы, не затрагивая их скрытой структуры (в которой-то и заключен антагонистический характер противоречий труда и капитала и «тайна» гибели последнего). Фактически он оставался эмпирическим методом: историки-прогрессисты не шли дальше анализа непосредственных экономических мотивов индивидуумов, социальных слоев и классов, что с учетом изменчивости этих интересов делало понятийный аппарат прогрессистов весьма произвольным.

И все же при всей ограниченности метода «экономической интерпретации истории» само обращение историков-прогрессистов к теме классовой борьбы и ее экономических мотивов являлось, с точки зрения буржуазных историков-ортодоксов, «святыня» и «уступкой марксизму». И чем настойчивее историков-прогрессистов обвиняли в заимствовании марксова метода (подобные обвинения в глазах консервативных и реакционных авторов являлись самым действенным способом научной «polemiki»), тем упорнее отреклись они от связи с историческим материализмом. А. Шлезингер-старший, выдвинувшийся в ряды ведущих историков-прогрессистов в 20-х годах, прямо предупредил своих единомышленников, что увязывание «экономической интерпретации истории» с именем К. Маркса грозит им участь сторонников дарвиновской теории⁴ (в 20-х годах в ряде штатов США были приняты законы, запрещавшие преподавание учения

Дарвина.— В. С.). А его сын, не менее знаменитый А. Шлезингер-младший, защищаясь от консерваторов уже в 40-х годах ссылался на знаменитое письмо К. Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в котором указывалось, что наличие классовой борьбы в истории являлось открытием буржуазной историографии⁵. Шлезингер-младший отвергал измышления американских консерваторов о том, что «любые разговоры о классовом конфликте являются коммунистическими»⁶. Резервируя за собой таким образом право формулирования концепции роли классовой борьбы в американской истории, Шлезингер затем наполнял ее либерально-реформистским содержанием.

Ретроспективные взгляды историков-прогрессистов на опыт классовой борьбы и классовых размежеваний в американской истории определялись в значительной степени присущим им мелкобуржуазно-демократическим истолкованием характера классовых отношений в современной им Америке. Это истолкование при всей его ограниченности было антимонополистическим, включавшим в себя массу отнюдь (умеренный антимонополизм Бирда и Шлезингера-старшего имел существенные отличия от радикального антимонополизма Паррингтона). Историкам-прогрессистам было присуще неприятие экономических, социальных и политических привилегий, сосредоточившихся в руках монополистической буржуазии, и углубляющейся пропасти между положением монополистической верхушки и остальных слоев общества. Ими была предложена двухчленная схема классовых размежеваний в американском монополистическом обществе — привилегированная монополистическая верхушка, с одной стороны, эксплуатируемые ею социальные классы и слои от средней и мелкой буржуазии до пролетариата — с другой, которая затем была опрокинута в прошлое и применена ко всем без исключения этапам американской истории. Согласно их истолкованию, борьба в американской истории неизменно развивалась между «аристократией», стремившейся к узурпации всех экономических, социальных, политических и духовных благ, и силами «демократии», выступавшими за их перераспределение на справедливой основе.

Историки-прогрессисты придерживались общепринятого в буржуазной историографии деления истории США на три периода: «ранний» — от основания колоний до 1800 г.; «средний» — от 1800 до 1860 г.; «поздний» — от 1860 г. до современных событий. Вместе с тем они внесли новое содержание в трактовку исторического смысла трех периодов истории США. Каждый «блок» американской истории в их интерпретации имел своим стержнем острый социальный конфликт, а венцом — острое социальное потрясение, выступавшее в качестве кульминации того или иного этапа борьбы между «аристократией» и «демократией». Историки-прогрессисты признали закономерный и прогрессивный характер американских революций. Венцом первого этапа была объявлена война за независимость. Второй этап венчался следующей американской буржуазной революцией, а в качестве третьего

этапа подразумевалась победа антимонополистических сил во главе с мелкой и средней буржуазией над «плутократией» — монополиями.

Социально-критический характер исторического синтеза прогрессистских авторов сочетался с мелкобуржуазно-реформистской ограниченностью. Историки-прогрессисты не проанализировали и не могли проанализировать американских революций с точки зрения закономерностей становления буржуазной общественно-экономической формации. Смысл самих этих революций они видели в умножении буржуазно-демократических установлений и уничтожении особых привилегий верхов общества («аристократии»). Они не видели предела прогрессу буржуазной демократии: признавая буржуазные революции, они не допускали и мысли о возможности социалистической революции в США. Подведение под понятие некоей унифицированной «демократии» мелкой и средней буржуазии, равно как и пролетариата, означало стирание различий между ними и отказ пролетариату в праве на самостоятельную классовую позицию, независимую роль в социально-политической борьбе. Историки-прогрессисты в целом высоко ценили роль рабочего класса в борьбе с консервативными устоями американского общества. Но все же в их концепции места классовой борьбы в американской истории это была не более чем подсобная роль в борьбе, возглавляемой и ведомой буржуазными и особенно мелкобуржуазными демократами⁷.

Концепция классовой борьбы историков-прогрессистов, будучи примененной к конкретным проблемам американской истории, дала плодотворные результаты при анализе тех периодов, в которые, пользуясь определением К. Маркса, революционная буржуазия выступала руководителем прогрессивных общественных преобразований, «была тем классом, который действительно стоял во главе движения», а «пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса»⁸. И в то же время их концепция вступала в резкое противоречие с исторической реальностью, будучи примененной к периодам активизации классовой борьбы пролетариата, оформления политических партий рабочего класса, обретения им собственного исторического лица.

Существенные научные результаты достигнуты историками-прогрессистами в изучении 170-летнего периода колониальной истории США (1606—1776 гг.). Раскрытие недемократического характера общественного устройства в североамериканских провинциях заняло важное место в трудах супругов Бирд, Д. Джеймсона, В. Л. Паррингтона, Г. Фолкнера. В них было доказано наличие большого количества феодальных пережитков в землевладении. Так, право первородства утвердилось во всех южных провинциях, ряде «средних» колоний (Нью-Йорке и Нью-Джерси). Даже в Новой Англии вводилось правило наследования стар-

шими сыновьями «двойной порции» собственности⁹. В Америку была «трансплантирована манориальная система землепользования», означавшая предоставление поселенцам земельных участков не в полную собственность, а во временное держание на условиях ежегодной выплаты квинтенты¹⁰. Историки-прогрессисты разошлись в вопросе о степени тяжести квинтенты: Джеймсон и Бирды подчеркивали ее реальное значение, а Фолкнер и Д. Т. Адамс полагали, что во многих случаях она носила условный характер. Но все они были едины в том, что феодальные пережитки в землепользовании создавали в провинциях основу для классовых размежеваний и социального конфликта.

В работах Джернигана, Морриса, Смита были документально подтверждены широкие масштабы ввоза и использования труда кабальных белых рабочих в Северной Америке, которые вместе с неграми-рабами являлись подлинными создателями богатств колониальной буржуазии. Согласно подсчетам Смита, от половины до двух третей всех белых переселенцев составляли законтрактанные слуги, серванты по обязательству и осужденные преступники¹¹. Р. Б. Моррис считал, что подневольные белые рабочие составляли даже до 77% всей белой иммиграции в колониальный период¹². Историки-прогрессисты привели убедительные данные, доказывающие, что кровавое законодательство, использовавшееся для закрепления рабочей силы в эпоху первоначального накопления Тюдорами и Стюартами в Англии, было характерно и для североамериканских провинций. Более того, законодательные акты, регулирование положения кабальных белых рабочих в Северной Америке были еще более суровыми, чем печально известные законы о бродяжничестве в Англии. «Впечатляющее число самоубийств» белых подневольных рабочих в южных штатах, писал Моррис, ярко свидетельствует об их невыносимом положении¹³.

Историки-прогрессисты сосредоточились на классовых конфликтах колониального периода и особенно кануна революции 1775—1783 гг. В их исследованиях доказывалось, что колониальный вопрос не был единственной причиной революции конца XVIII в., что она подготавливалась острым классовым конфликтом между колониальной элитой, с одной стороны, и угнетенными слоями, куда включались ремесленники, фермеры, законтрактанные слуги, — с другой¹⁴. Постепенно уточняя концепцию расстановки классовых сил в Северной Америке, историки-прогрессисты пришли к выводу, что руководство патриотического лагеря, включавшее купцов, ростовщиков, плантаторов, ограничивалось борьбой против колониальной верхушки и зависимости от Англии, в то время как народные массы стремились к отмене имущественного избирательного ценза, введению «прямой демократии», облегчению простому люду доступа к западному земельному фонду. В результате острый классовый конфликт возник внутри самого патриотического лагеря¹⁵.

Американская революция, согласно интерпретации прогрессистов,

систских историков, не отменила классового конфликта в Соединенных Штатах. Напротив, период от окончания революции до гражданской войны 1860-х годов сопровождался острыми социальными конфликтами во взаимоотношениях между буржуазно-плантаторскими верхами и демократическими движениями, во-первых; а также между северо-восточной торгово-промышленной буржуазией и рабовладельцами, во-вторых.

Демократические движения межреволюционной эпохи рассматривались прогрессистами как недифференцированный или слабодифференцированный социальный поток, включавший в себя и мелкобуржуазных собственников и пролетариат.

Вместе с тем в их исследованиях реалистически раскрыты экономическое неравенство и острые социальные язвы американского общества этого периода. Важным научным достижением прогрессистской историографии явилось опровержение апологетической концепции «американской границы» Ф. Д. Тернера (согласно ей наличие огромного фонда незанятых западных земель в США способствовало на протяжении всей американской истории вплоть до гражданской войны превращению пролетариев в удачливых сельских собственников и сводило роль классового конфликта на нет). В исследованиях прогрессистских историков было доказано, что большинство промышленных рабочих восточных штатов, зарабатывавших во второй четверти XIX в. в среднем 1 долл. в день, не могли накопить средства, необходимые для переселения на Запад и основания там фермы. (По разным подсчетам основание фермы минимальных размеров требовало от 1 до 1,5 тыс. долл.) Переселенцами на Запад и организаторами ферм в действительности являлись не промышленные рабочие, а дети фермеров восточных штатов. «Свободные земли», таким образом, не ликвидировали классовых конфликтов между пролетариатом и буржуазией США, а в лучшем случае несколько сокращали пролетаризацию мелких собственников восточных штатов¹⁶.

Исследуя классовый конфликт между капиталистическим Северо-Востоком и рабовладельческим Югом, историки-прогрессисты определили его как противоречие двух «антагонистических систем»¹⁷. Это дало им основание рассмотреть гражданскую войну как социально-политическую революцию. Согласно выводу Бирдов, гражданская война оказалась «социальным катаклизмом, в результате которого капиталисты, рабочие и фермеры Севера и Запада отстранили от власти в национальном правительстве плантаторскую аристократию Юга»¹⁸.

Анализ содержания третьего, «позднего» периода американской истории приводил историков-прогрессистов к выводу об утверждении в США господства «новой аристократии» — монополистической буржуазии. Среди отрицательных фактов демократии последствий оформления новой аристократии назывались беспрецедентное расширение пропасти между богатством и нищетой, резкое усиление эксплуатации пролетариата и фермерства, ухуд-

шение положения негров и индейцев. Вместе с тем либерально-реформистская ограниченность историков-прогрессистов раскрылась в оценке конфликта рабочего класса и монополистического капитала. Историки-прогрессисты признавали, что классовая борьба пролетариата является важным фактором сохранения буржуазной демократии в США¹⁹. Но они же исходили из того, что рабочее движение вправе рассчитывать на достижение своих целей, действуя в рамках демократической коалиции под знаменем пусть и самой последовательной, но буржуазной демократии.

Успехи прогрессистов в изучении классовой борьбы в США связаны в первую очередь с изучением ими ее роли в утверждении и развитии буржуазной демократии. Однако классовый анализ историков-прогрессистов, изображавший конфликт крупного капитала и мелкой буржуазии как главное противоречие американской истории и подчинявший классовые интересы пролетариата мелкобуржуазным интересам, оказался не в состоянии дать научного освещения роли антикапиталистической борьбы и антибуржуазных движений в американской истории.

Внутренняя противоречивость методологии прогрессистских историков позволила использовать ее в качестве средства борьбы с марксистским объяснением истории США. Эта возможность реализовалась в полной мере в работах так называемой коммонсовско-висконсинской школы, утвердившейся со второй четверти XX в. в качестве господствующей в буржуазной историографии рабочего движения в США.

Если прогрессистские историки избрали главным объектом исследования конфликт крупной буржуазии и мелкобуржуазных слоев и стремились к полному раскрытию их противоречий, то коммонсовско-висконсинская школа сосредоточилась на изучении взаимоотношений пролетариата и капитала и проповедовала «единство» их классовых интересов. У коммонсовско-висконсинской школы было и определенное сходство с прогрессистской историографией, заключавшееся в интересе к экономическим факторам и использовании метода «экономической интерпретации истории». Не будет преувеличением сказать, что использование коммонсовско-висконсинской школой «экономической интерпретации истории» выпятило наиболее слабые черты последней и привело к деградации экономического подхода в буржуазной историографии. Ползучий эмпиризм и волонтаризм, позитивистская сосредоточенность на обманчивых и преходящих фактах экономической реальности, неспособность и нежелание проанализировать первооснову экономических противоречий, заключенную в системе производственных отношений, — вот отличительные черты методологии коммонсовско-висконсинской школы.

В исследованиях основателя школы Д. Коммонса и его последователей не нашлось места ни социалистическому движению, ни радикальным тенденциям в профсоюзном движении, ни действиям огромной массы неорганизованных рабочих. Историю американского рабочего движения они свели к деятельности тех проф-

союзов, которые по преимуществу выражают интересы рабочей аристократии. Все противоречия между трудом и капиталом сведены в их трудах к рыночно-распределительному конфликту, а классовое сознание пролетариата подменено потребительской мелкобуржуазной идеологией²⁰. При этом Коммонс глубокомысленно утверждал, что К. Маркс, сосредоточив все внимание на производстве прибавочной стоимости и способе производства, обнаружил якобы «вторичную», а не «первичную» сферу противоречий между трудом и капиталом и что пролетариат «вместо идеалистического средства, заключающегося в обобществлении средств производства, использует практические средства, направленные на уничтожение конкурентной угрозы при помощи защитительной организации или защитительного законодательства»²¹.

Хотя основателем висконсинской школы был Д. Коммонс, ее признанным теоретиком стал З. Перльман. Интересно, что до своего прибытия в США в 1908 г. уроженец России Перльман примыкал к Бунду, мелкобуржуазной оппортунистической группе в русском рабочем движении, отрицавшей роль политической партии пролетариата и выступавшей с позиций откровенного хвостизма и экономизма. Принципы бундовцев подошли как нельзя лучше для висконсинской школы, принявшей Перльмана с распростертыми объятиями в свои ряды. В свою очередь, Перльман воспринял как откровение коммонсовский метод «выведения рабочей истории» из специфических национальных условий пролетариата.

Характерная для бундовцев полемика с ленинским учением об исторической роли политической партии пролетариата является лейтмотивом главного труда Перльмана «Теория рабочего движения»²², ставшего подлинным «кредо» висконсинской школы (по иронии судьбы, стыдливо скрываемой буржуазными историками США, в обосновании «американской исключительности» это «кредо» опирается на доморощенные аргументы оппортунистов в рабочем движении России начала XX в.). Перльман доказал, что распространение социалистических идей среди пролетариата не что иное, как «инсинуация интеллигенции», которая одна только и ответственна за распространение антикапиталистических принципов.

Лидер современных висконсинцев Р. Тафт довел отрицание классового антагонизма между трудом и капиталом в США до крайнего выражения²³. Все революционные и социалистические тенденции в рабочем движении США он объявил... мелкобуржуазным антипролетарским утопизмом и декларировал, что марксизм-ленинизм «несовместим» с целями американского рабочего движения в такой же степени, как и фуьризм. Но как же объяснял глава современных висконсинцев реальные успехи социалистов и коммунистов США в XX в.?

Во-первых, Тафт всячески преуменьшал их. Рассматривая, например, деятельность Социалистической партии США периода ее подъема (1900—1916 гг.), Тафт умудрялся не привести ни

одной цифрой, характеризующей успехи социалистов (например, десятикратный рост численности партии в период с 1901 по 1910 г., 1 млн голосов американских избирателей, собранных на президентских выборах 1912 г., 500-тысячный тираж центрального органа «Эпил ту ризн» и др.). Зато он всеми средствами доказывал «аграрный» характер партии и повторил вывод, который за 60 лет до него сформулировал Коммонс: Социалистическая партия никоим образом не выражала классовых интересов пролетариата.

В еще большей степени Тафт искажил историческую роль Компартии США, сменившей после Великой Октябрьской социалистической революции Соцпартию в политическом руководстве американским рабочим движением. В полном соответствии со стереотипами американской буржуазии он изобразил Компартию как «агента Кремля», «предавшего» «национальные интересы» пролетариата США. Откровенно реакционный характер носило подведение Тафтом исторических итогов американского рабочего движения, которое предельно обнажает классовую сущность исторического видения висконсинцев. С одной стороны, Тафт восхищался прагматизмом «организованного рабочего движения» (под ним понимаются консервативные профсоюзы от АФТ до АФТ-КПП), его «незаинтересованностью в абстрактных долговременных реформах», «ограниченными политическими интересами». Но, с другой стороны, он же обнаруживал у консервативных профсоюзов «твердую и последовательную» приверженность всем «ценностям американизма» — «социальному партнерству», частной собственности, буржуазному реформизму, внешнеполитическим доктринам США, т. е. ярко выраженную подчиненность буржуазной идеологии. Это заключение Тафта содержится в себе простую истину, которую тщатся скрыть, но постоянно выдают висконсинцы: деидеологизированного, прагматического рабочего движения существовать не может, оно или становится на путь борьбы за свои классовые интересы, или оказывается в плену классовых интересов и идеологии буржуазии.

Умеренно-консервативный пересмотр концепций прогрессистской историографии был развит так называемой неолиберальной школой, оформившейся в 1930—1950-х гг. Ее историческое видение было определено буржуазно-реформистскими мероприятиями Ф. Д. Рузвельта. Рузвельтовский «новый курс» был оценен неолибералами как «третья» американская революция, ликвидировавшая пороки монополистического капитализма (против которых выступала прогрессистская историография) и давшая исчерпывающее выражение запросам и чаяниям трудящихся масс. Если историки-прогрессисты стремились к полному раскрытию консервативных начал в американской истории и ограниченности демократических преобразований, имея в виду показать, что главные и решающие сражения у демократов еще впереди, то представители «неолиберальной школы» рассмотрели американскую историю под углом зрения нарастающего триумфа буржуазного реформиз-

ма и либерализма. Если высшим выражением демократической традиции для прогрессистской историографии являлись американские революции, то «неолиберальная школа» возвела на исторический пьедестал буржуазно-реформистские курсы Эндрю Джексона, Вудро Вильсона, Теодора и Франклина Рузвельтов.

Лидеры «неолиберальной школы» — А. Шлезингер-младший (в начале научной деятельности он испытал «роман» с прогрессистской историографией), Р. Хофстедтер, Э. Голдман, Г. С. Коммаджер и их последователи²⁴ — превратили изучение истории буржуазного реформизма в самостоятельное направление буржуазной историографии США. При этом движущей силой буржуазно-реформистских нововведений был объявлен «неустранимый и плодотворный» конфликт либерализма и консерватизма. Либерализм был охарактеризован как антикапиталистическая, народная идеология, что только и позволяло изображать либерально-реформистские коалиции типа джексоновской 1830-х и рузвельтовской 1930-х годов в качестве «антимонополистических» и «антикапиталистических», преследовавших цели утверждения «всеобщего благоденствия». Совершенно очевидно, что конфликт, объявленный неолибералами движущей силой американской истории, не был даже подобием реальной классовой борьбы.

Неолиберальной историографии, что отличало ее от типичных апологетических направлений, была присуща мимикрия под «экономическую интерпретацию истории». Так, Э. Голдман видел в буржуазном реформизме приспособление к процессам индустриализации и монополизации, а Хофстедтер рассматривал «новый курс» как реакцию на глубокий экономический кризис 1929—1933 гг. и доказывал, что буржуазные реформы 1930-х гг. были predeterminedены независимо от того, кто находился у кормила государственной власти. Однако воздействие экономических явлений на социально-политическое развитие носило в схемах неолибералов механический характер, в этих схемах содержались зачатки технологического детерминизма, согласно которому технический прогресс при капитализме автоматически влечет повышение экономического благосостояния и улучшение социального положения всех слоев общества.

Одновременно «неолиберальная школа» противопоставила реальяма классовой борьбы надуманные идеологические схемы. Одна из них — концепция чередования либеральных и консервативных циклов американской истории, сменяющих друг друга с методичностью маятника. Концепция эта проста: взлеты либеральных настроений и нововведений уступают место периодам «консервативных консолидаций», которые, в свою очередь, продолжают до тех пор, пока общественное мнение не созреет до требований нового этапа реформ. Она иллюстрируется так: в конце XIX — начале XX в. в США произошел взлет реформистских настроений и нововведений, затем, после первой мировой войны, наступил период «консервативной консолидации»; в 30—40-х годах снова пришел черед реформистским обновлениям, которые в 50-х годах

уступают место волне консерватизма; буржуазно-реформистские курсы «новых рубежей» и «великого общества» 60-х годов сменились новой эпохой консерватизма. Концепция либерально-консервативных циклов при всей ее внешней правдоподобности на проверку оказывается плоской и механистической, замешанной на идеях «американской исключительности».

Еще одна распространенная идеалистическая схема неолибералов, предназначенная подменить борьбу классов, заключается в объяснении общественного прогресса как продукта конфликта внутри двухпартийной системы США. Согласно этой схеме, не только пролетариат, но и мелкобуржуазные политические силы могут добиться успеха, лишь передав свои требования на «суд» двухпартийной системы. А. Шлезингер-младший стремился доказать, что независимо от того, какие партии соперничали в ее рамках, одна из них обязательно выступала в качестве выразительницы «специальных интересов», а другая — в качестве сторонницы реформ в интересах «общества в целом». Все известные реформы в американской истории приписываются Шлезингером партиям — выразительницам идеалов «общего благоденствия» (джефферсоновским республиканцам конца XVIII — начала XIX в., джексоновским демократам 1830—1840-х гг., демократической партии в XX в.)²⁵.

Прямо против марксистской концепции классов и классовой борьбы направлена трактовка неолибералами буржуазного государства как нейтрального политического инструмента, приобретающего ту или иную окраску в зависимости от того, кто побеждает на президентских выборах. Так, в трактовках неолибералов, после побед реформистских президентов Э. Джексона и Ф. Рузвельта американское государство из капиталистического превращается в «народное», «рабоче-фермерское».

«Неолиберальной школе» присуща ярко выраженная персонализация буржуазно-реформистских курсов, имеющая двойное выражение: их интеллектуальными вдохновителями объявляются буржуазно-реформистские идеологи, а практическими творцами — либеральные президенты. Народные массы, которым уделено пристальное внимание историки-прогрессисты, устранены неолибералами с исторической арены. Сами движения за реформы характеризуются ими как широкие внеклассовые коалиции, возглавляемые либеральными президентами и кандидатами в президенты и включающие всех доброжелателей реформ, от мелкой буржуазии и рабочих до «просвещенных» руководителей финансово-промышленных корпораций. Ревизия «неолиберальной школы» концепций прогрессистской историографии завершилась отказом даже от умеренного антимонополизма и проповедью классового компромисса народных масс с монополистическим капиталом²⁶.

После второй мировой войны в условиях разгула политической реакции в США со стороны консервативных исследователей была предпринята попытка полностью изгнать концепцию классовой

борьбы из американской буржуазной историографии. Она получила выражение в трудах направления «нового консерватизма», выступившего с концепцией господства «консенсуса», или «бесконфликтности», в истории США.

В отличие от неолиберальных авторов, связывавших ликвидацию пороков американского капитализма и утверждение «государства всеобщего благоденствия» с развитием государственно-монополистического капитализма в XX в., представители «нового консерватизма» считали, что США с самого своего возникновения являлись образцовым демократическим обществом. Таким образом, «новые консерваторы» освобождали от классовых конфликтов и социальных противоречий историю США доимпериалистической эпохи. Приверженность подобной консервативной интерпретации требовала от буржуазных историков вычеркивать из американской истории не только успехи социалистов, забастовочные бои и иные формы классовой борьбы пролетариата, но отрекаться даже от буржуазных революций. В качестве главных выразителей «нового консерватизма» выступили Л. Харц, К. Роскитер, Д. Бурстин и Р. Е. Браун.

Консервативным историкам пришлось особенно по вкусу обоснование «американской исключительности» Л. Харца. В 1955 г. в книге «Либеральная традиция в Америке: Истолкование американской политической мысли со времен революции»²⁷ Харц развивал тезис, рассчитанный на усвоение буржуазными исследователями всех эпох американской истории. «Крестным отцом» американского духа и политических традиций США, согласно Харцу, был родоначальник буржуазного либерализма англичанин Дж. Локк. Америка, доказывал консервативный историк, родилась под сенью локковских идей, успешно развивалась под их штандартами и продолжала твердо стоять на платформе заветов своего «крестного отца». Американской истории, по схеме Харца, были чужды как реакционные принципы Р. Филмера (английский идеолог абсолютной монархии XVII в.— В. С.), так и радикализм Ж. Ж. Руссо и М. Робеспьера и, уж конечно, социалистические идеалы.

Любопытно, что, втискивая развитие американской истории в прокрустово ложе либеральной единомыслия, Харц освобождал ее не только от социалистической и радикальной традиций, но и от реакционных начал феодально-абсолютистских обществ. Это не было случайностью: Харцу важно было доказать, что Америка с момента рождения являлась буржуазно-демократическим обществом (или просто демократическим, по терминологии Харца, отвергавшего, как и подобало образцовому буржуазному историку, классовый критерий определения общественных явлений). Отсюда следовали далеко идущие выводы, придававшие наукообразную форму теории «американской исключительности».

Оформление США с момента рождения как образцового демократического общества, согласно логике Харца, освобождало их от перспективы буржуазных социально-политических революций,

которыми была «переполнена» мировая история, и от необходимости платить кровавую цену за расправу с феодальным прошлым. Но как и почему оказалась возможной в таком случае американская революция XVIII в.? Вот тут-то Харц и предлагал объяснение, усвоенное всеми консервативными истолкователями революции: она, оказывается, преследовала легалистско-консервативные, а не обновленческие цели, была направлена на защиту первозданных демократических устоев Америки от посягательств со стороны Англии, являлась по этой причине псевдореволюцией. С самодовольством преуспевающего буржуазного патриота Харц смаковал ветхозаветное суждение А. де Токвиля: «Великое преимущество Америки заключается в том, что она достигла демократии, не обращаясь к демократической революции».

Отсутствие в американском прошлом феодального наследия, согласно Харцу, освобождало историю США не только от революционной буржуазной, но и от социалистической традиции. Харц первым среди буржуазных историков США объявил социалистическую традицию следствием не антибуржуазной, а антифеодальной борьбы, продуктом не капиталистических, а феодальных обществ. Это глубоко антиисторическое положение также было усвоено всеми представителями «нового консерватизма», не постеснявшимися самых грубых приемов для проведения в своих трудах идеи «согласованных интересов» как движущегося фактора американской истории.

Концепция «согласованных интересов» была распространена консервативной историографией США на все периоды американской истории. При анализе американской революции XVIII в. консервативные авторы стали выпячивать ее антиколониальную направленность в качестве важнейшей особенности, определявшей ее коренное отличие от европейских буржуазных революций XVII—XVIII вв. Д. Бурстин доказывал, что американская революция не имела ничего общего с Великой французской революцией и вообще не была революцией в «европейском смысле слова». «Нашим национальным свидетельством о рождении, — лапидарно аргументировал он свою мысль, — являлась Декларация независимости, а не Декларация прав человека»²⁸.

В исследованиях об американском колониальном обществе консервативные авторы во главе с Р. Е. Брауном неизменно определяли его как «образцовую демократию среднего класса», которая характеризовалась наличием чуть ли не всеобщего избирательного права, подчиненностью ассамблей рядовым избирателям, отсутствием каких-либо препятствий для приобщения всех белых американцев к владению частной собственностью. Естественно, что социальные отношения в подобном обществе были отмечены гармонией и согласием, оно было неподвластно воздействию революционных ветров.

Консервативные исследователи «джексоновской демократии» рассмотрели ее как вариант «либерального капитализма», расчищавшего почву для промышленно-предпринимательской буржуа-

зии и ограничивавшего привилегии «старой» финансово-банковской буржуазии. Хотя в их критике прогрессистских представлений о «пролетарско-фермерском» характере «джексоновской демократии» были рациональные моменты, им самим была присуща антинаучная крайность другого толка: период «джексоновской демократии» наделялся чертами социально-политической гармонии и согласия между буржуазией и пролетариатом, плантаторами и фермерами, демократами и вигами.

В 1950-х гг. в буржуазной историографии восторжествовала консервативная оценка второй американской революции как «бесполезной войны»: мятеж южан был признан «справедливым» и «героическим». В это же десятилетие на ведущие позиции выступила «школа бизнеса», специализировавшаяся на восхвалении создателей финансово-промышленных империй.

Особое место в выступлениях консервативной историографии заняла критика прогрессистского направления. Очень точно определил мотивы консервативных «ревизионистов» Г. Аптекер: «Совершенно несомненно стали и либералы, и «разгребатели грязи» типа Дж. Аллена Смита, Вернона Л. Паррингтона и молодого Чарльза А. Бирда с их угрызениями совести, пугающими заботами о «честности» и «приличии» и другой галиматей. Они колеблются, они распространяют семена сомнений, они недостаточно агрессивны. Мы не желаем «оборончества», мы хотим положительного страстного отстаивания жизненной необходимости нашего класса для общества»²⁹. Особенно резкой критике консервативные историки подвергли историографические концепции Ч. Бирда начала XX в.³⁰ Даже его переход на умеренные позиции в 1930—40-х годах не был принят во внимание. Впрочем, не простили «прогрессистской» молодости даже К. Беккеру, взгляды которого были заклеены консервативным историком Брауном как «открытая защита марксистской философии истории»³¹.

На рубеже 50—60-х годов в условиях и под воздействием начавшегося третьего этапа общего кризиса капитализма произошло резкое ослабление экономических и политических позиций США на мировой арене. Под воздействием обострения кризисных явлений в развитии американского капитализма в США выплеснулись наружу не столь явные в предшествовавшее десятилетие социально-политические язвы и пороки. 60-е годы оказались в США буквально расцвеченными всевозможными теориями социального протеста. На волне массового социального протеста оформилось и новое социально-критическое направление в американской немарксистской историографии — радикальное. Радикальная историография продолжила, причем на качественно новой ступени в сравнение с прогрессистской историографией, традицию критического изучения американской истории. Самое пристальное внимание она уделила теме классовый борьбы, оказавшейся в исследованиях радикальных авторов центральной.

Представителям радикальной историографии, и в этом их принципиальное отличие от прогрессистских историков, присуще

острокритическое отношение к основополагающим институтам капиталистического общества; они декларируют об оппозиции не только по отношению к монополистическому капиталу, но во многих случаях идут дальше, признавая историческую обреченность института частной собственности и его политического оплота, буржуазного государства. Вместе с тем позитивному антикапиталистическому идеалу радикальных историков присущ абстрактно-утопический характер: он выстраивается как простая антитеза существующим порокам капитализма США, а не выводится из научно понятых закономерностей эволюции монополистического и государственно-монополистического капитализма. Никто из радикальных историков, как впрочем и радикальных идеологов США в целом, не смог дать системной критики империализма и государственно-монополистического капитализма.

Мировоззрение радикальных историков развивалось в рамках утопической социалистической традиции, действительно имеющей очень прочные корни в США. Многие из них, в том числе признанный «отец-основатель» радикальной школы В. Э. Вильямс, придерживались теории «коммунитарного социализма», объявляющей идеальной моделью государственности федерацию самоуправляющихся общин³². Вместе с тем существенной отличительной чертой радикальных историков является то, что они не только не отрещиваются от научного коммунизма, но в ряде случаев объявляют себя «марксистами».

Среди радикальных историков «марксистом» чаще всего объявляет себя Ю. Дженовезе. В ряде случаев Дженовезе выражал претензию на «марксистский анализ» американской истории самими названиями своих работ: «Марксистская интерпретация рабовладельческого Юга», «Политический кризис социальной истории: (Марксистский анализ)»³³. В 1979 г., будучи президентом Организации американских историков (общенациональная ассоциация специалистов по истории США.— В. С.), Дженовезе обратился к ежегодному съезду организации с посланием, в котором открыто (беспрецедентное для главы организации заявление) провозгласил себя марксистским историком³⁴. Из известных радикальных историков приверженность «марксистскому анализу» на определенном этапе своего творчества декларировал также В. Э. Вильямс³⁵.

Большинство радикальных историков не идентифицируют себя с марксизмом, но никто из них не отрицает непосредственного воздействия исторического материализма на свои исследовательские позиции. Конечно, претензия некоторых радикальных историков на право называться марксистами не имеет под собой объективных оснований. Марксистско-ленинское учение есть система взаимосвязанных частей, важнейшей среди которых является теория научного коммунизма, направленная на революционное преобразование общества, утверждение диктатуры пролетариата и построение социализма. Радикальные историки, даже те, кто называет себя марксистами, не готовы принять это учение. Чаще

всего они ограничиваются требованием опираться на методы диалектического и исторического материализма, но и их используют эклектически, соединяя с принципами экзистенциализма, социальной философии «франкфуртской школы» и других модных буржуазных учений.

Направленность методологических привязанностей радикальных историков раскрывается в их исследовательской практике, прежде всего как раз в анализе ими роли классовой борьбы в американской истории.

В исторической литературе широко признан исследовательский вклад радикальных историков в изучение классовых размежеваний в эпоху американской революции XVIII в. Тема американской революции стала своего рода испытательным полигоном для освоения пропагандировавшегося радикальными авторами метода изучения истории «снизу вверх», т. е. на основе источников, исходящих от «молчаливого большинства» общества, а не его элиты. Они выявили десятки и сотни неизвестных прежде выступлений низов с собственными социально-политическими требованиями, противоречившими интересам буржуазно-плантаторского руководства патриотического лагеря³⁶. Схема консервативных историков о господстве в североамериканском обществе XVIII в. «согласованных интересов» разных классов и образцовой демократии «среднего класса» была разрушена ими до основания.

В то же время для большинства радикальных историков характерно отделение стихийных народных выступлений от действий демократического руководства патриотического лагеря, рассмотрение их в качестве самостоятельного автономного революционного потока. Более того, явно преклоняясь перед революционной стихийностью масс, они объявляют ее высшим выражением демократической линии в американской революции, свергая в то же время с демократического пьедестала таких лидеров левого крыла патриотов, как Д. Клинтон, Д. Мейсон, Р. Г. Ли, наконец, Т. Джефферсон. В последних монографиях радикальных историков данный подход достигает крайнего выражения: народные массы изображаются в них не только самостоятельной, но и единственной силой в американской революции. Совершенно очевидно, что концепция радикальных авторов страдает изрядной долей антиисторизма и испытала к тому же воздействие идеологических стереотипов «нового левого» движения 1960-х годов.

Одно из важных мест в радикальной историографии заняла тема рабочего движения США. В ее изучении радикальные историки противопоставили себя коммонсовско-висконсинской школе. Осудив подход этой школы как метод изучения рабочего движения «сверху», радикальные историки взяли на вооружение метод изучения исторического опыта американского пролетариата «снизу» и сосредоточились на анализе действий рядовых членов профсоюзов, а также неорганизованных рабочих. Они признали несовместимость коренных интересов пролетариата и буржуазии, вы-

ступили с требованием изучать не «рыночное сознание» пролетариата, а его «социальную культуру», отражающую не только трудовой, но и этнический, семейный, религиозный и политический опыт связей пролетариата в американском капиталистическом обществе. Радикальные историки поставили своей задачей разрушить классовый предрассудок буржуазной либеральной историографии, заключающийся в том, что в США невозможно развитие культуры и классового сознания, альтернативных буржуазной идеологии, и что пролетариат этой страны был, есть и будет рабом «исключительности» американского капитализма.

Радикальные историки добились определенных успехов в раскрытии процесса формирования классового сознания пролетариата на разных этапах истории американского капитализма и особенно в изучении истории боевых профсоюзов, стихийных забастовок, выступлений «рядовых»³⁷. Вместе с тем их исследовательскому подходу оказался присущ ряд существенных недостатков.

Основу для своего исследовательского подхода радикальные авторы обнаружили в трудах современных английских «социальных историков» Э. Томпсона, Э. Хобсбоума, Д. Рюдэ. Большую популярность среди них приобрела, в частности, монография Э. Томпсона «Формирование английского рабочего класса». Приверженность методологии английских авторов предопределила как достоинства, так и слабости радикальных историков США. Самый крупный методологический недостаток заключался в том, что американские историки, по сути, восприняли релятивистско-идеалистическую трактовку понятия «класс»: он рассматривался в первую очередь как культурно-психологическая общность и объявлялся величиной переменной, обретающей каждый раз качественные характеристики нового класса по мере смены одного типа классового сознания другим.

Одна из самых сложных теоретических проблем, с которой столкнулись радикальные историки, — вопрос о роли стихийности и сознательности и их соотношении в рабочем движении. В зависимости от того, как решался этот вопрос, радикальные авторы разделились на две группы. Первая, включающая таких историков, как М. Кантор, Д. Грин, М. Дубовский, признала решающую роль политической партии рабочего класса в формировании классового сознания пролетариата, обнаружив при этом знакомство с ленинским положением о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. Вторая группа — С. Ароновиц, А. Прейс, Д. Брешер и др. — так или иначе преклоняется перед стихийным протестом «рядовых», объявляя его главным рычагом формирования антибуржуазного сознания³⁸.

Анализ радикальными историками истории классовых взаимоотношений в США обладает и рядом других недостатков и противоречий. Например, в работах некоторых радикальных авторов классовый анализ оказывается как бы расщепленным, приобретает фрагментарный характер: их внимание сосредоточено факти-

чески не на общественных классах, а только на угнетенных, обездоленных или политически бесправных «меньшинствах» — индейцах, афро-американцах, женщинах, чиканос и т. д. Законченное выражение подобный анализ американской истории получил в «Народной истории США» Г. Зинна, рассмотревшего важнейшие события прошлого США с точки зрения социально-политических «аутсайдеров» капиталистического общества³⁹.

И все же необходимо признать, что, несмотря на всю ограниченность в сравнении с марксистско-ленинским анализом классовых взаимоотношений в капиталистическом обществе, анализ радикальных историков имел важное значение в борьбе с апологетическими трактовками прошлого США. В изучении истории классовой борьбы в США радикальные историки сделали существенный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, историками-прогрессистами. Радикальные авторы сумели выявить гораздо более широкий спектр проявлений классовой борьбы и классовых антагонизмов в США и дали им более глубокий анализ.

Одна из важных черт, характеризующих современную буржуазную историографию, — так называемая «методологическая революция», начавшаяся еще в 50-х годах и упрочившаяся, хотя и не восторжествовавшая, в 70—80-х годах. Она означала внедрение в историографию количественных методов исследования и междисциплинарного подхода (методик социологии, политологии, психологии и социальной психологии, антропологии и других гуманитарных наук). На ее волне оформилась так называемая «новая научная история», включившая в себя «новую экономическую», «новую социальную», «новую политическую» школы в буржуазной историографии. Эти школы заслуживают самого пристального внимания, ибо, отождествив себя с точными науками, они претендуют на полную объективность и беспристрастность, окончательное преодоление всякого субъективизма и волюнтаризма в историографии.

Критический анализ трудов американской буржуазной «новой научной истории» позволяет говорить о неоднозначности проповедуемой ею «методологической революции». Она имела ряд положительных, но еще больше отрицательных последствий. Главный отрицательный результат, обусловленный подчиненностью методологических нововведений теоретико-мировоззренческим позициям исследователя, выразился в том, что буржуазная историография, заимствуя механически методы буржуазных социальных наук, в первую очередь структурно-функциональный подход, сосредоточилась на изучении того, как осуществлялись и поддерживались общественные связи в американском капиталистическом обществе в том или ином «срезе» исторического развития (заведомо апологетическая постановка исследовательской задачи!), и практически утратила интерес к тому, почему происходило изменение этих связей, носившее порой революционный характер. «Методологическая революция» привела к утрате буржу-

азной исторической наукой собственного места среди других общественных наук, что явилось результатом отказа от изучения содержания, причинно-следственных связей, особенно же классового контекста исторических изменений.

С классово-идеологической точки зрения мимикрия «новой научной истории» под «внепартийную историографию» означала попытку при помощи наукообразных приемов нейтрализовать влияние марксистской, а также радикальной и прогрессистской историографии.

Особенно ярко это обнаруживается при анализе отношения «новой научной истории» к теме классовой борьбы в американской истории. Фактически ее представители начисто изгоняют классовую борьбу из истории, причем, по сути, делают это более открыто и беззастенчиво, чем школы неолибералов и неоконсерваторов.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере ведущей представительницы «новой научной истории», так называемой «школы новой социальной истории». В поле ее зрения оказалась социальная структура американского общества, в которой заключена масса антагонизмов. Заложив в компьютеры массивы статистических данных, характеризующих изменения в общественном статусе различных классов и социальных групп США, «новые социальные историки» претендовали на получение объективной и исчерпывающей картины социальной мобильности на протяжении всей американской истории.

Методологический порок «новой социальной истории» заключался в том, что ее представители составляли программы для ЭВМ, опираясь на теорию социальной стратификации, носящую откровенно апологетический характер и предопределившую выводы об «открытых границах» между различными социальными слоями в США, в том числе между пролетариатом и буржуазией. Типичные «новые социальные историки» вслед за буржуазными социологами выделяют множество мелких, нейтрально обозначаемых слоев-страт («низший низший», «верхний низший», «низший средний», «верхний средний», «низший высший», «верхний высший» и т. д.), группируемых по таким признакам, как профессиональная, этнорелигиозная принадлежность, владение домом, автомобилем, экономический доход, образование и т. д. Стратификационный подход игнорирует разное отношение индивидуумов к средствам собственности, их разное положение в системе производства, а следовательно, антагонистические противоречия капитализма, находящиеся в поле зрения научного классового анализа социальных отношений в буржуазном обществе. А выделение огромного количества страт предопределяет выводы о высокой социальной мобильности в США⁴⁰ (понятно, что перейти из страты со средним доходом до 500 долл. в месяц в страту со средним доходом до 1000 долл. неизмеримо легче, чем перейти из класса, продающего рабочую силу, в класс, ее покупающий).

Характерен подход «новых социальных историков» к изуче-

нию проблем американской революции XVIII в.: их интересуют по преимуществу этнические, религиозные, политические и иные «меньшинства» революционной эпохи, изучение которых облегчено благодаря современной исследовательской методике⁴¹. Как ни важны такие исследования для расширения общей социальной характеристики американской революции, не им принадлежит главная роль в ее реконструкции. Кроме того, работы о «меньшинствах» революции обречены оставаться маргинальными исследованиями, ибо их авторы даже не пытаются «вписать» позиции изучаемых группировок в магистральные направления классовой борьбы революционной эпохи.

Исследовательский подход «новых социальных историков» к проблемам эпохи второй американской революции на первый взгляд демократичен: они сосредоточились на изучении негритянской культуры эпохи рабства, развитии самосознания негритянского народа. Но избранный объект был проанализирован «новыми социальными историками» вне связи с социально-политическим контекстом, в первую очередь классовой борьбой. Это давало повод консервативным авторам для ложного вывода: если негры-рабы смогли сохранить семью, развить своеобразную религию и культуру, значит, условия их существования были вполне терпимыми, а формы эксплуатации — необременительными, не отличавшимися существенно от капиталистической эксплуатации свободных рабочих на Северо-Востоке.

Пороки «новой социальной истории» очевидны и для критически мыслящих немарксистских историков США. Г. Гатман указывал, что она довела до абсурда расщепление общественных связей и утвердила нелепую специализацию своих представлений в «семейной истории», «истории детей», «иммигрантской истории», «истории бизнеса», «городской истории». Фактически «новая социальная история» вытравила из реальной социальной истории ее стержень и главный компонент — взаимоотношения классов и классовую борьбу⁴².

Игнорирование классовых взаимосвязей американского общества, магистральных линий классовой борьбы характерно и для типичных представителей школы «новой политической истории». Так, при объяснении политических разногласий, приведших к гражданской войне, краху двухпартийной системы демократы — виги и возникновению республиканской партии, «новые политические историки» выступили с позиций своего рода этнорелигиозного детерминизма⁴³. В изобиловавших таблицами и графиками монографиях они приходили к выводу, что проблема рабства вообще не возникала на локальных политических уровнях, совершенно не интересовала рядовых избирателей и что республиканская партия оформилась в горниле этнокультурных различий.

Ошибка «новой политической истории» заключается в том, что она нарочито выдвигает на первый план фактор этнорелигиозных противоречий, который наличествовал во все времена американской истории, но оказывал лишь корректирующее, а не опреде-

ляющее влияние на ход событий. В гносеологическом плане ошибка «новой политической истории» заключается в механическом перенесении на объект исторического анализа частной методики буржуазной политологии, исследующей функционирование политического механизма и его частей в «чистом виде», т. е. вне связи с социально-экономическими проблемами эпохи. В онтологическом плане «новая политическая история» разделяет порок большинства современных буржуазных историографических школ: в ее арсенале вообще отсутствует теория общеисторического развития, она принесена в жертву модной в буржуазной историографии методике междисциплинарного подхода. В результате рождаются необоснованные выводы о том, что гражданская война была следствием «этнокультурных» различий Севера и Юга или же продуктом «узкого заговора» кучки южан-рабовладельцев.

Свою лепту в отрицание роли классовых антагонизмов в возникновении гражданской войны внесла и «новая экономическая история». В работах Конрада, Мейера, Старобина и Энгермана⁴⁴ обосновывается такая концепция экономического развития «старого Юга» (так в США именуют довоенные рабовладельческие штаты в отличие от послевоенного «нового Юга»), в которой нет антагонистических и даже сколько-нибудь существенных отличий от закономерностей экономического развития Северо-Востока. Если не было таких отличий, значит, не было и объективных причин для кровавой схватки Севера и Юга — вот логика рассуждений клиометристов.

Клиометристы утверждают, что система плантационного рабства накануне гражданской войны не только подчинялась в своем развитии законам капиталистического накопления, но и была производительнее, эффективнее и прибыльнее, чем система промышленного капитализма Северо-Востока. По мнению клиометристов, система плантационного рабства создавала «большие возможности для выявления талантов», в частности организаторских способностей негров, и обеспечивала им более высокий уровень жизни в сравнении с тем, который мог гарантировать наемному пролетариату промышленный капитализм.

В целом плантационное рабство предстает в трудах клиометристов как более гуманная и прогрессивная система эксплуатации, чем промышленный капитализм. Оно, кроме того, по их выводам, ни в коей мере не служило препятствием индустриализации Юга, которая не совершалась такими же темпами, как на Севере, лишь потому, что помещение капиталов в сельскохозяйственные банки сулило их владельцам гораздо большие прибыли, нежели вложения их в промышленность или железнодорожное строительство. Тем не менее индустриализация и технический прогресс представляются клиометристами как неотъемлемые черты экономического развития Юга накануне гражданской войны. Так отвергается обусловленность гражданской войны антагонистическими экономическими противоречиями между системами промышленного капитализма и плантационного рабства.

Исследовательский опыт «новой социальной», «новой политической» и «новой экономической» школ в США доказал, что их исторический синтез означает отрицание объективных закономерностей исторического развития американского капитализма, в первую очередь главной из них — классовых антагонизмов и классовой борьбы. Подобная оценка ни в коем случае не означает осуждения использования количественных методов и междисциплинарного подхода в исторических исследованиях, но она подтверждает, что количественные методы и междисциплинарный подход могут дать плодотворные результаты, лишь опираясь на научную теоретико-методологическую основу.

Таким образом, в буржуазной историографии США XX в. получили развитие две главные тенденции в изучении истории классовой борьбы. Первая связана с социально-критическим направлением, представленным в первую очередь прогрессистской и радикальной школами. Несмотря на методологические пороки и мелкобуржуазную ограниченность, исследования этих школ внесли существенный вклад в раскрытие темы роли классовой борьбы в американской истории. Причем если прогрессистская школа добилась наибольших научных результатов в изучении конфликта между крупным и мелким капиталом, монополистической и немонополистической буржуазией, то радикальная школа выступала с фронтальной критикой апологетических концепций в изучении антагонизма между трудом и капиталом. В эволюции социально-критического направления в XX в. налицо возрастающее влияние концепций исторического материализма, что явилось главным условием более углубленного постижения представителями социально-критического направления классовой борьбы в американской истории.

Вторая тенденция представлена апологетическим направлением, сосредоточившимся на создании альтернативы историко-материалистическому объяснению роли классовых размежеваний и классовой борьбы в американской истории. Его выразители прибегали при этом к различным приемам: коммонсовско-висконсинская школа подменяла антагонизм между пролетариатом и буржуазией рыночно-распределительным конфликтом, неолиберальные историки объявляли центральным конфликтом американской истории борьбу либерализма и консерватизма, консервативные авторы вообще утверждали о господстве в прошлом США «согласованных интересов». Подход апологетического направления к теме классовой борьбы наиболее полно выявляет его мировоззренческую позицию и социально-охранительную функцию буржуазной историографии.

¹ Важное значение при подготовке статьи имели историографические исследования советских американистов. См.: Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. М., 1971; Основные проблемы истории США в американской историографии. 1861—1918 гг. М., 1974; Американская историография внутриполитических проблем США в после-

- восный период. М., 1974; *Дементьев И. П.* Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени // *Вопр. истории.* 1976. № 11; *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США // *Новая и новейшая история.* 1977, № 6; *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; *Станкевич С. Б.* Современные тенденции в развитии «новой политической истории» в США // *Американский ежегодник.* М., 1983; и др.
- ² *Seligman E. R. A.* *The Economic Interpretation of History.* N. Y., 1903. P. 24, 43, 67, 99, 107, 109.
- ³ *Beard Ch. A.* *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States.* N. Y., 1935. P. VI, XII.
- ⁴ *Schlesinger A. M.* *New Viewpoints in American History.* N. Y., 1922. P. 47—48.
- ⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 424, 427.
- ⁶ *Schlesinger A. M. (jr.).* *The Age of Jackson.* Boston, 1945. P. 307.
- ⁷ Яркой иллюстрацией подобного подхода прогрессистских авторов к исторической роли рабочего класса служит известная монография В. Л. Паррингтона. См.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. М., 1962—1963. Т. 3. С. 26, 356.
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 114.
- ⁹ *Beard Ch. A., Beard M. R.* *The Rise of American Civilization.* N. Y., 1927. Vol. 1. P. 135.
- ¹⁰ *Faulkner H. U.* *Economic History of the United States.* N. Y., 1937. P. 17.
- ¹¹ Цит по: *Болховитинов Н. Н.* Указ. соч. С. 17.
- ¹² *Morris R. B.* *Government and Labour in Early America.* N. Y., 1946. P. 314.
- ¹³ *Ibid.* P. 487.
- ¹⁴ *Lincoln Ch.* *The Revolutionary Movement in Pennsylvania, 1760—1776.* Philadelphia, 1901; *Becker C. L.* *The History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1766.* N. Y., 1909.
- ¹⁵ *Schlesinger A. M.* *The Colonial Merchants and the American Revolution 1763—1776.* N. Y., 1918; *Jensen M.* *The Articles of Confederation: An Interpretation of the Social Constitutional History of the American Revolution, 1774—1781.* Madison, 1940; *Douglass E. P.* *Rebels and Democrats: The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule During the American Revolution.* Chapel Hill, 1955.
- ¹⁶ *Goodrich C., Davison S.* *The Wage-Earner in the Western Movement* // *Political Science Quarterly.* 1935. June. Vol. 50. N 2. P. 161—185; 1936. March. Vol. 51. N 1. P. 61—116; *Shannon F. A.* *The Homestead Act and Labor Surplus* // *American Historical Review.* 1936. July. Vol. 41. N 4. P. 637—651; *Idem.* *A Post Mortem on the Labor-Safety-Value Theory* // *Agricultural History.* 1945. Jan. Vol. 19. N 2. P. 31—37; *Idem.* *The Farmer's Last Frontier: Agriculture, 1860—1897.* N. Y., 1945; *Kane M.* *Some Considerations on the Safety Value Doctrine* // *Mississippi Valley Historical Review.* 1936. Sept. Vol. 23. N 2. P. 169—188.
- ¹⁷ *Beard Ch. A., Beard M. R.* *Op. cit.* Vol. 2. P. 3, 7.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 54.
- ¹⁹ *Schlesinger A. M.* *New Viewpoints in American History.* P. 98—99.
- ²⁰ *Commons J. and associates.* *History of Labor in the United States.* N. Y., 1918—1935. Vol. 1—4.
- ²¹ *Commons J.* *American Shoemakers, 1648—1895* // *Quarterly Journal of Economics.* 1909. Nov. P. 76.
- ²² *Pertman S.* *A Theory of Labor Movement.* N. Y., 1928.
- ²³ *Taft R.* *The A. F. of L. in the time of Gompers.* N. Y., 1957; *Idem.* *The A. F. L. from the Death of Gompers to the Merger.* N. Y., 1959; *Idem.* *Organized Labor in American History.* N. Y., 1964; *Idem.* *Defending Freedom: American Labor and Foreign Policy.* Los Angeles, 1973; *Idem.* *Rights of Union Members and the Government.* Westport (Conn.); L., 1975.
- ²⁴ *Commager H. S.* *The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's.* New Haven, 1950; *Hofstadter R.*

- The Age of Reform: From Bryan to F. D. R. N. Y., 1955; *Goldman E. Rendezvous with Destiny: A History of Modern American Reform.* N. Y., 1955; *Schlesinger A. (jr.). The Age of Roosevelt.* Boston, 1957–1960. Vol. 1–3; *Graham O. Toward a Planned Society: From Roosevelt to Nixon.* N. Y., 1976; *Leiby J. A History of Social Welfare and Social Work in the United States.* N. Y., 1978; *Patterson J. T. American Struggle Against Poverty, 1900–1980.* Cambridge (Mass.), 1981.
- ²⁵ *Schlesinger A. (jr.). Kennedy or Nixon: Does it Make any Difference?* N. Y., 1960. P. 43–44, 46.
- ²⁶ См.: *Согрин В. В. Буржуазный реформизм в США в XX веке: (Критика буржуазных концепций).* // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 68–70.
- ²⁷ *Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution.* N. Y., 1955.
- ²⁸ Цит. no: *The American Revolution: How Revolutionary It Was/Ed. by J. A. Billias.* N. Y., 1970. P. 100. На поверку аргумент Бурстина удивительно поверхностен: он предлагает судить о сходстве и различии двух деклараций по одним их названиям, игнорирует социально-философское и политическое содержание, классовую сущность Декларации независимости, в которой утверждались те же принципы, что и в Декларации прав человека (во многих отношениях Декларация независимости послужила матрицей Декларации прав человека). Бурстин упустил из виду самое главное – классовое содержание английского колониального гнета и классовый смысл антиколониальной революции.
- ²⁹ *Ангекер Г. Лауреаты империализма: Монополистический капитал переписывает историю Америки.* М., 1955. С. 23.
- ³⁰ *Brown R. E. Charles Beard and the Constitution: A Critical Analysis of «An Economic Interpretation of the Constitution».* Princeton, 1956.
- ³¹ *Idem.* Carl Becker and the American Revolution. East Lansing, 1970.
- ³² *Williams W. A. America Confronts a Revolutionary World, 1776–1976.* N. Y., 1976. P. 184–186.
- ³³ *Genovese E. D. Marxian Entepretations of the Slave South // Towards a New Past: Dissenting Essays in American History.* N. Y., 1968, P. 90–125; *Idem.* The Political Crisis of Social History: (A Marxian Perspective) // *Journal of Social History.* Winter 1976. Vol. 10. P. 202–226.
- ³⁴ *Genovese E. D., Fox-Genovese E. The Slave Economies in Political Perspective // Journal of American History.* 1979. Vol. 66. N 1. P. 7–23.
- ³⁵ *Williams W. A. The Great Evasion: An Essay of the Contemporary Relevance of Karl Marx and the Wisdom of Admitting Heretic into the Dialogue About America's Future.* Chicago, 1964.
- ³⁶ *Lemisch J. Jack Tar in the Streets // William and Mary Quarterly.* 1968. Vol. 25. N 3; *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism/Ed. by A. F. Young.* De Kalb, 1976; *Foner E. Tom Paine and Revolutionary America.* N. Y., 1976; *Hoerder D. Crowd Action in Revolutionary Massachusetts, 1765–1780.* N. Y., 1977; *Nash G. B. The Urban Crucible: Social Change, Political Consciousness and Origins of the American Revolution.* Cambridge (Mass.); L., 1979.
- ³⁷ *Dubovsky M. Industrialism and the American Worker, 1865–1920.* N. Y., 1975; *Gutman H. G. Work, Culture and Society in Industrializing America: Essays in American Working Class and Social History.* N. Y., 1976; *Brecher J. Strike! San Francisco, 1972; Montgomery D. Beyond Equality: Labor and the Radical Republicans, 1862–1872.* N. Y., 1967; *Laslett J. H. Labor and the Left: A Study of Socialist and Radical Influence in American Labor Movement, 1881–1970.* N. Y., 1970; *Lynd S. American Labour Radicalism: Testimonies and Interpretations.* N. Y., 1973; *Green J. R. Grass-Root Socialism: Radical Movements in South-West, 1895–1943.* Baton Rouge (La), 1978.
- ³⁸ См. подробнее: *Согрин В. В. Американская радикальная историография рабочего и социалистического движения США // Американский ежегодник.* М., 1982. С. 136–162.

- ³⁹ Zinn H. A People's History of the United States. N. Y., 1980.
- ⁴⁰ Thernstrom S. The Other Bostonians: Poverty and Progress in American Metropolis, 1880—1970. Cambridge (Mass.), 1973; Chudacoff H. P. Mobile Americans: Residential and Social Mobility in Omaha, 1880—1920. N. Y., 1972; Pessen E. (ed.). Three Centuries of Social Mobility in America. Lexington (Mass.), 1974; *Idem*. Social Structure and Parties in American History // American Historical Review. 1982. N 5; Boardman A. E., Neber M. R. Economic Growth and Occupational Mobility in Nineteenth-Century Urban America: A Reappraisal // Journal of Social History. 1977. N 1; Kaestle C. F., Vinovskis M. A. Education and Social Change in Nineteenth-Century Massachusetts. Cambridge (Mass.), 1980; Zunz O. The Changing Face of Inequality: Urbanization; Industrial Development and Immigrants in Detroit, 1880—1920. Chicago, 1982.
- ⁴¹ См. напр.: Metzger Ch. The Prisoner in American Revolution. Chicago, 1971; Norton M. B. The British Americans: The Loyalist Exiles in England, 1774—1789. Boston, 1972; Reznack S. Unrecognizes Patriots: The Jews in the American Revolution. Westport (Conn.), 1975.
- ⁴² Gutman H. G. Op. cit. P. XI—XIII.
- ⁴³ Holt M. F. Forging the Majority: The Formation of the Republican Party in Pittsburg, 1848—1860. New Haven; L., 1969; Kleppner P. The Cross of Culture: A Social Analysis of Mid-Western Politics, 1850—1900. N. Y., 1970; Formisano R. P. The Birth of Mass Political Parties: Michigan, 1827—1961. Princeton, 1971; Ethnic Votes and the Election of Lincoln/Ed. F. C. Luebke. Nebraska, 1971; Benson L. Towards the Scientific Study of History. N. Y., 1972; Holt F. The Political Crisis of 1850s. N. Y., 1978; Kleppner P. The Third Electoral System, 1853—1892. Chapel Hill, 1979; Kelly R. The Cultural Pattern in American Politics: The First Century. N. Y., 1979.
- ⁴⁴ Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery in the Antebellum South // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. P. 95—130; Starobin R. S. Industrial Slavery in the Old South. N. Y., 1970; Fogel W., Engerman S. Z. Time on the Cross. Boston, 1974. Vol. 1—2.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ-МАРКСИСТАМИ

Н. Д. Мартынов

Проблема формирования и развития марксистского направления в западногерманской исторической науке пока еще не стала предметом специального изучения¹. Мы попытаемся частично восполнить имеющийся пробел.

Идейно-политическая борьба, развернувшаяся в Западной Германии сразу же после крушения фашистской диктатуры, требовала от западногерманских коммунистов всемерного использования опыта, накопленного немецким рабочим движением. Опираясь на этот опыт, они разрабатывали стратегию и тактику партии в организации борьбы рабочего класса. Западногерманские коммунисты понимали, что, несмотря на происшедшие после разгрома фашизма перемены, главным врагом демократических сил про-

должают оставаться монополистическая буржуазия, юнкерство, милитаризм. Поэтому программа действий, разработанная коммунистами, строилась с учетом революционных традиций и опыта, накопленного германской социал-демократией в борьбе с теми же силами в конце XIX и начале XX в.

Об этом свидетельствуют выступления Макса Реймана и других руководящих деятелей КПП, в которых марксистская точка зрения была четко противопоставлена шовинизму и национализму, раздуваемым в ФРГ, и нигилистическому отношению к немецкому народу и его истории ².

Обращение к истории немецкого рабочего движения помогало западногерманским коммунистам вести борьбу с буржуазной идеологией, доктринами «социального мира», «социального партнерства», «плюралистического общества», «сформированного общества», легендами об «устарелости» марксизма и т. д., противостоять буржуазным усилиям деполитизировать рабочее движение, лишить его классового характера, подчинить его буржуазным партиям.

С конца 50-х годов вопреки запрету КПП (с 1956 г.) и полицейским преследованиям в ФРГ стали возникать многочисленные марксистские общества. Большая их часть была сосредоточена в промышленной области Северный Рейн-Вестфалия ³. С 1963 г. во Франкфурте-на-Майне Общество А. Бебеля стало издавать журнал «Марксистиче блеттер». В первом же его номере были опубликованы статьи, посвященные 50-летию со дня смерти А. Бебеля ⁴, критике правореформистской концепции истории Социал-демократической партии Германии ⁵.

К концу 60-х годов в ФРГ обострились социально-экономические противоречия. Кризис 1966—1967 гг. вновь показал фальшь буржуазной пропаганды капитализма как системы, якобы не знающей кризисов перепроизводства, безработицы, классовой борьбы и т. п.; он подорвал укоренившиеся среди значительной части рабочих ФРГ иллюзии об «экономическом чуде» и «социальном партнерстве». Выступления шахтеров Рура в мае и октябре 1967 г. против закрытия шахт носили ярко выраженный политический характер ⁶. Банкротство внутри- и внешнеполитических концепций ХДС/ХСС привело в 1969 г. к смене правительства — к власти пришла коалиция СДПГ и СвДП. В ФРГ произошла некоторая либерализация внутривнутриполитической обстановки. В 1968 г. в стране была учреждена легальная Германская коммунистическая партия. Ко времени первого съезда ГКП (Эссен, апрель 1969 г.) в ее рядах насчитывалось 22 тыс. членов, к началу 1970 г. — 30 тыс., в 1978 г. — 46 480, в начале 1984 г. — свыше 50 тыс. ⁷

Германская коммунистическая партия стала создавать свою научно-исследовательскую и издательскую базу. В конце 60-х годов во Франкфурте-на-Майне было учреждено издательство «Марксистиче блеттер». В ноябре—декабре 1968 г. здесь же был основан Институт марксистских исследований ⁸. Его директор

профессор И. Шлейфштейн, известный специалист в области истории немецкого рабочего движения. В 1975 г. издательство «Марксистше блеттер» выпустило сборник его работ⁹. Всего с 1968 по 1978 г. Институт марксистских исследований осуществил 177 изданий, из них 111 отдельных работ и 66 периодических выпусков¹⁰.

Журнал «Марксистше блеттер» стал боевым органом марксистской исторической науки в ФРГ. В течение 60—70-х годов значительно увеличился его тираж, постепенно расширялась проблематика. В 70-х годах в журнале публиковались статьи, посвященные критике антикоммунизма¹¹, «демократического социализма»¹², буржуазной и правореформистской историографии¹³ и т. д. На страницах теоретического органа западногерманских коммунистов регулярно освещались роль К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в развитии международного рабочего движения¹⁴, вопросы истории СДПГ, профсоюзного, женского, молодежного, антимилитаристского движения в кайзеровской Германии¹⁵. Специальные статьи были приурочены к таким знаменательным датам, как 100-летие со дня рождения К. Либкнехта¹⁶, 70-летие Штутгартского конгресса II Интернационала¹⁷, 120-летие со дня рождения К. Цеткин¹⁸, 100-летие со дня издания книги А. Бебеля «Женщина и социализм»¹⁹.

Вокруг Института марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне, журнала «Марксистше блеттер» концентрируются исследователи-марксисты, работающие в других городах ФРГ, объединяется молодежь, тяготеющая к марксизму. В 70-х годах в Марбургском университете сложился творческий коллектив молодых историков-марксистов под руководством профессора В. Абендрота. В. Абендрота отличает активная общественно-политическая позиция. В период фашистской диктатуры он вел мужественную борьбу; в послевоенный период выступал против реставрации власти монополий, ремилитаризации, политической реакции и «холодной войны». В 1961 г. В. Абендрот был исключен из СДПГ за последовательно демократическую и антимилитаристскую позицию. Он автор многих работ по истории немецкого рабочего движения, по актуальным проблемам марксизма и политических наук. В. Абендрот неизменно защищал политические и экономические права рабочего класса ФРГ, разоблачал антикоммунизм, критиковал оппортунистический курс правых лидеров СДПГ²⁰. В 60-х годах работам В. Абендрота еще были присущи некоторые черты левосоциал-демократического подхода к истории рабочего движения. Но и тогда труды, опубликованные В. Абендротом, отличались стремлением возродить боевые, революционные традиции немецкого рабочего движения и были направлены против буржуазных и правосоциал-демократических концепций. В течение многих лет профессор политических наук Марбургского университета В. Абендрот был одним из немногих историков-марксистов в высших учебных заведениях ФРГ, подготовил группу исследователей-марксистов.

К середине 70-х годов под его руководством в ФРГ был издан ряд коллективных трудов по истории немецкой социал-демократии²¹. Достоинство этих работ состоит, в частности, в том, что рабочее движение Германии рассматривается в них как неотъемлемая часть общественной жизни в условиях перерастания домонополистического капитализма в империализм. На высоком профессиональном уровне была выполнена работа Г. Фюльберта и Ю. Харрера «Немецкая социал-демократия, 1890—1933». Авторы использовали значительный круг источников по истории немецкого рабочего движения (статистику, протоколы партийных съездов, партийную печать). Они учли достижения историков СССР и ГДР, критически проанализировали буржуазную и социал-демократическую историографию. Все это дало им возможность обстоятельно охарактеризовать основные аспекты истории рабочего движения в Германии: положение и социальную структуру рабочего класса; динамику стачечной борьбы; роль профсоюзов; идейно-политическое развитие рабочего движения (восприятие марксизма, борьба революционного и оппортунистического направлений, стратегия и тактика социал-демократической партии). Работа Фюльберта и Харрера получила положительную оценку у специалистов²².

С участием В. Абендрота 16 ноября 1973 г. в Боннском университете в связи с 60-летием со дня смерти А. Бебеля была проведена научная конференция «Август Бебель и современная социал-демократия»²³. Конференция дала обширный материал о революционном этапе развития немецкой социал-демократии, единстве марксистской теории и практики социалистического движения. С докладами на ней выступили Г. Фюльберт, В. Абендрот, Э. Отт, Г. Штуби, Х. Г. Ховшен.

Антимилитаристская политика А. Бебеля и германской социал-демократии была главной темой доклада В. Абендрота. Он обратил внимание на то, что антимилитаризм Бебеля и СДПГ был выражением пролетарского классового сознания, а не носил пацифистского характера²⁴. Абендрот показал, что с конца 60-х и на протяжении 70-х годов XIX в. А. Бебель и германская социал-демократия усиленно разрабатывали принципы пролетарской военной программы и антимилитаристской политики. Ее существенной частью стало требование замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. В докладе подчеркивалось, что А. Бебель и немецкая социал-демократия рассматривали борьбу против милитаризма как одну из важнейших задач и одновременно действенных средств воспитания в рабочих пролетарского классового сознания. Антимилитаристская политика СДПГ формировалась под непосредственным воздействием идей К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно серии статей Энгельса «Может ли Европа разоружиться?», опубликованных в 1893 г. в центральном органе СДПГ «Форвертс». В. Абендрот охарактеризовал программу Ф. Энгельса о разоружении и сохранении мира в Европе с помощью ограничения максимального срока действительной воен-

ной службы и замены постоянной армии милиционной системой как единственно возможную в тех условиях альтернативу гонке вооружений, развязанной капиталистическими правительствами²⁵. Опираясь на эту программу, СДПГ во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом, несмотря на отдельные ошибки, мужественно противодействовала экспансионистским планам кайзеровской Германии в Европе, Африке, Азии.

«Развивать в современных условиях в ФРГ наследие Августа Бебеля,— говорилось в предисловии к публикации материалов конференции,— означает вести последовательную борьбу против милитаризма и ограничения демократических свобод, против эксплуатации и угнетения, за мир и международную солидарность»²⁶.

Важным свидетельством растущего интереса западногерманского рабочего класса к истории, теории и практике рабочего движения является также публикация произведений классиков марксизма-ленинизма, документов по истории немецкого рабочего и социалистического движения. В этом направлении большую работу проводит Институт марксистских исследований, издательства «Марксистше блеттер», «Рёдерберг», «Паль-Ругенштейн». В серии «Классики социализма» опубликованы работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, выдающихся деятелей немецкого рабочего движения — К. Либкнехта, К. Цеткин, Р. Люксембург и др.²⁷ Издание текстов, как правило, тщательно подготовлено и снабжено большим научно-справочным аппаратом. Важные в научном и политическом отношении материалы публикуются в серии «Документы по теории социализма и практике профсоюзного движения». Так, в 1973 г. в этой серии изданы материалы по истории женского демократического движения в 1889—1933 гг. В предисловии говорится, что их публикация призвана помочь всем женщинам ФРГ, борющимся за свои экономические и политические права²⁸. В 1975 г. в этой же серии увидела свет подборка документов, изданных в связи с 70-летием движения рабочей молодежи в Германии²⁹. Изданные документы имеют важное научное и политическое значение. Это — существенный вклад в дело политического просвещения западногерманских трудящихся, в дело формирования антимонаполистической и антимилитаристской стратегии и тактики рабочего движения ФРГ.

ГКП, ученые-марксисты считают, что определяющей чертой всей системы государственно-монаполистического капитализма в ФРГ является «процесс объединения власти монополий с властью государства», основным социальным противоречием западногерманского общества — противоречие между трудовым народом и крупным капиталом, главной целью коммунистов на современном этапе — борьба за поворот к демократии и социальному прогрессу, а решающей силой в борьбе за демократию, мир и социализм — рабочий класс³⁰.

Антикоммунизм господствующих классов ФРГ неотделим от

буржуазного национализма, который по-прежнему играет в общественно-политической жизни страны большую роль³¹. Несостоятельная модель «единой немецкой нации» служит инструментом фальсификации истории немецкого народа, в частности распространения мифов о «единстве» рабочего класса и всей нации, рабочего класса и национального государства, возобладавших в Германии с 4 августа 1914 г. История рабочего движения Германии искусственно изолируется от рабочего движения других стран (особенно России) и представляется как структурный элемент некоего «единого демократического потока». В целом в западногерманской буржуазной историографии немецкого рабочего движения доминируют реакционно-консервативные и неолиберальные концепции, базирующиеся на теории «индустриального общества», которая используется современным антикоммунизмом³².

В этих условиях одна из актуальных задач, стоящих перед ГКП,— дать отпор массированным попыткам идейных противников «исказить историю немецкого народа и рабочего движения»³³. Марксисты в своих конкретно-исторических и историографических исследованиях³⁴ вскрыли подлинные цели обращения буржуазных и правооппортунистических авторов к истории немецкого рабочего движения. Это попытки обосновать концепцию «исчезновения» пролетариата в «общенародном государстве», в «индустриальном обществе», т. е. на той стадии развития, в которую, по их мнению, вступила ФРГ; подтвердить фактами истории миф о «народном» характере современной СДПГ; выхолостить революционные традиции рабочего движения в Германии; опровергнуть марксистскую концепцию истории этого движения, большой вклад в разработку которой внесли историки ГДР.

На съезде СДПГ в Мангейме (1975 г.) руководство партии пыталось представить «Ориентировочную программу на 1975—1985 гг.» как последовательное воплощение традиций немецкой социал-демократии, возглавлявшейся А. Бебелем и В. Либкнехтом, как «творческое развитие» принципов Эйзенахской, Готской и Эрфуртской программ СДПГ³⁵.

В борьбе с буржуазными концепциями немецкого рабочего движения представители марксистской историографии в ФРГ последовательно отстаивают прогрессивные политические взгляды, руководствуясь марксистско-ленинскими методологическими принципами. В своих работах они раскрывают непримиримость классового антагонизма пролетариата и буржуазии в период кайзеровской Германии, враждебность бисмарковской империи демократическим и социалистическим идеалам рабочего класса, революционный характер немецкой социал-демократии в тот период. В работах марксистских исследователей показаны объективные исторические и материальные предпосылки количественных и качественных изменений в рядах немецкого рабочего класса, возрастание его роли в развитии германской экономики³⁶. Они

дают строго дифференцированную картину положения рабочего класса в период перерастания домонополистического капитализма в империализм и в период империализма, учитывая уровень номинальной и реальной заработной платы рабочих в разные годы в зависимости от квалификации, пола и занятости в отдельных отраслях промышленности, а также данные о жилищных условиях, продолжительности рабочего дня, безработице³⁷ и т. д. Принципиальное значение имеет при этом вывод исследователей о том, что концентрация рабочего класса на крупных предприятиях, в индустриальных центрах сопровождалась в то время появлением новых форм абсолютного и относительного обнищания пролетариата, что существенным выражением обострения противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения стало в конце XIX в. резкое отставание реальной заработной платы от роста производительности труда³⁸. Положение рабочего класса особенно ухудшилось вследствие увеличения военных расходов, политики экспансионизма и колониализма империалистической буржуазии. Марксистские историки на основе конкретных фактов разоблачают несостоятельность буржуазной легенды о созревании на рубеже XIX—XX вв. материальных предпосылок для «перерождения» немецкого рабочего класса, его «интеграции» в буржуазное общество. Наступление нового этапа в развитии немецкого рабочего движения Фюльберт и Харрер связывают с буржуазно-демократической революцией 1905—1907 гг. в России, куда в начале XX в. переместился центр мирового революционного процесса. В марксистских работах приводится большой фактический материал, отражающий обострение классовой борьбы в Германии под влиянием первой российской революции³⁹. Однако данные о количестве стачек и участников стачечного движения, к сожалению, неполны и противоречивы, что свидетельствует о необходимости специального исследования истории забастовочной борьбы немецких рабочих. Приведем всего лишь один пример. В марксистских работах в СССР, ГДР и ФРГ приводятся различные цифры участников стачечного движения в Германии в 1905 г.: более 0,5 млн. человек⁴⁰; 408 145, 363 917⁴¹; 420 тыс. человек⁴².

В работах И. Шлейфштейна⁴³, В. Гернса, Р. Штейгервальда, Г. Вайса⁴⁴ и других западногерманских марксистских исследователей рассматривается вопрос о сущности и роли оппортунизма в развитии рабочего движения. В плане теоретическом реформизм, оппортунизм и ревизионизм — явления конкретно-исторического характера⁴⁵, их отличают общие и особенные признаки, которые могут быть правильно поняты лишь с учетом развития всей капиталистической системы, ее институтов, объективных и субъективных факторов. Реформизм старше, чем оппортунизм и ревизионизм; он зарождается вместе с возникновением рабочего движения и имеет по своему происхождению классово-буржуазный характер⁴⁶. С образованием I Интернационала, а затем и Социалистической рабочей партии Германии (1875 г.)

буржуазный реформизм проникает в ряды социалистического движения⁴⁷. Это не случайное явление, не следствие ошибок или заблуждений отдельных политиков, а закономерное порождение всей капиталистической системы, отражение экономического, политического, идеологического давления могущественных капиталистических сил на рабочий класс и рабочее движение. Так, оппортунистические шатания в немецкой социал-демократии в период перерастания доминирующего капитализма в империализм были связаны с завершением промышленной революции, массовым разрывением мелкого товаропроизводителя и его притоком в партию⁴⁸. Проводником и выразителем мелкобуржуазных тенденций стала парламентская фракция СДПГ⁴⁹. Реформистские и ревизионистские настроения в партии в 1879—1899 гг. были обусловлены также политикой юнкерско-буржуазного государства (репрессии, социальное законодательство, огосударствление некоторых средств производства) и изменением в тактике господствующих классов. Влияние реформизма объясняется определенной переоценкой парламентских достижений партии и успехов профсоюзного движения, наличием идейных источников (лассальянство, дюрингианство, катедер-социализм, неокантианство и др.)⁵⁰.

Существенные черты теории и практики правого и левого оппортунизма в социалистическом движении Германии были охарактеризованы И. Шлейфштейном в докладе «Борьба Энгельса против оппортунизма и сектантства», с которым он выступил в ноябре 1970 г. на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса⁵¹.

Большая научная и общественно-политическая заслуга предшественников марксистской историографии ФРГ — развенчание буржуазных и правооппортунистических легенд о К. Марксе, Ф. Энгельсе, А. Бебеле, В. Либкнехте, Р. Люксембург и Ф. Меринге, анализ их роли в развитии немецкого рабочего движения, в борьбе с реформизмом и ревизионизмом. Так, тот же И. Шлейфштейн убедительно показал, что уже на рубеже XIX—XX вв. будущие вожди германских левых последовательно выступали против ревизионизма, опасность которого усилилась в связи с вступлением Германии в стадию империализма. В этих условиях перед германским пролетариатом возникли новые стратегические и тактические проблемы⁵². Большевикство в руководстве СДПГ не смогло, однако, правильно их решить. Переломным моментом в истории этой партии Шлейфштейн считает 1906—1907 гг. С этого времени правление СДПГ шаг за шагом начало скатываться на правооппортунистические позиции, что закономерно привело к позорному 4 августа 1914 г. Главные факты правооппортунистического сползания руководства СДПГ хорошо известны, приводятся они и Шлейфштейном⁵³. Он подчеркивает, что оппортунизм возобладали в СДПГ перед первой мировой войной не в виде ревизионизма, а в форме центризма, который и проложил дорогу открытому социал-шовинизму. И. Шлейфштейн объясняет это

гем, что массы рядовых социал-демократов, рабочих не доверяли вождям ревизионистов, а центризм на словах декларировал верность революционным принципам марксизма. Центристы прикрывали оппортунистическую политику ссылками на «старые» авторитеты СДПГ — А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Зингера⁵⁴.

И. Шлейфштейн и другие марксистские исследователи ФРГ справедливо считают, что в период созревания в Германии предреволюционной ситуации (1910—1914 гг.) главная борьба в рабочем движении страны происходила между левыми и ревизионистами и центристами, велась по проблемам империализма и милитаризма, колониальной экспансии и угрозы войны, пропаганды опыта первой российской революции. Западногерманской марксистской историографией был подтвержден вывод о том, что в СДПГ фактически были выдвинуты две программы борьбы с империализмом, угрозой войны и колониализмом: революционная программа левых, ориентированная на активную борьбу против империалистического государства, его реакционной внутренней и агрессивной внешней политики; и мелкобуржуазно-пацифистская программа, которая дезориентировала рабочий класс, обрекала его на пассивную поддержку «своего» империалистического правительства. В то время как правооппортунистическое крыло в СДПГ взяло курс на примирение рабочего класса и крупного капитала и вскоре стало проводить политику гражданского мира с кайзеровским режимом и «защиты отечества», левые неизменно отстаивали важнейшие положения революционной стратегии и тактики: всемерное развертывание внепарламентских форм борьбы, широкого антимилитаристского движения против гонки вооружений и военных приготвлений, революционное установление социалистического строя как главной гарантии мира. Так же последовательно они защищали идеи пролетарского интернационализма, которые воодушевляли рабочий класс многих стран⁵⁵.

В связи с развернувшейся в 70-х годах в СДПГ дискуссией о Э. Бернштейне чрезвычайную остроту приобрела проблема преемственности немецкого рабочего движения, места и роли в нем оппортунизма⁵⁶. Итоги дискуссии были подведены на научной конференции в сентябре 1977 г. В ее материалах Бернштейн рассматривается как родоначальник современного социал-демократического движения в Западной Европе. Историческая роль последнего объясняется его «стратегией» реформ, этическим обоснованием социализма, тактикой сотрудничества с буржуазным государством и либеральными партиями, отрицанием диктатуры пролетариата и научного социализма, а также борьбой за мир и разоружение (!). В то же время некоторые из участников дискуссии пытались нарисовать «плюралистическую» картину возникновения «демократического социализма», якобы впитавшего идеи и практику не только Бернштейна, но и Маркса, Энгельса, Люксембург, Корша и др. К. Фойгт, например, утверждал, что во многих вопросах между Р. Люксембург и Э. Бернштейном

было больше общего, чем между ними и К. Каутским как представителем «ортодоксального» марксизма⁵⁷.

В этих условиях выступление Г. Фюльберта с марксистским анализом причин появления и классовой сущности реформизма и ревизионизма в рабочем движении заслуживает серьезного внимания⁵⁸. Он показал буржуазную природу реформизма и ревизионизма, их враждебность коренным интересам немецкого рабочего класса, обратив внимание участников конференции на то, что Бернштейн, в сущности, не понял марксизма и в критике его основных положений опирался на буржуазную методологию. «Как критик Маркса, Бернштейн в теоретическом отношении не оригинален», — подчеркнул Фюльберт⁵⁹.

Заметной вехой в развитии марксистской историографии в ФРГ стало появление в 1978 г. первого тома монографии Б. Мутиуса о Розе Люксембург. В качестве эпиграфа к работе автор взял слова В. И. Ленина о Р. Люксембург из статьи «Заметки публициста» (1922). В центре труда Мутиуса — исследование политических взглядов Р. Люксембург с 1898 по 1904 г.; при этом он опирается на достижения ученых СССР, ГДР, ПНР, использует наряду с опубликованными источниками материалы архивов ГДР, ФРГ, Голландии, Швейцарии и др. Так, в ЦПА ИМЛ при ЦК СЕПГ автором были изучены письма Р. Люксембург к Ф. Мерингу, листовки и другие документы СДПГ и свободных профсоюзов (с 1890 г.); в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме — фонд К. Каутского (переписка с Э. Бернштейном, Ж. Жоресом, А. Лабриолой, Г. Гаазе, Г. В. Плехановым, К. Цеткин) и т. д.

В монографии разоблачается одна из наиболее распространенных легенд антикоммунистической историографии о Р. Люксембург как о противнике «диктаторского коммунизма», «догматической марксистской ортодоксии» В. И. Ленина и большевистской партии⁶⁰. Развенчивается также миф о «специфически национальном», «польском» варианте марксистских взглядов Р. Люксембург. Автор последовательно обосновывает тезис о том, что Р. Люксембург с самого начала прочно заняла место в СДПГ рядом с Бебелем, Либкнехтом, Зингером, Мерингом, революционным большинством в партии и стала убежденной противницей империалистической реакции, анархизма и ревизионизма⁶¹. Мутиус убедительно воссоздает яркий образ Р. Люксембург, ее многогранную деятельность теоретика-марксиста, революционера-интернационалиста, непримиримого врага оппортунизма во всех его формах, талантливое пропагандиста марксистских идей, мужественного защитника интересов немецкого и польского рабочего класса.

В заключительной главе книги «Организационные вопросы международной социал-демократии» рассматриваются многочисленные спекуляции антикоммунистической историографии по поводу отдельных ошибок Р. Люксембург, проявившихся, в частности, в статье «Организационные вопросы российской социал-

демократии» (1904). Муттус не только показывает ошибочность позиции Р. Люксембург, проявившуюся в недооценке организационных задач партии в подготовке социалистической революции, но и убеждает читателя в том, что Люксембург никогда не отрицала марксистского учения о руководящей роли партии и в дальнейшем изжила свои ошибки, став одним из создателей Коммунистической партии Германии⁶².

Марксистские ученые ФРГ исследуют обострение борьбы революционного и оппортунистического направлений в СДПГ как на региональном, так и интернациональном уровне. Пример работ первого рода — книга К. Эльзессера «Баденская социал-демократия в 1890—1914 гг.»⁶³. В ней главное внимание уделено размежеванию революционных и оппортунистических социал-демократов по основным вопросам политики в области школьного дела и образования в Бадене. Большой интерес вызывает нарисованная автором на основе анализа хранящегося в Главном земельном архиве Карлсруэ наследия А. Гекка картина истории возникновения, деятельности и роли революционных клубов имени К. Маркса в 1910—1914 гг. в Бадене. В качестве приложения опубликовано 12 извлечений из программ СДПГ и баденской социал-демократии о школьном деле и образовании, а также 11 извлечений из статей и речей баденских социал-демократов по данным проблемам.

Крупный историографический факт — издание баварским Обществом содействия развитию отношений между ФРГ и СССР фундаментального историко-документального исследования Ф. Хитцера «Ленин в Мюнхене»⁶⁴. Наибольшим достоинством книги, как справедливо отмечается в предисловии, являются документы, в том числе впервые обнаруженные автором. Хитцер опубликовал оригинальные источники, выявленные им в Баварском главном государственном архиве в Мюнхене, Государственном архиве Мюнхена, Городском архиве Мюнхена. Одной из самых крупных архивных находок автора явился, безусловно, подлинник полицейского формуляра, заполненный 29 августа 1901 г. на болгарина доктора Йорданова, под именем которого В. И. Ленин был прописан на Зигфридштрассе. Хитцер обнаружил также собственноручную запись В. И. Ленина в регистрационной книге Баварской королевской (ныне государственной) библиотеки. Он привлек многочисленную мемуарную литературу, отчеты о рабочих собраниях и митингах, статистику, протоколы съездов баварской социал-демократии, полицейские донесения и материалы различных органов негласного надзора в Мюнхене, протоколы заседания рейхстага и т. д. Все это позволило Хитцеру воссоздать деятельность В. И. Ленина в Мюнхене на широком фоне классовой борьбы в Германии. Учитывая идеализацию общественных отношений в Баварии многими буржуазными учеными, особую ценность представляют в книге те страницы, на которых исследуются развитие капитализма в Баварии, рост социально-политических противоречий, положение и борьба рабо-

чего класса, трудящихся масс. Хитцер пишет, что социально-политические противоречия в Мюнхене неуклонно росли: с 1890 по 1906 г. расходы города на пособия бедным увеличились на 180%. «Это означало,— говорится в работе,— что темп прироста бедноты превышал прирост населения почти в три раза»⁶⁵. Интересны приводимые автором факты, раскрывающие интернационализм рабочих Мюнхена, выступивших в июле 1899 г. в поддержку датских рабочих, а 8 декабря 1900 г. организовавших митинг «солидарности с бурами и протеста против применяемых англичанами методов войны»⁶⁶.

В книге убедительно отражены тесные связи В. И. Ленина и революционных немецких социал-демократов, благодаря поддержке и помощи которых стало возможным наладить издание и транспортировку «Искры». Одним из наиболее доверенных людей Ленина в Мюнхене Хитцер называет Карла Лемана, умершего в 1915 г. В существенных чертах воспроизведен характер отношений В. И. Ленина и А. Гельфанда (Парвуса), которого некоторые немарксистские историки пытаются выдать за ближайшего сподвижника Ленина в «искровский» период.

Большой интерес в работе Хитцера вызывает глава «Кенигсбергский процесс», в значительной степени основанная на книге К. Айснера «Тайный союз царя». Последняя была написана по поручению правления СДПГ во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом и содержала богатый документальный материал о Кенигсбергском процессе 12—25 июля 1904 г. Приведенные Хитцером в главе источники — яркое свидетельство банкротства прусской юстиции и царского правительства, убедительное доказательство силы пролетарской солидарности российских и немецких социал-демократов, помогавших транспортировать «Искру» через Пруссию к границам России.

Политическая направленность работы Ф. Хитцера, методология исследования, защищаемая концепция говорят о том, что автор, по существу, разделяет позиции марксистской историографии.

Опыт борьбы СДПГ против буржуазно-юнкерского государства, милитаризма и оппортунизма — объект внимательного анализа в переведенных на русский язык в 1983 г. работах Р. Штайгервальда⁶⁷, Г. Готье⁶⁸. Р. Штайгервальд обращает внимание на то, что победа ревизионизма в СДПГ была, в частности, связана с недооценкой революционными социал-демократами марксистской философии, в особенности материалистической диалектики. Отсюда проистекало непонимание опасности неокантианства как философской основы ревизионизма, связей между империализмом и ревизионизмом, места ревизионизма в немецком рабочем движении. Р. Штайгервальд ставит важный вопрос о необходимости социально-исторических изысканий о роли интеллигенции, происходившей из буржуазной и мелкобуржуазной среды и занявшей накануне первой мировой войны ключевые идеолого-политические позиции в СДПГ⁶⁹. В то же время он

справедливо отмечает, опираясь на опыт большевистской партии во главе с В. И. Лениным, что торжество неокантианского ревизионизма в социал-демократии не было неизбежным⁷⁰.

В книге Г. Готье в яркой публицистической форме разоблачается империалистическая ложь о свободе и правах человека при капитализме. Подлинный носитель свободы — это рабочий класс; свобода, демократия и права человека реализуются впервые при социализме. Г. Готье анализирует опыт немецкого рабочего движения, оценивает революционную социал-демократию во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом как партию борьбы за свободу. Он особенно подчеркивает историческое значение сочетания немецкими рабочими парламентских и внепарламентских форм борьбы, противопоставления ими антинациональной и антидемократической линии господствующих классов национальной, демократической и социалистической альтернативы. В книге подчеркивается возрастание опасности оппортунизма в связи с перерастанием доминирующего капитализма в империализм, роль А. Бебеля, Ф. Меринга, К. Цеткин в защите марксистского фундамента и революционной политики социалистического рабочего движения.

Таким образом, 70-е — начало 80-х годов отмечены появлением в ФРГ крупных марксистских работ по истории немецкого рабочего движения.

В противостоянии буржуазным, право- и левооппортунистическим извращениям истории немецкого рабочего движения марксистская историография ФРГ реализует свою прогрессивную классово-социальную функцию. Научный анализ исторического опыта классовой борьбы германского пролетариата дает возможность ГКП лучше оценить современное соотношение классовых сил в ФРГ и разработать правильную стратегию и тактику борьбы рабочего класса против государственно-монополистического капитализма, за мир, демократию и социальный прогресс. В отчетном докладе Правления ГКП Мангеймскому съезду Германской коммунистической партии подчеркивалось, что в основу Программы партии «заложены научные выводы, вытекающие из истории как немецкого рабочего движения, так и мирового коммунистического движения»⁷¹. В самой Программе говорится: «ГКП продолжает дело выдающихся вождей и учителей немецкого рабочего движения. Она действует в духе Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта, Франца Меринга, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Клады Цеткин, Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика и Макса Реймана»⁷².

¹ Общая характеристика этого направления содержится в кн.: *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. М., 1977. С. 544—547.

² См.: *Рейман М.* Избр. статьи и речи. М., 1970.

³ *Marxistische Blätter*. 1968. Н. 3. С. 46—47. (Далее: MB).

⁴ *Schrodt K.* August Bebel // MB. 1963. Н. 1, С. 9—12.

- ⁵ *Schreiner E.* Geschichtsschreibung zum Ruhme Godesbergs // MB. 1963. H. 1. S. 12–18.
- ⁶ Западная Европа: Классовые бои пролетариата. М., 1978. С. 292.
- ⁷ Германская история в новое и новейшее время. М., 1970, Т. 2. С. 495; Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, 20–22 октября 1978 г. М., 1979. С. 3; Правда, 1984, 7 янв.
- ⁸ См. интервью руководителей Института в связи с 10-летием его деятельности.— MB. 1978. H. 6. S. 78–82.
- ⁹ *Schleifstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung: Ausgewählte Beiträge. Frankfurt a. M., 1975.
- ¹⁰ Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1980. H. 2. S. 306. Информацию о деятельности Института с 1968 по 1978 г. см.: 10 Jahre JMSF, Marxistische Forschung für die Arbeiterbewegung. F. a. M., 1978; Marxistische Studien: Jahrbuch des JMSF, 1978; Institut für Marxistische Studien und Forschungen. Frankfurt a. M., 1978.
- ¹¹ *Wöll W.* Geschichtliche Entwicklung des Antikommunismus // MB. 1976. H. 6. S. 24–31.
- ¹² В этом отношении большой научный интерес представляет статья Р. Штейгервальда, посвященная дискуссии в СДПГ о Бернштейне. См.: *Steigerwald R.* Im Namen Bernsteins: («Einheit» wofür und wogegen?) // MB. 1978. H. 4. S. 48–55.
- ¹³ *Albrecht R.* Die Rolle der Friedrich-Ebert-Stiftung // MB. 1976. H. 4. S. 43–50.
- ¹⁴ *Reimann M.* Gedanken zum 100. Geburtstag Wladimir Iljitsch Lenin // MB. 1970. H. 2, S. 1–9; *Mühlhaus H.* Friedrich Engels über Militärpolitik und Abrüstung // MB. 1970. H. 5. S. 16–23; *Steigerwald R.* Fragen der Bündnispolitik im Werke von Marx, Engels und Lenin // MB. 1972. H. 5. S. 11–19; *Schleifstein J.* 125 Jahre Kommunistisches Manifest // MB, 1973. H. 1. S. 12–18; u. a.
- ¹⁵ *Krause F.* Zur Gründung des preussisch-deutschen Kaiserreichs 1871 // MB. 1970. H. 6. S. 69–75; SPD – Geschichte-Traditionen // MB. 1976. H. 2. S. 37–43; *Priemer R. J.* 70 Jahre Arbeiterjugendbewegung // MB. 1974. H. 5. S. 66–72.
- ¹⁶ *Krause F.* Kämpfer gegen Militarismus und Krieg: (Zum 100. Geburtstag von Karl Liebknecht) // MB. 1971. H. 4. S. 74–80.
- ¹⁷ *Krause F.* Arbeiterklasse – «natürliche Gegnerin des Krieges»: (70 Jahre Stuttgarter Kongress der II Internationale) // MB. 1977. H. 4. S. 83–86.
- ¹⁸ *Herve F.* Zum 120. Geburtstag von Clara Zetkin // MB. 1977. H. 3. S. 82–89.
- ¹⁹ *Herve F.* Zum 100. Jahrestag des Erscheinens von «Die Frau und der Sozialismus» // MB. 1979. H. 2, S. 89–91.
- ²⁰ *Abendroth W.* Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Frankfurt a. M., 1964 (В 1974 г. эта работа вышла третьим изданием.); *Idem.* Sozialgeschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1965; Einführung in die politische Wissenschaft/Hrsg. von W. Abendroth. K. Lenk. 3. Aufl. München, 1973; Deutschland Wandel und Bestand: Eine Bilanz nach Hundert Jahren/Mit Beiträgen von W. Abendroth, M. Broszat, F. L. Carsten et al. München, 1973; *Abendroth W.* Zur Rolle des Antikommunismus heute // MB. 1973. H. 5. S. 24–32.
- ²¹ *Fülberth G., Harrer J.* Die deutsche Sozialdemokratie, 1890–1933. Darmstadt; Neuwied, 1974; *Freuherg J., Fülberth G., Harrer J.* et al. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, 1863–1975. Köln, 1975.
- ²² См.: MB. 1975. H. 4. S. 109–110; Archiv für Sozialgeschichte. 1976. Bd. 16. S. 565–566.
- ²³ Sozialdemokratie und Sozialismus: August Bebel und die Sozialdemokratie heute/Hrsg. von W. Abendroth et al. Köln, 1974.
- ²⁴ *Ibid.* S. 32.
- ²⁵ *Ibid.* S. 36–37.
- ²⁶ *Ibid.* S. 10.
- ²⁷ *Luxemburg R.* Ausgewählte politische Schriften in drei Bänden. Frankfurt a. M., 1971; *Zetkin K.* Zur Geschichte der proletarischen Frauenbewegung Deutschlands. Frankfurt a. M., 1978.

- ²⁸ Arbeiterbewegung und Frauenemanzipation 1889 bis 1933. Frankfurt a. M., 1973. S. 6. (Neudrucke zur sozialistischen Theorie und Gewerkschaftspraxis; Bd. 3).
- ²⁹ Dokumente und Materialien: Aus der Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung, 1904–1945. Frankfurt a. M., 1975. (Neudrucke zur sozialistischen Theorie und Gewerkschaftspraxis; Bd. 7).
- ³⁰ См.: Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. С. 253, 260, 267, 307.
- ³¹ Там же. С. 8.
- ³² Unbewältigte Vergangenheit. Berlin, 1977. S. 25.
- ³³ См.: Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. С. 75–76.
- ³⁴ *Schleifstein J.* Geschichtsschreibung zum Ruhme Godesbergs // *Schleifstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung. S. 12–17; *Fülberth G., Harrer J.* Zur Kritik der sozialdemokratischen Hausgeschichtsschreibung // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1975. Vol. 20. S. 526–544.
- ³⁵ *Krause F.* SPD – Geschichte – Traditionen // MB. 1976. H. 2. S. 37.
- ³⁶ *Fülberth G., Harrer J.* Op. cit. S. 40, 77.
- ³⁷ Ibid. S. 40–41, 47, 78; *Deppe F., Fülberth G., Harrer J.* Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Köln, 1977. S. 71–72.
- ³⁸ *Fülberth G., Harrer J.* Op. cit. S. 52–53.
- ³⁹ Ibid. S. 80.
- ⁴⁰ Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1. С. 447.
- ⁴¹ *Schleifstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung. S. 84.
- ⁴² *Fülberth G., Harrer J.* Op. cit. S. 80; *Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung, 1869–1914: Ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf. В., 1976. S. 763, 770.
- ⁴³ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. С. 106.
- ⁴⁴ *Schleifstein J.* Engels Kampf gegen Opportunismus und Sektierertum // *Schleifstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung.
- ⁴⁵ *Гернс В.* и др. Оппортунизм сегодня. М., 1977.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 5.
- ⁴⁷ *Fülberth G., Harrer J.* Op. cit. S. 7; *Гернс В. и др.* Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁸ См.: *Гернс В.* и др. Указ. соч. С. 9.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 11.
- ⁵⁰ *Fülberth G., Harrer J.* Op. cit. S. 54–55.
- ⁵¹ Ibid. S. 51, 52, 55, 58–59, 60.
- ⁵² *Schleifstein J.* Engels Kampf gegen Opportunismus und Sektierertum. S. 33–35; *Гернс В.* и др. Указ. соч. С. 5.
- ⁵³ *Schleifstein J.* Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung. S. 69.
- ⁵⁴ Ibid. S. 132.
- ⁵⁵ Ibid. S. 131.
- ⁵⁶ MB. 1974. H. 3. S. 46.
- ⁵⁷ *Glötz P.* Der Weg der Sozialdemokratie: Der historische Auftrag des Reformismus. Wien, 1975; *Heimann H.* Theoriediskussion in der SPD. Frankfurt a. M.; Köln, 1975; *Grebing H.* Der Revisionismus: Von Bernstein bis zum «Prager Frühling». München, 1977; *Unger Th.* Bernsteins konstruktiver Sozialismus. Bonn; Bad Godesberg, 1977.
- ⁵⁸ Bernstein und der demokratische Sozialismus. Bonn, 1978. S. 18, 121.
- ⁵⁹ Ibid. S. 384–397.
- ⁶⁰ Ibid. S. 394.
- ⁶¹ *Mutius B. von.* Die Rosa Luxemburg – Legende. Frankfurt a. M., 1978. Bd. 1. S. 6.
- ⁶² Ibid. S. 31, 55, 59, 62.
- ⁶³ Ibid. S. 182–183, 185–186, 187, 194–195.
- ⁶⁴ *Elsässer K.* Die badische Sozialdemokratie 1890 – bis 1914. Marburg, 1978.
- ⁶⁵ *Hitzer F.* Lenin in München: Dokumentation und Bericht von Fridrich Hitzer. München, 1977. Рус. пер. книги: *Хитцер Ф.* Ленин в Мюнхене. М., 1981.

⁶⁵ Хитцер Ф. Указ. соч. С. 47.

⁶⁶ Там же. С. 54–55.

⁶⁷ Steigerwald R. Bürgerliche Philosophie und Revisionismus im imperialistischen Deutschland. Berlin, 1980; Рус. пер. книги: Штайгервальд Р. Буржуазная философия и ревизионизм в империалистической Германии. М., 1983.

⁶⁸ Gautier H. Arbeiterbewegung und Freiheit. Frankfurt a. M., 1980; Рус. пер. книги: Горье Г. Рабочее движение и свобода. М., 1983.

⁶⁹ Штайгервальд Р. Указ. соч. С. 78–79.

⁷⁰ Там же. С. 85.

⁷¹ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. С. 4.

⁷² Там же. С. 318.

ЛАТЕРАНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1929 г. В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Е. С. Токарева

Особенности исторического развития Италии во многом определялись и определяются существованием внутри страны мощной централизованной католической церкви. Церковь играла ту или иную роль во всех событиях итальянской жизни, во всех сложных процессах развития итальянского общества. Даже само географическое положение Ватикана благоприятствовало его вмешательству в историю страны, начиная с препятствий, чинимых церковью в процессе создания в Италии объединенного государства, и кончая выделением в центре Рима небольшой территории для образования независимого теократического государства.

Понятен поэтому интерес к месту и роли церкви в историческом развитии и ее влиянию на политическую, экономическую и социальную жизнь Италии. Частью этой крупной проблемы являются взаимоотношения церкви с фашистским режимом, кульминационной точкой которых было подписание в 1929 г. Латеранских соглашений¹.

Важная роль Христианско-демократической партии в современной итальянской политической структуре побуждает к исследованию новых проблем: место католического движения в историческом процессе, его массовая база, истоки Христианско-демократической партии, причины ее успеха и т. д.

Вопросы эти имеют сегодня политическое звучание потому, что ХДП занимает ключевые позиции в стране, и потому, что Латеранские соглашения, включенные в 1947 г. в итальянскую конституцию, были действительны до 1985 г., предоставляя церкви значительные права в области образования и брачно-семейного законодательства.

Позиция историков католической церкви Италии, их подход к проблемам и выводы связаны с их политической ориентацией.

Традиционная либеральная историография имеет обычно ан-

тиклерикальную окраску. Истоки либерального антиклерикализма лежат в той борьбе, которую пришлось вести итальянскому либерализму против Папского государства в период Рисорджименто. Конфликт с Ватиканом, получивший название «римского вопроса», отразился на идеологии политических деятелей либерализма, превратив их в защитников светского характера государства.

Далеко не однородна современная католическая историография. В последние годы сильно возрос вес ее левого крыла, представители которого стремятся к критическому изучению церковной истории.

Нельзя оставить без внимания радикально-демократическое течение в историографии. Его представители внесли вклад в разработку всех проблем истории Италии, включая и вопросы истории церкви и католического движения.

Марксистская историография занимает важные позиции в современной итальянской исторической науке. Уделяя огромное внимание истории фашизма и движения Сопротивления, историки-марксисты обращаются и к роли церкви в этот сложный период в жизни Италии.

Историки-марксисты опираются в своих работах на теоретические положения, изложенные в работах А. Грамши². Проблему отношений государства и церкви Грамши понимал как выражение отношений исторически определенных и конкретных социальных сил — церковной иерархии, феодальной аристократии, королевской династии и буржуазии. Рассматривая позицию церкви по отношению к фашизму, Грамши обращал внимание на постоянное стремление Ватикана сохранить «Католическое действие». Причина этого, по мнению Грамши, заключалась в том, что «Католическое действие» являлась основной, подлинной «партией» церкви. Церковь, считал Грамши, обладая многовековым опытом, понимала, что фашизм — это явление временное и преходящее, и потому стремилась сохранить свои позиции в массах и помимо союза с фашизмом.

Исследуя социальную доктрину католицизма, Грамши отмечал, что у церкви нет четкой социальной и политической программы. Церковь стремится сохранить возможность приспособить свою программу к любым существующим условиям.

Определяя сущность заключенных в 1929 г. соглашений, Грамши писал, что Конкордат — это одно из направлений в широкой политической стратегии Ватикана, посредством которой он пытается обеспечить себе доминирующие позиции в итальянском обществе.

П. Тольятти откликнулся на заключение Латеранских соглашений статьей в «Stato operaio» «Конец римского вопроса» (1929)³. Статья является сжатым и глубоким анализом сущности взаимоотношений церкви с капиталистическим обществом. Тольятти считал, что ни один класс, ни одна политическая партия не может не отреагировать на заключение Латеранских соглашений, так как они связаны с насущными проблемами совре-

менного мира, в том числе с проблемой краха капиталистического общества и пролетарской революцией, с усилиями капитализма воспрепятствовать росту революционного движения. Церковь, писал Тольятти, в современных условиях вынуждена вести борьбу против революционного движения уже не теми методами, что 50—100 лет назад. И сама церковь представляет собой уже не ту силу, что раньше. Теперь церковь стала частью капиталистического общества. Но церковь, по мнению Тольятти, усвоила не только методы буржуазных партий, но и часть методов социалистической партии — такие, как организация трудящихся масс, борьба за экономические требования, за улучшение социального положения. Только таким образом можно было задержать развитие революционного движения, дезорганизовать экономическую активность и политическую деятельность рабочего класса. В этих условиях и церковь и государство признали необходимость сотрудничества, имея в виду общую реакционную цель, и заключили между собой союз. «Римский вопрос» был, по мнению Тольятти, источником раскола и слабости итальянской буржуазии. Церковь пришла к сотрудничеству с фашизмом потому, что фашизм объединил все слои буржуазии, всех тех, кто заинтересован в защите капиталистического общества.

В 1936 г. во Франции вышла книга Карло Росси «Церковь и фашизм»⁴. Это практически единственная исследовательская работа марксистского направления, опубликованная в годы фашизма. Она отражает характерные черты позиции Итальянской коммунистической партии середины 30-х годов. Рассматривая в целом политику католической церкви в период фашизма, Росси приходит к выводу, что сотрудничество с фашизмом соответствует общей стратегии церкви во всем мире. Причина этой политики в том, что церковь сменила свою экономическую и политическую базу и превратилась в силу капиталистическую. В качестве таковой она стремилась и стремится к сохранению капиталистического строя, что и толкает ее к сотрудничеству с самыми реакционными силами. Одной из важнейших причин сближения Ватикана с итальянским правительством было усиление рабочего и социалистического движения. Ватикан был заинтересован в приходе фашизма к власти. Поэтому его целью было помочь фашизму, делая в то же время вид, что оказывает ему сопротивление. Росси считает, что церковь не противилась ослаблению католических организаций, так как создавала их только для того, чтобы помешать трудящимся попасть под влияние социалистов, теперь же эту роль выполняли фашистские организации. В действительности же церковь всегда стремилась расширить сеть своих организаций и имела по этому поводу многочисленные конфликты с фашистским правительством. Она никогда не считала, что ее миссию может выполнить любая сильная реакционная организация.

В послевоенной марксистской историографии почти нет специальных работ, посвященных взаимоотношениям церкви и го-

сударства в период фашизма. Но ряд связанных с ними вопросов затрагивался в статьях ведущих деятелей Итальянской коммунистической партии, и в частности привлекал внимание П. Тольятти. Речь идет о выработке программных установок по вопросам отношения ИКП к Христианско-демократической партии, к католическому движению и Ватикану.

Можно выделить два момента, на которых акцентирует свое внимание Тольятти: вопрос об оценке Латеранских соглашений и их дальнейшей судьбе и вопрос о взаимоотношениях коммунистов и католиков в Италии.

Выступая 25 марта 1947 г. в Учредительном собрании по вопросу о включении Латеранских соглашений в итальянскую конституцию⁵, Тольятти говорил о том, что «римский вопрос» решен окончательно. Но с Латеранскими соглашениями связан также Конкордат. Конкордат имеет характер международный, двусторонний и может быть пересмотрен только обеими сторонами вместе. Ссылаясь на ряд статей, опубликованных в «Osservatore romano», Тольятти подчеркивал, что мнение другой стороны выражено ясно и недвусмысленно. Призывая голосовать за включение Латеранских соглашений в итальянскую конституцию, Тольятти говорил о том, что перед лицом стоящих перед страной политических и экономических задач необходимо сохранить религиозный мир, достигнутый в период Сопротивления.

В последующие годы внимание Тольятти все больше смещается в сторону вопроса о взаимоотношениях Коммунистической партии с итальянскими католиками. Кульминационной точкой этого процесса являются сформулированные Тольятти в 1963 г. в речи на конференции в Бергамо принципы сотрудничества с католиками⁶. Речь идет, подчеркивал Тольятти, не об идеологическом компромиссе, но о взаимопонимании, следовательно, о согласии и сотрудничестве в вопросе об укреплении демократии, ибо в условиях новой обстановки на международной арене мир становится не только благом, но и необходимостью.

Выступления папы в пользу мира и международной разрядки, заявления о нейтральной позиции церкви в спорах между государствами сделали возможным уже в 1954 г. призыв Коммунистической партии к диалогу с итальянскими католиками. В 1963 г. Тольятти подчеркивал безотлагательность такого диалога.

Из специальных марксистских исторических работ можно назвать книгу Дж. Канделоро⁷. Она написана в начале 50-х годов, когда Ватикан занимал жесткую антикоммунистическую позицию, и несет отпечаток тогдашней фазы во взаимоотношениях между коммунистами и католиками. Канделоро считает, что церковь готова бороться лишь за собственные привилегии. Для защиты своих интересов церковь использует любые средства — от призыва к иностранной интервенции до союза с самыми реакционными и консервативными силами. Церковь готова признать законной любую власть, которая не затрагивала бы ее привиле-

гий. Отсюда и союз церкви с фашизмом. Канделоро правильно полагает, что страх перед революционной волной 1919—1920 гг. заставил церковь искать новые средства для борьбы с революционным движением и в конце концов привел ее к соглашению с фашистским режимом.

Канделоро подчеркивает сущность католической церкви как одной из основных сил капиталистического общества. Рассматривая затем эволюцию позиции церкви по отношению к государству, Канделоро отмечает, что конфликт по поводу «римского вопроса» после первой мировой войны отходит на второй план: церковь, став силой капиталистической, продемонстрировала свою готовность к активным политическим действиям всякий раз как возникала угроза буржуазному строю.

Резюмируя основные положения итальянской марксистской историографии, следует отметить прежде всего четкое понимание классовой сущности церкви и ее организаций, определявшей экономическую и политическую стратегию церковной иерархии. В этом плане итальянские марксисты рассматривают союз церкви с фашизмом как закономерное соглашение двух сил, связанных общими классовыми и экономическими интересами.

Однако именно такое определение места католической церкви в современном историческом процессе вызывает протест ряда историков католической и либеральной школ. Расхождения с марксистами по вопросам изучения истории церкви и католического движения наиболее четко были сформулированы в середине 70-х годов в дискуссии на страницах журнала «*Critica marxista*». Буржуазный публицист Раффаэле Джура Лонго доказывал, что в изучении католического движения вовсе не обязательно должен делаться акцент на его организационную связь с буржуазным обществом⁸. Отвечая на статью Джура Лонго, Марио Росси подчеркнул, что деятельность католической церкви и ее организаций протекает в конкретном политическом, экономическом и социальном контексте, что предусматривает их участие во взаимоотношениях между классами, в развитии форм производства и т. д., и именно эти факторы в первую очередь определяют политическую ориентацию церкви⁹.

Полемика с марксистами сводится фактически к двум основным пунктам. Во-первых, историков-марксистов обвиняют в том, что они-де недостаточно четко понимают «диалектическую взаимозависимость базиса и надстройки» (Гуидо Веруччи)¹⁰, влияние этих компонентов друг на друга. На первый план противники марксистов выдвигают идеологические факторы; они утверждают, что политика церкви движима прежде всего религиозными мотивами. Во-вторых, ученые, принимающие участие в дискуссии, настаивают на необходимости признать «своеобразие» католического мира и изучать его внутреннюю историю, борьбу различных течений и идеологических направлений, которая якобы одна и определяла политический выбор церкви.

Применяя эти общие теоретические посылки к проблеме взаи-

моотношений церкви и фашистского режима в Италии, итальянские буржуазные историки и пытаются решить вопрос о том, что привело Ватикан к соглашению с государством и был ли этот союз временным тактическим маневром или же он диктовался более глубокими социально-экономическими причинами.

Естественный интерес к вопросам истории церкви со стороны католической историографии обусловил преобладание работ историков именно этого направления.

В годы фашистского режима Италию буквально наводняли книги и брошюры, часто публицистического характера, большинство из которых принадлежало перу католических авторов. Вряд ли вызовет удивление тот факт, что работы, опубликованные в условиях фашистской цензуры, были главным образом профашистского толка. Из исследований, заслуживающих внимания, следует назвать книгу П. Мишателли «Фашизм и католики», которая отмечена существенными чертами католической идеологии того периода¹⁴.

Религиозная политика Муссолини, пишет П. Мишателли, противостоит как либеральным, так и модернистским тенденциям, и все истинные католики должны были понять, что в их интересах сотрудничать с фашизмом. Левое же крыло Народной партии (во главе с ее секретарем Л. Стурцо) вдохновлялось идеями модернизма, и потому «истинные» католики не должны были препятствовать ее разгрому. Фашистское правительство является, по мнению Мишателли, самым надежным и самым смелым защитником римского католицизма. Решение «римского вопроса» представляется Мишателли неким религиозным и политическим идеалом, значение которого так велико, что все враги Италии, как внешние, так и внутренние, заинтересованы в том, чтобы сорвать его осуществление. Отсюда необходимо, чтобы фашизм решительно боролся со всякой модернистской идеологией, которая стремится разорвать духовное единство страны. Основой этого духовного единства является католическая доктрина, в рамках которой и должна занять свое место национальная фашистская доктрина. Религиозное единство нации является, по мнению Мишателли, основным условием ее экспансии в мире, а для католической нации эта экспансия необходима, так как она-де является миссией цивилизации. В концепцию Мишателли укладывается и оправдание крайнего национализма, который, по его словам, не находится в противоречии с доктриной отцов церкви и даже соответствует их традициям и учениям. Таким образом, Мишателли видит в фашизме силу, способную в союзе с католицизмом обновить Италию, укрепить основы религии и осуществить с ее помощью функцию цивилизации во всем мире. Как ясно из сказанного, Мишателли считает, что только религиозные мотивы определяли выбор, сделанный церковью в годы фашизма.

Идея о необходимости возрождения религии с помощью политики фашистского правительства в свое время оказала влия-

ние на взгляды Марио Бендишполи, видного исследователя католического движения в европейских странах. В работе, опубликованной в годы фашизма, Бендишполи утверждал, что Италии нужна была твердая власть, которая могла бы, формально не изменяя государственного устройства, заключить соглашение с Ватиканом. Такой властью оказался фашизм. Оценивая роль Муссолини, Бендишполи определяет его как «великого политического деятеля», который понял роль религии для страны и своевременность заключения соглашений¹².

В послевоенный период оценки католической историографии существенно меняются. Руководящий мотив для значительного большинства католических исследователей — обоснование ведущей роли Христианско-демократической партии после второй мировой войны. Причем если правые католики делают акцент на несовместимости и противоположности католической и фашистской доктрин (вследствие чего соглашение Ватикана с фашизмом они объясняют только политическими мотивами, отвергая любую экономическую или идеологическую общность между ними), то левых католиков интересуют прежде всего любые проявления антифашизма в католической среде. В 1977 г. состоялась очередная (пятая) конференция по истории церкви, которая была посвящена на этот раз положению церкви и «Католического действия» в период фашизма в Северной Италии. Именно там наиболее четко выявилась тенденция к раскрытию малейших оттенков антифашистских настроений в самой церкви или внутри католических организаций.

Виднейшим представителем той группы исследователей, которая ставит своей задачей более объективное и детальное изучение деятельности итальянских католиков в период фашизма, в последние годы является Пьетро Скоппола¹³.

Подробно исследуя историю взаимоотношений церкви и государства в период фашизма, Скоппола большое внимание уделяет области сознания, настроений, моральной оппозиции. Он утверждает, что без моральной основы, созданной католическими деятелями (он не имеет в виду церковных иерархов), невозможно исторически понять тот спонтанный антифашизм, который, на его взгляд, оказал решающее воздействие на кризис режима.

В конце 70-х годов Скоппола одним из первых среди католических исследователей заявил о назревшей, по его мнению, потребности оторваться от привычного подхода к истории церкви межвоенного периода, от господствующей, как он считает, тенденции давать моральную оценку политике Ватикана. Существо дела, пишет Скоппола, заключается в стремлении понять мотивы внутренней и внешней политики Ватикана, в том числе его сближения, а затем конфликтов с фашизмом.

Скоппола считает, что вначале церковь оказала поддержку фашизму и способствовала консолидации режима, но впоследствии пришла к разрыву с ним. Причины этого Скоппола представляет себе следующим образом: к фашизму церковь толкнула не-

решенная проблема свободы. Католицизм рассчитывал использовать фашистское государство для реализации или, точнее, реставрации долиберальной модели католического государства. Таким образом, Конкордат был для церкви орудием конфессионализации государства и общества. Однако церковь сделала историческую ошибку: считая фашистский режим простым возвратом к долиберальным институтам, она не учла его классовую сущность, связь с процессом индустриализации, его новый характер «режима масс». Фашизм не оправдал чаяний церкви, что и привело ее в дальнейшем к разрыву с режимом. Таким образом, Скоппола видит одну основу для союза церкви с фашизмом — общего врага в лице итальянского либерального государства.

Ответов на проблемы общества, по утверждению Скопполы, могло быть только два: демократический, предложенный Народной партией, и авторитарный, предложенный фашистским государством. Руководители Народной партии во главе с Л. Стурцо лучше поняли фашизм, чем Пий XI и его окружение, а потому после падения режима католическая партия заняла главенствующее положение в стране. Политику церкви в период фашизма и деятельность ХДП во время и после второй мировой войны Скоппола сравнивает с двумя чашами весов. Чем больше уступок делала церковь фашизму, тем больше заслуг было впоследствии у Христианско-демократической партии.

Артуро Карло Емоло является еще одной видной фигурой послевоенной католической историографии. Выразитель идей католиков-либералов Емоло посвятил свои труды истории церкви XIX—XX вв.¹⁴

Мог ли Ватикан воспрепятствовать приходу к власти фашизма? — вот первый вопрос, который интересует Емоло. Да, мог, отвечает он, так как в его распоряжении находилась реальная сила и в его власти было ею воспользоваться. Народная партия фактически подчинялась Ватикану, но все дело как раз в том, что тот не желал препятствовать успехам фашистов. И именно в такой позиции Ватикана заключалась причина краха Народной партии.

Такая постановка проблемы неизбежно приводит Емоло и к вопросу о причинах подобных действий церкви, — причинах, побудивших ее вначале относиться к фашизму с позиций благожелательного нейтралитета, а затем перейти и к прямому сотрудничеству с ним. Общая вражда к либерализму — вот что, по мнению Емоло, объединяло фашизм и католицизм, вот что заставило отступить на второй план все противоречия, существующие между католической и фашистской доктринами. Емоло, как и Скоппола, подходит к вопросу крайне односторонне, он умалчивает о рабочем и социалистическом движении, страх перед которым заставил Ватикан еще в начале века искать союза именно с либеральным государством.

Наличие противоречий, утверждает Емоло, сказалось после заключения соглашений и привело к многочисленным конфлик-

там. Реакционный характер Латеранских соглашений усиливался еще и тем обстоятельством, что фашистское правительство заключило их, не посчитавшись ни с одной из политических сил в стране.

Явной натяжкой является утверждение Емоло о том, что Ватикан мог лишь одной своей властью помешать захвату власти фашистской партией. Реальность заключалась в том, что Народная партия, добившаяся большого успеха сразу же после своего основания, не смогла действовать самостоятельно на политической арене. Не получив поддержки Ватикана, Народная партия отказалась от союза с социалистами в 1924 г. и в конечном итоге не использовала до конца те возможности борьбы с наступлением фашистов, которыми она обладала. В таком случае вывод Емоло имеет значение только в том смысле, что речь идет о неиспользованных возможностях Народной партии.

Практические результаты союза представляются Емоло оптимальными для обеих сторон. В самом деле, Ватикан, считает Емоло, не мог бы надеяться на более выгодное решение «римского вопроса». Что же касается фашистского государства, несомненно повышение его престижа на внешнеполитической арене, что и было одной из главных целей, преследовавшихся Муссолини.

Ученик Емоло Франческо Марджотта Брوليو ставит проблему континуитета и преемственности политики церкви и государства¹⁵. Не задумываясь над тем, в чем отличие политики фашизма от политики предшествующего режима, Брوليو считает, что правительство Муссолини только продолжало традицию лидеров либерального государства в отношении церкви: оно не нарушило линию, проводимую Орландо и Нитти, но заполнило пробелы в ней. Впрочем, Брوليو вообще полагает, что фашисты никогда не имели четкой религиозной программы и действовали прагматически, сообразно обстоятельствам. Отсюда все проводимые переговоры ему представляются случайными, необоснованными, а решения — зависящими от взглядов тех, кто их выносил, или просто от настроения Муссолини.

Для Брوليو характерно преувеличение значения личностей. Самого Муссолини он, однако, считает не крупным политическим деятелем, а ловким политиканом, который обладал политическим чутьем и принимал решения, не понимая их обоснования. В отношении церкви Муссолини чувствовал, что надо идти в сторону ее национализации (подчинения нации) и сделать католическую церковь одним из опорных столпов режима.

Профашистская струя в католической историографии практически не получила развития после второй мировой войны. Из работ этого направления широкую известность приобрела лишь вторая книга журналиста Джулио Кастелли «Церковь и фашизм»¹⁶. По сравнению с его первой книгой — «Ватикан в сетях фашизма»¹⁷ — она демонстрирует поворот во взглядах автора. В первой своей работе Кастелли утверждает, что на

протяжении всего периода фашизма католическая церковь оказывала ему постоянное и упорное сопротивление. Более того, сопротивление Ватикана было единственной систематической оппозицией в стране. Все высшие прелаты церкви, утверждает Кастелли, были противниками фашизма. Причину стремления фашистского правительства к сотрудничеству с церковью Кастелли видит в необходимости для фашизма использовать ее в своих интересах, в частности для борьбы с масонством после неудачной попытки Муссолини заключить с ним союз. Однако этой цели (использовать церковь) фашизму, по мнению Кастелли, достичь не удалось. Папа отклонил все попытки подобного рода, Конкордат же он заключил исключительно в религиозных целях. Ватикан не желал сотрудничать с фашизмом, но вместе с тем не хотел быть и его противником. Папа считал, что вопрос о свержении правительства — дело самих итальянцев. Он не хотел быть причиной раздора внутри итальянской нации.

Эта книга появилась в 1946 г., в условиях всеобщего демократического возрождения и сильных антифашистских настроений, и проникнута стремлением реабилитировать церковь в глазах итальянцев. Сдвиг в сторону реакции, происшедший в политической жизни страны в конце 40-х годов, позволил автору опубликовать другую книгу, где выражается его убеждение в том, что Муссолини руководствовался искренней заботой о величии католической церкви, искренним уважением к католической религии. Содержащийся в книге богатейший фактический материал, подробное детальное его изложение до сих пор обращают на себя внимание итальянских исследователей.

Параллельно с общими работами, охватывающими историю церкви и католических организаций в период фашизма в целом, в католической историографии развивается направление, целью которого является изучение католического клира и светского католического движения в отдельных районах и областях. Начало этому направлению было положено в 1956 г. с основанием католического издательства «5 Lune», которое и предприняло публикацию целой серии работ такого характера.

Интерес к локальной истории традиционен для итальянской историографии, а потому закономерно изучение ее и применительно к области церковной и религиозной истории. Историки, работающие в этом направлении, внесли значительный вклад в разработку проблем истории церкви не только тем, что ввели в обращение массу ранее не использованных материалов, источников, но и тем, что по-новому подошли к вопросу о позиции духовенства в период фашизма. Дифференцированный подход к духовенству позволил им поставить проблему взаимоотношений высшей церковной иерархии, низшего духовенства и светского католического движения. Они определяют не позицию церкви в целом по отношению к режиму, но позицию различных слоев духовенства как с точки зрения их положения в церковной иерархии, так и с точки зрения их географического положения.

Концепция историков либерального направления согласуется с общими принципами либерализма. Для итальянского либерализма характерно отрицательное отношение к любой форме союза с церковью, страх перед усилением роли церкви в государстве, принципиальный отказ от восстановления светской власти пап. Выдвинутый либеральным государством принцип «двух параллелей» наиболее полно отражает его политику по отношению к церкви. В соответствии с этим принципом церковь и государство — это две силы, которые, действуя в различных областях, не должны никогда соприкасаться. Таким образом, либеральные историки считают союз, заключенный между Ватиканом и фашизмом, нарушением принципа «двух параллелей», отказом от либеральных традиций (и в этом они правы), подрывом светского характера государства.

Для либерализма характерна отрицательная оценка Латеранских соглашений в целом — и Конкордата, и Трактата. Обвиняя церковь в антилиберализме, историки-либералы не ищут других мотивов союза Ватикана с режимом.

Либеральная историография находилась и продолжает находиться под сильным влиянием одного из крупных историков XX в. — Бенедетто Кроче. Хотя у Кроче нет специальных работ, посвященных истории церкви или католического движения, его оценка Латеранских соглашений была им четко сформулирована в речи, произнесенной в Сенате по поводу их ратификации. Чтобы яснее понять основные принципы концепции либеральной историографии, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть позицию Кроче.

Кроче говорил, что возражает не против самого факта примирения государства с церковью, но против того способа, каким это примирение было осуществлено¹⁸. Кроче считает, что единственный дар, который государство может предложить церкви, — это обеспечение свободы осуществления ее функций. Но такую свободу, по мнению Кроче, обеспечивал еще закон о гарантиях, который церковь отказалась признать. При либеральном порядке церковь не только могла развивать свою деятельность и пропаганду, но и получила такое почетное и уважаемое положение, какого не имела даже в лучшие времена своего господства. Религиозная политика фашизма — это отказ от традиций и политики Рисорджименто, которые Кроче идеализирует в своих работах. Конкордат с церковью — нарушение достигнутого равновесия, и оно обязательно вызовет волну клерикализма. Кроче решительно возражает тем, кто положительно оценивает Латеранские соглашения, считая их делом «тонкой политики» и утверждая, что «Париж стоит мессы». Рядом с людьми, для которых Париж стоит мессы, говорит Кроче, есть другие, для которых слушать или не слушать мессу гораздо важнее Парижа, потому что это дело совести.

Кроче не пытается ставить вопрос ни о месте церкви в социально-экономической структуре общества, ни о действитель-

ных мотивах политики Ватикана в годы фашизма. Вся его концепция выдержана в духе либерального антиклерикализма, для которого перспектива усиления церкви представляла одну из главных опасностей. Крочеанский подход к взаимоотношениям церкви и государства в Италии прослеживается почти во всех работах историков либеральной школы.

Книга Фр. Руффини «Отношения между церковью и государством» представляет собой сборник лекций по церковному праву, прочитанных студентам Туринского университета в 1908—1931 гг.¹⁹ В отличие от большинства представителей либеральной школы Руффини не считает, что принцип разделения функций двух властей — церкви и государства — является правильным. По мнению Руффини, церковь и государство не должны зависеть друг от друга, но должны согласовывать свои действия. Необходимость согласования вытекает из того, что подданный государства является одновременно католиком и, следовательно, подданным церкви. Однако Конкордат 1929 г. Руффини воспринял отрицательно. Он считал, что Конкордат — это нарушение принципа согласования, означающее усиление роли фашистского государства и его влияния на церковь.

Луиджи Сальваторелли, один из видных представителей либеральной школы, считает, что церковь при помощи конкордатов сумела использовать силы государства (не только итальянского, но и других, с которыми были заключены конкордаты, а их за время правления Пия XI было заключено 26) в своих целях²⁰. Она добилась введения религиозного образования в начальных и средних школах, а в некоторых странах и в высших учебных заведениях, утверждения церковного брака и т. д. Таким образом был нарушен либеральный принцип разделения функций двух властей. Говоря о значении Латеранских соглашений, Сальваторелли отмечает отход от традиций Рисорджименто, признание церковью и освящение ею законности фашистского режима.

Латеранским соглашениям посвящена глава в книге, написанной Сальваторелли совместно с Дж. Мира²¹. Авторы считают, что благодаря политике либерализма церковь сумела сохранить свою полную внутреннюю автономию. В цели же фашистских лидеров входило уничтожение всех препятствий, которые помешали бы использованию римской церкви во внутренней и внешней политике фашизма; Муссолини считал, что католицизм должен стать составным элементом нового режима. Эта линия была поддержана Ватиканом, и хотя авторы не отрицают наличия серьезнейших противоречий между двумя партнерами, они полагают, что заинтересованность их в соглашении была гораздо сильнее и что именно она оказалась решающим основанием для заключения союза.

Почти целиком посвятил свою исследовательскую деятельность проблемам католического движения Джованни Спадолини, известный либеральный историк и политический деятель, принадлежащий к Республиканской партии²². Для Спадолини идеалом

является время правления Джолитти, та система равновесия с католическим движением, которую, по его мнению, Джолитти сумел установить и поддерживать, «сведя все проблемы к их истинным пропорциям». Джолитти считал лучшей формой взаимоотношений с католиками временные избирательные союзы. Спадолини считает такую политику лучшим решением вопроса.

Приход к власти фашизма означал кризис светского характера государства, что сразу же создало предпосылки для примирения с церковью. Для фашизма не существовала проблема юридической и политической традиции. В этом смысле фашизм представлял собой «антирисорджименто» — никто из лидеров либеральной партии не решился бы на акт, способный зачеркнуть достижения нации в области религиозной и церковной политики. Муссолини пришел к идее союза с церковью, надеясь поставить ее под контроль фашистского государства. Режим типа фашистского мог преследовать только одну цель — использовать церковь в качестве инструмента для повышения своего влияния и престижа в стране и за рубежом. Однако по самой своей сути фашизм нетерпим не только по отношению к либерализму, но и по отношению к католицизму. Рано или поздно церковь должна была прийти к конфликту с режимом и к сопротивлению ему.

Спадолини, как и Кроче, представляет эпоху Джолитти вершиной развития либерального государства. Правильно определяя цели, преследуемые фашистским правительством при заключении соглашения с Ватиканом, Спадолини недостаточно ясно представляет себе корни политики итальянской церкви. По его наблюдениям, в основе позиции Ватикана лежал антилиберальный характер фашизма.

Ренцо Де Феличе, один из крупнейших современных историков неокрочеанской школы, дает более обоснованное определение причин заключения Латеранских соглашений²³. По его словам, Латеранские соглашения представляют собой «брак по расчету», т. е. стремление каждой стороны добиться максимальных преимуществ как внутри Италии, так и на международной арене. Это бесспорное утверждение все же является достаточно поверхностным, оставляя в тени классовую и социально-экономическую сущность католической церкви.

Уделяя много внимания последующим конфликтам Ватикана с режимом, Де Феличе утверждает, что Муссолини постигло жестокое разочарование, так как, преследуя лишь свои собственные интересы, церковь вовсе не собиралась оказывать полную поддержку режиму, его внутренней и внешней политике. Пий XI, заботясь об укреплении католических организаций, особое внимание уделял молодежи. Он руководствовался мыслью вырастить новое поколение, способное наследовать фашизму и заменить его у руля государственной власти. Недовольство Муссолини было вполне обоснованным: «Католическому действию» удалось избежать фашизации, а его руководство продолжало заниматься политической деятельностью и антифашистской пропа-

гандой. В нем процветала тенденция придать проникновению католической идеологии в жизнь итальянского общества характер непримиримости по отношению к режиму. Конфликт был не только неизбежен, но и желателен для обеих сторон. Но события 1931 г.²⁴ показали неспособность церкви овладеть ситуацией и сплотить приверженцев Ватикана против режима. Столкновение закончилось победой фашизма и поражением римской курии. Конфронтация 1931 г. вызвала массовый переход католиков на службу режиму. Большинство из них не понимало, есть ли различия между политикой фашистского правительства и политикой Ватикана; они были убеждены, что фашистское государство — это одновременно государство католическое. Победа фашизма выразилась в глубокой изоляции организаций «Католического действия» от католического населения страны, в усилении профашистских тенденций и сведении на нет влияния бывших членов Народной партии и руководства католических организаций.

Отвечая на вопрос о правомерности определения фашистского режима как тоталитарного, исследователи в первую очередь обращаются к деятельности «Католического действия», организации, узаконенной одним из пунктов Латеранских соглашений. Ренцо Де Феличе, как и его последователь Сандро Рогари, утверждает, что организации «Католического действия» носили политический характер. С. Рогари также подчеркивает поражение церкви в столкновении 1931 г. — закрепленная в договоре раздробленность «Католического действия» лишила его того характера «предпартийного образования», которое было ему свойственно²⁵.

Сандро Рогари, однако, придерживается мнения, что Ватикану удалось довольно быстро оправиться от нанесенного ему удара и попытаться вновь завоевать утраченные позиции. Начиная с 1934 г. политика римской курии вызывает все большие опасения фашистских властей. Постепенная, завуалированная централизация «Католического действия», расширение сети сельских касс взаимопомощи — все это заставляло лидеров режима признать, что правительству не удался замысел интеграции церкви. Причем Рогари подчеркивает, что подозрения фашистских чиновников вызывала именно центральная церковная власть, тогда как взаимоотношения с режимом местных католических центров всегда протекали в духе мирных контактов.

Шла ли действительно речь об антифашистской деятельности или о реальной угрозе создания новой партии? Автор считает это маловероятным. Но само существование «Католического действия» давало повод для недовольства фашистского правительства, так как это была единственная в стране юридически независимая от фашистов организация, имевшая к тому же связи с массами. Обвинение в том, что группы «Католического действия» занимают политическую деятельность или что в состав руководства этой организации входят бывшие члены Народной партии, были поэтому только предлогом, а истинные мотивы нападок на «Ка-

толическое действие» состоят в том, что не интегрированная в режим, организация эта имела политический характер, даже формально и не занимаясь политической деятельностью. Вместе с тем для рядового верующего не было принципиальной несовместимости между понятиями «католик» и «фашист». Для Рогари это обстоятельство доказывает провал фашистской программы создания «нового человека», чья идеология будет исключительно фашистской.

Внимание Рогари смещено, как видим, в сторону изучения светского католического движения. Оставляя в стороне вопрос о причинах Латеранских соглашений, Рогари исследует их последствия как для режима, так и для католической церкви.

Радикально-демократическое течение имеет общие черты с либеральной историографией, но в ряде случаев заявляет о необходимости использования марксистской методологии и выводов. С либеральной историографией его роднит в первую очередь антиклерикальная направленность, которая порой приобретает даже бóльшую, чем у крочеанцев, остроту.

Соглашения 1929 г. историки этого направления рассматривают как победу Ватикана, захват им доминирующих позиций в государстве.

До второй мировой войны среди исследователей этого направления, занимавшихся вопросами церковной истории, бесспорно, одно из первых мест принадлежало Гаэтано Сальвемини. Его книга «Государство и церковь в Италии», вышедшая в 1969 г., представляет собой сборник статей, написанных по преимуществу в 30-х годах²⁶.

В статье «Народная партия и римский вопрос» Сальвемини ставит вопрос о том, какая из двух сторон выиграла в результате подписания соглашений. Ватикан, считает Сальвемини, на международной арене только проиграл, так как исчез окружавший папу ореол узника и жертвы. Следовательно, Ватикан должен иметь выгоды внутри самой Италии. Эти выгоды Сальвемини видит в том, что Ватикан смог оказывать большее влияние на политику Италии и на жизнь итальянского общества. Положение же итальянского правительства прямо противоположное. Оно не получает практически никаких преимуществ внутри страны, но зато значительно выигрывает на международной арене. На это, главным образом, и рассчитывал Муссолини, который хотел использовать церковь в своей международной политике и приобрести всемирную известность и славу.

Сальвемини придерживается той точки зрения, которая впоследствии была наиболее четко изложена Ренцо Де Феличе: Латеранские соглашения представляют собой компромиссное решение, в котором каждая сторона ищет свои собственные выгоды. Но сам компромисс Сальвемини понимает слишком схематично и упрощенно. На самом деле Латеранские соглашения характеризовали гораздо более сложные и далеко идущие замыслы фашистского правительства — Муссолини искал не только поддержки

церкви во внешней политике, но и стремился поставить церковь под контроль внутри государства.

Обращаясь в другой своей работе — «Государство и церковь в Италии от Пия IX до Пия XI» — к вопросу о преемственности и традиционности политики Ватикана, Сальвемини считает что последняя стала меняться уже с начала XX в. Сальвемини видит для этого две причины: во-первых, уже очевидную устойчивость, стабильность итальянского государства и во внутренней и во внешней политике; а во-вторых, опасность социального кризиса (усилившаяся после 1919—1920 гг.). Но политика Ватикана, раз начав меняться, пошла по этому пути очень быстро. Сальвемини считает, что за первые 20 лет XX в. Ватикан сдал большинство своих позиций, государство же свои сохранило. Поэтому для Италии в этот период самым выгодным было ждать, пока Ватикан не уступит по всем вопросам, а к этому, по его мнению, дело и шло. И если соглашения не были заключены еще во времена Нитти, то причина этого только в том, что в тот период общественное мнение не было еще подготовлено к такому шагу. Что касается итальянского государства, то здесь преемственность политики либеральных правительств была настолько сильна, что, для того чтобы нарушить традиционную политику по отношению к церкви, нужно было, по мнению Сальвемини, разрушить парламентскую систему и заткнуть рот итальянскому народу, что и сделали фашистские лидеры.

Чрезвычайно важно признание Сальвемини перелома в политике Ватикана в начале XX в. Здесь Сальвемини преодолевает либеральную концепцию, согласно которой Ватикан занимал постоянно враждебную позицию по отношению к либеральному государству. Хотя Сальвемини и не исследует до конца причины такого перелома (а они заключаются в том, что с конца XIX в. начинается процесс перерождения церкви и ее адаптации в буржуазном обществе), все же он признает, что в его основе лежит изменение в расстановке социальных сил.

Наконец, в работе «Государство и церковь в Италии в период фашистской диктатуры» Сальвемини высказывает убеждение в том, что заключение Конкордата было ошибкой. Он считает, что еще в 1871 г. итальянское правительство совершило ошибку, отказавшись признать суверенитет папы над Ватиканом. Эту ошибку нужно было исправить, и она была исправлена в 1929 г. подписанием Трактата. Конкордат же — это необоснованная уступка церкви со стороны государства, и, как и прочие уступки, он будет уничтожен, как только падет фашистский режим.

Широко известны в Италии работы Эрнесто Росси, публициста и политического деятеля, соратника Сальвемини по организации движения «Справедливость и свобода»²⁷.

Э. Росси показывал в своих работах связь церкви с монополистическим капиталом, неизбежность ее союза с самыми реакционными и консервативными силами. Росси утверждает, что церковь представляет собой главную опасность для итальянской демокра-

тии. Только полное разделение светской и духовной властей, только низведение религии до уровня частного дела каждого гражданина может позволить итальянской демократии развиваться в нужном направлении. Росси считает, что церковь является одной из тех сил, на которых лежит главная вина за приход фашизма к власти и за его укрепление. Э. Росси является решительным защитником светского характера государства.

Раскрывая связь католической церкви с капиталом, Росси приближается к научному пониманию сущности церкви и ее места в истории. Однако, видя в церкви главное препятствие на пути развития демократии, Росси явно преувеличивает степень ее влияния в современном обществе.

Джованни Микколи относится к молодому поколению итальянских историков. Им написана глава в сборнике, посвященном истории фашизма, вышедшем под редакцией Гуидо Куацца²⁸.

Микколи утверждает, что нет основания делать различия между политикой Ватикана и позицией итальянского епископата и светского католического движения.

Отношение церкви к фашизму Микколи рассматривает в связи с общей линией политики Ватикана начиная со Льва XIII. С этой точки зрения сотрудничество с фашизмом представляется ему не более чем эпизодом (хотя и весьма значительным эпизодом) в истории папства от Льва XIII до Пия XII. Лев XIII, считает Микколи, был инициатором ориентации на диалог с правящими классами в общих целях антиреволюционной и антисоциалистической борьбы. Это была попытка адаптации к новой исторической реальности, осуществленная в рамках одного только устремления: противостоять дехристианизации общества, использовать все средства для большего проникновения в социальную жизнь общества.

Микколи упрекает Росси и Сальвемини в том, что они, доказывая безусловность сотрудничества церкви с фашизмом, не пытаются выявить то особенное в теоретическом, религиозном и культурном развитии церкви, что привело ее к диалогу с режимом. Сущность фашизма как буржуазной контрреволюции только частично может объяснить выбор, сделанный церковью. Сама фашистская доктрина, фашистская идеология, попытка создания общества, соответствовавшего представлениям папства об идеальном обществе, — вот где лежит корень симпатий церковной иерархии к режиму. Фашистское учение о государстве (стремление создать авторитарное, иерархическое общество, исключаящее принципы плюрализма и демократии), утверждает Микколи, отвечало внутреннему развитию церкви, мышлению, вкусам католических деятелей. С этой точки зрения и протесты по поводу «расовых законов» объясняются лишь тем, что фашизм позволил себе вторгнуться в область, которую церковь считала заповедной. Католическая церковь, утверждает Микколи, реагирует только на те события политической и социальной жизни общества, которые ее непосредственно касаются.

Хотя наибольшее внимание вопросам церковной и религиозной истории уделяет католическая историография, однако ее представители не всегда могут выйти за рамки тенденции рассматривать церковь как замкнутый в себе организм, мотивы деятельности которого зависят от его внутреннего развития. Конфликт с либерализмом, оказывавший огромное влияние на деятельность церкви в XIX в., они продолжают считать определяющим и для истории церкви первой половины XX в.

Историки-либералы также делают акцент на антилиберальной позиции церкви. Для них, так же как и для представителей радикально-демократического течения, характерен антиклерикальный подход ко всему комплексу проблем истории церкви.

Итальянские историки-марксисты, раскрыв классовую природу политики церкви и определив ее место в социально-экономической структуре общества, дали наиболее глубокий и обоснованный анализ взаимоотношений церкви и государства в Италии в период фашизма.

- ¹ Латеранские соглашения состоят из двух документов: Трактата и Конкордата. Согласно Трактату Ватикан соглашался признать Итальянское государство, которое, в свою очередь, признавало создание государства Ватикан. Конкордат регулировал положение католической церкви внутри страны.
- ² Gramsci A. Il Vaticano e l'Italia/A cura di E. Fubini. Roma, 1961; *Idem*. Quaderni del carcere. Torino, 1975. Vol. 1-4.
- ³ См.: Togliatti P. Fine della questione romana // Togliatti P. Comunisti, socialisti, cattolici/A cura di L. Gruppi. Roma, 1974.
- ⁴ Rossi C. L'église et le fascisme. P., 1936.
- ⁵ Togliatti P. Comunisti, socialisti, cattolici. A cura di L. Gruppi. Roma, 1974.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.
- ⁸ Giura Longo R. Il movimento cattolico nella società italiana: (Idee per una rassegna bibliografica) // Critica marxista. Roma, 1976. N 5/6. P. 71-85.
- ⁹ Rossi M. G. Questione cattolica e «caso» italiano: (Contributo ad un dibattito storiografico) // Critica marxista. Roma, 1977. N 3. P. 133-139.
- ¹⁰ Verucci G. Storia del cattolicesimo, della Chiesa, del movimento cattolico italiano nell'età contemporanea // Quaderni storici. 1974. N 26. P. 559-643.
- ¹¹ Misciatelli P. Le fascisme et les catholiques. P., 1928.
- ¹² Bendiscioli M. La politica della Santa Sede, 1918-1938. Firenze, 1939.
- ¹³ Scoppola P. La chiesa e il fascismo. Bari, 1971; *Idem*. Coscienza religiosa e democrazia nell'Italia contemporanea. Bologna, 1966.
- ¹⁴ Jemolo A. C. Chiesa e stato in Italia negli ultimi cento anni. Torino, 1963; *Idem*. Chiesa e stato in Italia; Dal Risorgimento ad oggi. Torino, 1955; *Idem*. Chiesa e stato in Italia dalla unificazione a Giovanni XXIII. Torino, 1974.
- ¹⁵ Broglio F. M. Italia e Santa Sede: Dalla grande guerra alla conciliazione. Bari, 1966.
- ¹⁶ Castelli G. La Chiesa e il fascismo. Roma, 1951.
- ¹⁷ Castelli G. Il Vaticano nei tentacoli del fascismo: Storia ignorata di una lotta sotterranea. Roma, 1946.
- ¹⁸ Croce B. Discorsi parlamentari. Roma, 1966.
- ¹⁹ Ruffini Fr. Relazioni fra Stato e Chiesa. Bologna, 1974. Юрист, историк итальянского и церковного права Руффини много лет преподавал в Туринском университете и занимался проблемами религиозной свобо-

ды. Его слушателями были П. Гобетти, А. Грамши, П. Тольятти. В 1931 г. Руффины отказался от преподавания, чтобы не быть вынужденным приносить — согласно Конкордату — присягу фашистскому режиму.

- ²⁰ *Salvatorelli L.* Pio XI e la sua eredità pontificale. Torino, 1939; *Idem.* Chiesa e stato dalla rivoluzione francese ad oggi. Firenze, 1955.
- ²¹ *Salvatorelli L., Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956.
- ²² *Spadolini G.* Giolitti e cattolici (1901—1914). Firenze, 1970; *Idem.* Il Papato socialista. Milano, 1950; *Idem.* L'opposizione cattolica da Porta Pia al'98. Milano, 1976.
- ²³ *De Felice R.* Il Vaticano e il fascismo // Nuova Antologia. 1974. Vol. 522. F. 2086.
- ²⁴ В 1931 г. разразился конфликт, который поставил под угрозу существование Латеранских соглашений. Поводом послужило обвинение в адрес «Католического действия» в том, что его члены занимаются политической деятельностью. В результате конфликта было подписано новое соглашение, по которому «Католическое действие» лишалось централизованного характера.
- ²⁵ *Rogari S.* Come la Chiesa si difese da Mussolini // Nuova Antologia. 1978. Vol. 533. F. 2125—2126. P. 392—444.
- ²⁶ *Salvemini G.* Stato e Chiesa in Italia. Milano, 1969.
- ²⁷ *Rossi E.* Pagine anticlericali. Roma, 1966; *Idem.* Il manganello e l'aspersorio. Bari, 1968; *Idem.* La concilizzazione. Firenze, 1959.
- ²⁸ *Miccoli G.* La chiesa e il fascismo // Fascismo e la società italiana. Torino, 1973.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

ИСТОРИК С. М. СОЛОВЬЕВ И ДВУХСОТЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЕТРА ПЕРВОГО

И. В. Волкова

Тема петровских преобразований в творчестве С. М. Соловьева достаточно изучена в научной литературе. «Публичные чтения о Петре Великом», с которыми историк выступил в 1872 г., также неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Глубокая научная оценка этой работы была дана И. Л. Рубинштейном, А. М. Сахаровым, В. Е. Иллерицким¹. Специальному рассмотрению «Публичных чтений» посвящены статьи Л. Н. Пущкарева².

Однако участие Соловьева в праздновании 200-летнего юбилея Петра I не исчерпывалось выступлением с «Публичными чтениями». Другие значительные эпизоды его научной и общественной деятельности, связанные с этой исторической датой, — выступление на страницах журнала «Беседа» с серией статей «Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы», организация исторического отдела, посвященного Петровской эпохе, на Политехнической выставке 1872 г. — почти неизвестны. Их воссоздание существенно расширит наши представления о деятельности в 70-х годах XIX в. крупнейшего дореволюционного историка России, в частности позволит глубже уяснить соотношение между научными проблемами в его творчестве и запросами жизни, отношение к пореформенной действительности, политическое звучание его концепции. Кроме того, комплексное изучение юбилейных выступлений Соловьева приводит к результатам, не всегда совпадающим с прочтением «Публичных чтений», взятых обособленно.

Настоящая статья представляет собой опыт рассмотрения концепции, выдвинутой Соловьевым в 1872 г., в тесной связи с проблемами общественно-политической жизни России 60—70-х годов XIX в. Выявление точек соприкосновения научной работы историка с живой действительностью, в условиях которой протекало его творчество, вообще чрезвычайно важная для историографа задача. Постановка ее имеет особый смысл при изучении работ Соловьева, приуроченных к 200-летию юбилею Петра I. Необходимо иметь в виду, что они входят как составная часть в поток юбилейной литературы, запечатлевшей один из моментов истории общественной мысли России. В соответствии с этим юбилейные работы Соловьева в большей степени, чем тома его «Истории России с древнейших времен», ориентированы на ак-

туальные проблемы современной историко-жизни. Во вступительном слове на первом чтении Соловьев указывал на необходимость отыскания и оценки преемственных связей Петровской эпохи с настоящим, как на задачу, поставленную знаменательным юбилеем перед исторической наукой³. Научные выводы, сделанные Соловьевым в «Публичных чтениях», более утилитарны. Форма изложения материала приближена к исторической публицистике.

Кроме «Публичных чтений», основным опубликованным источником для изучения взглядов Соловьева является серия статей «Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы», опубликованных в 1872 г. в журнале «Беседа». Годом позже работа была издана как вторая часть «Курса новой истории»⁴. Юбилейные работы Соловьева соотносятся друг с другом как части целого. Само авторское название второй работы, освещавшей внутреннее положение Франции и Англии за первую четверть XVIII в., как бы перекидывало мост к «Публичным чтениям». Эта близость логически вытекала из известной периодизации Соловьевым русского исторического процесса. Началом XVIII в. он датировал его новый период, что обуславливало для ученого возможность полноправного включения русской истории с царствования Петра во всемирно-исторический процесс.

Творческие замыслы Соловьева предусматривали совмещенное изложение русской и западноевропейской истории начиная с 90-х годов XVIII в. Этот труд намечался как хронологическое продолжение «Истории России» (которая должна была завершиться царствованием Екатерины II) и параллельного ей цикла работ по всеобщей истории⁵.

Таким образом, если взгляд Соловьева на соотношение европейского и русского исторических процессов требовал соединения их освещения уже с начала XVIII в., то практически этот принцип реализовывался только для части нового периода русской истории. Любимая Соловьевым эпоха преобразований Петра I, как видно, выпадала из этого плана. Вместе с тем обойти ее Соловьев не мог в силу тех отношений ее к последующему ходу русской истории, которыми эта эпоха наделялась в его общей исторической концепции. В основе повторного обращения историка к теме петровских преобразований лежало стремление дать ей новое, всемирно-историческое освещение, намеченное для более поздних периодов русской истории. «Публичные чтения» органически вырастали из плана сводного курса по всемирной истории нового времени. Юбилей явился лишь внешним толчком для осуществления этих созревших намерений. Вполне сложившимся к этому времени был замысел работы по истории крупнейших западноевропейских государств за первую четверть XVIII в. Разработкой этой темы велась Соловьевым в русле последовательного освоения всеобщей истории, изложение которой в его опубликованных курсах было уже доведено до конца XVII в.⁶

Итак, в рамках юбилея Соловьев пытался осуществить синтез в изучении русской и западной истории нового времени, логически вытекавший из его понимания единства европейского исторического процесса с начала XVIII в.

Юбилейные работы Соловьева написаны в едином ключе и связаны общей идеей. (Их соподчиненность отмечал также младший коллега и родственник Соловьева историк Н. А. Попов, посвященный в его творческие замыслы: «Публичные чтения о Петре Великом... служили дополнением к обзору западноевропейской истории той же эпохи»⁷.)

Работы Соловьева по теме петровских преобразований представлены еще одним источником, впервые опубликованным Л. Н. Пушкаревым, в виде «дополнения» к «Публичным чтениям»⁸. Это небольшой набросок, скорее всего предшествовавший изданному в 1872 г. тексту. (Последний, по верному замечанию Л. Н. Пушкарева, был окончательным и после 1872 г. автором не пересматривался⁹). Большой интерес представляют различия между этими вариантами. До некоторой степени они проливают свет на то, как переделывался в ходе работы текст «Публичных чтений», какие поправки в окончательный вариант были внесены в результате литературного совершенствования, а также внутренней авторской цензуры.

Отдельную группу составляют архивные источники, раскрывающие роль Соловьева в создании экспозиции исторического отдела на Политехнической выставке 1872 г. Это — распоряжения Соловьева по историческому отделу (список «Сотрудники Петра Великого, которых имена должны быть в венках»)¹⁰; переписка с частными экспонентами¹¹; «Список пособий для публичных чтений С. М. Соловьева в Политехническом музее»¹²; наборная рукопись обзорного очерка Соловьева об историческом отделе. Благодаря ей удалось установить авторство статьи с описанием экспозиции отдела, опубликованной без подписи в «Московских ведомостях»¹³.

Центральное место в юбилейных работах Соловьева занимала проблема кризиса верховной власти, возникшего на крутых поворотах истории, и путей его преодоления. Такой кризис, по мнению историка, возник в России к началу царствования Петра I и был полностью преодолен к концу первой четверти XVIII в. с наиболее благоприятными результатами. Явление того же порядка, в интерпретации Соловьева не встретившее серьезной преграды во Франции, произвело Великую французскую революцию. С его точки зрения, Россия и Франция в первой половине XVIII в. развивались в диаметрально противоположных направлениях: одно государство — по восходящей линии, к внутреннему процветанию и внешнему могуществу, второе — по нисходящей, навстречу революции.

Характерно, что Соловьев обращался к предыстории французской революции, к первой половине XVIII в. Для него было важно показать причины и раскрыть закономерности вызревания ре-

волюционных процессов в обществе. В статье «Время Людовика XIV на Западе...» развивался выдвинутый еще раньше тезис о революции «как следствии застоя, болезненного состояния в народном теле»¹⁴. «Исторический» взгляд на предпосылки французской революции Соловьев приписывал Монтескье. Последний полагал, что «революция обыкновенно готовится не снизу, ибо здесь требуется твердая и разумная власть, а сверху, если здесь иссякает способность доставлять народу эту необходимость, то есть твердую и разумную власть, и происходит болезненное движение с целью восполнить эту способность»¹⁵. Таким образом, революция, в соответствии с представлениями и самого Соловьева, смогла разрастись внутри общественного организма Франции вследствие ложно и во зло употребляемой верховной власти¹⁶.

Кроме первой четверти XVIII в. в истории России и первой половины XVIII в. в истории Франции в подтексте юбилейных работ Соловьева угадывалась и другая переломная эпоха. То была эпоха буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. в России. Глухие немногочисленные ссылки на нее, понятные современникам Соловьева, скорее всего, ускользали от более поздних читателей. Своеобразным ключом к их пониманию служит текст последних глав известных воспоминаний историка «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других».

В «Публичных чтениях» он обращался к аллегорическому образу слабой толпы, уступившей, поддавшейся разнузданной чужеродной силе: «Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим допросом: откуда она и куда направлено ее стремление... которое не умеет поверять ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом»¹⁷. Смысл этой риторической фигуры проясняет характеристика общественного возбуждения в период проведения буржуазных реформ, содержащаяся в «Записках».

С глубокой озабоченностью Соловьев указывал на то, что социальное поведение личности в его время не управляется никаким осмысленным созидательным отношением к современной действительности; умами завладевают «ложные», разрушительные по своему объективному значению идеалы¹⁸. Проявлениями этой тенденции выступали у Соловьева и распространение революционно-демократической идеологии в разночинских кругах, и обострение классовых противоречий, и даже такое сугубо естественное экономическое явление, как интенсивная предпринимательская деятельность, развертывавшаяся в связи с бурным развитием капиталистических отношений. Такое восприятие ярко представляет нам точку зрения либерала. В закономерных чертах капиталистического развития он видел своеобразный сигнал бедствия для существующего общества. Угроза «потрясения общественных основ» страшила его и нацеливала на поиск средств противодействия. Таким образом, сама пореформенная действитель-

ность направляла Соловьева на выявление и осмысление ситуаций в истории, аналогичных обрисованной в «Записках». Так в его творчестве появилось новое направление — сравнительно-историческое изучение переломных эпох в истории человечества.

Кризисные моменты в истории общественно-политических систем, отделенных друг от друга географически и хронологически, смыкались в концепции историка как явления сходной типологии. Чувства и мысли, касавшиеся пореформенного периода, фиксировали те же признаки общественной неустроенности, какие Соловьев отмечал во французском обществе после правления Людовика XIV. Наряду с расшатанностью государственных институтов, падением престижа верховной власти, истощением народных сил он называл преобладание «отрицательного направления» в умственной жизни. К законодателям моды на сатиру, злоязычие во Франции Соловьев относил Вольтера, а в России второй половины XIX в. — революционеров-шестидесятников, взгляды которых объявлялись всего только «нигилизмом». Подобно тому как брожение умов во Франции приписывалось узкой реакционности французских монархов, радикализация общественного настроения в России в 60-х годах связывалась им с перегибами охранительной системы Николая I.

Однако при всей глубине отдельных наблюдений над природой революционных процессов их понимание историком в своей основе оставалось целиком идеалистичным. Возникновение и развитие этих процессов (а в более широком плане характер протекания и исход переломных эпох) подчинялось у него по существу такому субъективному фактору в истории, как склад личности человека, стоящего у власти. Так, непростительным для монархов пороком, гибельным для целого народа в ответственные периоды его истории, Соловьев считал отсутствие «таланта отыскивать и готовить людей»¹⁹⁻²⁰. Эта мысль последовательно проводилась в статье «Время Людовика XIV на Западе...». Соловьев показывал, как уже при Людовике XIV французский абсолютизм дал глубокую трещину. Король не только не сумел обратить на пользу государства блестящий талант финансиста Кольбера, но и с роковым упрямством наносил один за другим удары по его спасительной экономической системе. Ведя многочисленные войны, Людовик не создал сколько-нибудь серьезной отечественной военной школы²¹.

То же политическое банкротство потерпело, по Соловьеву, и современное ему российское самодержавие ко второй половине XIX в.: «Сильные энергией, самостоятельностью люди были уничтожены системой Николая...». Так же как и преемник Людовика XIV на троне сибарит Людовик XVI, Александр II в глазах Соловьева — незадачливый потомок Петра, замахнувшийся на непосильные для него задачи, оказавшийся не в состоянии поправить положение дел. Не случайно в «Записках» Соловьев соединял эти имена, говоря об их трагической неспособности справиться с возложенными на них историческими задачами. «Преобразования

успешно проводятся Петрами Великими. Но беда, когда за дело принимаются Людовики Шестнадцатые или Александры Вторые»²².

При слабом и безынициативном правительстве, как настойчиво внушал читателю Соловьев, течение событий принимает неуправляемый характер. В таких случаях исторические перемены совершались в обход правительства, в результате открытого революционного потрясения, подобно тому как это было во Франции в 1789 г. Этот путь для Соловьева являлся самым нежелательным. Стремясь предостеречь от такой перспективы, он списывал на ее счет все беды. Так, революционный дух во Франции, не выветрившийся, по его мнению, даже с реставрацией Бурбонов, привел... к национальной катастрофе 1870 г., к унижительному миру с Германией: «Недавно история как будто подтвердила справедливость этих слов. Наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа»²³.

По мере того как росло разочарование Соловьева в реформаторских начинаниях Александра II, усиливалась его идеализация Петра. В канун юбилейных торжеств Соловьев обращался к государственной деятельности Петра как образцу правительственной политики на поворотных пунктах истории, противопоставляя ей политику французских монархов эпохи Просвещения и русского самодержавия XIX в.

Соловьев показывал, что в отличие от своего современника Людовика XIV Петр получил наследство с явными признаками социальной неустойчивости: государство с «ослабленной верховной властью», «с рознью общественных сил», с беспокойным элементом казачьей вольницы, привнесенным в Россию, по мнению историка, вместе с воссоединением украинских и русских земель. В этих условиях усилия Петра были направлены на «возбуждение общественных сил русского народа»²⁴. «Повсюду преобразователь требовал деятельности сообща, коллегиальной формы», за что снискал звание «народного воспитателя».

Реформам Петра I Соловьев приписывал великое «воспитательное» значение для народа. Созданные Петром учреждения полностью удовлетворяли потребности в политическом самовыражении всех общественных сил и не оставляли места для нелегальной деятельности в обществе. Эти мотивы имели несомненное злостное звучание. В них содержалось определенное указание на искомый либерально-буржуазной мыслью пореформенного периода способ преодоления социально-политических противоречий. Действенность политической системы Петра I, по Соловьеву, обуславливалась двумя основополагающими принципами: коллегиальным устройством и выборным началом. Содержание их конкретизировалось в первоначальном варианте «Публичных чтений»: «Ограничение личного произвола как можно более, устройство учреждений, состоящих из многих лиц, сдерживающих друг друга, деятельность лица подчинена контролю других лиц и целого общества — вот характер учреждений Пет-

ра... Все у Петра шло дружно и обличало одну сторону. Система была проведена повсюду»²⁵. Встает вопрос: как накладывалась картина, начертанная Соловьевым в этом отрывке, на его понимание задач государственных преобразований в 60—70-х годах?

В этом плане обращает на себя внимание та особенность, что совокупность политических нововведений Петра I преподносилась Соловьевым как некий внеисторический образец, идеально подходивший как для XVIII, так и для XIX столетия. Таким образом, исторические построения Соловьева «работали» и на современность. В приведенной выдержке не случайно сделано ударение на «дружности» и «единообразии» в организации государственного управления при Петре. Концепция истории преобразований Петра I, выдвинутая Соловьевым, являлась его откликом на поставленную буржуазными и дворянско-либеральными кругами в канун реформ проблему единства государственного управления. Соловьев не только обращал внимание на основное противоречие между деятельностью центральных органов, построенной на принципах единоначалия и бюрократического централизма, и деятельностью новых органов местного управления, основанной на выборности и коллективном ведении дел. Одновременно он предлагал и готовое решение проблемы в виде исторического опыта петровских реформ.

Для Соловьева вообще было характерно резко отрицательное отношение к крайнему развитию бюрократической централизации в государственном аппарате России, обусловливавшей практику произвольного решения государственных вопросов и фактическую бесконтрольность бюрократической верхушки. Такой взгляд не был чем-то радикальным. В среде самой высшей бюрократии находились противники подобных порядков²⁶. Стремление либеральных дворянских и бюрократических кругов к реорганизации государственного аппарата на началах, способствовавших эволюции самодержавия в сторону конституционной монархии, проявилось в канун реформ 60-х годов. Эти тенденции выразились в различных формах: децентрализации министерской деятельности, с инициативой которой выступило морское ведомство²⁷; проектах, шедших в русле правительственного конституционализма²⁸; попытке создания коллегиального учреждения для руководства политикой страны (такой замысел имелся в виду при создании совета министров)²⁹. Очевидна близость пожеланий Соловьева в этом отношении с предложениями, исходившими от либерально настроенных представителей правящих кругов.

Единственно приемлемый путь решения проблемы государственного управления историк видел в проведении начал коллегиальности снизу доверху. Однако он являлся противником создания нового руководящего правительственного органа с коллегиальным устройством. В поисках соответствующего образца, по его мнению, незачем было ходить далеко — русская государственность выработала такое учреждение, плодотворность которого проверена практикой. Идея Соловьева состояла в восстановлении

первоначального значения Сената и обновлении его состава за счет разночинного элемента. Отражением этой линии в «Истории России» и «Публичных чтениях» являлась непомерная идеализация Сената. Откровеннее эта идея проводилась в лекционных курсах по истории XVIII столетия, где Соловьев критиковал правительственные меры, понизившие роль Сената, а создание в начале XIX в. Государственного совета при наличии Сената расценивал как абсолютно неоправданную меру³⁰.

Примечательна еще одна мысль, выдвигавшаяся Соловьевым в плане противодействия издержкам единоличного начала в административном аппарате. Он облакал ее в форму исторической ссылки на произведенное Петром I включение всех административных должностей в государстве в систему корпоративных органов. Этой мерой якобы уничтожалось одно из наиболее застарелых зол русской жизни — произвол воевод и губернаторов. Всевластие губернаторов будто бы подрывалось, во-первых, контролем со стороны органов местного самоуправления; во-вторых, наличием соуправляющего органа — Совета ландратов, без согласия которого губернатор ничего не мог предпринять³¹. Реальной исторической основы под собой этот пример не имел. Сам Соловьев в «Истории России» признавал, что деятельность аппарата областного управления далеко не была отлажена в первой четверти XVIII в., и постановления Петра I в этом направлении имели преимущественное значение программы, намеченной на будущее. Заведомая тенденциозность этого фрагмента побудила Соловьева отказаться от него в окончательной редакции.

Как вписывался в схему, начертанную Соловьевым в юбилейных работах, институт самодержавия? Предполагал ли обозначенный им механизм какое-либо ограничение верховной власти монарха? Думается, что либерализм Соловьева в пореформенное время не простирался далеко. Идея просвещенного абсолютизма более точно отражала его политический идеал. По сути дела, даже самые смелые пожелания историка не шли дальше признания за третьим элементом возможности заполнения новообразованных органов власти, указаний на необходимость развития начал местного самоуправления, ослабления бюрократизма и произвола в высшей сфере государственного управления. Эти пожелания в целом органично вписывались в круг умеренных буржуазных проектов государственных преобразований, имевших отправным пунктом идею неприкосновенности самодержавной власти.

Вся концепция, развернутая в юбилейных работах историка, служила обоснованию неограниченной монархии. Автор утверждал незыблемость абсолютизма как исходную посылку и итог начинаний Петра I. Всем изложением хода петровских преобразований Соловьев стремился доказать, что перестройка государственного аппарата на началах выборности и коллегиальности не только не ущемляла бы интересов самодержавия, но и представляла бы прямую выгоду для него.

Рассмотрение изменений в состоянии общества, совершавших-

ся под воздействием преобразовательной деятельности Петра I, выводило Соловьева на вопрос о содержании исторического прогресса. Линия, намеченная в этом плане как в «Публичных чтениях», так и в других сочинениях Соловьева, восходила к теории Спенсера о поступательном движении в сторону дифференциации общественных отношений, разделения властей. Подобным социологическим представлениям была противопоставлена формула исторического прогресса, выведенная Н. К. Михайловским в известной статье 1869 г. «Что такое прогресс?»³² Ядро теории народнического публициста составлял тезис об уменьшении неравномерности в социальных отношениях, о движении в направлении к всеобщей гармонии и возможности ее осуществления в каждой личности. Нетрудно понять, что различие в подходе к этим, на первый взгляд отвлеченным, историко-философским проблемам отражало принципиальные разногласия в отношении перспектив общественного развития России.

Идейно-политическая борьба первых пореформенных десятилетий по вопросу о путях исторического развития оказывала сильное воздействие на историческую науку. Историографическая ситуация этого периода характеризовалась обращением к общим философско-историческим проблемам, разработкой узловых моментов русского исторического процесса. Эти сюжеты преломлялись в юбилейной литературе в завуалированном обсуждении исторической роли самодержавия как системы единоличного управления страной. Такую подоплеку имели некоторые юбилейные выступления, заключавшие попытку переосмысления традиционных взглядов на дело Петра, выявления скрытых пружин его деятельности.

Прямолинейную зависимость между особенностями личности монарха и проводимой его правительством политикой, явно не в пользу самодержавия, утверждала статья киевского историка и педагога В. В. Андреева «Знание, мысль и слово России во времена императора Петра I. Нравственный уровень Петра»³³. До судорожности энергичную деятельность Петра автор считал исключительным следствием его обильного мясного рациона³⁴. Целый ряд поступков, наклонностей Петра анализировался в статье с точки зрения его психологического склада. Указывая на проявления самодурства, внезапные приливы трусости, в частности на неожиданное оставление войск перед Нарвским сражением, Андреев относил их на счет эпилептических припадков, которыми Петр страдал с детства³⁵.

Патерналистские мотивы блага подданных, государственного преуспевания, выплывавшиеся в политике самодержцев дворянско-буржуазной историографией, оказывались приглушенными у Н. И. Костомарова. Так, например, в устранении царевича Алексея Костомаров видел не подвиг принесения в «жертву отечеству» родного сына, а сознательное стремление Петра обеспечить право на престолонаследие за потомством Екатерины. В концепции Костомарова акцент ставился на вопросе о средствах и исторической

цене преобразований: «Петру помогло более всего самодержавие, унаследованное им от предков»³⁶. Другими словами, во внутренней политике Петра преобладали насильственные средства. Это обстоятельство, как считал историк, и решило судьбу петровских учреждений. Не выдержав проверки временем, они рассыпались как картонный домик: «Петр не мог создать живой, новой Руси».

Таким образом, даже в рамках юбилея некоторые прочно вошедшие в научный и литературный обиход истины были подвергнуты сомнению. Изображение недостатков и человеческих слабостей великого преобразователя объективно способствовало дискредитации самодержавия в глазах общественности.

Эти историографические тенденции встретили резкий отпор со стороны С. М. Соловьева. Деятельность Петра I, с его точки зрения, величайшее благо для России, личность его беспримерна в русской истории. Историк безоговорочно осуждал любые поехи на пути царя. В «Публичных чтениях» еще в более ярко выраженной форме, чем в «Истории России», обозначилось отрицательное отношение Соловьева к различным проявлениям классовой борьбы. В его трактовке фактически стиралась разница между внутренними и внешними врагами Петра. Бегство из-под государственного тягла приравнивалось к дезертирству с поля боя. Характеристика проявлений протеста в «Публичных чтениях» получала сильную эмоциональную окраску. Рассчитывая на отклик аудитории, в этом месте «Публичных чтений» Соловьев возвышал голос до патетических нот: «Все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались»³⁷.

Пафос эпохи преобразований Соловьев видел в подчинении личных интересов общегосударственным задачам. В этом вопросе он резко разошелся с революционной демократией, считавшей высшей ценностью эпохи начало раскрепощения человеческой личности и рассматривавшей это явление в плане становления революционной традиции в обществе.

В «Публичных чтениях» настойчиво проводилась мысль о поддержке народа как решающем условии успеха петровских начинаний. Однако тезис этот оставался чисто декларативным. Материал, не укладывавшийся в картину единения народа с правительством, попросту отбрасывался. Типичной фигурой петровского времени, по Соловьеву, являлся простой русский мужик, безропотно сносивший свое иго и без колебаний приносивший на «алтарь отечества» последнее достояние. Якобы осознав государственные нужды, он не только мирился с собственным закрепощением, но и не возражал даже против наложения пошлин на свою единственную «роскошь» — дубовые гробы³⁸.

Некоторой переоценке в «Публичных чтениях» подверглась и личность Петра I. Из его поступков, по существу, выхолащивались все личные мотивы. В этом отношении показательна переработка отрывка из «Истории России» о перемене платья и обычаев русских людей в петровское время. Психологическое объяс-

нение крутым мерам Петра в этом отношении, дававшееся в «Истории России», здесь отбрасывалось. Насильственная европеизация внешнего облика русского человека, совершавшаяся при Петре, представлялась одним из проявлений исторической закономерности³⁹.

Петр, изображенный Соловьевым, многолик. Это и «огненный юноша», и «работник с мозольными руками», первый принимающий на себя великий труд, и «истинный русский патриот», пошедший на выучку к иностранцам, но ни на йоту не изменивший национальным интересам. Личность Петра в концепции историка определяла собой начало, течение и исход начатого дела: «Движение началось благодаря сильной руке»⁴⁰. Благодаря той же руке русское общество не задержалось долго на периоде «отрицания, сомнения», неизбежном при переходе из «возраста чувств в возраст мысли»⁴¹.

В «Публичных чтениях» Соловьев не отказывался от трактовки полосы петровских преобразований как резкого нарушения эволюционного хода истории. Для историка — сторонника постепенного, строго упорядоченного прогресса преобразовательная деятельность Петра — «страшный переворот». Он неоднократно подчеркивал, что «во время таких переворотов рушатся самые крепкие связи»⁴². Однако термин «революция», фигурировавший в «Истории России», в «Публичных чтениях» опускался. В начале 70-х годов Соловьев стремился с особой силой подчеркнуть различие между неуправляемой стихией масс, чем ему представлялись революции на Западе, и переворотом, осуществленным «сверху», а также обосновать различие между этими путями. В направляющей умелой руке Петра он видел решающее обстоятельство, обусловившее, с его точки зрения, наиболее благоприятный исход переломной эпохи в России. Эту идею как нельзя лучше передавал образ великого человека, вставшего в бурю у штурвала корабля⁴³.

Одновременно эти новые моменты концепции петровских преобразований Соловьева вносили известную противоречивость в его общие философско-исторические взгляды. Историк, часто употреблявший слова «закономерно», «необходимо», «естественно», помимо своих субъективных намерений, приходил к культу слепого случая, во власти которого оказывались личные качества монарха и через них, согласно его представлениям, судьбы народа.

Начало 70-х годов, характеризовавшееся усилением реакции в правительственном курсе, было отмечено стеснением возможностей печатного обсуждения актуальных общественно-политических проблем. Косность правящих сфер, замедленность реакции на события международной жизни, а также желание во что бы то ни стало отстоять за собой монопольное право на выработку внешнеполитического курса проявились в стремлении самодержавия оградить себя как от критики, так и от проявлений «восторгов подданных». Такого рода демонстративным жестом

явилось возвращение правительством адреса московских славянофилов, приветствовавших начало борьбы русской дипломатии за отмену ограничительных условий Парижского мира⁴⁴.

В такой ситуации юбилейная тематика давала благодатную возможность для слегка прикрытого обсуждения этих вопросов в печати. Поэтому многие юбилейные выступления отличала обращенность в сторону злободневной тематики 70-х годов, в особенности обнажившаяся в постановке комплекса вопросов о национально-государственных целях России.

В целом благоприятное для России окончание Лондонской конференции (январь—март 1871 г.), начало складывания «союза трех императоров» и другие факторы, отражавшие некоторое улучшение международного положения России в начале 70-х годов, возбуждали вопрос о возможности поворота в правительственном внешнеполитическом курсе. Для юбилейной литературы в этом плане характерна попытка поставить на обсуждение вопрос о соотношении внутренних и внешних задач в национально-государственных интересах России. В контексте выступлений такой направленности напоминания о тех или иных принципах петровской политики были нацелены на то, чтобы выставить с самых выгодных сторон соответствующую программу действий, поднять ее в глазах правительства.

В определении наиболее желательных перспектив развития России в общем потоке литературы, так или иначе связанной с юбилеем, ясно намечались две линии. Первая отстаивала примат внутривнутриполитических задач над внешними. Эту точку зрения разделяла демократическая общественность. К ней, по-видимому, тяготела и значительная часть академической среды. Либеральная профессура не скрывала своих пожеланий: «Только тогда Россия будет истинно великой державой, когда к ее сильному материальному росту присоединится соразмерное внутреннее развитие. Вот чего желал, о чем заботился Петр»⁴⁵. Им так рисовался более нужный для России тип государственной деятельности: «прорубив окно в Европу», Петр приступил к главному делу своей жизни — «внутреннему благоустройству своей державы»⁴⁶. В подтверждение этой мысли упоминалось, в частности, о том, что объявляя войну, Петр неизменно облачался в траурные одежды, заранее скорбя о потерях и тяготах своего народа. Большую популярность приобрел так называемый отзыв Петра I о Европе: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а после мы должны к ней повернуться задом»⁴⁷.

Противоположная программа действий исходила от части консервативной и либерально-буржуазной публики, усвоившей панславистские взгляды. Парадокс заключался в том, что течение, никогда, а в особенности в конце 60-х — начале 70-х годов не пользовавшееся политическим кредитом у правительства, имело именно в этот период наибольшее количество сторонников. Успех этого течения был обусловлен глубоким, как никогда, расхождением внешнеполитических позиций правительства и обществен-

ности, особенно усилившимся в период франко-прусской войны 1870—1871 гг. Таким образом, смыкаясь на почве панславистского учения, представители высших слоев общества (панславистские настроения, как правило, не выходили за рамки этой социальной среды) как бы выражали свое несогласие с правительственным курсом.

В рамках этих взглядов показ многогранной деятельности Петра (масштабы которой нередко преувеличивались) по укреплению славянской солидарности выглядел упреком правительству в «неустойчивости нашей политики относительно славянских племен»⁴⁸. С помощью тех же исторических примеров обосновывалась и главенствующая роль России в славянском мире. Этой теме было посвящено выступление М. П. Погодина на заседании Петербургского славянского комитета, опубликованное в «Современных известиях». Зачатки первого славянского единения он относил уже ко времени заграничной поездки Петра I. Лейтмотив выступления Погодина и редакционного примечания к нему составляло противопоставление России и Польши в их отношениях к славянству: «Русь — духовный микрокосм славянства», именно в ней славянские народы добровольно связали свои судьбы, несмотря на то что во времена Петра «Польша могла предъявить соперничество в силе более высокое»⁴⁹. Правда, Погодин не обуславливал усиление поддержки славян со стороны России ростом ее военной мощи.

Наоборот, в статье «Несколько слов о воинской повинности» простодушно популяризировался принцип «славянской взаимности» как своего рода средство экономии людских и материальных ресурсов России. Автор предлагал отказаться от военной реформы (свести к минимуму численность армии, заменить ее комплектование набором вольноопределяющихся) и подать пример миротворчества другим странам. Взамен, как считал Погодин, Россия должна крепить консолидацию с угнетенными славянскими народами⁵⁰. Безусловно, этот план решения международных проблем, как и многие проекты Погодина, был утопическим. Однако для нас важна другая его сторона: стремление «провести» принцип тесного славянского сотрудничества в официальный внешнеполитический курс России.

Как соотносились с указанными внешнеполитическими концепциями взгляды Соловьева? Об этом позволяют судить его работы по Петровской эпохе, в которых Соловьев неизменно обращался к коренным вопросам истории и современной жизни России. Обобщающая характеристика внешней политики России на протяжении всей ее истории содержалась в «Публичных чтениях».

География страны, степень влияния которой на судьбы народов Соловьев всегда был склонен преувеличивать, обусловила, по его мнению, раз и навсегда заданный характер внешней политики Русского государства: «Континентальное государство, так дурно защищенное природой, вынуждено было вести актив-

ную внешнюю политику и поддерживать свои внутренние силы в состоянии постоянной боеготовности». С другой стороны, «обширность государственной области России» лишила русский народ «всякой воинственности, всякой агрессивности»⁵¹.

Способ оставаться хозяином положения при исконном миролюбии для такого государства, как Россия, Соловьев видел в постоянном поддержании боеспособности, основывающейся на внутренней крепости. Эта мысль имела злостное политическое звучание. С одной стороны, в основе ее лежало признание исходным условием и целью развития страны внутреннее ее благосостояние. С другой — применительно к конкретной исторической ситуации 60-х — начала 70-х годов она означала ориентацию на усиление военной мощи, установку на энергичную и, если потребуют обстоятельства, вооруженную защиту ближайших национальных интересов⁵².

В «Публичных чтениях» эта точка зрения получала своеобразное обоснование. Характерно, что среди поучительных уроков польской государственности Соловьев называл «войнобоязнь». «Польша была страшным примером, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью»⁵³. Война во имя благих, справедливых целей, по Соловьеву, проба сил государства, «школа народа». Именно так «на войну смотрел Петр I»⁵⁴. Невзирая на пессимистические прогнозы иностранных авторитетов, Петр начал Северную войну и выиграл ее. За его веру в народ последний отплатил ему небывалыми успехами и славой⁵⁵.

В целом сама расстановка акцентов в «Публичных чтениях» свидетельствовала о взгляде автора на коренные недостатки современного ему внешнеполитического курса России. Историк постоянно подчеркивал глубоко патриотический, национальный характер политики Петра I. Во всех своих предприятиях преобразователь руководствовался исключительно интересами своего народа. Все отрасли государственной деятельности, включая и дипломатическое поприще, Петр, согласно Соловьеву, представлял в ведение русских людей и остался верен этому принципу даже ценой первоначальных неудач и ошибок. Настойчивое напоминание об этих моментах петровской политики скрывало в себе острокритическое начало по отношению к послепетровскому самодержавию, привязанному династическими интересами к немецким владельческим домам и часто привлекавшему на русскую дипломатическую службу выходцев из-за рубежа. Шпильки в адрес прусских симпатий августейшей четы встречались и в серии статей «Время Людовика XIV на Западе...»: «Не так смотрели прежде, да и теперь не совершенно отказываются приписывать важное значение родственным связям между владельческими домами»⁵⁶.

Соловьев освещал многочисленные трудности, которые стояли перед Россией на внешнеполитическом поприще в первой чет-

верти XVIII в., показывал умелое преодоление их Петром. Систему международных отношений этого периода Соловьев характеризовал как политическое равновесие с устоявшимся соотношением сил. Попытка новой сильной державы вклиниться в данную систему с неизбежностью влекла ее нарушение. Этот момент, по Соловьеву, являлся ключевым для уяснения особенностей международного положения России. Он вскрывал враждебность большинства европейских государств к России, упорное нежелание сотрудничества с ней. С коллективным противодействием усилению России Соловьев связывал содержание польского и восточного вопросов в новое время.

Именно в петровское время, по мнению историка, сложился современный ему восточный вопрос. Превращение Турции на Востоке в главный оплот враждебных России сил и одиночная борьба с ней России — таковы его характерные черты, определившиеся с момента вступления России в европейскую жизнь. Если раньше Россию пытались заинтересовать в партнерстве по борьбе с Турцией, то теперь, когда она «обнаружила удивительную силу, удивительную деятельность... Европа с негодованием и ужасом отвернулась от этой программы и начертала для себя другую — поддерживать всеми средствами Турцию против России»⁵⁷.

Целенаправленным усилиям европейских государств приписывал Соловьев выход польского вопроса за рамки регионального и выдвижение его на передний край международной жизни с начала XVIII в.

В «Публичных чтениях» прослеживалось, как по мере усиления Русского государства европейские правительства искусственно взвинчивали эти вопросы и обращали их острие против России. Соловьев тонко подмечал, что эти два вопроса взаимодействовали друг с другом в истории и усилия недругов России были обращены на укрепление смычки между ними. Автор показал, как в наиболее ответственные моменты жизни России Польша и Турция выступали единым фронтом против нее. Какие же меры со стороны России способны были разорвать эту связь и что в этом отношении было сделано Петром?

Практические действия Петра, как считал Соловьев, заключали в себе попытку нейтрализации отрицательного влияния государственности Польши, а также известного контроля за ее внешней политикой. Однако большая часть намеченного Петром по этому аспекту внешнеполитического курса России осталась нереализованной.

Вопрос об отношениях к петровским начертаниям последующей политики России на Востоке ставился в статье Соловьева «Петр Великий на Каспийском море», вышедшей в преддверии юбилея. Относительно намеченной Петром программы действий Соловьев многозначительно замечал, что Россия выполняет ее уже «второе столетие»⁵⁸. Этот тезис в контексте статьи вмещал в себя констатацию неудовлетворительного для России положе-

ния дел на Востоке. Бездеятельности современного правительства по отношению к национально-освободительному движению славян в Османской империи Соловьев противопоставлял активную помощь Петра единоверным народам.

Официальный внешнеполитический курс России в эти годы, ознаменованные возвышением Сербии, подготовкой Балканского союза и другими проявлениями славянского Возрождения, характеризовался пассивным отношением к этим событиям. Определяющими обстоятельствами в этом со стороны России являлись неуверенность в своих силах после поражения в Крымской войне, нежелание обострять отношения с Австрией и Францией, принявшими в Зальцбурге решение о сохранении целостности Турецкой империи⁵⁹. В целом в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. голос Соловьева вливался в многочисленный хор тех, кто ратовал за пересмотр официальных установок в отношении борющихся за освобождение славянских народов.

Празднование 200-летнего юбилея Петра в Москве было ознаменовано открытием Политехнической выставки, на базе которой осенью 1872 г. был образован Политехнический музей. В ряду имен деятелей науки, способствовавших организации выставки и последующему упрочению позиций музея, стоит и имя С. М. Соловьева.

В планах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, задумавшего создание стационарного Музея прикладных знаний, Политехническая выставка должна была сыграть роль пробного шара. Комитету выставки пришлось пережить тяжелые времена, когда дело, поддерживаемое морально и материально лишь немногими энтузиастами, грозило застопориться. Сдвинуть его с мертвой точки помогла счастливая мысль, принадлежавшая историку профессору Н. А. Попову, — связать два совпадавшие во времени события — открытие выставки и петровский юбилей. Общественный интерес к предстоящему юбилею не замедлил сказаться в увеличении пожертвований в кассу Политехнической выставки, в притоке экспонатов от частных лиц. Однако речь шла не только о тактическом ходе со стороны организаторов выставки, стремившихся обеспечить ей финансовую базу и поддержку правящих кругов.

Сама логика вещей, главное назначение выставки — показать применение современных научных знаний на практике — и традиция исчисления поступательных успехов отечественной промышленности и науки с петровских времен связывали друг с другом эти мероприятия. Данная взаимосвязь усиливалась сходством двух исторических эпох в восприятии современников. Юбилейная литература изобиловала сравнениями и параллелями с современностью. В ней часто усматривалась преемственность между реформами 60—70-х годов и петровскими преобразованиями⁶⁰.

Эту преемственность символически передавал рисунок золотой медали, отчеканенной к юбилею и возложенной Александром II

на гробницу Петра I в Петропавловском соборе. На ее лицевой стороне помещалось изображение Петра I, а на обратной — надпись: «Прииди и виждь»⁶¹. Еще более подчеркнуто ту же идею выражал рисунок медали, которой награждались участники Политехнической выставки. Ее замысел принадлежал С. М. Соловьеву, а техническое исполнение — архитектору К. Ю. Шульце. Над изображениями Петра I и Александра II с лицевой стороны соответственно располагались слова: «Начал», «Продолжает». Для рисунка с обратной стороны были выбраны ботик Петра и современный пароход. Не исключено, что эти атрибуты несли дополнительную смысловую нагрузку и символизировали собой начавшееся возрождение русского флота на Черном море в связи с отменой ограничительных для России условий Парижского мира⁶².

Подключение Политехнической выставки к комплексу юбилейных мероприятий вносило существенные изменения в первоначальную ее программу. Предусматривалось создание исторического отдела, посвященного Петровской эпохе. С этой целью была образована специальная Историческая комиссия во главе с С. М. Соловьевым. В нее вошли также известные ученые: историки Н. А. Попов, М. П. Погодин, И. Д. Беляев, славист А. Л. Дювернуа, этнограф В. А. Дашков.

Исторический отдел был задуман как собрание предметов, характеризующих состояние науки и техники в эпоху Петра⁶³. Для наглядности было решено разделить его на две части, поместив в одной сырье для промышленности, добывавшееся в начале XVIII в., а в другой — готовые изделия⁶⁴. Предполагалось охватить экспонатами многие области хозяйства петровского времени: горное, морское, судостроение, производство сельскохозяйственных орудий, изготовление предметов роскоши.

Юбилей открывал зеленую улицу Исторической комиссии: ей предоставлялась редчайшая в истории музейного дела возможность отбора наиболее ценных в научном отношении предметов Петровской эпохи из всех государственных хранилищ и частных собраний с согласия владельцев. В статье Соловьева, опубликованной в «Московских ведомостях», указывалось на источники поступления экспонатов: Морской музей, Оружейная палата, Эрмитаж, Артиллерийский музей, Санкт-Петербургская публичная библиотека⁶⁵. Кроме того, в историческом павильоне впервые на всеобщее обозрение была выставлена насчитывавшая до 30 наименований коллекция портретов Петра I, доставленная из петербургских дворцов с разрешения Александра II⁶⁶.

Другим немаловажным каналом пополнения экспозиции являлась присылка различных предметов лицами, добровольно уступившими выставке на время свои семейные реликвии. Из письма одного из частных экспонентов, Н. А. Платунова, жителя города Слободского Вятской губернии, явствует, что в январе 1872 г. С. М. Соловьев обратился к населению с просьбой помочь Исторической комиссии в создании экспозиции⁶⁷. К сожалению, име-

ющийся материал не позволяет установить конкретные формы этого обращения. Можно судить только о его непосредственном результате — живом отклике людей, лично незнакомых с С. М. Соловьевым, проживавших в удаленных от Москвы местностях, но тем не менее отозвавшихся на его призыв. Несомненно, что подобной незамедлительной реакции населения на обращение С. М. Соловьева способствовал его огромный авторитет как ученого и личная энергия, проявленная в деле сбора экспонатов. Несмотря на колоссальную загруженность, он горячо принялся за дело. Содержание исторического отдела несет на себе сильный отпечаток концепции, с которой Соловьев выступил в канун юбилея. Стремление возвысить Петра над современными ему и последующими историческими деятелями уводило в сторону от первоначального замысла исторического павильона. В его экспозицию в основном вошли предметы личного пользования Петра и вещи, им собственноручно изготовленные. Экспозиция, таким образом, лишь в опосредованном виде, сквозь призму личных занятий Петра I, характеризовала уровень развития науки и техники в первой четверти XVIII в. и являлась материализованным выражением взгляда Соловьева на преобразователя как на основное действующее лицо и демиурга общественных процессов этого периода. Исторический павильон в действительности обратился в беспрецедентный в истории музейного дела мемориал Петра I. Характерно, что на выставке в обиход вошло другое его название — «новый петровский домик».

Линия общественно-политической деятельности Соловьева, вызванная юбилеем Петра I, не пресеклась с его окончанием. В связи с изменением внешних условий эта деятельность перешла в другое русло и направилась на закрепление в культурной жизни России тех положительных новаций, которые внесла Политехническая выставка. После свертывания выставки Соловьев активно включился в работу по организации Политехнического музея, и в особенности по налаживанию при нем лектория. Показательно, что он первым откликнулся на острую потребность нового учреждения в учебных пособиях. Его «Общедоступные чтения по русской истории», доведенные до Крымской кампании, были утверждены Министерством народного просвещения для народных библиотек, низших и средних учебных заведений и городских школ⁶⁸. Кроме того, на основе «Общедоступных чтений» и со специально подобранной коллекцией наглядных пособий в различных местах России и в основном для простых слушателей читались лекции по русской истории.

Чтение подобного курса в стенах Политехнического музея планировал и сам С. М. Соловьев. Он тщательно к нему готовился, что видно по материалам его личного архива. Курс, для которого историком был составлен специальный список наглядных пособий, был рассчитан на 13 лекций, охватывавших период с образования древнерусской народности до эпохи петровских преобразований включительно. Лекции должны были сопровож-

даться показом картин, изображавших славянские этнические типы, памятники русской архитектуры, образцы оружия разных времен, одежды, портретов исторических персонажей⁶⁹. Но Министерство народного просвещения, подозрительно относившееся ко всяким проявлениям общественной самодеятельности в сфере своей компетенции, а также памятуя о старых счетах с Соловьевым как защитником либерального университетского устава 1863 г., наложило молчаливый запрет на это мероприятие. Разрешения на ходатайство Комитета Политехнического музея не последовало⁷⁰.

С Политехническим музеем была тесно связана еще одна сторона деятельности историка. С октября 1872 г. в помещении музея проходили занятия высших женских курсов В. И. Герье. В течение пяти лет на посту председателя совета курсов находился С. М. Соловьев. Объединение в одном лице должностей председателя совета курсов и ректора Московского университета было одним из факторов, способствовавших утверждению курсов как высшего учебного заведения, а участие историка в преподавательском процессе, несомненно, помогало привлечению на курсы видных ученых и приливу новых слушательниц.

Широкое участие Соловьева в юбилейных мероприятиях и логическое продолжение этой деятельности на базе Политехнического музея прочно утвердило его в общественном мнении как поборника научно-технического прогресса, народного просвещения. Это общественное реноме приводило порой к самым неожиданным ситуациям. Так, в сентябре 1872 г. к нему обратился один из наиболее страстных энтузиастов развития судостроения, морского и речного судоходства в России Х. М. Вольдемар с просьбой оказать содействие в организации Общества поощрения русского мореходства. В письмах, направленных Соловьеву, подчеркивалось, что «поощрение почти всех других родов промышленности удобно и при любом другом случае; но мореплавание непременно должно быть связано с воспоминанием Великого Петра»⁷¹. При этом юбилей Петра I представлялся инициаторам организации общества единственной возможностью возбудить к нему общественный интерес и получить некоторую финансовую помощь. Не рассчитывая, однако, на крупные частные пожертвования, они возлагали надежды на пособие из денежных фондов Комитета выставки. С просьбой ходатайствовать об этом перед Комитетом и его почетным председателем великим князем Константином Николаевичем они обратились к С. М. Соловьеву. Как сообщалось в письме Вольдемара, выбор для этой миссии Соловьева был сделан единодушно. Трудно сказать, какую в действительности роль в судьбах общества сыграло ходатайство Соловьева. Тем не менее из его личных бумаг следует, что его контакты с руководством общества не ограничились данным эпизодом⁷².

Рассмотренные нами факты научно-просветительской деятельности Соловьева, имевшие место уже после мая—июня 1872 г.

и, следовательно, стоявшие за рамками юбилея, тем не менее были неразрывно с ним связаны. Они логически вытекали из установки, запечатленной в «Публичных чтениях», — почтить память преобразователя конкретными делами, согласующимися с целями и духом его деятельности⁷³.

Эпоха преобразований составляла сердцевину понимания Соловьевым русского исторического процесса. Центральное положение темы петровских преобразований как в концепции Соловьева, так и в области его научных интересов обусловило многократность обращения к ней историка в течение 60—70-х годов. В истории разработки Соловьевым этой темы, начатой с конца 50-х годов, отчетливо обозначаются два этапа, граница между которыми пролегает на стыке двух последних десятилетий его жизни. Итоги каждого из этих этапов заметно отличаются друг от друга.

Концепция петровских преобразований, созданная Соловьевым в результате самостоятельного освоения целого массива новых источников и вошедшая в «Историю России», являлась новым словом в науке. Впервые шаг за шагом восстанавливалась вся многообразная деятельность Петра I, давалось историческое обоснование совершавшихся при нем ломки патриархальных условий русской жизни, приобщения к западной культуре, выхода России на широкое международное поприще. Соловьев положительно оценивал изменения в жизни русского общества в результате реформ первой четверти XVIII в.

Лейтмотивом 13—18 томов «Истории России» являлась мысль о закономерности и естественноисторической необходимости петровских реформ. Выдвинутая Устряловым и Погодиным как антитеза славянофильской теории разрыва между древней и новой Россией, эта идея получила свое законченное научное выражение в труде Соловьева.

Полоса петровских преобразований в трактовке Соловьева была равнозначна революционному перевороту. Этот подход, в частности, закреплялся и в терминологии, восходящей к истории Великой французской революции. Так, например, на стрелецкие бунты Петр ответил «террором»⁷⁴. Радикальные правительственные меры полностью оправдывались Соловьевым их целью — скорейшим преодолением внутреннего застоя и полноправным включением России в международную жизнь.

200-летний юбилей Петра I явился известной пробой на прочность исторических построений Соловьева. Знакомство с юбилейной литературой показывает, что уже к этому времени концепция Соловьева прочно вошла в общественное сознание. Необходимо отметить, что выступления провинциальных деятелей науки на юбилейных торжествах являлись часто простой компиляцией из «Истории России», в лучшем случае с добавлением краеведческих сюжетов⁷⁵.

В юбилейных начинаниях С. М. Соловьев выступил в качестве общепризнанного, ведущего историка России. Результатом по-

вторного обращения Соловьева к теме преобразований явилось создание «Публичных чтений» и работы «Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы». Юбилейные труды Соловьева явились наиболее важным вкладом исторической науки в празднование 200-летия Петра I. Все остальные попытки систематического изложения истории преобразований, несомненно оставившие след в историографии Петровской эпохи, проходили, так сказать, по окраине юбилейных торжеств, уступая работам Соловьева как по глубине освоения темы, так и по художественному мастерству.

Возвращаясь к уже хорошо изученной теме на новом этапе своей научной деятельности, Соловьев разворачивал ее более монументально. Несравненно шире по сравнению с «Историей России» в юбилейных работах представлен исторический фон преобразований, усилена сравнительно-историческая линия. Эти особенности раскрытия темы в юбилейных сочинениях логически вытекали из их органической связи с разработкой всеобщей истории нового времени (пользуясь периодизацией Соловьева). В этом смысле «Публичные чтения» отразили активизацию в пору творческой зрелости историка поиска им общих закономерностей исторического развития, черт общности и специфики западноевропейской и русской истории.

Одновременно концепция, выдвинутая Соловьевым в 1872 г., проигрывала в своей научной значимости по сравнению с «Историей России». Основы концепции 60-х годов подверглись сильной деформации в 70-х годах. В отличие от более раннего объективистско-реалистического подхода к действиям Петра I в 1872 г. последние представлялись выражением в идеальных формах исторической целесообразности. Соответственно устранялась психологическая мотивация его поступков, сообщавшая глубину некоторым научным наблюдениям в «Истории России». (Социальная основа политики Петра I осталась Соловьевым вообще непонятой). Акты сопротивления правительственной политике в «Публичных чтениях» получали однозначную трактовку «предательства национальных интересов» в отличие от «Истории России», где подход к этим фактам был более сложным.

Тема исторического развития России и Франции в Петровскую эпоху становилась для Соловьева тем оселком, на котором оттачивался его взгляд на полосу развития России в два пореформенных десятилетия и строились прогнозы на будущее. Сравнительный анализ общественно-политических систем, далеко отстоявших друг от друга во времени и пространстве, убеждал его в определенной общности потенциальных путей их развития. И Россия в конце XVII — начале XVIII в., и Франция с конца правления Людовика XIV, и Россия после Николая I переживали общенациональный кризис с тенденцией перерастания его в открытое революционное потрясение. Главная историческая заслуга Петра I, с точки зрения Соловьева, заключалась не в предотвращении этого явления как такового (что было выше челове-

ческих возможностей), а в подчинении его правительственному контролю. Благодаря могучему петровскому вмешательству переломная эпоха завершилась с наиболее благоприятными результатами, и поступательное, прогрессивное направление внутреннего развития России не приостановилось и после его смерти. В то же время на исходе правления Людовика XIV, политического антипода Петра I, в общественном развитии Франции явно обозначилась противоположная тенденция — нарастание социально-экономических противоречий, политической борьбы.

Характерно, что в тексте «Публичных чтений» опускался термин «революция» по отношению к перемене общественного развития в первой четверти XVIII в. Однако это не означало, что Соловьев отказывался от трактовки преобразования как резкого нарушения хода истории, как это принято считать. В основе данного факта лежали другие мотивы: в 70-х годах историк с особой силой стремился подчеркнуть различие между неуправляемой стихией масс, чем ему представлялись революции на Западе, и не менее грандиозными, как ему кажется, пертурбациями, осуществляемыми под руководством правительства.

Взгляд, выраженный в юбилейных работах, по существу своему был не так уж далек от одной из центральных идей студенческой работы Соловьева «Феософический взгляд на историю России», написанной под сильным влиянием реакционного профессора С. П. Шевырева. В последней подразумевались те же исторические явления: «У французов есть пословица, что король дает только то, что народ у него отнимает... во Франции она понятна и справедлива. В России народ получает только то, что государь сам дает, ибо всегда задолго предупреждает желания народа»⁷⁶. Однако если в «Феософическом взгляде» эта мысль включалась в систему доказательств невозможности революции в России и стабильности ее политического строя, то в 70-х годах она становилась грозным предостережением российским самодержцам.

Современное состояние России внушало Соловьеву самые серьезные опасения в этом смысле. Русская действительность второй половины XIX в. не выдвинула фигуры, подобной Петру I. В лице Александра II, с точки зрения Соловьева, на историческую сцену явился не народный вождь, а заурядный, ограниченный правитель. В сравнении с ним личность Петра и его дело безмерно вырастали для историка в своем историческом значении. Развернутое изображение петровских деяний получало смысл прямого противопоставления начинаниям Александра II. В соответствии с продуманными, глубокими преобразованиями Петра I реформы Александра II оценивались историком как паллиативные, не достигающие цели. В этих условиях Соловьев выдвигал свою историческую концепцию как руководство к противодействию революционным веяниям, угрожавшим устоям современного ему общества.

Знакомство с концепцией Соловьева 70-х годов показывает,

что он отнюдь не отказывался от сопоставления петровских преобразований с эпохой французской революции 1789 г. и не заменял его на сравнение с более ровными и спокойными периодами истории (в частности, с эпохой Возрождения, как полагает Л. Н. Пушкарев⁷⁾). Напротив, эта линия получает в юбилейных сочинениях более углубленную и целенаправленную разработку. Полоса петровских реформ и предыстория Великой французской революции освещались как смежные исторические процессы, завершившиеся сходными по значимости, но противоположными по содержанию результатами.

Нет нужды говорить, насколько разноплановы в нашем сегодняшнем понимании эпоха Петра I, время подготовки Великой французской революции, пореформенные десятилетия в России, насколько неправомерно их соотнесение, проводившееся Соловьевым. Параллели, на которых строились его юбилейные работы, были непосредственно связаны с основной задачей, которую ставил перед собой автор. С позиций своего классового мировоззрения Соловьев пытался дать теоретическое разрешение проблемы общественного кризиса, вскрыть узкие места и просчеты в правительственном курсе и дать соответствующие рекомендации. В результате его историческая концепция петровских преобразований заметно формализовалась, становилась дидактичной.

¹ Рубинштейн Н. Л. С. М. Соловьев // Историк-марксист. 1940. № 3; Он же. С. М. Соловьев и русская историческая наука // Вопр. истории. 1945. № 3/4; Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева // Вестн. МГУ. Сер. 9. История. 1971. № 3; Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.

² Пушкарев Л. Н. «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева // Вопр. истории. 1980. № 6. Он же. «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли // Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.

³ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 8.

⁴ Первая часть «Курса новой истории» вышла в 1869 г. Ее составили лекции, читанные Соловьевым в младших классах Московского военного училища.

⁵ См.: Попов Н. А. Изложение лекции С. М. Соловьева по новой истории в 1879 г. // ОР ГБЛ. Ф. 285 (С. М. Соловьева). К. 6. Ед. хр. 9/8. С. 1–2.

⁶ Период с древнейших времен до эпохи Реформации воссоздавался Соловьевым в рамках «Наблюдений над исторической жизнью народов», печатавшихся с 1868 по 1876 г. в журнале «Вестник Европы», и более полной, хронологически продленной редакции «Наблюдений» — неопубликованного лекционного курса, прочитанного в 1879 г. великим князем. См.: ЦГИА. Ф. 1120 (Соловьевых). Ед. хр. 71. Период со времени Великих географических открытий по XVII в. включительно рассматривался в первой части «Курса новой истории» (М., 1869).

⁷ Попов Н. А. Указ. соч. С. 12.

⁸ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 167–168.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 5. Ед. хр. 2/1.

¹¹ Там же. Ед. хр. 1/1–22.

¹² Там же. Ед. хр. 2/10.

¹³ См.: Московские ведомости. 1872. № 145. С. 3.

- ¹⁴ Соловьев С. М. Новая русская история. Литография // ГБЛ. С. 30.
- ¹⁵ См.: Соловьев С. М. Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы // Беседа. 1872. Кн. 12. С. 67.
- ¹⁶ Интерес к этой проблематике, по-видимому, возник у Соловьева значительно раньше. Сохранившиеся материалы его занятий 40-х годов, в основном посвященные истории Франции, доносят до нас попытку историка разобраться в механизме образования критических положений, разрешившихся революцией 1789 г. и революцией 1830 г. Пристальное внимание Соловьева привлекали борьба течений общественной мысли, поведение сословий и политических группировок, политика королевской власти в канун этих событий. Полоса внутреннего развития Франции, предвращавшая революцию 1789 г., в то время рассматривалась им в свете теории историков периода Реставрации, как завершающий этап многовекового конфликта между потомками завоевателей и побежденных, и входила в его изыскания как часть большой темы исторической подготовки Великой французской революции. Иное дело в 70-х годах – рассматриваемый отрезок французской истории отрывался от реальной породившей его основы (которая вводилась в первоначальное раскрытие темы, хотя и через посредство ошибочной теории завоевания). Произошла фактическая подмена глубинных истоков революционного процесса его ближайшими предпосылками. В 70-х годах менялось эмоциональное отношение Соловьева к описываемому периоду. В 40-х годах Соловьев с неподдельным сочувствием прослеживал историю борьбы третьего сословия за свои политические права, 1789 год в его глазах являлся актом установления исторической справедливости. В 70-х годах он обращался к тем же событиям с другой точки зрения. В концепции Соловьева они служили тем отрицательным примером, исходя из которого он строил свою широкую программу рекомендаций правящим кругам.
- ¹⁷ Соловьев С. М. Публичные чтение о Петре Великом. С. 62.
- ¹⁸ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 337–338.
- ^{19–20} Беседа. 1872. Кн. 2. С. 107.
- ²¹ Там же. С. 329.
- ²² Соловьев С. М. Мои записки... С. 346.
- ²³ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 38.
- ²⁴ Там же. С. 173.
- ²⁵ Там же. С. 174.
- ²⁶ См.: Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 210, 217–218.
- ²⁷ Там же. С. 223.
- ²⁸ См.: Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.
- ²⁹ См.: Чернуха В. Т. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. М., 1978.
- ³⁰ Лекции по русской истории С. Соловьева, 1867/1868 гг. // ГБЛ. С. 264; Соловьев С. М. Лекции по русской истории XVIII в., читанные в Александровском военном училище // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 34. Л. 48–48 об.
- ³¹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 174.
- ³² См.: Отечественные зап. 1869. Кн. 2, 9, 11.
- ³³ См.: Всемирный труд. 1871. № 1.
- ³⁴ Там же. С. 6.
- ³⁵ Там же. С. 9–10.
- ³⁶ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. СПб., 1876. Вып. 6. С. 781. Необходимо также учитывать федералистские и украинфильские тенденции Костомарова, во многом определявшие его критический настрой по отношению к российскому самодержавию.
- ³⁷ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 27.
- ³⁸ Там же. С. 100.
- ³⁹ Там же. С. 71. Обоснованию «правильности» перемен в одежде русско-

го человека в «Публичных чтениях» отводится несоразмерно со значением вопроса большое место. Постановка этой темы носит явный полемический характер. В связи с этим возникает вопрос о том, кому возражал Соловьев. Наиболее вероятным его оппонентом нам представляется Н. Я. Данилевский.

Критика славянофильских взглядов на эпоху Петра I проходит через все творчество Соловьева 50-х и начала 60-х годов. Впоследствии она стихает в связи с тем, что вопрос о прогрессивном историческом значении петровских преобразований перестает быть дискуссионным в научной литературе. Частичное возрождение славянофильской исторической концепции на новой идейно-политической основе являла собой точка зрения Данилевского, отразившаяся в его книге «Россия и Европа» (СПб., 1871). Данилевский различал две стороны преобразовательной деятельности Петра I: государственную деятельность, которую принимал за благо для России, и реформативную деятельность в узком смысле этого слова — насаждаемые сверху новации в быту, правах, понятиях, — которую оценивал резко отрицательно. Книга Данилевского, вызвавшая большой общественный резонанс, не могла остаться незамеченной Соловьевым. Попытка расчленения на две неравноценные части дел Петра, снижавшая в общественном мнении их историческую значимость как раз в канун юбилейной даты, не могла не вызвать ответной реакции со стороны Соловьева. Остроту восприятия им каких-либо критических оценок личности и дела преобразователя верно подметил еще В. О. Ключевский. В связи с этим он обращал внимание на скрытую поемику, пронизывавшую работу Соловьева по теме преобразований — последние представляли собой «не только итог ученого исследования, но и полемическую отповедь кому-то, защиту дела Петра от каких-то обидчиков» (*Ключевский В. О. Соч. М., 1957. Т. 4. С. 204*). Очевидно, что этот же мотив лежит и в основе развития Соловьевым несколько предвзятой идеи естественноисторической необходимости перемены в покрое платья.

⁴⁰ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 53.

⁴² Там же. С. 133.

⁴³ Там же. С. 48.

⁴⁴ См.: *Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 269.*

⁴⁵ *Грот Я. К. Петр Великий как просветитель России. СПб., 1872. С. 45.*

⁴⁶ Там же. С. 24.

⁴⁷ Русский арх. 1874. № 6. С. 1579. «Отзыв» Петра был выписан из бумаг Д. П. Трошинского И. Д. Киселевым. В свою очередь, он был найден Блудовым в записках Остермана.

⁴⁸ *Владимиров В. Восточный вопрос и Россия // Беседа. 1872. Кн. 2. С. 276.*

⁴⁹ *Современные известия. 1872. № 57. С. 2.*

⁵⁰ *Беседа. 1872. Кн. 11. С. 390.*

⁵¹ *Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 77.*

⁵² Характерно, что одну из своих юбилейных работ Соловьев поместил в журнале «Беседа», тяготевшем к панславистским кругам. Выбор Соловьева невольно обращает на себя внимание, если учесть, что перед ним были распахнуты двери редакций других, более нейтральных периодических изданий. Очевидно, что некоторые программные установки этого органа, ратовавшего за «единство и силу нашего государства», активный внешнеполитический курс России (см. программную статью Юрьева: В чем наша задача? — *Беседа. 1871. Кн. 1*), были созвучны настроениям Соловьева в этот период.

⁵³ *Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 83.*

⁵⁴ Там же. С. 79.

⁵⁵ Там же. С. 51.

⁵⁶ См.: *Беседа. 1872. Кн. 3. С. 14.*

⁵⁷ *Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 79.*

- ⁵⁸ Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море // Вестн. Европы. 1868. № 3. С. 163.
- ⁵⁹ См.: Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1979. С. 167.
- ⁶⁰ См., напр.: Дело. 1872. № 7. С. 44, 315; Вест. Европы. 1872. № 6. С. 793.
- ⁶¹ Московские ведомости. 1872. № 136. С. 4.
- ⁶² Думается, что здесь нет большого противоречия с тем, что думал и писал Соловьев в отношении Александра II. Оставаясь при своем мнении о характере и историческом значении его реформаторской деятельности, он просто отдавал дань общему настрою, в котором преобладало желание связать обе эпохи, поставить на обсуждение в рамках юбилея некоторые из жгучих вопросов современности.
- ⁶³ Протоколы заседаний Комитета по устройству Политехнической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1870. Вып. 1. С. 39.
- ⁶⁴ Там же. С. 42.
- ⁶⁵ Московские ведомости. 1872. № 145. С. 3.
- ⁶⁶ О содержании этой коллекции см.: Васильчиков А. А. Описание портретов императора Петра Великого. М. 1872.
- ⁶⁷ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 5. Ед. хр. 1. Док. 5. Л. 12.
- ⁶⁸ См.: Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1875. Т. 17. С. 12.
- ⁶⁹ ОР ГБЛ. Ф. 285. К. 5. Ед. хр. 2. Док. 10.
- ⁷⁰ Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 17. С. 12.
- ⁷¹ О Политехнической выставке в Москве и связанных с ней вопросах, 1872—1875 гг. // ЦГИА. Ф. 1120. Ед. хр. 15. Л. 5 об.
- ⁷² В личном архиве Соловьева (ЦГИА. Ф. 1120. Ед. хр. 15) сохранился билет общества, выписанный на имя историка. Имеется еще одно письмо от общего собрания общества, содержащее приглашение на торжественный обед в честь начальника шведской полярной экспедиции Норденшильда и его спутников, только что открывших морской путь по Ледовитому океану. В письме также выражалась просьба к Соловьеву выступить с приветственной речью по этому случаю.— Там же. Л. 18—18 об.
- ⁷³ См.: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 146.
- ⁷⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 568.
- ⁷⁵ Так, совершенно в духе Соловьева был выдержан рассказ о преобразованиях в выступлениях профессоров Одесского университета М. Смирнова и М. Григоровича и оратора из Астрахани Н. Леонтьева. См.: Празднование двухсотлетнего юбилея Петра Великого в императорском Новороссийском университете 31 мая 1872 г. Одесса, 1872; О значении Петра Великого для России вообще и в частности для Астраханского края: Речь Н. Леонтьева. Астрахань, 1874.
- ⁷⁶ ЦГИА. Ф. 1120. Д. 73. Л. 21.
- ⁷⁷ См.: Вопр. истории. 1980. № 6. С. 51.

«ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ»

Н. И. КАРЕЕВА: ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

В. П. Золотарев

Семитомный труд Н. И. Кареева «История Западной Европы в новое время», вышедший в свет с 1892 по 1917 г., пользовался большой популярностью среди прогрессивной общественности России. На этой «большой истории» (так тогда называли этот

труд Н. И. Кареева) воспитывалось не одно поколение российских ученых новой истории стран Запада.

В. И. Ленин не только читал, но и конспектировал одну из глав IV тома «Истории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева¹.

О семитомнике Н. И. Кареева имеется литература главным образом в виде рецензий, которые публиковались вслед за появлявшимися в печати томами². Этот уникальный труд Н. И. Кареева упоминается и в некоторых историографических работах³ и даже произведениях художественной литературы⁴. Однако пикто специально не исследовал вопросы, связанные с возникновением у Н. И. Кареева замысла «Истории Западной Европы в новое время» и его воплощением русским историком. Этим двум сюжетам и посвящается статья. Всесторонняя оценка «Истории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева в нашу задачу не входит: для этого требуется не одна статья, а специальное и обширное исследование.

Возникновение первоначального замысла труда связано с именем П. Л. Лаврова, с которым Н. И. Кареев познакомился в Париже во время работы (1877—1878 гг.) над своей магистерской диссертацией «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (М., 1879). От возникновения замысла до составления конкретного плана его реализации прошло несколько лет.

Осенью 1880 г. в Париже Н. И. Кареев познакомил П. Л. Лаврова с одесским профессором А. С. Трачевским. Втроем они, по словам Н. И. Кареева, «обсуждали план коллективной «Всемирной истории». Предполагалось, что душою дела будет П. Л., а редакция будет коллективная»⁵. Сохранился ли этот план? Если да, то где его искать? Кто его составил (ведь в Париже в сентябре 1880 г. его уже обсуждали П. Л. Лавров, Н. И. Кареев и А. С. Трачевский, значит, он был составлен кем-то задолго до обсуждения)? Чтобы ответить на эти вопросы, потребовались длительные поиски в различных архивах нашей страны. Наконец, мне удалось обнаружить его в письме Н. И. Кареева к М. С. Корелину (московскому профессору)⁶. 25 сентября 1880 г. Кареев писал Корелину: «В Париже с Трачевским мы⁷ составили проект издания всеобщей истории для взрослых читателей в объеме 240 печатных листов, разделив целые тома, отделы, части отделов между многими лицами»⁸. Далее Н. И. Кареев сообщил М. С. Корелину достаточно подробный план издания «Всемирной истории». Вот он. Привожу его полностью.

«Всемирная история (объем 240 листов)

1. Доистор. быт — 10 листов.
2. Восток — 20
3. Античный мир — 20
4. Римская империя и христианство — 20
5. Западная Европа в средние века — 20

6. Мусульманский мир — 5
7. Византия — 5
8. Славяне — 10
9. Возрождение и реформация — 10.
10. Новая история (XVII и XVIII в.) — 20
11. История новой науки — 20
12. Эпоха французской революции — 40
13. XIX в. — 40»⁹.

Этот любопытный документ, автором которого являлся 30-летний профессор Варшавского университета Н. И. Кареев, на наш взгляд, примечателен во многих отношениях.

Во-первых, он свидетельствует, что действительно было задумано создать нечто необычное не только для русской исторической мысли того времени, но и — смею утверждать — для европейской исторической науки¹⁰ — в самом деле «Всемирную историю», т. е. историю всех народов от первобытного общества до современности.

Во-вторых, половина предполагаемого объема «Всемирной истории» отводилась новой и новейшей истории (120 листов из 240).

В-третьих, вместе с тем в этом плане предполагаемого издания не умалялись и более ранние периоды всемирной истории, что подтверждает научный подход инициаторов издания ко всемирно-историческому процессу.

В-четвертых, Н. И. Кареев как крупный специалист по эпохе Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. и как один из главных авторов проекта плана «Всемирной истории» отводил большое место (40 листов) освещению этого выдающегося события в истории Европы. Вне всякого сомнения, П. Л. Лавров поддержал эти намерения молодого Н. И. Кареева. Важно отметить, что том, посвященный эпохе французской революции, поручалось подготовить не кому иному, как Н. И. Карееву¹¹. Место, которое отводилось этой эпохе, а также автор, который собирался писать о ней, свидетельствуют о том, какое выдающееся значение придавали инициаторы издания революциям в общественной жизни народов.

В-пятых, не без влияния П. Л. Лаврова, который являлся одним из крупнейших ученых по «истории мысли», 20 листов отводилось освещению «Истории новой науки», т. е. не только истории развития естественных, но и общественных наук.

В-шестых, сравнение самого общего плана «Всемирной истории», который Н. И. Кареев сообщил М. С. Корелину в своем письме от 25 сентября 1880 г., с планом книги П. Л. Лаврова «Опыт рационального построения всеобщей истории» (книгу Лавров не написал, а план ее сохранился¹²) убеждает в том, что «ветеран революционной теории»¹³ оказал сильное влияние на Н. И. Кареева.

Приводим этот любопытнейший документ.

«Опыт рационального построения всеобщей истории.

Предисловие.

Часть I. Доисторическое человечество.

Часть II. Первая историческая формация.

Часть III. Греция.

Часть IV. Рим.

Часть V. Империя (48 до Р. Х. — 550 по Р. Х.).

Часть VI. Католицизм и арабы (550—1200).

Часть VII. Пробуждение Европы (1200—1450).

Часть VIII. Возрождение и реформация (1450—1590).

Часть IX. Начало нового времени (1590—1715).

Часть X. Борьба начал (1715—1802).

Часть XI. XIX-ое столетие»¹⁴.

Многие позиции в приведенных планах дословно совпадают. Поскольку П. Л. Лавров, по словам Н. И. Кареева, являлся «душою дела», то Петр Лаврович очень серьезно отнесся к разработке плана всемирной истории. В личном фонде П. Л. Лаврова в ЦГАОР СССР сохранился подробно составленный им план издания «Опыт рационального построения всеобщей истории», в котором каждая из вышеприведенных частей (I—XI) расшифрована. Этот план занимает много рукописных страниц¹⁵.

Н. И. Карееву, по-видимому, был поручен подбор авторов «Всемирной истории». Лавров должен был написать большую главу о «доисторическом быте»¹⁶. Решено было пригласить в авторы следующих ученых: В. Г. Васильевского (Византия), В. С. Миллера (Восток), И. В. Лучицкого (Возрождение и реформация), П. Г. Виноградова (Западная Европа в средние века), С. Ф. Фортунатова (Англия и Америка с XVII в.). О России предполагали пригласить писать В. О. Ключевского. «Сам я,— писал Кареев,— начну с № 12 (хронологические рамки 1750—1810)»¹⁷. Характерно, что такой консервативный историк, как профессор Московского университета В. И. Герье, с которым у Н. И. Кареева на его магистерском диспуте произошла размова, не был приглашен в авторы «Всемирной истории». Сообщая об этом М. С. Корелину (ученику В. И. Герье), который, разумеется, знал о том, что между В. И. Герье и Кареевым «пробежала черная кошка», он дипломатично писал: «...что ни я, ни Трачевский по личным своим отношениям не можем к нему обратиться с предложением сотрудничества»¹⁸. Но дело, конечно, было не столько в «личных отношениях», сколько в образе мышления В. И. Герье.

Не прошло и двух недель, а Н. И. Кареев из Варшавы торопит М. С. Корелина: «Спросите... у Виноградова, получил ли он мое письмо, в котором я сообщаю о затеянном мною и Трачевским предприятии (Вам я уже о нем писал) и приглашаю его принять в нем участие. Пока положительный ответ дал один только Лу-

чицкий... Дело не терпит отлагательств»¹⁹ (письмо Кареева к М. С. Корелину от 9 октября 1880 г.).

Дела как будто бы продвигались вперед. 31 января 1882 г. Кареев писал из Варшавы все тому же М. С. Корелину: «Трачевский заключил предварительные условия с Риккером и берет на себя главное руководство в издании»²⁰. Сообщено было об этом П. Л. Лаврову в Париж. Лавров смотрел на дело издания «Всемирной истории» в России с оптимизмом. Однако столь твердой уверенности в благополучном начале и завершении затейного дела у Н. И. Кареева уже не было. Это видно из письма Лаврова к Карееву. Он сообщал в нем: «В письме, переданном мне Вашими знакомыми, меня невольно удивил Ваш пессимистический взгляд на дело издания Вс[емирной] И[стории]. Если верить А. С. Т.²¹, то он в Петербурге встретил и чрезвычайное сочувствие и нашел издателя²², только на год надо отложить начало дела. Он говорит, что Вам писал немедленно по возвращении из Петербурга, и собирался еще писать. И толстый мотылек²³, и хохол-археолог²⁴ приняли все заявления его всерьез и при разъезде смотрели на дело, как на имеющее прочное основание. Только,—добавлял П. Л. Лавров,—к моему немалому удивлению, все они не выказали ни слова оппозиции, чтобы видимым руководителем и представителем дела был он же, А. С. Т. Конечно,—заклучал Лавров,—моя тут сторона, так как имени моего не будет. Все дело предполагается между 1882 и 1885 годами»²⁵. «Немалое удивление» по поводу единоличного руководства А. С. Трачевского задуманным делом по подготовке и изданию «Всемирной истории» в России, которое выразил П. Л. Лавров в этом письме в связи с согласием М. М. Ковалевского и Ф. К. Волкова, отчасти разъяснил Н. И. Кареев много лет спустя (в 1921 г.) после описываемых событий. «Предполагалось,—писал Кареев в примечании к этому письму Лаврова,—что душою дела будет П. Л., а редакция будет коллективная, по избранию сотрудников, причем намечались как возможные кандидаты И. В. Лучицкий, бывший большим приятелем П. Л., затем Трачевский и я, но в разговоре со мною П. Л. говорил, что он был против единоличной редакции Т.»²⁶ (т. е. А. С. Трачевского.—В. З.). Сделали так, как и предлагал П. Л. Лавров,—начало дела было на год отложено, хотя подготовка его велась полным ходом. П. Л. Лавров разрабатывал подробный план многотомной истории²⁷, Н. И. Кареев размышлял над подобными же проблемами и усиленно писал свои историко-философские введения к читавшимся им в Варшавском университете курсам всеобщей истории²⁸, пересылал эти введения Лаврову в Париж²⁹ и т. д.

В начале 80-х годов XIX в. Н. И. Кареев почти каждую осень бывал в Париже, виделся с П. Л. Лавровым, обсуждал с ним историко-философские проблемы, связанные с подготовкой курсов всеобщей истории, а также и «Всемирной истории». Во время одного из обсуждений плана «Всемирной истории» в Париже у Лаврова не было Н. И. Кареева. Лавров очень сожалел об этом,

поскольку ему не хотелось доверять подготовку издания одному А. С. Трачевскому. «Очень жаль,— писал Лавров Карееву,— что Вас не было здесь эту осень... Жду с нетерпением лета — когда опять будет надежда потолковать с Вами»³⁰.

Проанализированная нами переписка П. Л. Лаврова и Н. И. Кареева и другие материалы по поводу подготовки и издания «Всемирной истории» показывают, что действительно «душою дела» был Лавров, который считал, что наиболее подготовленным для ведения практической работы в России является Н. И. Кареев, хотя редакция должна была быть коллективной. Кареев по всем вопросам подготовки и издания «Всемирной истории» твердо держал сторону П. Л. Лаврова. И когда А. С. Трачевский, заключив предварительные условия с К. Л. Риккером, взял на себя главное руководство в издании, то Н. И. Кареев твердо поставил свои (читай и Лаврова) условия: «1) план издания выработывается всеми сотрудниками, 2) подрядчика быть не должно, а редакция коллективная выбирается сотрудниками»³¹. Оптимизма у Н. И. Кареева в начале 1882 г. уже сильно побавилось: «Не знаю, что из этого выйдет», — сообщает он Корелину³². Много лет спустя, в 1921 г., Н. И. Кареев, комментируя публикуемые им 4 письма П. Л. Лаврова к нему, относящиеся к 1879—1880 гг., отмечал, имея в виду подготовку «Всемирной истории»: «Из этого предприятия, к сожалению, ничего не вышло»³³. Как, впрочем, не вышло создание «Всемирной истории» и у Н. Г. Чернышевского, дважды (1862 и 1888 гг.) пытавшегося осуществить свои замыслы³⁴.

Сравнение задумок, с одной стороны, Н. Г. Чернышевского и, с другой — П. Л. Лаврова и Н. И. Кареева о подготовке и издании многотомных всемирных историй, свидетельствует о том, что задачи, стоявшие перед отечественной наукой истории, понимались всеми ими одинаково. Морально Лавров и Кареев как бы обязывались исполнить то, что обстоятельства не позволили сделать Н. Г. Чернышевскому.

Почему же П. Л. Лавров и Н. И. Кареев не смогли осуществить подготовленный ими план издания «Всемирной истории»? На мой взгляд, причин этому несколько.

Во-первых, и Лавров и Кареев были против того, чтобы все дело подготовки и издания вел А. С. Трачевский, который без всяких на то решений взял его в свои руки. Оба они беспокоились прежде всего о том, что Трачевский придаст такому важному изданию другое идейно-методологическое направление, чем планировали они.

Во-вторых, определенным тормозом явился сам состав предполагаемых авторов издания: вместе с такими историками, как П. Л. Лавров, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. К. Михайловский (все они считались в эти годы людьми левых убеждений), в составе редакции должны были работать умеренные — П. Г. Виноградов, С. Ф. Фортунатов, Вс. Ф. Миллер — и даже представитель консервативных политических взглядов — В. Г. Ва-

сильевский. У людей с такими разными политическими взглядами не могло быть единого понимания событий всемирной истории.

В-третьих, П. Л. Лавров находился в Париже, ему приходилось оказывать влияние на ход дела через Н. И. Кареева и других, причем всячески скрывать свое участие в нем, поскольку царское правительство люто ненавидело его. О одного известия о его участии в предполагаемом издании было более чем достаточно для властей, чтобы приостановить предприятие. Даже знакомство русских людей, выезжавших в Париж, с П. Л. Лавровым, где он в это время жил, было небезопасным для них. Н. И. Кареев вспоминал об этом времени: «Когда в начале осени (1880 г.— В. З.) я возвратился из Парижа в Варшаву, добрые люди меня предупредили, что о моем пребывании в Париже наводили справку жандармы у ректора университета и даже показывали ему какую-то фотографию, но получили в ответ, что это не я»³⁵. К тому же П. Л. Лавров весной 1882 г. получил приглашение стать одним из редакторов «Вестника Народной Воли»³⁶, что, конечно, отвлекло его от подготовки «Всемирной истории»³⁷. Что же касается Н. И. Кареева, то он был полностью занят в это время подготовкой докторской диссертации «Основные вопросы философии истории». В письме 6 марта 1882 г. из Варшавы он сообщал М. С. Корелину в Москву: «...работать и здорово работать: занимаюсь философией истории, много читаю и много пишу»³⁸. Из Парижа 8 октября 1882 г. все тому же М. С. Корелину: «А я так поглощен своей работой, что мало слежу за здешней жизнью и редко с кем выдаюсь»³⁹. 16 ноября 1882 г. из Парижа — опять же Корелину — с чувством гордости: «Национальной библиотекой я воспользовался сколько было нужно и подвинул вперед свою диссертацию, а потому с легким сердцем могу покинуть Париж»⁴⁰. 26 декабря того же года из Берлина Корелину: «Четверть всей книги у меня теперь почти готова к печати, другая четверть может быть приведена в порядок еще в Берлине, а если в Варшаве удастся много работать, то к середине марта (1883 г.) будет готово все»⁴¹. Однако до марта не удалось выполнить задуманный план. Лишь 27 мая 1883 г. Кареев с удовлетворением сообщал все тому же адресату: «Окончил писание диссертации и даже успел раз ее прочесть, переправить, переладить. Заглавие ее вот какое: „Основные вопросы философии истории (Критика историко-философских идей и опыт научной теории исторического процесса)“». И далее: «В общем я доволен работой»⁴². Столь упорная работа Н. И. Кареева над докторской диссертацией не давала ему возможности заниматься более или менее планомерно и подготовкой коллективной «Всемирной истории».

Кареев не хотел работать в Варшавском университете, он стремился в Москву или С.-Петербург. Уже после переезда в Петербург он в январе 1885 г. писал М. С. Корелину: «...я не в Варшаве более, откуда стремился чуть не со дня приезда

туда»⁴³. Кареев прекрасно понимал, что из Варшавы он может уехать в один из столичных университетов, только будучи доктором наук. Поэтому он и сосредоточил все свои усилия на подготовке докторской диссертации, отложив работу над «Всемирной историей», до лучших времен. Однако эти лучшие времена, скажем, забегая вперед, для Н. И. Кареева так и не наступили. 80-е годы XIX в. В. И. Ленин, как известно, называл «плохими» годами⁴⁴.

Реакция наступала по всем направлениям, «в стране установилась свирепая политическая реакция»⁴⁵, где уж тут было браться за издание «Всемирной истории»? К тому же весьма непросто складывались у Н. И. Кареева отношения с коллегами на новом месте работы — на кафедре всеобщей истории С.-Петербургского университета. Дело было отложено на весьма неопределенный срок.

И все же Н. И. Кареев свою часть предполагаемой работы отчасти выполнил. К началу 90-х годов он накопил большой конкретно-исторический материал по новой истории стран Запада и воплотил его в курсах всеобщей истории, которые ему пришлось читать студентам различных учебных заведений страны — Московского, Варшавского и С.-Петербургского университетов, слушательницам Высших женских курсов, воспитанникам университетских классов Александровского лицея. Это дало ему возможность приступить к его публикации. Так родилась многотомная «История Западной Европы в новое время». Толчком к изданию труда послужило специальное решение Совета Александровского лицея, «обязавшее профессоров, — как отмечал Н. И. Кареев, — заменить литографированные записки печатными книгами»⁴⁶. Тут же созрел план пятитомника. О нем Н. И. Кареев писал 28 апреля 1892 г. М. С. Корелину: «Сегодня окончил писать введение⁴⁷ (около 25 листов) и уже отдал в набор. Курс будет в три тома: I — XIV—XV вв.; кроме введения, II — 1517—1785⁴⁸ и III — 1785—1799 (или 1815), за чем... последует IV (1799—1852) и V (1852—18..?), каждый в 25 листов»⁴⁹. В действительности получился труд в 7 томов (9 книг), охвативший историю стран Западной Европы, начиная с XIV в. и кончая первой мировой войной.

Этот труд Кареев начал издавать в 1892 г. (в этот год вышел первый том) и закончил в 1917 г. (перед Февральской революцией в России вышел VII том).

Сравним план «Всемирной истории» П. Л. Лаврова, Н. И. Кареева, А. С. Трачевского, составленный в сентябре 1880 г. в Париже, с тем, в какой мере его удалось много позже воплотить в жизнь одному Карееву. Прежде всего отметим, что Н. И. Кареев в своей «Истории Западной Европы в новое время» выполнил последнюю часть позиции № 5 плана «Всемирной истории» («Переход от средних веков к новому времени» — таково содержание первого тома «Истории Западной Европы»). Тома II—VII «Ис-

тории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева полностью реализовали позиции 9—13 плана «Всемирной истории». Конечно, Н. И. Кареев и не ставил перед собой задачи создания всемирной истории в таком плане, как он мыслился П. Л. Лавровым, им самим и А. С. Трачевским в 1880 г. (это было нереальным для одного человека), однако историю стран Западной Европы в новое время он написал и издал.

«Всемирная история» планировалась объемом приблизительно 240 печатных листов. «История Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева насчитывает более 5000 страниц, что составляет свыше 300 печатных листов. Хотя «большая история» Кареева охватывает время с XIV в. до середины второго десятилетия XX в., т. е. хронологически значительно уже плана «Всемирной истории», тем не менее по объему она превосходит его. Чем же примечателен этот уникальный труд Н. И. Кареева? Отметим пока три, на наш взгляд, самые главные характеристические черты многотомника Кареева. Кареев сосредоточил исторический материал вокруг фундаментальных событий истории⁵⁰. В центре первого тома — феодализм и католицизм, второго — Реформация, третьего — Просвещение и Великая французская революция, четвертого — влияние Великой революции на Европу и социальные движения первой трети XIX в., пятого — революция 1830 и 1848 гг., шестого и седьмого — экономические отношения, социальные и социалистические движения последней трети XIX и начала XX в.

Это придало многотомнику Н. И. Кареева стройность и позволило ему осуществить единство плана. Хотя Н. И. Кареев и не принимал марксистское членение истории на общественно-экономические формации, тем не менее в его «Истории Западной Европы в новое время» просматривается движение истории как смены феодализма капитализмом, перерастание последнего в империализм.

В «Истории Западной Европы в новое время», особенно в IV, V и VI томах, посвященных истории Европы XIX в., Н. И. Кареев уделил много внимания «истории экономических отношений, социальных движений и социалистических движений».

Н. И. Кареев не без гордости писал, что «в двух посвященных XIX столетию томах „Истории Западной Европы“ всему этому отведено столько места, как ни в одном подобном общем труде на каком бы то ни было языке»⁵¹.

На это сразу же обратило свой взор недремлющее око царской цензуры. V и VI тома «Истории Западной Европы» выходили в свет с большим трудом. V том был задержан цензурой в ноябре 1898 г. В письме к М. С. Корелину 20 ноября 1898 г. Н. И. Кареев писал: «Мой V том (в 888 стр.) в самый день цензурного срока подвергли задержанию, и вот уже прошло больше двух недель, а я не имею никаких сведений»⁵². В тот же день Кареев сообщил об этом и В. И. Герье, огорченно добавив: «...я нахо-

жусь в неизвестности, чем все еще кончится»⁵³. А в письме к В. П. Бузескулу 20 января 1899 г. Кареев писал о мытарствах, которые ему пришлось испытать, чтобы пятый том увидел свет. «Возни было немало,— писал Кареев,— так что пришлось съездить и в Цензурный комитет и в Главное управление по делам печати. Только 7 декабря его разрешили выпустить»⁵⁴.

По этой же причине столь же трудным путем шел к читателям и VI том «Истории Западной Европы». В своих неопубликованных воспоминаниях Н. И. Кареев, восстанавливая в памяти обстоятельства выхода из печати VI тома, писал: «Когда этот том был отпечатан, и я уже ожидал получения его первых экземпляров, как мне дали знать, что по постановлению Цензурного комитета он был задержан в типографии. Я ездил объясняться по этому поводу к читавшему его цензору, в Цензурный комитет и в Главное управление по делам печати. Цензор указывал мне на места о польской конституции... стал говорить, что в этом томе слишком подробно излагается учение социализма и коммунизма... Дело тянулось шесть недель, пока цензура не сменила гнев на милость...»⁵⁵ на том основании, что книга очень толстая да и цена ей пять рублей, т. е. большого распространения она не получит.

Однако расчет цензуры не оправдался. Толстый и дорогой по цене том не только прочли, но и самым тщательным образом изучили.

Мнение рецензентов было за некоторым исключением единодушным: отечественная историография новой истории стран Запада пополнилась выдающимся трудом. Приват-доцент Московского университета С. Ф. Фортунатов, рецензируя VI том «Истории Западной Европы в новое время», писал: «Новая книга Н. И. Кареева не имеет себе равных даже в западноевропейской исторической литературе»⁵⁶, он считал «его (Кареева.— В. З.) историю XIX столетия не только крупным вкладом в историческую литературу, но и книгой очень важной для политического развития русского общества»⁵⁷. А исключение составил рецензент, скрывшийся под псевдонимом «Р. С.», который писал: «Автор посвящает обширные исследования Интернационалу, анархизму, Парижской Коммуне, успехам социализма, а все литературное движение Европы или вовсе не затрагивается, или рассматривается лишь мельком», что Кареева «Лассали, Марксы, Бакунины... сильно занимают; о Шиллере, Гете он упоминает лишь вскользь»⁵⁸.

Сюжеты VI тома, против которых выступали вкупе царская цензура и рецензент «Исторического вестника», были как раз очень нужны и специалистам-историкам и учащейся молодежи. Библиотека Российской студенческой колонии г. Гренобля (Швейцария) обратилась к Н. И. Карееву с просьбой: «...прислать нам некоторые (мы боимся просить все) Ваши труды. Особенно хотелось бы,— писали студенты,— иметь... «Историю Западной Европы» VI т., выпуск 1, 2»⁵⁹.

Каждая глава многотомника Кареева сопровождается библиографическими указателями литературы и источников на многих европейских языках. С каждым новым изданием «большой истории» Н. И. Кареев постоянно обновлял эти, по словам одного рецензента, «драгоценнейшие библиографические указания»⁶⁰, которые «составляют ценную сторону капитального труда Н. И. Кареева»⁶¹.

Н. И. Кареев отдал созданию своей «Истории Западной Европы в новое время» 25 лет неустанного труда. Это жизненный подвиг ученого. Это хотя и частично, но выполненный завет Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова. Но труд Н. И. Кареева еще не оценен в современной советской историографии.

- ¹ См.: Конспективные заметки по книге Н. Кареева «История Западной Европы» (Т. IV. Гл. VIII) // Ленинский сборник. Т. 11. С. 49–51.
- ² Е. Д. Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. СПб., 1892–1893. Т. 1–2 // Ист. вестн. 1893. Т. 51. (№ 1–3). С. 612–616; Е. Т. Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. СПб., 1901. Т. 4 // Мир божий. 1901. № 11. С. 93–94; П. К. Рец. на кн.: История Западной Европы. СПб., 1901. Т. 4 // Ист. вестн. 1902. № 2. С. 702–703; П. А. К. Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. СПб., 1899. Т. 5 // Ист. вестн. 1900. № 1. С. 363–367; Б. П. Рец. на кн.: История Западной Европы. Т. 5 // Вестн. Европы. 1899. № 1. С. 445; *Бороздин И.* Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. СПб., 1909. Т. 6 // Вестн. Европы. 1909. № 11. С. 422–424; Р. С. Рец. на кн.: История Западной Европы. Т. 6 // Ист. вестн. 1909. № 7. С. 316–318; *Фортунагов С.* Новая книга по истории конца XIX века. (Рец. на кн.: История Западной Европы. Т. 6) // Русские ведомости. 1910. 19 марта. № 64. С. 4–5; Л. Б. Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. Т. 6 // Ист. вестн. 1911. № 1. С. 341–342; *Кудрявцев А.* Рец. на кн.: Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. Пг., 1916–1917. Т. 7 // Летопись. 1917. № 5/6. С. 367. С помощью «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова удалось расшифровать псевдонимы некоторых рецензентов – Е. Д. (С. А. Андрианов); П. К., П. А. К. (П. А. Конский); Р. С. (Р. И. Сементковский); Л. Б. (П. В. Безобразов).
- ³ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России. Л., 1929. Ч. 1. С. 163 и след.; *Вебер Б. Г.* Н. И. Кареев. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 477–481; *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 248–250.
- ⁴ *Шубин К.* Третий фронт. М., 1930. С. 202.
- ⁵ Материалы для биографии П. Л. Лаврова/Под ред. П. Витязева. Пг., 1921. Вып. 1. С. 49. Примеч. № 3.
- ⁶ ЦГИАМ. Ф. 2202 (М. С. Корелин).
- ⁷ Вполне понятно, что имя П. Л. Лаврова в этом письме не упоминается, поскольку письмо могло быть перлюстрировано. Скромность, свойственная Н. И. Карееву, не позволила ему поставить свое имя как главного автора этого проекта. Он довольствовался фразой: «...с Трачевским мы составили...».
- ⁸ ЦГИАМ. Ф. 2292. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. Л. 21 об.
- ⁹ Там же. Л. 21 об.
- ¹⁰ Отметим, что «Всеобщая история в монографиях» издавалась Онкеном в 1879–1893 гг.; «Всеобщая история» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо выходила в свет с 1893 по 1901 г. Что же касается других подобных изданий, например «Всемирная история» И. Пфлугк-Гартунга (7 томов

- Берлин, 1907—1925), «Всемирная история» под ред. В. Гётца (10 томов, Берлин, 1929—1933), знаменитая «Кембриджская история», состоящая из самостоятельных серий, посвященных древней, средневековой и новой истории в отдельности (1902—1939), то все они продукт XX в. См.: Всемирная история. М., 1951. Т. 1. С. VI. Примеч. № 1.
- 11 ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. Л. 22.
- 12 ЦГАОР СССР. Ф. 1762 (П. Л. Лавров). Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 1.
- 13 Так называл В. И. Ленин П. Л. Лаврова. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 462.
- 14 ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 1. См.: Там же. Л. 1—136.
- 15 Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49.
- 17 ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. Л. 22.
- 18 Там же. Л. 22.
- 19 ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Ед. хр. 3. Т. 2. Л. 142, 142 об. (В этом же письме Кареев писал о возможном привлечении к работе Н. К. Михайловского).
- 20 Там же. Л. 131.
- 21 А. С. Трачевский.
- 22 Речь идет о петербургском издателе. К. Д. Риккер уже издавал многотомную «Всеобщую историю литературы» под ред. В. Ф. Корша.
- 23 Так П. Л. Лавров дружески-иронически называл М. М. Ковалевского. См.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49.
- 24 Вероятно, антрополог и этнограф Ф. К. Волков, умерший в 1918 г.; он по политическим мотивам оставил Россию в 1879 г. и жил в Париже. Виделся с П. Л. Лавровым. См.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49. Примеч. Кареева к письму Лаврова.
- 25 Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49.
- 26 Там же. С. 49. Примеч. № 5.
- 27 *Лавров П. Л.* Опыт рационального начертания всеобщей истории (ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 2. Ед. хр. 67).
- 28 *Кареев Н. И.* Введение в курс истории новейшего времени. Варшава, 1881; *Он же.* Введение в курс истории древнего мира. Варшава, 1882; *Он же.* Введение в курс истории средних веков. Варшава, 1883; *Он же.* Введение в курс истории нового времени. Варшава, 1884.
- 29 Характерен отзыв П. Л. Лаврова о книжке Н. И. Кареева «Введение в курс истории новейшего времени»: «Введение я прочел, и оно мне очень понравилось...» (Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 48).
- 30 Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49—50.
- 31 См.: Письмо Н. И. Кареева к М. С. Корелину от 31 января 1882 г.—ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. Л. 131.
- 32 Там же. С. 131.
- 33 Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49. Примеч. № 3.
- 34 5 октября 1862 г. Н. Г. Чернышевский писал жене: «...у меня будет оставаться время для трудов, о которых я давно мечтал. Теперь планы этих трудов обдуманы окончательно. Я начну многотомную «Историю материальной и умственной жизни человечества», — историю, какой до сих пор не было... За этим пойдет «Критический словарь идей и фактов»... Тут будут переработаны и разобраны все мысли обо всех важных вещах, и при каждом случае будет указываться истинная точка зрения. Это будет также многотомная работа. Наконец, на основании этих двух работ я составлю «Энциклопедию знания и жизни»... Экстракт... два — три тома, написанный так, чтобы был понятен не одним ученым, как два предыдущие труда, а всей публике. Чепуха в голове людей, потому они и бедны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949, Т. 14. С. 456).
- Последовавшая затем многолетняя каторга жестоко лишила Чернышевского возможности осуществления своих замечательных научно-исторических планов, исполнение которых, несомненно, создало бы России великую честь. На склоне жизни, в 1888 г., Чернышевский задумал

- «писагь под названисм переделки Вебера совершенно свой труд о всеобщей истории», приблизительно 10 томов, который «будет переведен на немецкий, французский и английский языки и займет почетное место в каждой из литератур передовых наций» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1950. Т. 15. С. 769, 770).
- ³⁵ Материалы для биографии П. Л. Лаврова. С. 49–50.
- ³⁶ *Книжник-Ветров И. С., Окулов А. Ф.* Ветеран революционной теории // *Лавров П. Л.* Философия и социология: Избр. произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 16.
- ³⁷ В вышедшей в серии ЖЗЛ книге: *Володин А. И., Итенберг В. С.* Лавров. М., 1981 – причины неудавшегося издания Всемирной истории не указываются (С. 244–245).
- ³⁸ ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. С. 132.
- ³⁹ Там же. Л. 154.
- ⁴⁰ Там же. Л. 152.
- ⁴¹ Там же. С. 125.
- ⁴² Там же. Л. 124.
- ⁴³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 60–65. Л. 2 об.
- ⁴⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 18.
- ⁴⁵ См.: *История Коммунистической партии Советского Союза*: В 6 т. М., 1965. Т. 1. С. 92.
- ⁴⁶ *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1892. Т. 1. Предисл. С. 2.
- ⁴⁷ Имеется в виду введение к 1 тому «Истории Западной Европы в новое время», который вышел в свет осенью 1892 г.
- ⁴⁸ В письме ошибочно поставлена дата «1715 г.»
- ⁴⁹ ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.
- ⁵⁰ На это впервые в советской исторической литературе указал Б. Г. Могильницкий. См.: Указ. соч. С. 249.
- ⁵¹ *Кареев Н. И.* Западно-европейская абсолютная монархия, XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. С. VII.
- ⁵² ЦГИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Т. 2. л. III.
- ⁵³ ГБЛ. Ф. 70. Оп. 46. Ед. хр. 8. Л. 2.
- ⁵⁴ ААН СССР (ЛЮ). Ф. 825. Оп. 2. Ед. хр. 91. л. 5 об.
- ⁵⁵ ГБЛ. Ф. 119. Оп. 44. Ед. хр. 8. л. 30 об.
- ⁵⁶ См.: *Русские ведомости*. 1910. № 64. С. 4.
- ⁵⁷ Там же. С. 5. В 1917 г. историк-марксист А. Е. Кудрявцев, оценивая 7-томную «Историю Западной Европы в настоящее время» Н. И. Кареева, писал: «С появлением VII тома заканчивается труд, равного которому мы не найдем во всей западноевропейской историографии». См.: *Летопись*. 1917. № 5/6. С. 367.
- ⁵⁸ *Ист. вестн.* 1909. № 7. С. 317.
- ⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 422. Ед. хр. 13. Л. 5.
- ⁶⁰ См.: *Мир божий*. 1901. № 11. С. 93.
- ⁶¹ См.: *Ист. вестн.* 1902. № 2. С. 703.

А. П. БЕРЖЕ: МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Л. Н. Колосов

Адольф Петрович Берже (1828–1886) — известный русский археолог и историк. Являясь председателем Кавказской Археологической комиссии со времени ее организации, он внес значительный вклад в развитие отечественного кавказоведения.

Выходившее под его руководством издание «Акты Кавказской Археографической комиссии» ввело в научный оборот значительное количество документов и материалов по истории народов Кавказа XIX в.

Цель настоящей статьи — дать общий очерк жизни и научной деятельности этого ученого. Он основан не только на рассмотрении опубликованной научной продукции А. П. Верже, но и на архивных материалах, хранящихся в Институте рукописей АН Грузинской ССР им. К. С. Кекелидзе в фонде известного кавказоведа Е. Г. Вейденбаума, в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР в фонде Кавказской Археографической комиссии, в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (личном фонде А. П. Верже), в ИРЛИ (Пушкинском доме). Существенным подспорьем явился обширный, к сожалению неопубликованный, труд внучки ученого Веры Сергеевны Рубан, хранящийся в архивах Ленинграда и Тбилиси.

Адольф Петрович Верже родился 28 июля 1828 г. в Петербурге, в семье эмигрировавшего из Франции дворянина Петра Верже. Его мать была немкой, уроженкой Мекленбурга. Он воспитывался в частном пансионе, затем учился в реформатской школе, в Гатчинском сиротском институте. В 1847—1851 гг. Берже учился в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, позже преобразованном в восточное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета¹, откуда был выпущен со степенью кандидата и отличными знаниями по арабскому, персидскому, турецкому языкам, истории, географии Востока и русской истории².

В те времена востоковедение представляли выдающиеся ученые: Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, О. И. Сенковский (литературный псевдоним барон Брамбеус), М. Ф. Броссе, А. К. Казембек, В. В. Григорьев, П. С. Савельев, М. Д. Топчибашев, В. Ф. Диттель, Д. И. Чубинашвили и др. С некоторыми из них (Броссе, Дорн) Берже потом переписывался, посылал им найденные рукописи, о других вспоминал с благодарностью, как о своих учителях (Диттель).

После окончания университета он был направлен на Кавказ³ в канцелярию тогдашнего наместника князя М. С. Воронцова⁴.

В 1852 г. Берже сопровождал экспедицию А. К. Мейендорфа, материалы которой легли в основу его работы «Прикаспийский край»⁵. В 1853—1855 гг. Берже дважды побывал в Иране с дипломатическими миссиями, в задачу которых входило предотвращение сближения Ирана с Турцией в период Крымской войны⁶.

В Иране он совершенствовался в знании персидского языка, завязывал знакомства с иранскими учеными, приобретал редкие книги и рукописи, вел путевые записи, собирал материалы к сюжетам, которые могли бы представить интерес для читателя в России. В это время он опубликовал свои первые работы⁷.

Во время Крымской войны ушел в отставку М. С. Воронцов, слывший покровителем торговли, промышленности и просвещения на Кавказе⁸. Вместо него на пост наместника был назначен генерал Н. Н. Муравьев. На молодого Берже смена наместника произвела угнетающее впечатление, как можно судить по его воспоминаниям⁹.

Среди многочисленных обязанностей Берже во время правления Муравьева следует отметить поручение составить словарь, который позволил бы произносить на любом кавказском языке около полутора тысяч наиболее употребляемых русских слов. Однако реализация этого замысла не была осуществлена¹⁰. Известный лингвист П. К. Услар и сам Берже были с самого начала убеждены в его несостоятельности.

В 1855 г. по поручению Н. Н. Муравьева Берже вновь выезжал в Иран. Находясь там, он присылал в газету «Кавказ» корреспонденции, содержавшие сведения о недавних событиях в этой стране (о походе персидских войск в Хиву, восстании бабидов в Зенджане в 1850—1852 гг. и т. д.)¹¹.

Тогда же им была переведена на русский язык и опубликована работа азербайджанского ученого Джемала Джебваншира «Карабаг». Важнейшей археографической находкой Берже в это время явилась обнаруженная им библиотека Калуста Ширмазаниана, богатого армянского купца, переселившегося в 1821 г. из Персии в Россию. Библиотека к этому времени находилась в собственности его сына. Не считая 193 старинных армянских и персидских книг, частью неизвестных русским востоковедам, в этой библиотеке Берже обнаружил еще 600 фирманов персидских шахов, относившихся к разным временам¹². Собранные в Персии сведения послужили материалом для статьи «О народных праздниках, постах и знаменательных днях у мусульман шиитов вообще и у персиян в особенности», опубликованной в 1855 г. в «Кавказском календаре»¹³. Этот ежегодник был основан еще при Воронцове. Берже стал его редактором в 1856 г. Здесь он публикует цикл работ о народах Дагестана и Чечни, до сих пор не потерявший своего научного значения¹⁴. Естественно, что в эти работы, создававшиеся по свежим следам событий, подчас попадал сырой материал. Это позже признавал и сам Берже, отозвавшись критически в 1879 г. о своей работе «Чечня и чеченцы», отметив, что, как «первый опыт такого рода, данный труд не без больших недостатков»¹⁵.

В 1857 г. А. П. Верже был назначен заведующим Тифлисской публичной библиотекой. В предисловии к изданному в 1861 г. каталогу библиотеки он сформулировал свое понимание задач, стоящих перед историей как наукой.

По его мнению, «развитие каждого народа совершается по тем общим законам, по каким развивается и все человечество»¹⁶. Вместе с тем он отмечал, что «каждый народ в то же время имеет особые черты, которые отличают его от других народов, составляя собой ему одному свойственный характер». По его

мнению, эти особые черты зависят «от событий в историческом ходе развития... и географических условий». «Влияние их на внешнюю народную жизнь столько же несомненно, сколько и на развитие нравственных качеств, на развитие слова и духовного образования»¹⁷.

В 1858 г. Берже совершает поездку в Дагестан, в котором, по слухам, где-то находился знаменитый «уцмийский сундук» с древними манускриптами, принадлежавший в свое время уцмию Кайтагскому. С помощью местной администрации и особенно дагестанских ученых (содействие Берже оказал бывший учитель Шамиля по философии Вин Хитиноу Лачинилоу) сундук был найден.

В распоряжении А. Берже оказалась богатая коллекция восточных рукописей, позже отправленная в Академию наук¹⁸. В числе документов была «История трех имамов» (известная под другим названием — «Сверкание дагестанских шапек») ¹⁹. В сделанном от руки великолепном древнем списке Корана, обнаруженном в одной из хунзахских мечетей, оказалась приписка, содержащая генеалогию аварских ханов, опубликованная потом в одном из томов «Актон». Кроме того, в Темир-Хан-Шуре князь Джорджадзе подарил Берже «Летопись Дагестана»²⁰. Поездка в Дагестан оказалась необычайно плодотворной и была освещена Берже в первых номерах газеты «Кавказ» за 1862 г.²¹

Заслугой Берже стала находка автографа, а затем публикация в 1861 г. в «Кавказском календаре» и в 1866 г. в Лейпциге на немецком языке произведения известного кабардинского ученого Шоры Бекмурзина Ногмова «История адыгейского народа», которую ученый снабдил предисловием²², составленным с помощью кабардинских интеллигентов, лично знавших Ногмова. Положительные отзывы об этом первом полном издании труда Ногмова дали П. К. Услар, а позднее советские историки и филологи²³.

В тесном сотрудничестве с акад. М. Ф. Броссе, известным грузинским поэтом Рафиэлом Эристави²⁴, историком Д. Бакрадзе, местными краеведами С. Амирэджиби и Гульбани Берже разыскивал гуджари (дарственные грамоты) грузинских монастырей, тексты которых сохранились в копиях, снятых в свое время Берже для Броссе²⁵.

Многие годы в сотрудничестве с местными учеными Берже собирал образцы азербайджанской поэзии XVIII—XIX вв. и хотел издать в России сборник произведений азербайджанских поэтов. Работа началась в Иране, где им были собраны произведения и биографии Ахунд Молла Пенаха²⁶, Вакифа, Касим Бека Закира, Месиха, Кенберга, Кербелая, Абдуллы Джамии, Баба Бека, Мехти Бека и Ашик Пери (16-летней девушки-импровизатора из Маральяна).

В письме в акад. П. И. Кеппену 18 января 1860 г. Берже дополнил этот список именами Моллы Вали Видади (современник Ираклия II), Салика, Арифа Насира, Абдур-Рахман Шапра, Небати (современник Мамед Шаха, известного еще под именем

Меджун Шаха), Аджафа и Масума. «Составилась весьма объемистая рукопись, — писал Кеппену Берже, — которой ожидаю на днях последние листы»²⁷. Однако эта рукопись была опубликована лишь в 1869—1870 гг. с предисловием А. Берже на немецком языке лейпцигским издателем Ценкером²⁸. Все попытки издать этот труд в России не удавались.

Таким образом, еще до назначения на пост председателя Кавказской Археографической комиссии за плечами А. П. Берже были уже многие годы разносторонней научной деятельности, связанной с поисками, находками и публикацией уникальных памятников истории и культуры народов Кавказа.

С назначением 11 марта 1864 г. председателем Кавказской Археографической комиссии в творческой биографии Берже открывается новый период.

Получив новое назначение, А. Берже выхлопотал четырехмесячную командировку в Европу. Целью поездки было издание упомянутого сборника азербайджанской поэзии и персидско-французского словаря, предназначенного для лиц, занимающихся переводом персидских официальных бумаг. Выражением признания научных заслуг Берже было избрание его в Париже членом «Азиатского общества» («Societe Asiatique») и «Общества ориенталистов Франции» («Societe Orientale de France»), а в Лейпциге членом «Германского общества востоковедов» («Deutsche morgenlandische Gesellschaft»). Вернувшись в Тифлис, Берже начал комплектование документов для будущих публикаций Кавказской Археографической комиссии.

Образование и деятельность Кавказской Археографической комиссии были следствием и отражением процесса «специализации и дифференциации» исторической науки в России, ускорившегося в пореформенный период. Особое значение приобретает археология. Создание Комиссии способствовало обогащению материальной основы русской исторической науки и свидетельствовало «о распространении археографической работы из центра на периферию»²⁹.

К объективным условиям создания комиссии можно отнести и огромное количество документов, накопившихся в кавказских архивах³⁰.

В апреле 1864 г. был утвержден штат Кавказской Археографической комиссии в составе 11 человек (из них два внештатных сотрудника) и сумма в 5550 руб. на ее содержание³¹.

Комиссия функционировала с переменной интенсивностью вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, а при Советской власти стала отделом Центрархива Грузинской ССР, которым одно время заведовал известный кавказовед Тбилисского университета М. А. Полиевктов³².

Всего с 1866 по 1904 г. вышло в свет 12 томов «Актов», из которых шестой, так называемый «Ермоловский», был в двух частях.

При жизни А. П. Берже главную роль в работе Комиссии,

несомненно, играл он сам. Значительное место принадлежало и постоянному члену Комиссии Н. Г. Берзенову (Берзенишвили), умершему в 1874 г. Он участвовал в подготовке первых пяти томов «Актов»³³. В работе Комиссии активно участвовал видный грузинский историк Д. З. Бакрадзе, впоследствии член-корреспондент Российской Академии наук. Постоянным членом Комиссии был близкий друг А. П. Берже известный азербайджанский мыслитель, философ, писатель и общественный деятель М. Ф. Ахундов. Он участвовал в подготовке первых семи томов. В качестве временных членов Комиссии к работе привлекались начальник архива Главного управления наместничества И. М. Нырков, картограф генерал-майор И. И. Стебницкий, и, наконец, огромную работу проделали технические исполнители: 7 писцов, копировавших русские, мусульманские, грузинские и армянские документы, и корректоры Полуэктов и Давидашвили, имена которых часто упоминаются в письмах от Берже и к нему в связи с работой над «Актами»³⁴.

Общая оценка издания, начатого Берже, исследователями-кавказоведами неоднозначна. Так, А. В. Фадеев писал об «известных недочетах археографического характера, присущих Актам Кавказской Археографической комиссии, и примитивности публикаторских приемов при составлении»³⁵. О. П. Маркова называла это издание «недостаточно полным и официозным»³⁶, Х.-М. Ибрагимбейли говорит о «крайне тенденциозном характере» подбора и оценки документов, фактов и событий в «Актах»³⁷. Но есть смысл подойти к изданию в целом, взвесив все, что есть там нужного и полезного. Видимо, в силе остается оценка издания, данная в 1940 г. С. А. Никитиным. Он назвал «Акты» «самой крупной» и «важнейшей публикацией по истории Кавказа» первой половины XIX в.

С. А. Никитин справедливо отмечал, что «основной интерес составителей лежал в изображении процесса завоевания. Поэтому местные отношения находят в „Актах“ лишь побочное отражение. Национально-освободительная борьба отражена неполно»³⁸. Археографическая деятельность отвлекла Берже от самостоятельных исследований. Если не считать небольших заметок в местных изданиях³⁹, около 8 лет он ничего не публиковал.

1871 год дал новый импульс творчеству Берже. В Петербурге отмечалось 25-летие Археологического общества. Берже был приглашен на юбилей⁴⁰. Здесь произошло его знакомство с М. И. Семевским, сыгравшее значительную роль в творческой биографии кавказоведа⁴¹. Дружеские отношения с известным историком дали возможность Берже публиковать свои труды в журнале «Русская старина», который издавал Семевский. Видимо, Семевский подал идею Берже обратиться к сбору документов, связанных с А. С. Грибоедовым, и публиковал ряд его статей на эту тему в своем журнале.

Изучение жизненного пути Грибоедова А. П. Берже шло одновременно с накоплением им документов по истории Кавказа и

Ирана для издания их в «Актах». К моменту знакомства с Семеновским вышло в свет четыре тома «Актов», были собраны материалы для пятого, шестого и седьмого томов. В седьмом томе (вышедшем в 1878 г.), по словам В. Т. Пашуто, Берже опубликовал много «свежего материала и такое количество документов о Грибоедове, по которым можно было составить более полное представление о Грибоедове как дипломате»⁴². Знакомство Берже с новейшей историей Ирана способствовало более углубленному изучению дипломатической деятельности А. С. Грибоедова. Берже был одним из пионеров ее изучения⁴³.

Несомненное отношение к Грибоедову имели и очерки Берже о персидском принце Хосров-Мирзе и Фетх-Али-Шахе и его детях⁴⁴.

В. Т. Пашуто справедливо отмечал, что некоторые выводы А. П. Берже по поводу «тегеранской катастрофы» были в то время шагом назад по сравнению с уже достигнутыми исследователем П. А. Ефремовым результатами в вопросе о роли шахского правительства и английских дипломатов в организации нападения на русское посольство⁴⁵. После смерти кавказоведа в 1890 г. историк А. Мальшинский обвинял Берже в умышленном сокрытии некоторых фактов, связанных с «тегеранской катастрофой» в 1829 г. Однако сменивший позже Берже на посту председателя Кавказской Археографической комиссии Е. Г. Вейденбаум в этом именно вопросе взял своего предшественника под защиту⁴⁶.

Да, по существу, и В. Т. Пашуто в упомянутой статье выражал лишь надежду, что соответствующие дипломатические документы предстоит еще обнаружить в архивах МИД и они призваны будут подтвердить доказательства П. А. Ефремова о виновности шахского правительства и английских дипломатов в убийстве членов русской миссии⁴⁷.

Как бы там ни было, но проявлявшему осторожность Берже принадлежит важный вклад в разработку темы, которая на протяжении почти двух столетий вызывала неизменный интерес у историков⁴⁸.

Другой исторической личностью, привлечшей внимание Берже, был А. П. Ермолов. Ему посвящены два тома «Актов». В 1877 г. в «Русской старине» Берже публикует большое исследование о посольстве А. П. Ермолова в Персию в 1817 г.⁴⁹, а в 1885 г. — сообщение «А. П. Ермолов в его письмах к князю М. С. Воронцову 1816—1852 гг.»⁵⁰ Еще раньше (это была первая проба сил Берже в «Русской старине») им были опубликованы «Письма А. П. Ермолова к князю Василию Осиповичу Бибикову»⁵¹.

Творчество Берже достигло расцвета в конце 70-х годов. Он принял деятельное участие в подготовке третьего Международного конгресса ориенталистов в Петербурге в августе 1876 г.⁵² Поездка в столицу дала возможность историку вновь увидеться с Семеновским, Паткановым, Дубровиным, Броссе и многими другими. Доклад А. Берже на конгрессе «Этнографическое обозре-

ние Кавказа» был напечатан в Петербурге в 1879 г. Он содержит основные сведения о Кавказе, народах, его населявших, и в нем важен историографический обзор сочинений о Кавказе, напечатанных в России. В конце статьи прилагался особый список 54 сочинений о Кавказе на иностранных языках⁵³.

В 1878 г. Верже опубликовал в «Русской старине» работу «Присоединение Грузии к России». В отличие от вышедшей в 1867 г. сугубо описательной книги Н. Ф. Дубровина «Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России»⁵⁴ его исследование носило проблемный характер.

В рассматриваемой работе Берже доказывал, что присоединение Грузии не было реализацией завоевательных планов России. Скорее, считал он, «русское правительство предпочитало видеть у своих южных границ сильное и независимое грузинское государство»⁵⁵. Характеризуя внутреннее положение Грузии накануне присоединения, он дал яркую и резко отрицательную характеристику грузинскому царствующему дому, исключение в котором, по его мнению, составлял гуманный и благородный Георгий XII, думавший не столько о себе, сколько о спасении своей родины. Наконец, по мнению Берже, присоединение Грузии к России отвечало чаяниям грузинского народа⁵⁶.

В статье «Присоединение Грузии к России» Берже опять возвращается к проблеме роли народа в истории. Он считает народ активной силой, с которой вынуждены были считаться правящие верхи. Для Берже народ не был «калужским тестом», из которого можно было месить все что угодно, а средой, внутри которой шла вечная, неустанная внутренняя работа, направленная на улучшение своего положения.

«Руководящие лица, высшее руководящее сословие, — писал он, — составляет только поверхностный, сравнительно ничтожный, видимый слой того моря, которое называется народом». «Причины существования этого моря, очевидно, совсем не те, от которых волнуется его поверхность»⁵⁷.

В противовес «охранителям», расписывавшим на все лады великую роль всемогущих российских монархов и их верных слуг, Берже пишет: «Как бы ни была могущественна и искусна администрация, она не в состоянии захватить в свое распоряжение всего народа, проникнуть во все отправления народной жизни, которые всегда будут совершаться по известным экономическим законам, большей частью не имеющим ничего общего с идеалами, действительностью и ошибками руководящих лиц»⁵⁸. Так, от признания всеобщей закономерности развития человеческого общества Верже приходит к признанию роли народа в историческом процессе.

Для историков либерального направления, в отличие от представителей охранительной школы, характерны поиски в области теоретического обоснования закономерности исторического процесса и большое внимание уделялось вопросам философии истории⁵⁹. Берже был близок к именно таким историкам.

Последней работой, опубликованной Берже, была статья «Выселение горцев в Турцию»⁶⁰. Изданная после марта 1881 г., она, с одной стороны, несла на себе след «поправения» Берже, но, с другой — была насыщена яркими фактами.

Для того времени сюжет статьи был актуален. Берже показал провокационную политику правящих кругов Англии, Франции, Турции, мусульманского духовенства и феодальных верхов адыгов. Так называемое движение «мухаджиров» происходило на глазах Берже⁶¹.

В работе много противоречий. Берже с трудом сводит концы с концами. С одной стороны, он пытается услужить царизму, а с другой — с присущей для него объективностью не может уйти от суровой правды. Оправдывая политику царизма, Берже в то же время не жалел красок, чтобы обрисовать мерзость, двуличие и трагические результаты действий царских генералов на Кавказе⁶², «одну из самых грустных страниц в нашей исторической летописи»⁶³.

Кроме сравнительно крупных по объему работ, Берже оставил потомству множество мелких, но достаточно заметных публикаций. Среди них отметим подборку документов, извлеченных из северокавказских архивов, о пребывании Емельяна Пугачева на Тереке⁶⁴.

На основании неизвестных тогда науке архивных документов в публикации «А. А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г.» Берже осветил одну из страниц биографии писателя-декабриста⁶⁵.

Последние четыре года жизни А. П. Берже занимался редактированием XI тома «Актон»; в печати, за исключением небольших заметок, его работы не появлялись. В январе 1886 г. он умер от кровоизлияния в мозг.

Оценивая деятельность А. П. Берже как собирателя и публикатора документов по истории народов Кавказа, можно сказать, что она являла собой пример взаимовыгодного культурного общения русских ученых с прогрессивной кавказской интеллигенцией. Деятельность таких ученых, как Берже, была составной частью плодотворного синтеза опыта, идей, традиций и достижений Запада и Востока. Усвоение древнейшей кавказской культуры способствовало, вопреки планам царизма, реализации западно-восточного культурного единства. Ученому была чужда даже слабая доля пренебрежения к самобытной культуре народов Кавказа. Берже хорошо себе представлял ее историческое значение.

¹ Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 373, 26. (Далее: Архив ЛО ИВАН); Русская старина. 1886. Т. 49. Март. С. 727, 728. (Далее: РС). См. об этом: Бартольд В. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 9. С. 85. (Далее: Бартольд, 9).

² Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. С. 27а.

³ «У нас есть свой восток — Кавказ! Пусть Берже туда и едет». Слова Николая I передал Берже С. С. Ланской, тогдашний попечитель Гатчинского сиротского института. — РС. 1886. Т. 49, март. С. 729.

⁴ Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 175.

- ⁵ Берже А. Прикаспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 275. (Далее: КК).
- ⁶ Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 241–243.
- ⁷ 5 января 1853 г. А. Берже был избран членом-сотрудником Кавказского отделения Русского географического общества (далее: КОИРГО) и для него перевел с немецкого языка на русский труд Г. В. Абиха «Геологический очерк Кавказского кряжа от Эльбруса до Бештау». Это была первая печатная работа молодого Берже. В 1854 г. вышли «Отрывки из путешествия в Персию в 1853–1854 гг.: Дополнение к статье г. Дюррле об армянах (из записок русского путешественника по Персии)», «О должностях духовного звания в Персии» // Кавказ. 1854. № 21, 76, 82, 83, 85.
- ⁸ См.: Бух К. Московское торговое предприятие в Тифлисе // РС. 1886. Т. 52. Ноябрь. С. 378–390.
- ⁹ Берже А. Н. Н. Муравьев во время его наместничества на Кавказе, 1854–1856 гг. // РС. 1873. Кн. 10.
- ¹⁰ Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22.
- ¹¹ Берже А. Письма с дороги в Персию // Кавказ. 1855. № 38, 41, 58, 62, 65, 71; 1856. № 47, 53, 60, 61. См.: История Ирана. М., 1977. С. 249–250.
- ¹² Кавказ. 1855. № 61–63, 67–69; 1856. № 29–31.
- ¹³ КК на 1856 г. Отд. IV. С. 582–608. Отд. отд. Тифлис, 1856. С. 27.
- ¹⁴ Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Отд. отд. Тифлис, 1857; Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Отд. отд. Тифлис, 1858; Материалы для описания Нагорного Дагестана. Тифлис, 1858; Чечня и чеченцы // КК на 1860 г. Тифлис, 1860.
- ¹⁵ Берже А. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 17.
- ¹⁶ Берже А. Тифлисская публичная библиотека, ее основание и настоящее устройство // Краткий каталог Тифлисской публичной библиотеки (1846–1861). Тифлис, 1861. С. 1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ В письме к академику Б. А. Дорну 20 сентября 1860 г. Берже выражал надежду, что посылаемые рукописи будут изданы от его имени. См.: Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 19.
- ¹⁹ Речь идет о «Хронике Мухаммеда Тахира Ал Кэрахи» – основном источнике о движении Шамиля, исходившем от непосредственных деятелей и участников событий внутри имамата. Копии с этого произведения были широко распространены как в самом Дагестане, так и на Восточном Кавказе. По словам А. Барабанова, Берже «взялся за перевод рукописи, но перевел только три главы, а затем, отдав рукопись кому-то другому, не получил ее обратно, и она исчезла». См.: Хроника... М.; Л., 1941. С. 7–30. Имеются и другие варианты названия этого труда: «Блеск дагестанских шашек» и т. п.
- ²⁰ Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 20.
- ²¹ Кавказ, 1862, № 1/3; По словам биографа ученого В. С. Рубан, поездка Берже продолжалась с 28 мая по 15 сентября 1860 г.
- ²² История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым // КК на 1862 г. Тифлис, 1861. Напечатана с подлинной исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями.
- ²³ Отзыв П. К. Услара см.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 4. С. 21; Г. А. Кокиев. Шора Бекмурзин Ногмов. Нальчик, 1944. С. 27; Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 10; Ногмов Ш. Б. Филологические труды/Исслед. и подгот. к печати Г. Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 8, 35; Тресков И. В. Светильник жизни: Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1966. С. 104, 108, 111; Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. С. 65–68.
- ²⁴ В 60-х годах XIX в. Р. Д. Эривастави исполнял обязанности начальника Зугдидского округа и являлся членом ряда комиссий действовавших в

- Мегрелии, Сванети, Самурзакано. См.: *Какабадзе С. С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967. С. 10–11. 377–385.
- ²⁵ В настоящее время фонд 789 акад. Мария Ивановича Броссе (Мари Фелисите Броссе), известного грузинолога и арменолога, находится в архиве АН в Ленинграде и в ф. 29 в Институте рукописей АН Грузинской ССР. В архиве Института рукописей АН Грузинской ССР (далее: Архив ИР АН ГССР) хранится множество писем А. П. Берже, адресованных М. И. Броссе, и ответы на них последнего. Судя по их содержанию, основной темой переписки были проблемы грузиноведения и арменологии. В одном из писем к М. Броссе Берже просил включить тексты присланных им легенд в «Бюллетень последнего акта». Такие бюллетени издавались Российской Академией наук (Архив ЛО ИВАН. Ф. 5. Он. 1. Д. 34. Л. 27). Письмо Берже к Броссе переведено В. С. Рубан и приводится в ее труде. Тексты сванских легенд не обнаружены.
- ²⁶ Берже не был последовательным в транскрипции. В другом случае он его называет Ахмед-мула-Пенах (См.: Письмо к академику П. И. Кеппену от 25 августа 1860 г. // Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. с. 11). Кенберг – в другом письме Кенбер. Транскрипция имен поэтов, применявшаяся Берже, в некоторых случаях отличается от современной. См.: История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 384–390; Баку, 1960. Т. 2. С. 116.
- ²⁷ Архив ЛО ИВАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.
- ²⁸ Ценкеру не удалось реализовать тираж в Европе, и он выслал его в Тифлис Берже в нескольких ящиках.
- ²⁹ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 357.
- ³⁰ Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т. 1. С. X. Только в архиве главного управления было 128 тысяч неразобранных дел и 877 переплетенных томов, не считая сотен тысяч дел в Ставрополе, Георгиевске, Моздоке и Кизляре. Остатки кизлярского архива сосредоточены теперь в г. Махачкала.
- ³¹ Там же. С. IV. ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 176. Л. 2, 3, 3 об.; Д. 560. Л. 1–5, 5 об.
- ³² ЦГИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 1. С. 10. См.: *Полиевктов М. А.* Кавказская Археографическая комиссия и ее наследие в Центрархиве ССР Грузии // Ист. вестн. Тифлис, 1925. Кн. 2.
- ³³ До назначения в Комиссию он служил в Грузино-Имеретинской синодальной канцелярии. См.: ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 32. Л. 30 об.
- ³⁴ О них см. библиографическую заметку «Кавказский старожил» о брошюре «Памяти Адольфа Петровича Берже». Тифлис, 1886; Тифлис, 1888.
- ³⁵ *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 28.
- ³⁶ *Маркова О. П.* Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951. С. 6.
- ³⁷ *Ибрагимбейли Х.-М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 35.
- ³⁸ *Никигин С. А.* Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 2. С. 29.
- ³⁹ *Берже А.* Рец. на кн.: Мельгунов. О южном берегу Каспийского моря // Кавказ. 1864. № 8; *Он же.* Казимулла // Там же. 1868. № 10; *Он же.* Отрывки из путешествия в Мингрелию // Там же. № 25; *Он же.* Несколько слов о мусульманских закавказских поэтах // Там же. № 3. См.: *Берже А.* Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874.
- ⁴⁰ Биограф М. И. Семевского, по-видимому, ошиблась, указав в качестве года знакомства кавказоведа с М. И. Семевским 1872 год, так как в 1872 г. в «Русской старине» уже появлялась первая публикация учебного. См.: *Тимощук В. С.* Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895. С. 245.
- ⁴² *Пашуго В. Т.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова // Ист. зап. 1947. Т. 24. С. 114; *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1974. С. 21–22.
- ⁴³ *Берже А. П.* Смерть А. С. Грибоедова: Исследование по подлинным неизданным документам // РС. 1872. № 8. С. 163–207; *Он же.* Деятельность А. С. Грибоедова как дипломата // РС. 1874. № 11. С. 516–534;

- № 12. С. 746–765; *Он же*. А. С. Грибоедов в Персии и на Кавказе // Кавказ. 1874. № 138–140; РС. 1879. Т. 25. С. 333–351, 401–414.
- ⁴⁴ РС. 1886. Т. 1, кн. 5.
- ⁴⁵ *Пашуто В. Т.* Указ. соч. с. 111.
- ⁴⁶ Архив ИР АН ГССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83. С. 299–230. Сомнения в добро-совестности А. Мальшинского по другому поводу в связи с А. С. Грибоедовым возникли и О. П. Марковой. См.: Ист. арх. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 324–390; см. также: *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 708.
- ⁴⁷ *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 113.
- ⁴⁸ У В. Т. Пашуто приводится обширная историография вопроса о гибели А. С. Грибоедова. В связи со 150-летием гибели писателя-дипломата Д. С. Комиссаровым опубликован интересный обзор работ иранских авторов о гибели А. С. Грибоедова с подробным списком советских работ об этом историческом событии. См.: *Вопр. истории*. 1975. № 8. С. 188–195.
- ⁴⁹ РС. 1877. Т. 19. С. 255–274, 389–427.
- ⁵⁰ РС. 1885. Т. 48. Кн. 12.
- ⁵¹ РС. 1872. Кн. 3/4.
- ⁵² См.: Труды III Международного конгресса ориенталистов. СПб., 1876. Т. 1–2. Во втором томе большинство статей на восточных языках.
- ⁵³ *Верже А. П.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 17.
- ⁵⁴ Работа Дубровина носила характер живописания, и, воссоздавая яркие картины прошлого Грузии, от решения вопросов принципиального характера историк предпочитал уходить. Сохранившаяся часть писем Н. Дубровина показывает, что он не стеснялся, как выражался в одном из писем к Берже, «общипывать» своего тифлисского коллегу. «Оставив шутки, я должен сказать, что пощипал ваши статьи очень и Вы удивитесь, когда увидите их изданными под моим именем» (Архив ИР АН ГССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1723. Л. 37 об., 38. Письмо Н. Дубровина к Берже от 2 апреля 1870 г.). В упомянутом письме Дубровин вел речь о своем основном (незаконченном) пятитомном исследовании «История войны и владычества русских на Кавказе».
- ⁵⁵ РС, 1880. Т. 28. С. 1.
- ⁵⁶ Там же. С. 372. 383 и др.
- ⁵⁷ Там же. С. 160.
- ⁵⁸ Там же. С. 363.
- ⁵⁹ *Дамугали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. Л., 1971. С. 3–4.
- ⁶⁰ РС, 1882. Т. 33, № 2. С. 363.
- ⁶¹ Из текста явствует, что во время посещения Европы в 1864 г. Берже оказался свидетелем трагических сцен, связанных с переселением черкесов.
- ⁶² РС. 1882. Т. 33, № 2. С. 338.
- ⁶³ Там же. С. 363. Для прогрессивных журналистов того времени факты, приводившиеся Берже, были ценнейшим материалом. Об этом свидетельствует статья Я. Абрамова (лит. псевд. «Федосеевец») «Кавказские горы» // Дело. 1884. № 1; 2-е изд. — Материалы для истории Черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 3), в которой уничтожающей критике была подвергнута политика царизма на Кавказе. Естественно, что Абрамов упрекнул и Берже за его комплименты по адресу царя и генерала Евдокимова, которому, по словам кавказоведа, принадлежал «гениальный план» выселения горцев.
- ⁶⁴ РС. 1882. Т. 33. С. 169.
- ⁶⁵ РС. 1880. Т. 29.

КОНЦЕПЦИЯ «ДОФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. НЕУСЫХИНА

Т. Д. Сергеева

Среди многообразного научного наследия крупнейшего советского историка-медиевиста А. И. Неусыхина (1898—1969)¹ концепция «дофеодального периода» представляет, бесспорно, особый интерес. В 1966 г., уже в конце своего творческого пути, ученый выступил на сессии, посвященной обсуждению итогов и задач изучения генезиса феодализма в Западной Европе², с докладом «Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному»³. Между тем исследование творчества Неусыхина убеждает нас в том, что концепция «дофеодального периода» отнюдь не является плодом только последних лет его научной деятельности. Напротив, данная теория, как будет показано ниже, складывалась постепенно, она является результатом его напряженных научных исканий, которые шли в русле развития советской исторической науки тех лет.

Проблема «дофеодального периода» была сформулирована в 30—40-х годах⁴, главным образом учеными, занимавшимися изучением отечественной истории периода феодализма. Тогда, как известно, состоялся целый ряд дискуссий, в ходе которых обсуждению подверглись многие принципиально важные вопросы древнерусского общественного строя в связи с применением в этой области исторического исследования марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций⁵. Характерно, что принимавшие в них участие ученые часто обращались к сравнениям и параллелям из истории варварского общества Западной Европы⁶. Появившиеся затем капитальные труды Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.» (М.; Л., 1946) и «Киевская Русь» (М., 1949) с неопровержимостью показали, что история восточных славян не знала развитого рабовладения. Автор «Киевской Руси» полагал также, что «оформление того или иного строя происходит не вдруг, что тут неизбежны более или менее длительные переходные периоды»⁷. Такой переходный период, по его мнению, имел место и в истории восточных славян в процессе перехода от первобытнообщинного строя к феодальному. При этом ученый утверждал, что «государство Рюриковичей аналогично государству Меровингов и Каролингов и по своему происхождению, и по своей структуре, и по своей дальнейшей судьбе»⁸. Б. Д. Греков, таким образом, считал, что восточные славяне и варварские народы Западной Европы пережили в своем развитии переходный этап от первобытнообщинного строя к классовому, феодальному. По его словам, «это дофеодальный период в их истории, сущность которого состоит в том, что в основе производства этих государств лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника, однако систематически за-

крепощаемого крупными землевладельцами, как выросшими из родовой знати, так и появившимися другими путями (завоевателями, осевшими на землю дружинники и др.)»⁹. Только вместе с ростом крупного землевладения и углублением процесса закрепощения свободных общинников на смену этому переходному периоду в истории восточных славян, по его мнению, приходит торжество феодальных производственных отношений. Эти интересные наблюдения не получили, однако, в творчестве самого Б. Д. Грекова необходимого развития и обоснования. В первую очередь, как нам представляется, потому, что «Русская правда» и некоторые другие славянские правды, исследуемые в работах Б. Д. Грекова¹⁰, не дают в распоряжение историка того материала, на основании которого он мог бы составить конкретное представление о «дофеодальном периоде». Ибо первые письменные памятники древнерусской истории отражают более поздние стадии развития общины и генезиса зависимого крестьянства, чем те, с которыми имеет дело исследователь западноевропейских варварских правд. Не случайно главной целью своей монографии «Крестяне на Руси с древнейших времен до XVII в.» Б. Д. Греков поставил изучение истории крестьянства как одного из классов феодального и лишь отчасти дофеодального общества¹¹.

В общесоциологическом плане вопрос о «дофеодальном периоде», а точнее, вопрос о надстроечных явлениях, характерных для общества в период разложения первобытнообщинного строя и становления феодализма, в середине 40-х годов рассматривался С. В. Юшковым¹².

Мы столь подробно остановились на характеристике научных исканий ведущих советских ученых в области изучения истории Киевской Руси в 30—40-х годах вовсе не потому, что в них можно видеть прямые истоки интересующих нас взглядов А. И. Неусыхина. Напротив, в данном случае, на наш взгляд, нельзя говорить о непосредственной преемственности идей; речь может идти лишь о взаимовлиянии, и понимаемая таким образом взаимосвязь прослеживается достаточно отчетливо.

С самого начала занятий историей эпохи, переходные по своему характеру, приковывают особое внимание А. И. Неусыхина. Думается, что он мог бы согласиться с мыслями Т. Н. Грановского, которые тот излагает в одном из черновых набросков с характерным (с точки зрения интересующей нас темы) названием «О переходных эпохах в истории человечества»¹³. «Мне казалось,— пишет Т. Н. Грановский,— что только здесь возможно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле...»¹⁴ А. И. Неусыхин, в свою очередь, писал: «Меня...— как научного работника — интересует даже не столько зарождение феодальных отношений, сколько переходный период, который может протекать (и реально протекает) как между родо-племенным и феодальным строем, так и между родо-племенным и рабовладельческим, так, наконец, и между рабовладельческим и феодальным строем»¹⁵. Специализация в

области истории раннего западноевропейского средневековья предопределила его выбор: темой своего исследования он избирает переходный период от родо-племенного строя к феодальному.

В некоторых работах конца 20-х годов, посвященных истории древнегерманского общества, Неусыхин уже склонялся к мнению, что «древнегерманское общество эпохи Цезаря и Тацита находится на переходной ступени от бесклассового к классовому обществу — со значительным приближением к последнему»¹⁶. Но только всестороннее изучение варварских правд (Салической, Саксонской, Алеманнской, Баварской, Эдикта Ротари и др.) позволило ученому создать прочный источниковедческий фундамент для задуманной им работы над исторической реконструкцией того общественного строя, который существовал у германских племен в эпоху их поселения на территории Западной Римской империи и образования варварских государств. Им был убедительно обоснован вывод о том, что варварские правды вследствие хронологической многослойности их состава содержат сведения не только об эпохе, одновременной их записи, но и о гораздо более ранних этапах развития соответствующих германских племен (франков, саксов, алеманнов, баваров, лангобардов и др.). Эта далеко не новая мысль в источниковедении варварских правд получила в работах Неусыхина глубокую историческую аргументацию. Свое намерение исследовать варварские правды с целью составить возможно более конкретное представление о последовательных этапах процесса перехода от родо-племенного строя к феодальному А. И. Неусыхин впервые отчетливо высказал в работе «Собственность и свобода в варварских правдах: Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв.» В 1946 г. эта работа была защищена им в качестве докторской диссертации¹⁷, а в конце 40-х годов историк сделал ряд докладов, посвященных проблеме «дофеодального периода». В марте 1948 г. состоялся его доклад в Институте истории АН СССР, в котором вопрос о дофеодальном общественном строе трактовался в связи с проблемой возникновения феодально-зависимого крестьянства. 26 мая того же года на кафедре истории средних веков МГУ им был сделан доклад, посвященный рассмотрению государственного аппарата в дофеодальном обществе. 24 февраля 1949 г. на той же кафедре он выступил с докладом «Военная демократия и варварское общество». В Архиве МГУ хранится подробная стенограмма последнего доклада¹⁸, ее машинописный текст содержит исправления и вставки, сделанные рукой самого ученого. Поэтому мы имеем возможность достаточно подробно охарактеризовать содержание этого доклада, что будет сделано ниже. Но прежде подчеркнем то обстоятельство, что уже в конце 40-х годов А. И. Неусыхин пытался обобщить в теоретической форме свои соображения о «дофеодальном периоде».

Принимая тезис Ф. Энгельса о военной демократии как выс-

шем этапе, которого могло достигнуть общество при господстве родового строя, А. И. Неусыхин в докладе «Военная демократия и варварское общество» утверждал, что она возникла у древних германцев до того времени, как те осели на территории Римской империи. Эпоха переселения народов и образования варварских государств открывает, по его мнению, начало качественно нового этапа в истории германских народов. Этот этап он определял термином «варварское», или «дофеодальное», общество. Историк полагал, что в то время как военная демократия — это дальнейшее развитие родового строя и вместе с тем начало его разложения, общественный строй варварских государств представляет собой сочетание элементов различных общественных укладов. С одной стороны, в варварском обществе имеются остатки военной демократии, т. е. пережитки родового строя, но с другой — уже налицо зачаточные предпосылки феодализации, идет процесс классообразования, который и приводит в конце концов к торжеству феодализма. Стадия военной демократии у древних германцев, по его словам, отличалась одной особенностью, а именно тем, что она как бы не дала возможности кристаллизироваться тем новым общественным отношениям, которые создаются на этой элементарной основе, в частности процессу имущественного расслоения¹⁹. В качестве примера А. И. Неусыхин ссылаясь на историю алеманнов. Если мы, говорил он в докладе, от Тацита пойдем дальше и привлечем позднейших авторов, историка IV в. Аммиана Марцеллина, возьмем период, непосредственно предшествующий переселению народов, период войн Юлиана с алеманнами, то увидим, что алеманны все еще стоят на стадии военной демократии. Таким образом, в течение трех веков эти племена еще не сделали решающего скачка, ибо они все время находились в состоянии военно-переселенческого движения. Однако, после того как варвары осели на территории Римской империи, это состояние было преодолено, принципы демократического устройства в этот период уже были в прошлом, хотя и весьма недалеко. Именно к этому периоду, по мнению Неусыхина, относится известная формула Ф. Энгельса: «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»²⁰. Ф. Энгельс, считал историк, имел в виду аллод в ту эпоху, когда германцы не только поселились на римской территории, но и образовали самостоятельные государства²¹.

Итак, общественный строй варварских государств Западной Европы в трактовке А. И. Неусыхина, изложенной в рассмотренном докладе, это уже не военная демократия, но в то же время еще и не ранний феодализм. Согласно его концепции, «варварское», или «дофеодальное», общество является той переходной стадией, которая следует за высшим этапом в развитии родоплеменного строя и непосредственно примыкает к феодализму. Вопрос о соотношении понятий «военная демократия» и «варварское общество» в опубликованных трудах ученого получил весь-

ма фрагментарное освещение, хотя во всех своих работах он проводит достаточно строгое разграничение этих двух, по его мнению качественно различных, этапов в ходе генезиса феодализма. Тем более важными представляются наблюдения, высказанные им в рассмотренном докладе.

Период времени, отделяющий доклады о «дофеодальном периоде», сделанные А. И. Неусыхиним в конце 40-х годов, от доклада на сессии 1966 г., был наиболее плодотворным в жизни ученого. В эти годы им были опубликованы монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (М., 1956), «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.» (М., 1964), а также многочисленные статьи и рецензии. Не будет преувеличением сказать, что почти во всех этих работах проблема «дофеодального периода» занимает одно из центральных мест. Так, в книге о возникновении зависимого крестьянства Неусыхин прямо говорит о том, что процесс перехода от первобытнообщинного строя к феодальному у германских племен Западной Европы «составляет основной объект исследования в данной монографии», конечно, постольку, поскольку он связан с возникновением зависимого крестьянства»²². Определенными вехами на пути становления рассматриваемой концепции являются статьи А. И. Неусыхина «К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства»²³, «Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)»²⁴, «К вопросу об эволюции семьи и земельного аллода у алеманнов в VI—IX вв.: (В связи с толкованием термина «генеалогия»)»²⁵, «Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.»²⁶. Большое значение, особенно для выяснения взглядов ученого на политическую структуру «дофеодального периода», имеют рецензии, написанные им в начале 60-х годов. Это рецензии на работу западногерманского историка К. Гаука «Историческое значение германской концепции королевской власти и знати»²⁷, на перевод Е. Ч. Скржинской книги Иордана «Getisa»²⁸, на книгу А. Р. Корсунского «Образование раннефеодального государства в Западной Европе»²⁹.

Таким образом, мы непосредственно подошли к тому времени, когда мысли ученого о «дофеодальном периоде» сложились уже в стройную систему взглядов, и приступаем теперь к рассмотрению доклада, сделанного в 1966 г. В нем Неусыхин выдвинул тезис о необходимости выделения особого переходного периода в процессе развития германских народов Западной Европы от родо-племенного строя к раннефеодальному. Опираясь на категориальный аппарат марксистско-ленинской философии и основные принципы исторического материализма; ученый рассуждал следующим образом: «В процессе исторического развития смена общественных формаций совершается через революционный скачок, который в новое время — в частности, при переходе от феодализма к капитализму — получает свое выражение в социальной

и политической революции. Однако подобным скачкам всегда предшествуют более или менее длительные переходные периоды: в течение этих периодов накапливаются те изменения и появляются те противоречия данной общественной формации, которые и приводят к тому или иному революционному скачку. Во время таких переходных периодов многие существенные черты общественного строя предшествующей формации уже перерождаются, начинают изживаться или вовсе отмирают, и вместе с тем нарождаются элементы последующей. Однако так как первые еще достаточно живучи, а вторые еще не успели восторжествовать и существуют пока лишь в виде зачастую противоречивых тенденций развития, которое к тому же протекает неравномерно и с различной быстротой в разных сферах жизни общества, то в каждый из переходных периодов возникает весьма своеобразное и сложное переплетение структурных элементов предшествующей и последующей социально-экономических формаций. Это переплетение приводит к тому, что в течение переходных периодов элементы старого и нового *временно синтезируются* в виде особой общественной структуры с присущими ей закономерностями развития. Но такие структуры не являются отдельными формациями именно потому, что основной принцип движения (а в классовых общественных формациях — основной социальный антагонизм) в них не выражен с достаточной отчетливостью. Это и означает, что перед нами переход от одной формации к другой. Но столь же неизбежна и некоторая неустойчивость общественного строя переходных периодов (независимо от степени длительности того или иного конкретного периода). Однако эта неустойчивость и делает их особенно удобным объектом для изучения как генезиса новой общественной формации, так и разложения старой. Ибо они являются как бы своеобразными лабораториями исторического процесса, в которых элементы уходящей формации переплавляются в элементы другой, потому их рассмотрение помогает вскрыть основные тенденции развития»³⁰. Прежде всего сделаем совершенно очевидный, на наш взгляд, вывод о том, как далек Неусыхин от каких бы то ни было попыток конструирования новой общественной формации³¹. Напротив, сама мысль о необходимости выделения особого переходного периода в качестве специального объекта исследования продиктована стремлением Неусыхина глубже осмыслить теорию общественно-экономических формаций, глубже разобраться в диалектическом процессе их смены.

В истории германских племен Западной Европы интересующий Неусыхина период протекал между родо-племенным и раннефеодальным строем и, таким образом, предшествовал утверждению феодальных отношений. Поэтому он был назван им «дофеодальным периодом»³². На выборе термина, бесспорно, сказались уже имевшаяся традиция его употребления в научной литературе³³.

Следует отметить, что выдвинутое А. И. Неусыхиним теоре-

тическое обоснование необходимости выделения «дофеодального периода» в качестве особой переходной стадии развития находит подтверждение и в философском понимании генезиса явления вообще. Конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», В. И. Ленин обратил внимание на следующую мысль: «Начало содержит в себе и „Nichts“ и „Sein“, оно есть их единство: ...,начинающегося еще *нет*; оно лишь направляется к бытию“...»³⁴ Этот вывод, как нам кажется, раскрывает философское содержание рассматриваемого А. И. Неусыхиным в научно-историческом плане понятия «генезис феодализма». Проиллюстрируем наши соображения еще одной пространный цитатой из доклада. В нем говорится о том, что в варварских королевствах уже наметилась тенденция возникновения землевладения дружинников, и далее: «Однако эта тенденция, как и всякая тенденция развития вообще, пока только намечает одно из направлений общественной эволюции, то есть устремлена в будущее данного общественного строя, указывает на возможность его перерождения в другой — в данном случае раннефеодальный — строй и возникновение его предпосылок. Их возникновение и дальнейшее развитие и приведут в конце концов к феодализму. Но *вести к чему-либо — еще не значит уже быть* тем, к чему данная тенденция ведет»³⁵. И тут же Неусыхин разъясняет свою мысль на конкретных примерах: «Поэтому наличие отдельных земельных владений франкских дружинников еще не создает феодального землевладения, точно так же, как и не создают его первые пожалования земель англосаксонскими королями дружинникам или церковным учреждениям в так называемый бокленд (иногда с предоставлением иммунитетных привилегий на данную территорию). Лишь когда эта и другие соответствующие ей тенденции получат преобладание и начнут преобразовывать весь общественный строй, только тогда создадутся предпосылки феодализации»³⁶.

Итак, «дофеодальный период», согласно концепции А. И. Неусыхина, является весьма существенным этапом в истории германских народов. В течение данного периода создаются необходимые предпосылки возникновения основных элементов классового феодального общества, и таким образом общественный строй древних германцев оказывается способным к синтезу с разлагающимся рабовладельческим строем.

Общественные отношения дофеодального периода у германских народов, как показал А. И. Неусыхин, были основаны на производстве свободных и равноправных общинников, объединенных в племенную организацию. На этой стадии развития уже идут процессы классового образования, зарождаются и получают развитие элементы социального неравенства. Однако социальная дифференциация осуществляется здесь еще не по классовому принципу, а по таким признакам (знатность, свобода, полусвобода), которые обнаруживают тесное родство дофеодального общества с первобытнообщинным строем. Родовые отношения продолжают играть большую роль, но их место постепенно занимают

отношения соседства; основной производственной ячейкой общества становится уже не род, а семья, сначала большая, состоящая из трех поколений, а затем малая. В процессе разложения большой семьи происходит образование малых индивидуальных семей, чему сопутствует возникновение земельного аллода и его превращение в свободно отчуждаемую собственность. Общественная структура «дофеодального периода», таким образом, проходит различные этапы развития: на первом этапе общество знает лишь внутреннее расслоение, тогда как на втором «из него уже выделяется и над ним надстраивается государственная власть, являющаяся выразителем интересов нового нарождающегося класса крупных землевладельцев»³⁷. Между тем в течение всего этого переходного периода общество не знает ни одной социальной группы, которая бы жила исключительно за счет эксплуатации. «Свободные соплеменники,— пишет А. И. Неусыхин,— обрабатывают своим собственным трудом земельные участки, составляющие владения отдельных домохозяев, входящих в состав общины, а рабский и зависимый труд играет в их хозяйстве лишь подсобную роль. Владельческие права каждого домохозяйства, то есть каждого свободного члена племени, ограничены лишь верховенством общины, так как в дофеодальном обществе не существует монополия собственность на землю»³⁸.

Важно отметить, что общинные узы также претерпевают значительные изменения: в течение данного периода, по словам ученого, «совершается переход от земледельческой общины к марке, а аллод возникает лишь в виде права наследования земельного надела»³⁹. Своеобразие общественной структуры «дофеодального периода» во многом проистекает именно из специфических особенностей земледельческой общины, на переходный характер которой указывал еще К. Маркс. «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к общему, основанному на частной собственности»⁴⁰. Наличие свободной общины в «дофеодальный период» обеспечивает полноправие каждого свободного общинника. Согласно рассматриваемой концепции, свобода в дофеодальном обществе имеет реальное позитивное содержание. С одной стороны, она не противопоставляется зависимости, что характерно для феодального строя (по терминологии А. И. Неусыхина, это так называемая негативная свобода, т. е. свобода как независимость⁴¹), а с другой — ее содержание «не ограничивается антитезой к несвободе раба, так как эта антитеза не играет ведущей роли в данной общественной структуре»⁴². Права свободных общинников варварского общества являются в то же время и их обязанностями. Но если при родовом строе еще не существует никаких различий между правами и обязанностями, то на стадии перехода от родо-племенного строя к феодальному уже намечается расхождение прав и обязанностей. Однако совокупность

прав-обязанностей продолжает сохраняться вплоть до победы классового принципа деления общества и утверждения раннефеодального строя. Особое внимание Неусыхин при этом обращал на тот факт, что «сама свобода каждого соплеменника, которая при родовом строе была чем-то само собой разумеющимся, начинает усиленно подчеркиваться в варварском обществе, а на более поздних стадиях его развития позитивная свобода как полноправие приобретает различные градации, сохраняется для одних членов племени в виде *полной свободы*, превращаясь для других в неполную или *ущербную свободу*»⁴³.

В течение «дофеодального периода» существенным изменениям подвергается не только социально-экономическая структура; значительно усложняется также и политическая структура общества. Последнее проявляется прежде всего в характере развития племенной организации: происходит процесс сплочения мелких племен в более крупные племена, образуются разнообразные племенные союзы. На западе Европы в период раннего средневековья А. И. Неусыхин выделял следующие типы союзов германских племен. Во-первых, неустойчивые племенные союзы (I в. до н. э.—II в. н. э.); во-вторых, сравнительно устойчивые и многосоставные этнические образования (III в.—IV в.) и, в-третьих, IV—V вв., характеризующиеся, согласно его точке зрения, консолидацией варварских племен и образованием больших племенных союзов. Эти последние и составляют отличительную черту политической структуры «дофеодального периода». Собственно феодальные отношения, подчеркивал А. И. Неусыхин, развиваются уже после того, как племенные союзы сыграли свою историческую роль. Племенные же союзы первых двух типов, по его мнению, были характерны для стадии военной демократии. Ученый считал весьма существенным то обстоятельство, что процесс консолидации германских племен начался задолго до варварских завоеваний. Он писал, что «завоевание провинций Римской империи германцы произвели как раз... этнически более сплоченными целыми объединениями, хотя и состоявшими из отдельных мелких племен или ветвей одного племени», и это, в свою очередь, «сразу наложило отпечаток на внутренний политический строй основанных ими государств»⁴⁴.

Возникает вопрос: в какой мере к общественной структуре «дофеодального периода» применимо понятие государство? А. И. Неусыхин считал необходимым включить «промежуточное звено между общественным строем военной демократии и раннефеодальным государством в виде структуры больших племенных объединений древних германцев. Эти объединения составляют особый этап развития, и их политический строй уже не военная демократия времен Тацита, но еще не варварское королевство раннефеодального типа»⁴⁵. Поэтому в докладе о «дофеодальном периоде», говоря о политической организации данного общества, ученый употребляет следующую формулировку: «государство как прочно осевший в определенной области или стране племенной

союз»⁴⁶. Такое государство возникает в обществе с незавершившимся процессом классового образования, и поэтому лица, которые в это время представляют государственную власть, руководствуются в своей деятельности не только исключительно интересами знати, но и отражают общеплеменные интересы. К концу «дофеодального периода» королевская власть становится уже достаточно прочной и устойчивой⁴⁷. Этому в немалой степени способствует утверждение принципа ее наследственности и, кроме того, выдвижение среди окружения короля служилой знати, которая наряду с родовой начинает играть большую роль в социально-политическом строе данного общества.

Концепция «дофеодального периода» создана А. И. Неусыхинным на основе конкретного материала источников по истории различных германских племен Западной Европы и в целях более успешного научного объяснения их истории. Конкретно-исторический материал А. И. Неусыхин организует по методу типологического анализа, намечая три основных типа в эволюции дофеодальной общественной структуры, которые отличаются друг от друга главным образом по темпам ее разложения и длительности сохранения ее остатков в раннефеодальном обществе. «Остатки дофеодальной общественной структуры в раннефеодальном обществе — пишет историк, — сохраняются особенно долго у тех племен, которые не знали глубокого синтеза их строя со строем разлагавшейся рабовладельческой формации (например, у алеманнов, англосаксов), или там, где этот синтез вовсе не имел места (например, у саксов, фризов и скандинавов). У других племен, где синтез играл значительную роль, разложение дофеодальной общественной структуры происходило гораздо более радикально и быстро. Но «дофеодальный период» имел место у всех германских племен Европы, с той лишь разницей, что у одних он более отчетливо отразился в источниках, чем у других»⁴⁸. Богатый материал для характеристики дофеодальной общественной структуры дает история франков. Но особый интерес представляют саксы, ибо история этого племени предоставляет в распоряжение исследователя материал для изучения процесса перехода от первобытнообщинного строя к феодальному в условиях весьма незначительного влияния рабовладельческого Рима. А. И. Неусыхин убедительно показал, что саксонское общество еще и в VIII в. не было классовым, несмотря на далеко зашедшую социальную дифференциацию между родовой знатью (эделингами), рядовыми равноправными свободными (фрилингами), полусвободными литами и рабами. У саксов, как и у многих других народов, населявших территорию раннесредневековой Германии, разложение дофеодальной общественной структуры растянулось на очень длительный период, однако и у них постепенное преобразование получила феодальная тенденция развития. Превращение дофеодальной общественной структуры в раннефеодальную, согласно рассматриваемой концепции, происходило по следующим основным направлениям: «Вместо широкого слоя

свободных равноправных общинников возникает класс крестьянства, которое разными путями впадает в социально-экономическую зависимость от землевладельцев, но частично еще сохраняет остатки своей аллодиальной собственности и былой свободы, а место родовой и дружинной знати занимают светские и церковные, крупные и мелкие вотчинники раннефеодального типа. С возникновением раннефеодального государства иной характер приобретает и королевская власть, отражающая теперь главным образом интересы вотчинников; постепенно отмирает народное собрание»⁴⁹.

Весьма сложным представляется вопрос о том, какое историческое место отводил А. И. Неусыхин выделяемому им переходному периоду. «Дофеодальный период», по его мнению, понятие не хронологическое, а стадияльное и как стадия развития находится между родо-племенным и раннефеодальным строем. Определение «дофеодальный» нельзя рассматривать в хронологическом плане, во-первых, потому, что это понятие отражает историю целого ряда различных германских племен, а процесс перехода от первобытнообщинного строя к феодальному, как известно, протекал у них далеко не одновременно. «Начало дофеодального периода — пишет исследователь, — хронологически столь же трудно поддается установлению, как и его конец, с той лишь разницей, что у всех германских племен его начало хронологически совпадает с разложением родо-племенного строя. Но это разложение, исходный пункт которого относится ко времени появления земледельческой общины (вместо родовой) и к возникновению племенных союзов эпохи военной демократии, то есть примерно к I—II вв. н. э., в свою очередь, может развиваться различными темпами у разных племен»⁵⁰. А. И. Неусыхин справедливо отмечал не только неравномерность развития одних племен по сравнению с другими, но и неадекватность развития различных элементов общественной структуры одного и того же племени. Есть, во-вторых, и еще одно весьма существенное обстоятельство, которое заставляет отказаться от хронологического принципа выделения данного периода в пределах всей Западной Европы: ведь в тот же отрезок времени на ее территории происходил переход от рабовладельческого строя к феодальному.

Понимание А. И. Неусыхиним исторического места «дофеодального периода» претерпело существенное изменение. В некоторых статьях 50-х годов, а также в монографии о возникновении зависимого крестьянства он утверждал, что «этот переходный период исторически стоит либо между рабовладельческим и феодальным, либо между первобытнообщинным и феодальным типом производственных отношений»⁵¹. В 1966 г. ученый между тем вполне определенно говорил о том, что исторически период, подобный дофеодальному, может иметь место либо между первобытнообщинным и феодальным, либо между первобытнообщинным и рабовладельческим строем, но никоим образом не между рабовладельческим и феодальным, ибо если и есть смысл выде-

лять в данном случае особый переходный период, то он будет иметь иные закономерности, нежели период дофеодальный⁵². Таким образом, рассматриваемая концепция в том виде, как она представлена в статьях 60-х годов о «дофеодальном периоде», в конце 50-х годов еще не сложились: ее создание совершалось постепенно, на протяжении почти всей научной деятельности А. И. Неусыхина. Однако к мысли о необходимости выделения «дофеодального периода» в качестве особого переходного периода, который стоит либо между первобытнообщинным и феодальным, либо между первобытнообщинным и рабовладельческим строем, т. е. венчает собою первобытнообщинный строй, ученый приходит только в 60-х годах.

Мысль о необходимости выделения особого переходного периода в процессе смены первобытнообщинного строя феодальным вызвала большой интерес среди историков. Во время обсуждения доклада Неусыхина на сессии 1966 г. разгорелась дискуссия, в которой приняли участие О. Л. Вайнштейн, Б. А. Рыбаков, М. Н. Соколова, А. Р. Корсунский и др. Впоследствии по поводу данной концепции высказывали свои мнения Э. В. Удальцова, Л. В. Черепнин, А. Я. Гуревич, М. Я. Сюзюмов и др. Интерес к работам А. И. Неусыхина о «дофеодальном периоде» не ослабевает и по сей день⁵³.

Большое общесоциологическое значение самой постановки вопроса о переходном периоде было отмечено уже во время обсуждения доклада. Об этом говорили Е. М. Жуков (во вступительном слове), А. Р. Корсунский и др. А. Р. Корсунский указал также на огромную важность того материала, который содержит в себе теория Неусыхина о «дофеодальном периоде», для исследования генезиса феодализма у других народов⁵⁴.

С большим вниманием отнесся к концепции «дофеодального периода» Б. А. Рыбаков. Он, в частности, высказал интересные наблюдения о такой черте дофеодальной общественной структуры, как большие племенные союзы. Сопоставляя их характеристику, данную А. И. Неусыхиним, с материалами по истории племенных объединений в Восточной Европе, он указал на необходимость более интенсивно использовать данные археологических раскопок, ибо эта ранняя стадия в историческом развитии народов не могла быть полноценно отражена в письменных источниках. Археологические материалы, по его мнению, в данном случае обладают огромными достоинствами, поскольку только они могут дать в распоряжение исследователя сведения о плотности населения, размерах и видах поселений, длительности их существования и т. п. Заслуживает внимания также выдвинутый Б. А. Рыбаковым тезис о том, что общественная структура, которую А. И. Неусыхин называет «дофеодальной», является высшей ступенью первобытнообщинного строя. Он предлагал посмотреть на понятие «дофеодальный», отправляясь не от феодализма, а от тысячелетней истории первобытности, которая у многих народов Европы завершилась рождением феодального общества.

Тогда, по его словам, «дофеодальный период будет не периодом разложения, не периодом гниения родового строя, а высшей ступенью развития первобытного общества, которой оно достигло в результате многих тысячелетий своего пути»⁵⁵.

Некоторые историки, напротив, полагают, что охарактеризованная А. И. Неусыхиним общественная структура не имеет качественного своеобразия по сравнению с ранними стадиями феодализма. Так, В. Н. Никифоров, автор известной работы «Восток и всемирная история», считает, что, выделяя «дофеодальный период» в качестве особой переходной стадии, А. И. Неусыхин тем самым «теряет общую перспективу», тогда как решение вопроса, с его точки зрения, выглядит весьма просто: «дофеодальный период» — это «первый период феодальной формации, хотя он и отличается от позднейших этапов феодализма, так же как сильный, рослый и самостоятельный юноша — от грудного младенца»⁵⁶. Довольно близкую к этому позицию заняла М. Н. Соколова. Ссылаясь на источники по истории раннесредневековой Англии, она утверждала, что здесь уже со времен германского завоевания следует говорить о раннем феодализме⁵⁷.

Очень своеобразную интерпретацию концепция А. И. Неусыхина о «дофеодальном периоде» получила в работах М. Я. Сюзюмова и А. Я. Гуревича. Последний высказал мнение о том, что IX—XI века в истории Норвегии представляют собой «время подготовки процесса феодализма, но еще не самого генезиса феодализма»⁵⁸. Таким образом, А. Я. Гуревич присоединяется к тезису А. И. Неусыхина о качественном своеобразии общественной структуры варварских племен по сравнению и с первобытнообщинным, и раннефеодальным строем; однако он считает, что эта «социальная система не обязательно имела переходный характер»⁵⁹. Он утверждает, что варварское общество не способно к самостоятельной эволюции, что без воздействия внешних сил оно будто бы не в состоянии развиться в какой бы то ни было более прогрессивный общественный строй. Принципиальное различие между рассматриваемой нами концепцией А. И. Неусыхина и взглядами А. Я. Гуревича, которые он развивает в указанной книге, было раскрыто А. И. Даниловым⁶⁰, поэтому мы не будем останавливаться на этом специально⁶¹.

Привлекая материалы по истории Византии, М. Я. Сюзюмов, в свою очередь, предлагал рассматривать переход от рабовладельческого строя к феодальному также в качестве «дофеодального периода». В статье, которая так и называется «Дофеодальный период», он выдвигает — весьма парадоксальный в столь общей форме — тезис о том, что «родо-племенное общество в своем развитии имело тяготение не к феодальному обществу, а к рабовладельческому»⁶². Мы не ставим задачу давать здесь подробную критику этого тезиса, ограничимся лишь замечанием о том, что взгляды, развиваемые М. Я. Сюзюмовым в указанной статье, не имеют ничего общего с концепцией А. И. Неусыхина; напротив, различие между ними носит принципиальный характер.

Нельзя оставить без внимания и тот спор, который развернулся по поводу самого термина «дофеодальный». Прекрасно зная его уязвимость, А. И. Неусыхин был убежден в том, что подыскать подходящий термин для обозначения исследованного им общественного строя «не так важно, как вскрыть его существенные черты и показать его наличие в качестве переходного и промежуточного строя, стоящего между бесклассовым родовым и классовым раннефеодальным обществом»⁶³. Примечательно, что в свое время, выделяя империализм в особую стадию развития капитализма, В. И. Ленин также писал: «Совершенно несерьезен тот спор о словах, который поднят Каутским: назвать ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики...»⁶⁴. Отмечая справедливость этих высказываний, мы вместе с тем отнюдь не стремимся затушевывать большое значение терминологии в исторической науке. Исследователи — как историки, так и философы — правомерно среди целого ряда специфических черт исторического познания исключительно важное значение придают детерминированности его своим объектом⁶⁵. Действительно, ни в одной другой науке нет объекта, который бы сам себе давал наименование! И точно так же, как важен конкретный анализ терминологии исторического источника, терминология исторической концепции имеет большое значение для ее правильной научной оценки, для самого ее существования в процессе развития науки, поскольку принятие той или иной концепции, как правило, ведет и к принятию ее терминологии. Лучшим тому доказательством является дискуссия вокруг рассматриваемой концепции. Ученые, принявшие в ней участие, были единодушны в ответе на вопрос о целесообразности термина «дофеодальный». Все они признали данный термин не вполне адекватным исторической реальности. «Действительно, определив верхнюю хронологическую грань этого переходного периода,— писала по этому поводу З. В. Удальцова,— термин «дофеодальный» не дает ответа на вопрос, какова же была нижняя хронологическая веха, отделявшая его от предшествовавшего времени»⁶⁶. Попытки какого-либо положительного решения этого вопроса не увенчались успехом⁶⁷. На наш взгляд, весьма существенным в данном отношении является замечание А. Д. Люблинской. «Переходные периоды в целом и отдельные их черты в частности,— пишет она в рецензии на книгу А. Р. Корсунского «Готская Испания» (М., 1969),— нуждаются в таких определениях, которые наиболее ярко и четко выявляли бы двойственный их характер и процесс преобразования подобной двойственности в новое качество»⁶⁸. Термин «дофеодальный», вне всяких сомнений, не отвечает этим требованиям. Однако это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение относительно того факта, что переходная стадия между первобытнообщинным строем и ранним феодализмом представляет историческую реальность.

Подведем итоги. Прежде всего следует отметить, что концепция «дофеодалного периода», разработанная в трудах А. И. Неусыхина, является одним из первых в отечественной науке опытом принципиального ответа на вопрос о характере варварского общества. Решая этот вопрос на материале истории варварских народов Западной Европы, Неусыхин тем самым продолжил и развил наблюдения о германской общине и семье, высказывавшиеся ранее в работах К. Маркса и М. М. Ковалевского. Выше мы уже цитировали высказывание К. Маркса, где он называет земледельческую общину переходной фазой, которая предшествует вторичной формации, другими словами, стоит либо между первобытнообщинным и рабовладельческим, либо между первобытнообщинным и феодальным строем. Известно также, что М. М. Ковалевский считал большую семью необходимой промежуточной ступенью между родовой общиной и общиной соседской⁶⁹. А. И. Неусыхин, в свою очередь, показал, что таким явлениям в хозяйстве различных германских племен, как земледельческая община и большая семья, соответствует особая социальная структура. Ее своеобразие заключается в отсутствии оформленных классов эксплуататоров и эксплуатируемых: в этот период общественного развития крестьяне еще не закрепощены, тогда как имущественная и социальная дифференциация в их среде уже налицо. В сфере политической этому соответствует структура больших племенных объединений, причем лица, представляющие в этот период государственную власть, отражают не только интересы знати, но и интересы всего племени в целом. Таким образом, присущие данному периоду черты характерны для всех наиболее существенных сторон общественного строя, как для экономики, так и для политики.

Проблема «дофеодалного периода» самым тесным образом связана с вопросом о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. Этот вопрос в широком плане был поставлен в 1960 г. в статье С. Д. Сказкина и М. Н. Меймана⁷⁰. Ученые отметили, что марксистская теория общественно-экономических формаций не всеми советскими историками была верно понята сразу. Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, будто бы все страны и народы должны обязательно пройти через каждую из пяти указанных марксизмом общественных формаций. Разбирая вопросы политической экономии рабовладельческой и феодальной формаций, а также данные исторических исследований, проведенных, в частности, на славянском материале, авторы приходят к выводу о возможности непосредственного перехода к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства, минуя рабовладельческую стадию. Глубокое исследовательское решение этого вопроса на материале истории раннесредневековой Германии принадлежит А. И. Неусыхину, а его концепция «дофеодалного периода» в значительной мере конкретизирует и углубляет положение о возможности становле-

ния феодальных отношений на основе разложения родо-племенного строя, минуя стадию рабовладения.

Особенно важным нам представляется подчеркнуть то обстоятельство, что к моменту выступления А. И. Неусыхина с развернутым изложением концепции «дофеодального периода» потребность в выделении особого переходного периода в качестве специального объекта исследования в марксистской науке уже назрела. Эта мысль отчетливо была сформулирована во вступительном слове Е. М. Жукова на сессии 1966 г. «Наша наука, — сказал он, — уже вышла, к счастью, из того младенческого состояния, когда нас с пристрастием допрашивали: когда, с какой конкретной даты начинается феодальная эпоха? Сейчас мы научились понимать, что становление социальных формаций — это длительный процесс, богатый событиями, насыщенный борьбой старого и нового, часто отнюдь не прямолинейный. Вероятно, мы вправе говорить о наличии не только переходных форм к феодализму, но и об определенном переходном периоде...»¹ В этой связи работа А. И. Неусыхина над изучением процесса перехода от родо-племенного строя к феодализму в Западной Европе и обоснование им необходимости выделения особого переходного периода в истории германских племен, кроме своей бесспорной ценности для медиевистики, и прежде всего для истории ранне-средневековой Германии, приобретает общесоциологическое значение. В данной области предстоит еще большая исследовательская работа как в плане теоретическом, так и в плане дальнейшего изучения исторических источников, в том числе и новейших археологических материалов.

Мы же стремились показать в данной статье генезис концепции «дофеодального периода» в творчестве А. И. Неусыхина, проследить ее преемственную связь с соображениями К. Маркса о древнегерманском общественном строе и некоторыми идеями русских дореволюционных медиевистов (Т. Н. Грановского, М. М. Ковалевского), а также выяснить, в какой взаимосвязи находится рассматриваемая концепция с развитием советской исторической науки, причем не только медиевистики, а — насколько это возможно в рамках статьи — в более широком ее аспекте. Тем самым мы хотели привлечь внимание специалистов к внутренней логике развития данной теории, ее философскому и историографическому контексту.

¹ О творчестве А. И. Неусыхина см.: *Данилов А. И.* А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог // *Средние века.* 1969. Вып. 32. С. 5—12. (Далее: СВ); *Мильская Л. Т.* Неусыхин — ученый, педагог, человек // *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974; *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые черты А. И. Неусыхина как исследователя // Там же. См. наши работы: *Первый период научной деятельности А. И. Неусыхина (1922—1931)* // СВ. 1978. Вып. 42. С. 264—281; *А. И. Неусыхин как историк ранне-средневековой Германии: (К вопросу о генезисе феодализма в Западной Европе): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 1981.

² Материалы сессии см.: СВ. 1968. Вып. 31.

- ³ Полный текст доклада см.: *Вопр. истории*. 1967. № 1. С. 75–87. См. также статью А. И. Неусыхина на эту тему в кн.: *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М., 1968. Кн. 1. С. 596–617.
- ⁴ Следует отметить, что отдельные черты своеобразия, присущие общественной структуре варварских государств Западной Европы, в отличие от родо-племенного строя древних германцев, с одной стороны, и феодального строя – с другой, были отмечены еще в трудах классиков марксизма и в работах некоторых русских дореволюционных историков-медиевистов, о чем см. ниже.
- ⁵ Подробнее см.: *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XV вв.: (Историография вопроса о генезисе феодализма) // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 131–146.
- ⁶ См., напр.: *Смирнов И. П.* О генезисе феодализма // *Проблемы истории материальной культуры*. 1933. № 3/4; *Греков Б. Д.* Рабство и феодализм в Древней Руси: Обсуждение доклада // *Известия ГАИМК*. М.; Л., 1934. Вып. 86; *Толстой С. П.* Военная демократия и победа «генетической революции» // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 7/8.
- ⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 111.
- ⁸ Там же. С. 28.
- ⁹ Там же. С. 111–112; ср.: С. 315–316.
- ¹⁰ См.: *Греков Б. Д.* Полица. М., 1951.
- ¹¹ Ср. с работой А. И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.» (М., 1956), где автор сосредотачивает основное внимание на изучении истории крестьянства у континентальных германских народов Западной Европы именно в «дофеодальный период» развития их общественного строя. Данное обстоятельство, на наш взгляд, нельзя всецело объяснить только индивидуальностью исследователей, специфической направленностью научных интересов того и другого, поскольку в исторической науке последнее во многом определяется информационными возможностями того типа источников, с которыми имеет дело ученый.
- ¹² *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // *Вопр. истории*. 1946. № 7.
- ¹³ См.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья/Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М., 1961.
- ¹⁴ Там же. С. 201.
- ¹⁵ *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 513.
- ¹⁶ Там же. С. 388. Рукопись 1928 г. «К вопросу об исследовании общественного строя древних германцев».
- ¹⁷ Опубликована посмертно в кн.: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма.
- ¹⁸ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 154.
- ¹⁹ Там же. Л. 62.
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 497.
- ²¹ Ср. это наблюдение А. И. Неусыхина с замечанием, высказанным им в кн. «Возникновение зависимого крестьянства...» (С. 14. Прим. 1).
- ²² Там же. С. 3.
- ²³ СВ. 1955. Вып. 6. С. 5–33.
- ²⁴ Из истории социально-политических идей: Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955. С. 102–121.
- ²⁵ СВ. 1956. Вып. 8. С. 55–69.
- ²⁶ Ежегодник германской истории, 1973. М., 1974. С. 5–32.
- ²⁷ СВ. 1961. Вып. 20. С. 294–300.
- ²⁸ Византийский временник. 1963. Т. 22. С. 304–319.
- ²⁹ СВ. 1966. Вып. 29. С. 289–299.
- ³⁰ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному: (На материале истории

Западной Европы раннего средневековья) // *Вопр. истории.* 1967. № 1. С. 75–76.

- ³¹ Считаем необходимым особо подчеркнуть этот момент, поскольку при обсуждении рассматриваемого доклада были высказаны суждения (см. выступления О. Л. Вайнштейна и Н. П. Соколова (СВ. 1968. Вып. 31. С. 45–54, 56–58)), в которых Неусыхину приписывалась мысль о неприятии теории общественно-экономических формаций в качестве основополагающего принципа марксистской исторической науки. Причем если указанные ученые ставили это ему в вину, то другие, напротив, усматривали большую заслугу Неусыхина как раз в том, что данная им характеристика дофеодальной стадии будто бы «практически ведет к постановке вопроса о выделении новой общественной формации, требует не только внесения существенного корректива в общепринятую конкретную схему периодизации всемирной истории (в смысле числа и последовательности стадий), но и переосмысления принципа членения исторического процесса» (*Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // *Проблемы истории докапиталистических обществ.* Кн. 1. С. 46).
- ³² А. И. Неусыхин неоднократно говорил о своей неудовлетворенности этим термином и применял его в исследованиях наряду с термином «варварское общество» лишь за отсутствием более точного.
- ³³ О работах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова в этой связи уже шла речь. Терминами «дофеодальный строй», «дофеодальные элементы» пользовался, например, Е. А. Косминский в книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII века» (М.; Л., 1947. С. 11, 350, 389).
- ³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 93.
- ³⁵ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 82.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... С. 8.
- ³⁸ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 77.
- ³⁹ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... С. 23.
- ⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.
- ⁴¹ «...В феодальном обществе,— писал А. И. Неусыхин,— различается не „свобода“ и „независимость“, а сословный характер зависимости, причем одна форма ее считается „свободной“, а другая — „несвободной“» (СВ. 1965. Вып. 27. С. 205).
- ⁴² *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 77.
- ⁴³ Там же. С. 78.
- ⁴⁴ СВ. 1966. Вып. 29. С. 296.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 81.
- ⁴⁷ Там же. Ср.: *Византийский временник.* 1963. Т. 22. С. 316.
- ⁴⁸ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 85. Распространение концепции «дофеодального периода» на славянские племена, которое имеет место в тезисах доклада, зачитанных А. И. Неусыхиным на сессии в 1966 г. (17-й тезис), отсутствует в развернутом его изложении: данного утверждения нет в обеих статьях 60-х годов, посвященных этой теме. А в докладе «Военная демократия и варварское общество» (1949 г.) Неусыхин даже специально оговаривал то обстоятельство, что не ставит перед собой задачу дать обобщение всего имеющегося в истории материала, касающегося этого вопроса, чтобы «не создать недостаточно компетентной гипотезы» (Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 154. Л. 51).
- ⁴⁹ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 84–85.
- ⁵⁰ Там же. С. 86.
- ⁵¹ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... С. 23. Эту формулировку ученый переносит и в немецкое издание своей книги, значительно дополненное и отредактированное им самим. См.: *Neusyuchin A. I.* Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis. 8. Jahrhundert. В., 1961. С. 35.

- ⁵² Подробнее об этом см. нашу статью «Гносеологическая природа исторической закономерности: (На материале трудов А. И. Неусыхина)» (Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1979. Вып. 13).
- ⁵³ См., напр.: *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 19–20, 62; *Грохова В.* Место Византии в типологии европейского феодализма // Византийский временник. 1979. Т. 40. С. 6; *Лооне Э. Н.* Современная философия истории. Таллин, 1980. С. 213–214; *Каган М. С.* К проблеме переходного типа культуры // Античная культура и современная наука. М., 1985. Следует отметить, что, стремясь сослаться на авторитет А. И. Неусыхина, некоторые авторы неверно трактуют его взгляды, в частности М. С. Каган пишет, что Неусыхин якобы «определяет рабовладение как „переходную стадию“ от первобытности к феодализму» (Там же. С. 318).
- ⁵⁴ См.: СВ. 1968. Вып. 31. С. 58.
- ⁵⁵ Там же. С. 55.
- ⁵⁶ *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. 2-е изд. М., 1977. С. 32.
- ⁵⁷ СВ. 1968. Вып. 31. С. 51–54. См. также: *Соколова М. Н.* Существовал ли дофеодальный период в Западной Европе? // Вопр. истории. 1969. № 8. С. 91–99.
- ⁵⁸ *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 8.
- ⁵⁹ Там же. С. 14.
- ⁶⁰ См.: *Данилов А. И.* Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // Труды Томск. ун-та. 1969. Сер. историческая. Т. 209. Вып. 6. С. 227–245.
- ⁶¹ Тем более, что в последующие годы А. Я. Гуревич значительно ограничивает свои выводы, сформулированные в книге «Свободное крестьянство феодальной Норвегии». Ср.: *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.
- ⁶² *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 16. См. также: *Он же.* Закономерный переход к феодализму и синтез // Там же. Свердловск, 1975. Вып. 12. С. 33–53.
- ⁶³ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 87.
- ⁶⁴ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 27. С. 390.
- ⁶⁵ См., напр.: *Смоленский Н. И.* К вопросу о природе исторических понятий // Новая и новейшая история. 1976. № 4. С. 33–45. Любопытные наблюдения о терминологии исторической науки см.: *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 86–97; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен... С. 15–20. Интересные соображения по этому и другим вопросам методологии и философии истории содержатся в трудах самого А. И. Неусыхина. Но это самостоятельный вопрос, и мы не будем касаться его в этой статье.
- ⁶⁶ СВ. 1968. Вып. 31. С. 152.
- ⁶⁷ См.: *Колесницкий Н. Ф.* Некоторые итоги дискуссии по проблемам раннеклассовых обществ: (Типология феодализма). // Труды ун-та Дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1974. Т. 69. История. Вып. 4. С. 5.
- ⁶⁸ Вопр. истории. 1972. № 2. С. 165.
- ⁶⁹ См.: *Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 144 и след.
- ⁷⁰ *Сказкин С. Д., Мейман М. Н.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопр. истории. 1960. № 1. С. 75–99. Статья вошла в кн.: *Сказкин С. Д.* Избр. труды по истории. М., 1973. С. 261–287.
- ⁷¹ СВ. 1968. Вып. 31. С. 6.

Ф. РОЗИНЬ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В ЛАТВИИ

(К становлению марксистской историографии истории Латвии
в конце XIX — начале XX в.)

С. А. Левитан

Фрицис Розинь-Азис (1870—1919), один из основателей Коммунистической партии Латвии, внес существенный вклад и в становление марксистской исторической мысли в Латвии. Изучению вклада Ф. Розиня в историческую науку был посвящен ряд публикаций¹. Задача данной статьи — уточнение и более детальный разбор его концепции развития феодализма в Латвии.

Первая известная работа Ф. Розиня на историческую тему была опубликована в 1894 г. в газете новотеченцев * «Диенас лапа» («Ежедневный листок») и посвящена 75-летию отмены крепостного права в Лифляндской губернии². В этой небольшой статье Ф. Розинь пытается оценить это событие с позиций исторического материализма, хотя и допускает некоторые неверные утверждения. В статье Ф. Розинь сумел показать читателю газеты «Диенас лапа», что частная собственность — историческое явление, связанное с определенным способом производства. Давая в целом правильную характеристику феодализма и крепостного права, он ошибочно считал, что «крепостное право развивалось в средние века в Западной Европе, и оттуда его немецкие рыцари привезли в Прибалтику»³.

Суждение об искусственном привнесении феодальных отношений в Латвию немецкими рыцарями свидетельствует о том, что, находясь в целом на позициях марксизма, Ф. Розинь тогда еще не вполне освободился от влияния концепций буржуазно-дворянской историографии, представителями которой были в основном прибалтийские немцы.

Когда царская полиция в 1897 г. разгромила прогрессивное «новое течение», Ф. Розинь эмигрировал в Англию, потом в Швейцарию. За границей он стал одним из руководителей латышской социал-демократической эмиграции, а затем одним из основателей социал-демократической партии в Латвии. В это время он также серьезно занимался изучением аграрной истории Латвии. Еще до эмиграции Ф. Розинь собирал материалы по этой проблеме. Сложность аграрных отношений в Латвии побудила его взяться за исследование их исторической эволюции. Это было особенно важно, учитывая бурное и быстрое развитие револю-

* «Новотеченцы» (jaunstrāvnīeki) — сторонники «нового течения» (Jaunā strava). В 90-х годах XIX в. — радикальное и демократическое течение латышской интеллигенции, из среды которой вышли первые латышские марксисты (П. Стучка, Я. Плиекшанс-Райнис, Ф. Розинь и др.). В легальной газете «Диенас лапа», редакторами которой в 90-х годах были П. Стучка и Я. Плиекшанс-Райнис, Ф. Розинь публиковал свои статьи.

ционного движения в Российской империи накануне революции 1905—1907 гг., основной целью которой было решение аграрного вопроса.

Собирая материалы для своей большой работы по аграрной истории Латвии, Розинь написал в 1903 г. агитационную брошюру на латышском языке для сельскохозяйственных работников «Мушки или десятичники»⁴. В этой брошюре он отказался от своего прежнего, ошибочного утверждения, что крепостное право ввели в Латвии якобы немецкие феодалы. Он писал, что «прежде всего неправда то, что крепостное право — злонамеренное изобретение немецких агрессоров и что если бы немцы не вторглись бы в Прибалтику, то теперь все латыши были бы в условиях свободы, братства, равенства»⁵. В 1904 г. Ф. Розинь опубликовал отдельной книгой в серии изданий «Библиотека „Социал-демократа“» свою самую крупную работу по аграрной истории Латвии «Латышский крестьянин», первое и длительное время вообще единственное исследование по истории латышского крестьянства. Эта работа является значительным достижением латышской марксистской исторической мысли. Нельзя отрицать, что в свете достижений современной марксистско-ленинской исторической науки многое в ней устарело. Но было бы совершенно ошибочно дать только такую оценку работе Ф. Розиня. Чтобы правильно ее оценить, следует учесть, что Ф. Розинь внес нового в изучение аграрной истории Латвии по сравнению с уровнем и результатами исторической науки его времени⁶. Ф. Розинь писал в предисловии к первому изданию этой книги: «Кто пытается идти по новым тропам, может легче заблудиться, чем тот, кто идет по уже протоптанной дороге. В этой книжке нет почти ни одной страницы, где бы мне не пришлось судить о делах и вопросах, которые до сих пор не исследованы основательно и не разработаны в научных трудах»⁷.

Исследуя аграрную историю Латвии, Ф. Розинь мог использовать только опубликованные источники, которые большей частью были подготовлены и изданы представителями прибалтийско-немецкой исторической науки. В его труде по аграрной истории Латвии «Латышский крестьянин» есть ссылки на 29 использованных им публикаций источников (летописи, акты, материалы, статистические сборники, законы и др.) и на 81 книгу и статью.

Изучение аграрного строя Латвии было, как никогда, актуально: нигде в России не было столь высокого процента безземельных, как в прибалтийских губерниях; но нигде в России не сохранились такие мощные остатки феодализма, как в Латвии и Эстонии. Классовые противоречия в аграрных отношениях Латвии дополнялись еще и национальным гнетом и национальными противоречиями между немецкими помещиками и латышскими крестьянами. Это и побудило первых латышских марксистов серьезно изучать историю образования и развития аграрных отношений в Латвии. Ф. Розинь писал в вводной главе своего

«Латышского крестьянина»: «Оказалось, что современные хозяйственные отношения не поддаются объяснению без того, чтобы не рассмотреть их происхождение и развитие в условиях феодального прошлого Прибалтики»⁸. Из литературы латышских авторов Ф. Розинь почти ничего не смог использовать. Единственный латышский историк, который опубликовал несколько небольших статей о феодальном строе и положении латышских крестьян в условиях крепостного права, был историк Я. Кродзниекс⁹, принадлежавший по своим взглядам к буржуазно-либеральному направлению. Авторы из лагеря латышской национальной буржуазии не занимались серьезно историей, утверждая, как, например, пастор В. Олав, что крепостное право в Латвии ввели немцы¹⁰. Поэтому Ф. Розинь, собирая фактический материал для своего исследования, использовал большей частью работы прибалтийско-немецких историков и экономистов, критически полемизируя с их концепциями.

Узость источниковой базы обусловила осторожность выводов Ф. Розиня. В предисловии к первому изданию своей книги он признавал, что «написать аграрную историю Прибалтики теперь совершенно невозможно. Прежде чем взяться за это, надо все отдельные вопросы разработать в отдельных трудах-монографиях. Составление таких монографий — теперь главная задача латышских историков»¹¹. Ф. Розинь не верил, что идеологи латышской национальной буржуазии смогут справиться с этой работой. Это, по его мнению, было под силу только революционным марксистам. Он писал в этой связи: «Они (т. е. историки из лагеря латышской национальной буржуазии.— С. Л.) случайные люди, которые не имеют ни способностей, ни воли к серьезному труду. Поэтому мы, „отрицатели народа“, социал-демократы, должны заботиться о латышской истории. И раньше или позже мы это сделаем»¹².

Ф. Розинь категорически выступал против господствовавших в прибалтийско-немецкой историографии взглядов, согласно которым в XII и XIII вв. немецкие священники и рыцари принесли древнелатышским и ливским племенам более высокую культуру и феодальный строй. Он считал, что это «чистейшая выдумка, лишённая всякого исторического основания, и придумана единственно для того, чтобы прибалтийские помещики могли оправдать свои привилегии: 1) тем, что они ведут свое происхождение от другого, более культурного народа и что в их жилах течет другая кровь; 2) тем, что они на войне победили местных жителей и поэтому господствуют как более сильные и развитые над слабейшим и умственно менее ценным народом и 3) тем, что они принесли местным „темным язычникам“ культуру и „свет“ христианской веры»¹³. Ф. Розинь убедительно доказал, что датчане, шведы и русские знали и имели различного рода контакты с племенами Прибалтики значительно раньше появления там немецких феодалов. Он характеризует как совершенно ненаучный взгляд, согласно которому «якобы сегодня или завтра, совсем случайно,

ветром пригнан, может появиться какой-то герой (государь или философ или даже сам божий сын) и мечом или водой или умными идеями изменить до самого основания существующий общественный строй»¹⁴. Автор считает, что «появление этих чужих колонистов немного ускорило ход естественного развития»¹⁵. В отличие от своих современников, идеологов латышской буржуазии и прибалтийско-немецких историков, Ф. Розинь — первый историк Латвии, который научно подошел к проблемам первобытнообщинного строя и его разложения в Латвии. Он резко критиковал утверждения латышских буржуазных националистов, В. Олава и других¹⁶, о том, что «латыши по причине расовых особенностей уже с незапамятных времен жили отдельными дворами, или усадьбами, не знали деревень и сел, равно как и общественной собственности на землю, более или менее походившей на русский мир или немецкую «марку»¹⁷. На многих примерах он показал, что деревни «с совершенно замкнутыми волостями (марка), территория которых отчасти находилась в частной собственности, а отчасти в общем пользовании»¹⁸, в Латвии существовали не только до вторжения немецких феодалов, но и значительное время после него, вплоть до XVIII в.¹⁹ Он утверждал, что у древнелатышских племен существовала сельская община, так же как и у древних славян и германцев, которая сменила родовую общину. Это положение подтвердилось исследованиями советских историков. В современной литературе не отождествляется пагагс (волость) и территориальная община — марка. Пагагс — то же, что и полюдьё, т. е. институт сбора дани; это также округ, с которого взималась дань, а после германского завоевания — натуральная рента. Таким образом, этот институт возник на местной основе, а не привнесен из Скандинавии варягами²⁰.

Исследуя развитие первобытнообщинного строя в Латвии, Ф. Розинь показывает, что значительно раньше появления немецких крестоносцев начинается имущественная дифференциация, разрушающая первобытную общину предков латышей. Не всегда выдвинутые Ф. Розинем гипотезы об этом распаде первобытнообщинного строя были обоснованными. Так, неверны его утверждения, что области (novadi) — это участки земли, изъятые из общинной земли и отданные чужому владельцу²¹, что помещики были такие землевладельцы, которые взяли себе никому не принадлежащие земли²². Но можно все же согласиться с автором «Латышского крестьянина» в том, что зародыши феодального строя существовали уже в социально-экономическом строе древних латышей и что «из этих зародышей более быстрым темпом должен был развиваться феодализм и крепостные порядки, даже если ни один немец не увидел бы свет и ни один священник не святил бы крестом»²³. Крепостное право в Латвии, как полагает Ф. Розинь, развивалось по тем же законам, что и в других странах Европы. Суть своих взглядов о зарождении и развитии крепостного права в Латвии Ф. Розинь сформулировал так: «Если бы кому-либо из исследователей, так много писавших и говоривших

о превращении свободных латышей в немецких рабов, пришло бы на ум порыться в исторических документах Латвии, то он нашел бы: 1) крепостное право отнюдь не началось сейчас по приходе в Прибалтику немцев; 2) совершенно неверно мнение, будто пришедшие немцы все сделали помещиками и господами, а все латыши превратились в крепостных; 3) крепостное право развивалось нормально и естественно из местных условий хозяйственной жизни и 4) при развитии крепостного права очень много местных жителей сделали помещиками, так же как много немцев превратились в крепостных»²⁴. Этот последний, четвертый пункт неверен. На территории Ливонии немцев-крепостных не было. Число ленников из местных жителей было незначительным, и совсем немногие из них имели феодально-зависимых крестьян.

Другой недостаток концепции Ф. Розиня — недооценка роли внеэкономического принуждения в историческом развитии крепостного права, хотя сам он и приводит несколько примеров этого принуждения. Эта недооценка, по-видимому, была вызвана реакцией на господствовавшие тогда субъективно-идеалистические концепции генезиса крепостничества, которые объясняли «учреждение» крепостного права жестокостью и грабежами рыцарей, а его падение — «попечительством добросердечных и хороших правителей»²⁵. Поэтому для Ф. Розиня было важнее показать социально-экономические причины зарождения, развития, упадка и отмены крепостного права. Он сравнивал и анализировал доступные ему источники и установил, что в то время, когда немецкие священники, купцы и рыцари пришли на земли предков латышского и эстонского народов, там уже существовало довольно развитое классовое общество, уже появились первые государственные образования, первые признаки феодального строя²⁶.

«К этому времени как раз появились немецкие священники и рыцари, чей крест и меч помогли родиться новому общественному строю, т. е. ускорили развитие особого класса воинов, судей и священников... Немцы не принесли с собой ничего нового, а лишь помогли вырасти и расцвести тому общественному строю, который уже существовал в недрах местного общества»²⁷. Ф. Розинь, правда, не смог более глубоко и подробно обосновать тезис о зарождении феодальных отношений в общественном строе древних латышей. Его утверждение о том, что немцы «ничего нового не принесли», преувеличено. Но его научной заслугой остается то, что он, основываясь на марксистской методологии, первым указал, что феодальные отношения начали в Латвии развиваться самостоятельно, выросли из местных общественных условий раньше и независимо от вторжения немецких феодалов. Ф. Розинь обоснованно указал, что процесс феодализации в Латвии развивался и после вторжения немецких феодалов постепенно, что «свою личную свободу местные жители потеряли постепенно и притом не все»²⁸. «Первые три столетия после основания у наших берегов немецкой колонии и христианской церкви, — добавляет он, — не может быть и речи о крепостном крестьян-

стве»²⁹. При этом Ф. Розинь отмечает, что в документальных источниках впервые слово крепостной (Erbmann) встречается в самом конце XV в. (1494 г.) в одном договоре о выдаче беглых крестьян³⁰. Следует отметить, что Ф. Розинь все же не обратил на данный источник должного внимания. Этот документ³¹ свидетельствует об известном периоде развития, в течение которого термин «крепостной» (Erbmann) стал широко известным термином: упоминание о бегстве крепостных крестьян говорит о том, что таких крепостных было к концу XV в., вероятно, довольно много, а факт наличия договора о выдаче беглых — о значении внеэкономического принуждения в укреплении крепостного права.

В книге Ф. Розиня признается, что некоторые формы феодальной внеэкономической зависимости существовали уже в XIII в., они проявлялись в существовании натуральных налогов, «которые ложились на крестьянский участок земли, соху (гакен) и никоим образом не затрагивали личную свободу их собственников»³². На основании изучения источников Ф. Розинь сделал вывод, что немецкие феодалы не смогли сразу же превратить местных жителей в крепостных. Вторгшиеся немецкие светские и духовные феодалы постепенно взяли на себя те же функции, которые раньше имели уже существующие у древних латышей духовное и воинское сословия. Они присваивали в свою пользу часть результатов труда местных земледельцев³³: как в форме десятины, которая скоро стала податью помещику, когда церковь получила феодальные владения, так и в форме отработочной ренты. Барщина вначале была очень незначительна, но уже в первой четверти XIII в. широко распространилась. Еще одним типом ренты была так называемая военная десятина. Мнение Ф. Розиня о широком распространении барщины уже в первой четверти XIII в. ошибочно, ибо тогда барщина распространена была очень незначительно. Ее широкое распространение относится к XVI в. Ф. Розинь обращает особое внимание на судебные функции епископов и их фогтов, о которых пишет, что это «начало, из которого со временем выросло мощное оружие угнетения в руках крепостников»³⁴. Важнейшим фактором ускорения феодального развития при вторжении немецких феодалов Ф. Розинь считал образование городов и связанный с этим рост товарно-денежных отношений, разрушающий натуральное хозяйство, основанное на системе трехполья. Ф. Розинь констатирует, что древние жители Прибалтики уже знали деньги и торговали с северными народами до основания первых городов, но эта торговля еще не могла решающим образом изменить их общественный строй. С XIII в. город начал все сильнее влиять на крестьянское хозяйство, вынуждая его производить товары на продажу. Втягивание деревни в товарно-денежные отношения деформировало и даже разрушало деревенский мирской строй, и прежде всего тем, что «продукты земли стали товаром и приобретали рыночную стоимость и вместе с тем земля стала товаром со своей стоимостью»³⁵. Необходимо отметить, что Ф. Розинь значительно преувеличивал влияние го-

родов XIII в. на общественный строй Ливонии, влияние городского денежного хозяйства на крестьянское хозяйство. Неверно также его утверждение о том, что трехполье мешало приспособиться к требованиям рынка. Вообще, Ф. Розинь относит к XIII в. явления значительно более позднего времени.

Постепенное развитие крепостного права в Латвии он связывает со стремлением феодалов обеспечить свое хозяйство рабочей силой. Ф. Розинь приводит много примеров классовой борьбы: восстание эстонских крестьян в 1343 г., случаи бегства крестьян и действий феодалов против них, начиная с кровавого подавления крестьянского движения и кончая рецепцией римского права с целью превратить крестьян в полных крепостных. Свои взгляды на развитие крепостного права в Латвии Ф. Розинь свел к следующим положениям: «1. Развитие класса рыцарей и священников (что на определенном культурном уровне развития совершенно необходимо) далеко еще не означает «начало» крепостного права или, тем более, рабства; 2. Крепостное право развивалось в Прибалтике постепенно, начиная со второй половины XV столетия. Следовательно, спустя 300 лет после прихода немцев, т. е. в то время, когда рыцарство уже сыграло свою историческую роль и сделалось совершенно ненужным элементом общества... 3. Крепостное право развилось из местных хозяйственных и на них основанных политических условий, оно не явилось изобретением и нововведением отдельных лиц»³⁶.

Признавая правильность приведенных положений, следует, однако, отметить, что начало крепостного права в Латвии датируется более поздним периодом, т. е. по крайней мере концом XV — началом XVI в. Вместе с тем заслуживает внимания указание Ф. Розиня на то, что закрепощение крестьянства сопровождалось исчезновением крестьянских деревень. Вместо деревень появляются разбросанные крестьянские дворы, что для помещиков было экономически выгодно, так как, уничтожая деревни, они расширяли свою запашку, а изгнанные крестьяне были вынуждены селиться отдельно в лесных чащах и на других, менее плодородных землях. Кроме того, такой порядок был для феодалов выгоден и политически, так как обособленные хутора полностью уничтожили сельскую общину, крестьяне жили рассеянно, поддержки общины у них больше не было и они не могли уже оказывать серьезного сопротивления помещикам. Исследования советских историков в целом подтвердили это мнение Ф. Розиня. Правда, снос крестьянских дворов не всегда означал уничтожение деревень, так как во многих местах их просто не было.

В XVI в. происходит, по мнению Ф. Розиня, дальнейшее усиление крепостничества, что связывается им с Ливонской войной³⁷. Данное суждение требует, однако, критической оценки. Конечно, нельзя отождествлять это мнение Розиня о Ливонской войне как причине ухудшения экономического и правового положения латышских крестьян с концепцией буржуазного историка А. Швабе, который считал Ливонскую войну главной и даже

единственной причиной развития крепостного права³⁸. «Три четверти века продолжавшийся период войн и смут,— писал Ф. Розинь,— способствовал и ускорил основание крепостного права. Но он не создал его. Мы видели, что крепостное право начало развиваться по экономическим причинам именно в период мира и хозяйственного расцвета»³⁹. Очень резко, можно сказать пристрастно, Ф. Розинь характеризовал политику Ивана IV во время Ливонской войны.

Требует критического рассмотрения утверждение Ф. Розиня о политике шведского правительства в XVII в. в Лифляндии, о которой он писал: «Если сознательный латыш может высказать благодарность какому-то правительству и какому-то государю, то это шведское правительство и особенно король Густаф Адольф»⁴⁰. Так же положительно судили о политике шведского правительства в Лифляндии прогрессивный просветитель XVIII в. Гарлиб Меркель, славянофил Юрий Самарин, младолатыши, новотеченцы. Ф. Розинь выделяет политику шведского правительства еще и для того, чтобы этим еще более отчетливо показать благоприятную помещикам и вредную крестьянам политику царизма. Никким образом нельзя эту позицию Розиня о «шведских временах» приравнять к стараниям буржуазных историков Швабе, Карлсона, Дунсдорфа и других идеализировать мероприятия шведского правительства в Лифляндии. Историки Советской Латвии, особенно Я. Зутис, очень тщательно исследовали политику Швеции в Прибалтике и убедительно доказали, что основной целью этой политики было стремление добиться роста государственных доходов, усиления феодальной эксплуатации. Ф. Розинь совершенно правильно указывает на положительное значение судебной и других реформ этого шведского правительства, которые, несмотря на их умеренный характер, в известной мере ограничили произвол помещиков и арендаторов государственных поместий, установили нормы барщины. Но эти реформы смогли благоприятно повлиять главным образом на положение дворохозяев; положение же батраков и бобылей оставалось тяжелым. Ф. Розинь преувеличивал, когда полагал, что шведское правительство думало об отмене крепостного права в Лифляндии и Эстляндии. Оно действительно хотело приравнять судебные и административные учреждения в Латвии и Эстонии к шведским учреждениям. Но нет никаких данных, которые говорили бы о том, что латышским и эстонским крестьянам собирались дать права шведских крестьян, т. е. отменить крепостное право и обеспечить их представительство в риксдаге. Ф. Розинь также преувеличивал в известной мере уровень развития капитализма в Швеции XVII в., сравнивая его с Англией. Он писал, что капитализм в Швеции в XVII в. был «главной экономической причиной, которая побудила денежных людей Швеции вместе со своим „экономическим бастионом“ — крестьянами поддерживать и принуждать королей на конфискацию проданных помещикам имений»⁴¹. Нужно отметить, что «денежные люди в городах» еще не были

такой экономической и политической силой в Швеции, чтобы они смогли бы решающим образом повлиять на политику шведской монархии. Монархия XVII в. в Швеции была феодальной сословной монархией, где господствующим классом было дворянство.

Большим достоинством рассматриваемой работы Ф. Розиня является то, что он был первым латышским историком, который впервые попытался подробно охарактеризовать правовое положение помещиков и крестьян. Он показал, что большая часть помещиков Прибалтики были условными собственниками на основании ленного права, поместий в частной собственности, или аллодов, было очень мало. Только значительно позже, уже в условиях начавшегося разложения крепостничества, указ Екатерины от 3 мая 1783 г. аллодифицировал все поместья Лифляндской губернии; помещики, держатели лена, стали юридически неограниченными собственниками⁴². Все крестьянство периода господства крепостного права Ф. Розинь разделял на восемь категорий, или, как он писал, «классов». Первой группой были вольные или свободные крестьяне (*brīvēzēmiēki; Freibauern*), которые вели хозяйство на земле, не принадлежавшей ни к одной волости. Эти крестьяне на договорных началах становились под защиту феодала, за что они ему оказывали известные услуги; их барщинные повинности были ниже барщинных повинностей и податей других крестьян. В дальнейшем они потеряли всякую самостоятельность. В XVII в. вольные крестьяне стали лейманами или лейдниками, которые были полностью зависимы от помещика, но вместо барщины платили ему лейду, или аренду^{43*}. Следует отметить, что Ф. Розинь смешивал здесь лейманов с лейдниками. В исследованиях советских историков показаны различия между этими двумя категориями крестьянства⁴⁴.

Вторая группа, по Розиню, волостные дворохозяева и крестьяне ваков. «Эти и были,— по его словам,— те настоящие крестьяне, о которых думают, когда говорят или пишут вообще о крестьянах. На их дворах лежали все основные барщинные повинности и подати как в пользу казны, так и в пользу помещика... Их доили и грабили, но остерегались окончательно задущить. Да, этот класс крестьян получил некоторые преимущества по сравнению с остальными классами крестьян»⁴⁵.

Особой группой Ф. Розинь считает так называемых полухозяев (*Halbhäkner, Einfüssling*), которые не имели своего двора, но иногда имели участок земли, за который выполняли для помещика барщинные повинности так же, как дворохозяева. Ф. Розинь признает, что уже в XVII в. эта группа исчезает — те, у которых был большой участок земли, стали дворохозяевами; те, у которых был маленький участок, слились с безземельными⁴⁶.

К безземельным (*vaļinīckī, Lostreiber*) как к отдельной категории Ф. Розинь относил таких крестьян, которые не имели по-

* Лейду можно сравнить с оброком.

стоянного местожительства и не нанмались у какого-то дворохозяина на более или менее длительный срок. Безземельных, которые со временем слились с полухозяевами, звали также хижинниками (*būdeļi*), или банщиками (*pirtnieki*), так как по большей части они жили или в банях у крестьян, или в небольших хижинах. Об их занятиях Ф. Розинь писал, что «некоторые безземельные занимались ремеслом и могли быть относительно зажиточны, их большая часть была поденщики и составляла сельский пролетариат»⁴⁷. Здесь следует отметить, что Ф. Розинь не учитывал то обстоятельство, что специфика феодального найма характеризуется переплетением купли-продажи рабочей силы с принуждением, и поэтому для XVII в. речь может идти в лучшем случае о предшественниках позднейшего пролетариата.

В особую категорию Ф. Розинь выделял так называемых бандиниеков (*bandinieki*); это «батраки дворохозяев, которым вместо годового жалования предоставлялся в пользование участок земли (*banda*) на полях дворохозяина или право на определенное количество хозяйского урожая»⁴⁸.

Предлагаемую Ф. Розинем классификацию крестьянства завершали бобылы (имели верховых лошадей и по приказу шли на войну)⁴⁹, рыбаки (не работали на барщине, снабжали помещика рыбой), дворовые люди, которых Ф. Розинь еще делил на две подгруппы: прислуга помещика и администрация поместья (вагары — управляющие, мейеры, руководители работ, писари, а также шинкари и мельники)⁵⁰.

Ф. Розинь был первым исследователем, который пытался определить социальную стратификацию латышского крестьянства. Все же надо сказать, и это вытекает из самого приведенного Ф. Розинем материала, что такое деление чересчур дробно; в XVII в. оно уже не существовало. Нельзя, например, считать полухозяев, бандиниеков и безземельных отдельными классами. Автор сам признает известную условность своего деления, утверждая «что трудно провести определенную грань между тремя последними видами крестьян. Переход из одной группы в другую совершался очень часто. Особенно потому, что юридическое положение всех трех классов было одинаково»⁵¹.

Рассматривая положение латышского крестьянства в XVIII в., когда «крепостное право дегенерирует в рабство»⁵², Ф. Розинь был первым латышским историком, который связал разложение и кризис крепостничества в конце XVIII — начале XIX в. с развитием капитализма. Он считал, что превращение крепостного права в крепостное рабство в XVIII в., рост барщины представляли собой попытку помещиков спастись от кризиса феодальной экономики, который был вызван капиталистическим развитием. Ф. Розинь, правда, сильно преувеличил уровень развития капитализма в Латвии в конце XVIII в. — начале XIX в., когда капиталистических мануфактур было очень мало, в мызах наемной рабочей силы практически не было. Но в то же время развитие капиталистического уклада в русских губерниях, несомненно,

повлияло в известной мере и на барщинное хозяйство в Латвии.

Ф. Розинь всесторонне проанализировал направленную против крестьян политику царизма и помещиков в Прибалтике и на конкретных фактах показал ее особое ужесточение во время правления Екатерины II. В антикрепостническом движении Розинь считал решающим фактором классовую борьбу крестьян, особенно крестьянские волнения, причем особое внимание он уделял крестьянским волнениям 1784 г. в Лифляндской губернии — так называемым «волнениям из-за подушной подати». Часто описание крестьянских волнений в книге Ф. Розиня неполно (например, сведения о якобы крупных крестьянских волнениях в Лифляндской губернии в 1797 г.)⁵³, но это объясняется тем, что Ф. Розиню не были доступны архивные материалы и он был вынужден искать материалы о крестьянском движении в тенденциозных работах представителей прибалтийско-немецкой историографии⁵⁴. Но, даже используя такую литературу, Ф. Розинь сумел увидеть в крестьянском движении ту силу, которая заставила царское правительство и прибалтийских баронов задуматься о реформах. Нельзя, однако, согласиться с утверждением Ф. Розиня о «самых разумных и самых дальновидных» помещиках — таких, как Ф. А. фон Зиверс, Л. А. фон Мэллин и другие, которые под влиянием крестьянских волнений якобы начали «серьезную систематическую борьбу против рабства латышских крестьян и всеилия лифляндских юнкеров»⁵⁵. Здесь Ф. Розинь некритически следует за взглядами прибалтийско-немецких историков. В действительности же ни Зиверс, ни его сторонники не боролись за ликвидацию крепостного права⁵⁶. Но, переходя к обзору Уложения крестьян Лифляндской губернии (1804 г.), Ф. Розинь опять совершенно правильно указывает на антифеодальное движение крестьян как на мощный фактор, который заставил проводить реформы⁵⁷. О крестьянском законе 1804 г. и о его дополнении (1809 г.) Ф. Розинь писал, что эти законы признали право собственности крестьян на землю, но некоторого улучшения своего положения по этим законам могли ожидать только дворохозяева, в положении батраков и безземельных мало что изменилось, и они оставались «подчинены власти класса хозяев»⁵⁸. Утверждение Ф. Розиня о признании законом 1804 г. права собственности крестьян на землю неточно. Закон лишь ограничил права помещика свободно распоряжаться крестьянскими землями и продавать их без крестьян, дал крестьянам-хозяевам право передачи усадьбы своим наследникам и регулировал размеры барщины⁵⁹.

Его утверждение о том, что после крестьянских законов 1804 и 1809 гг. «наступило время расцвета в земледелии»⁶⁰, не соответствует действительному положению вещей. Так, советские историки⁶¹ выяснили, что землемерная и ревизионная комиссия в Валке, которая согласно этим законам составила новые ваковые книги, значительно увеличила барщину — на 60,5%, крестьяне ответили на это беспорядками.

Ф. Розинь всесторонне рассмотрел вопрос об отмене крепостного права в Прибалтике. Он связывал крестьянскую реформу с усилением капитализма, с необходимостью для помещиков приспособиться к требованиям капиталистической конкуренции и при этом сохранить свои феодальные привилегии. Он приводит статистический материал о ценах на сельскохозяйственные продукты на рынках Европы после наполеоновских войн и показывает, как высокие цены на хлеб побудили прибалтийских помещиков по возможности расширить пахотную землю. В наступившем в 20-х годах XIX в. аграрном кризисе, повлиявшем также на мызное хозяйство в Прибалтике, Ф. Розинь видел доказательство того, «что капитализм уже господствовал в ее хозяйственной жизни»⁶². Автор, несомненно, прав, когда связывает отмену крепостного права с капитализмом, но в 20-х годах XIX в. капитализм еще не был господствующим в экономической жизни Прибалтики. Ф. Розинь доказывает, что, производя продукты для мирового рынка, прибалтийские помещики были вынуждены вести свое хозяйство более рационально, чтобы оставаться конкурентоспособными. Закон 1804 г. мешал помещикам расширить свои поля, присоединяя к ним крестьянскую землю, переходить от трехполья к семиполью. Ф. Розинь показал, что помещики Эстонской и Курляндской губерний, которых не ограничивали никакие препятствия вроде закона 1804 г., «находили дорогу, идя по которой можно было оторвать у крестьян последний кусок кожи с костями и при этом назвать себя либеральными, гуманными и т. д. Нельзя было сказать и писать, что у крестьян похищают их право и собственность, но надо было сказать, что их освобождают от крепостного права, т. е. от их прирожденных и никогда не оспоренных прав собственности на ими же обработанную землю. Освободить! Это звучало красиво, либерально, гуманно и дало помещикам все, что они желали»⁶³. Ф. Розинь показал, что «освобождение» крестьян означало, что у крестьян была отобрана вся их земля и передана в неограниченную собственность помещикам⁶⁴. Крестьяне стали лично свободными, но свобода передвижения была сильно ограничена, и «сам закон об освобождении заботился о том, чтобы освобожденные от земельной собственности крестьяне не освободились бы от барщины у господ»⁶⁵. Отмена крепостного права открыла путь для более полного развития капитализма, но так как она проводилась помещиками в своих интересах, а не в интересах крестьян, то продолжали существовать чрезвычайно сильные остатки феодализма. Другими словами, и в Латвии развитие капитализма после отмены крепостного права шло по тому же пути, который В. И. Ленин назвал «прусским путем» развития капитализма в сельском хозяйстве. Далее Ф. Розинь в своем труде анализирует дальнейшее развитие капитализма в сельском хозяйстве Латвии. Но это особая тема.

Следует отметить, что трудом Ф. Розиня «Латышский крестьянин» интересовался В. И. Ленин. В. И. Ленин просил Я. Бер-

зиня-Зиемелиса перевести некоторые части «Латышского крестьянина»⁶⁶.

Упомянутые критические замечания, понятно, не умаляют научного значения исследования Ф. Розиня. Совершенно прав был академик АН ЛатвССР Я. Зутис, который писал в своем введении к четвертому изданию «Латышского крестьянина», что в каждой странице этого труда можно найти новые мысли и взгляды по основным вопросам истории Латвии⁶⁷. И после выхода «Латышского крестьянина» Ф. Розинь писал о проблемах феодализма в истории Латвии, но в основном повторял положения «Латышского крестьянина». Так, в 1907 г. вышла небольшая книга Ф. Розиня «Катехизис социализма»⁶⁸, в которой в разделе «История» сжато повторены основные положения «Латышского крестьянина» о феодализме в истории Латвии, о крепостном праве в Латвии, о значении феодального города в Латвии и т. п.⁶⁹

Как было сказано выше, не все выводы и оценки Ф. Розиня выдержали оценку временем, однако по целому ряду существенных проблем феодализма в истории Латвии, и в первую очередь в аграрной истории латышского народа, его работы сыграли весьма важную роль в становлении марксистской историографии истории Латвии. Ф. Розинь был первым, кто применил принципы исторического материализма при изучении конкретной истории Латвии, в частности проблем феодализма.

¹ *Зутис Я.* Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX–XX вв.). М., 1955. С. 31–33; *Zutis J. Ievadam gr. Fr. Roziņš. Latviešu zemnieks. Kultūrvēsturiskā un tautsaimnieciskā studija. Vesturiskā daļa, Rīgā, 1958.* 5–8 lpp.; *Левитан С. А.* Исторические взгляды Фриписа Розиня-Азиса: К вопросу о начале марксистской историографии // Тезисы и авторефераты докладов на межвузовской конференции. Воронеж, 1960. С. 39–41; *Драудин Т. Я.* Историография Латвии // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 675–676; *Millers V., Stumbiņa E. Fricis Roziņš (1870–1919): Dzīve un darbs. Rīgā, 1965.* 42–118 lpp.; *Zeids. Feodālisms Livonijā. Rīgā, 1951.* 17–19 lpp.; *Бирон А. К.* Фридис Розинь как историк // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 330–341.

² Полный текст статьи опубликован в сб.: *Proletāriskā revolūcija Latvijā (Пролетарская революция в Латвии).*

³ *Proletāriskā revolūcija Latvijā. I. Strādnieku šķiras partijas sākotne. LKP vēstures materiāli M., 1924.* 188 lpp.

⁴ *Roziņš F. Rakstu izlase. 1 s. 282–310 lpp.*

⁵ *Ibid.* 294 lpp.

⁶ Книга «Латышский крестьянин» издана 6 раз: 1904, 1906, 1920, 1925 (перевод на русский язык с вводной статьей П. И. Стучки), 1958 (с примечаниями и под редакцией Я. Я. Зутиса), 1964 (*Ф. Розинь. Избр. труды, т. 2*). Ссылки на соответствующие страницы «Латышского крестьянина» даны по второму тому «Избранных трудов».

⁷ *Roziņš F. Rakstu izlase. 2 s. 120 lpp.*

⁸ *Ibid.* 123 lpp.

⁹ *J. Krodznieka rēksti. Baltijas vēstures. 3 s. Rīgā, 1914. Kā muižnieku kārta Baltijā cēlusies un attīstījusies. 30–87 lpp. Par zemes dālderī un arklū. 141–152 lpp. Lielais Lielkungs un mazie lielkungi. 152–171 lpp.* Статья перепечатана из журнала «Ауструмс» за 1885–1898 гг.

- 10 *Olavs V.* Dzimtubūšana Baltijā cālusies. Rīgā, 1887.
- 11 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 122 lpp.
- 12 Ibid.
- 13 Ibid. 124 lpp.
- 14 Ibid. 127 lpp.
- 15 Ibid.
- 16 *Olavs V.* (Plutu Vilis). Latvju vēsture līdz 12. gadusimteņa beigām. Jelgavā, 1892. Iz latviešu-leišu vēstures. F. Veinberga (1885. gada izdevuma atjaunojums), Rīgā, 1921.
- 17 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 128 lpp.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid. 129 lpp.
- 20 См.: *Моора Х., Лугу Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века: К вопросу о возникновении феодальных отношений. Таллин, 1969. С. 60, 61, 62.
- 21 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 140 lpp.
- 22 Ibid. 142 lpp.
- 23 Ibid. 144 lpp.
- 24 Ibid. 147 lpp.
- 25 Ibid.
- 26 Ibid. 160 lpp.
- 27 Ibid. ²⁸ Ibid. 162 lpp.
- 29 Ibid. ³⁰ Ibid.
- 31 Ф. Розинь неправильно называет документ 1494 г. «договором». Этот источник 1494 г.— постановление Рижского магистрата о порядке выдачи беглых крестьян. (Rigasche Läuflingsverordnung). *G. F. v. Bunge. Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-Est-und Curland bis zum Jahre 1561.* Dorpat, 1838, S. 10; *A. V. Richter. Geschichte der dem russischen Kaisertum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben.* Teil 1. Band 2. Riga, 1858. S. 142.
- 32 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 163 lpp.
- 33 Ibid. 167 lpp.
- 34 Ibid. 169 lpp.
- 35 Ibid. 175 lpp.
- 36 Ibid. 182–183 lpp. ³⁷ Ibid. 196 lpp.
- 38 *Schwabe A.* Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928. S. 126, 144.
- 39 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 200 lpp.
- 40 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 200 lpp.
- 41 Ibid. 231 lpp.
- 42 Ibid. 203 lpp.
- 43 Ibid. 210 lpp.
- 44 См.: *Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960. С. 276–277.
- 45 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 209 lpp.
- 46 Ibid. 210–211 lpp.
- 47 Ibid. 211 lpp.
- 48 Ibid.
- 49 Ibid. 212 lpp. ⁵⁰ Ibid. 213 lpp.
- 51 Ibid. 212 lpp. ⁵² Ibid. 243 lpp.
- 53 Ibid. 266 lpp., 271–272 lpp., 273 lpp.
- 54 Самые полные сведения о крестьянских волнениях во второй половине XVIII в. имеются в монографии: *Stepermanis M. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750–1784.* Rīgā, 1956.
- 55 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 272 lpp.
- 56 Это убедительно показал Я. Зутис в своей работе о Латвии в период распада барщинного хозяйства. (См.: *Zutis J. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā.* Rīga, 1953.
- 57 *Rozīņš F.* Rakstu izlase. 2 s. 275 lpp.
- 58 Ibid. 278 lpp.

- ⁵⁹ История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 448—449.
- ⁶⁰ *Rozīņš F. Rakstu izlase.* 2 s. 294 lpp.
- ⁶¹ *Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804—1812).* Rīgā, 1954.
- ⁶² *Rozīņš F. Rakstu izlase.* 2 s. 281 lpp.
- ⁶³ *Ibid.* 283 lpp.
- ⁶⁴ *Ibid.* 281 lpp.
- ⁶⁵ *Ibid.* 283 lpp.
- ⁶⁶ *Берзинь-Зиемелис Я. А. Первые встречи с Лениным // Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии.* Рига, 1969. С. 32. См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1971. Т. 2. С. 291.
- ⁶⁷ *Zutis J. Ievadam.* gr. F. Rozīņš. *Latviešu zemnieks. Kultūrvēsturiskā un tautsaimnieciskā studija. Vēsturiskā daļa.* Rīgā, 1958. 6—7 lpp.
- ⁶⁸ *Azis. Sociālisma katķisms pēc Н. Kvelca un Belfort-Baksa.* Pēterburgā, 1907. Эта книга — переработка пропагандистской брошюры двух деятелей рабочего движения Латвии, но те части ее, в которых идет речь об истории Латвии, написаны Ф. Розинем совершенно самостоятельно.
- ⁶⁹ *Rozīņš F. Rakstu izlase.* 2 s. Rīgā, 1964. 398—400 lpp.

НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСИПА ЛЬВОВИЧА ВАЙНШТЕЙНА (1894—1980)

Б. Я. Рамм

Начало научной деятельности О. Л. Вайнштейна, крупного советского историка-медиевиста и историографа, относится к первому пятилетию после Октябрьской революции.

В 1915 г. О. Л. Вайнштейн окончил одесскую гимназию, а в 1919 г. — историко-филологический факультет Новороссийского университета. Его студенческая работа «Начало раскола в францисканском ордене» была по решению Ученого совета представлена к публикации в «Трудах университета». Именно в это время О. Л. Вайнштейн окончательно определил свои научные интересы — изучение истории западноевропейского средневековья. По представлению его научного руководителя профессора Е. Н. Щепкина он был в январе 1920 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и уже через три года начал читать курс лекций по истории средних веков как в университете, так и в некоторых других одесских вузах. Одновременно он стал работать в Одесской центральной научной библиотеке (ОЦНБ), сначала в качестве заведующего отделом, а затем и ее директором. Он глубоко изучает богатые рукописные фонды этой библиотеки, обратив особое внимание на «Воронцовский фонд» и фонд А. Г. Строганова, побывавшего во Франции в 40-х годах XIX в. и вывезшего оттуда множество ценных исторических источников, в частности коллекцию «Orientalia»¹. На основе этих фондов были подготовлены его первые публикации. В ходе своих разысканий О. Л. Вайнштейн обнаружил не-

известные материалы, позволившие ему выпустить ряд исследований, в которых проявился особый интерес автора к истории революционной борьбы во Франции.

В 1924 г. вышла из печати первая монография О. Л. Вайнштейна, написанная по материалам «Воронцовского фонда», — о французской эмиграции в годы Великой французской революции конца XVIII в.² Она получила высокую оценку Е. В. Тарле и В. П. Бузескула, и по их представлению была премирована Наркомпросом Украины.

На основе других материалов того же фонда он в течение нескольких лет опубликовал также целую серию работ о Парижской Коммуне, в том числе одну монографию, изданную на русском и на украинском языках³.

В этих работах, а также и в других публикациях⁴ основное внимание уделяется вопросам социально-экономической политики Коммуны, анализируется характер выступлений рабочих Парижа в период, предшествовавший провозглашению Коммуны, и роль пролетариата в революционной борьбе. С позиций марксистской методологии он подверг серьезной критике работы буржуазных историков. Его статья об историческом значении Парижской Коммуны вызвала интерес и была перепечатана в ряде изданий⁵. Истории Парижской Коммуны О. Л. Вайнштейн уделял внимание и в последующее время⁶.

В те же 20-е годы он опубликовал еще один интересный материал по истории Франции, обнаруженный среди рукописей «Воронцовского фонда». Это был никем еще не исследованный фрагмент из неизданного варианта рукописи Ваньера — секретаря Вольтера, который позволяет уточнить некоторые подробности биографии Вольтера в связи с делом Каласа⁷.

На основе материалов «Воронцовского фонда», «Orientalia» О. Л. Вайнштейн изучал вопрос о судьбе французских торговых колоний на Леванте в эпоху Великой французской революции.

Итоги исследования этой проблемы были им доложены на одном из заседаний секции всеобщей истории I Всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в 1928 г.⁸

С конца 20-х годов научные интересы О. Л. Вайнштейна сосредоточиваются на проблемах сущности европейского феодализма, общего и особенного в его развитии⁹. Эти проблемы он пытался осмыслить на основе истории Франции, Германии и Италии¹⁰.

С конца 30-х годов О. Л. Вайнштейн расширяет круг своих научных интересов. Его внимание привлекает культура раннего средневековья¹¹. Кроме того, на протяжении ряда лет он углубленно анализирует события, связанные с гвельфским переворотом во Флоренции в 1267 г. и обстоятельствами, предшествовавшими введению там приората. Он показывает, что причины этого переворота — столкновение противоречивых интересов различных группировок — гвельфов и гибеллинов, грандов и пополанов, «жирного» и «тощего» народа, а также политика, проводившаяся

папством. Работал О. Л. Вайнштейн также и над вопросами, связанными с более поздними событиями истории Флоренции, в частности с восстанием чомпи в 1378 г. К сожалению, большое исследование по проблемам классовой борьбы, подготовленное к печати, осталось неопубликованным.

Свой вклад в советскую историческую науку на этапе ее становления О. Л. Вайнштейн внес не только как исследователь. Он являлся одним из членов-учредителей Общества историков-марксистов и был активным постоянным автором журнала, издававшегося этим обществом.

В 1935 г. О. Л. Вайнштейн становится заведующим кафедрой истории средних веков Ленинградского университета. Тем самым закончился первый, одесский, период его научной и общественной деятельности.

В Ленинграде перед ним открылись более широкие, чем в Одессе, перспективы и возможности. Он вступил в крупный коллектив ученых, некоторые из них обладали мировой известностью (Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, С. И. Ковалев и др.). На возглавленной им кафедре работали такие выдающиеся медиевисты до-революционной школы, как И. М. Гревс, О. А. Добиап-Рождественская, В. Н. Бенешевич, а также и более молодые — М. А. Гуковский, М. В. Левченко и др. Под руководством О. Л. Вайнштейна кафедра активно включилась в дело перестройки системы исторического образования, намеченной решениями партии и правительства в 1934—1936 гг.

Руководство такой кафедрой было нелегким делом, с которым мог справиться лишь зрелый ученый, твердо стоящий на марксистско-ленинских позициях, вооруженный опытом многолетней научно-исследовательской и научно-педагогической работы, обладающий широкой эрудицией и подлинной страстью к науке. Таким и был О. Л. Вайнштейн. Чтение им общего курса истории средних веков для всех студентов и аспирантов (его слушателем был и автор этих строк) с первых же дней возбудило живейший интерес. Столь же успешно вел О. Л. Вайнштейн и аспирантский спецсеминар по историографии средневековья, который посещали не только медиевисты, но и многие аспиранты других кафедр. Вскоре О. Л. Вайнштейн начал читать лекционные курсы также и в Академии истории материальной культуры (ГАИМК), в Институте усовершенствования учителей, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он выступал с лекциями в Доме ученых по линии Общества по распространению политических и научных знаний и т. п. За короткое время он приобрел авторитет в кругах ленинградских историков. Работал он чрезвычайно методично, по заранее подготовленному и точно выполняемому плану. Ведя большую педагогическую работу, он в первые же месяцы после своего переезда в Ленинград принял ся за создание учебных пособий. В короткий срок он отработал текст своего лекционного курса для студентов заочного отделения университета объемом в шестьсот страниц. Это литографиро-

ванное издание являлось в течение нескольких лет единственным пособием не только для заочников ЛГУ, для которых оно предназначалось, но и для остальных студентов как исторического, так и других гуманитарных факультетов¹².

Спустя два года появился первый том первого советского учебника по истории средних веков для студентов исторических факультетов, изданный Институтом истории Академии наук СССР под редакцией А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна, а в следующем году под редакцией С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна — второй том¹³. Еще через два года вышло второе издание этого учебника под редакцией О. Л. Вайнштейна совместно с А. Д. Удальцовым и Е. А. Косминским¹⁴. Помимо редактирования, в первом томе этого издания О. Л. Вайнштейну принадлежит четыре главы. В эти же годы он в качестве автора и редактора работал над методическими пособиями для студентов и учителей средней школы по курсу истории средних веков¹⁵, подготовил к печати книгу безвременно умершего П. П. Щеголева, которая представляла собой курс лекций, прочитанных этим молодым ученым на историческом факультете Ленинградского института литературы, филологии, истории (ЛИФЛИ) в 1934/35 учебном году¹⁶.

Позднее, уже после войны, О. Л. Вайнштейн создал еще одно учебное пособие по истории средних веков — специальный курс для студентов неисторических факультетов¹⁷.

Еще в первом, одесском, периоде своей деятельности О. Л. Вайнштейн сделал краткий обзор научных работ, изданных по истории Западной Европы в советских периферийных вузах за 1924—1926 гг.¹⁸ В этом обзоре он показал важность изучения историографии средних веков советскими историками. В 1927 г. им была опубликована статья об исторической науке в средние века¹⁹. В конце 30-х годов О. Л. Вайнштейн пишет статью о современном кризисе буржуазной исторической мысли²⁰. После этих первых опытов О. Л. Вайнштейн переходит к подготовке фундаментального труда по историографии средневековья. Следует отметить, что в 20-х годах проблемы медиевистики отнюдь не были в чести у большинства советских историков.

Однако уже в начале 30-х годов внимание советских историков-марксистов к этому периоду усилилось, что было связано, в частности, с разработкой проблемы периодизации всемирной истории. Существенный вклад в решение этой задачи внес и О. Л. Вайнштейн, выступивший с серией статей об изучении периода феодализма исторической наукой²¹, явившихся подготовительной стадией к созданию им первого марксистского учебного курса по историографии средних веков²². Широкий охват и глубина анализа, отличавшие этот труд, плод многолетней работы, способствовали признанию его крупным вкладом в развитие советской медиевистики.

В эти же годы О. Л. Вайнштейн подготовил и опубликовал интересную статью о значении работ Фридриха Энгельса в ме-

диевистике, где показал его роль в разработке марксистской концепции феодального периода истории человечества²³.

Статья «Энгельс как историк средних веков» была написана О. Л. Вайнштейном в первые месяцы 1941 г. Это была его последняя работа довоенного периода. В Казани и Саратове, куда он был эвакуирован после начала войны в составе профессорско-преподавательского персонала Ленинградского университета, в чрезвычайно напряженной обстановке возобновилась его преподавательская практика. Научную же работу приходилось пока если не отложить, то, во всяком случае, решительно перестроить.

О. Л. Вайнштейн, как и другие историки университета, выступал с лекциями в массовых аудиториях и в воинских частях, написал ряд брошюр и статей, в которых вскрывал исторические корни и сущность германского фашизма, рассматривал проблему соотношения пангерманизма и фашизма и т. д.²⁴.

Он также принял участие в создании книги очерков по случаю 125-летия ЛГУ (раздел — «исторические науки») ²⁵, а в послевоенные годы и другой — о развитии Ленинградского университета за годы Советской власти ²⁶. Заметки о юбилее университета, а также о деятельности исторического факультета в годы войны были опубликованы им в «Историческом журнале» ²⁷.

В трудных условиях эвакуации О. Л. Вайнштейн, помимо преподавания в университете и большой общественной деятельности, все же урывал время для серьезной научной работы. Он начал разрабатывать проблему внешней политики России в связи с Тридцатилетней войной. И вскоре после окончания Великой Отечественной войны и возвращения к необходимым источникам и литературе, опубликовал книгу, посвященную этой проблеме ²⁸. Тема эта была совершенно не разработана. О роли России в европейских международных отношениях умалчивали авторы «даже самых обширных трудов по истории Тридцатилетней войны», писал О. Л. Вайнштейн.

Книга О. Л. Вайнштейна «Россия и Тридцатилетняя война» основана на широком круге источников. Книга получила высокую оценку в многочисленных рецензиях, а доклад автора о ней, сделанный им еще до завершения этой работы на заседании секции исторических наук Юбилейной научной сессии Ленинградского университета по случаю его 125-летия, привлек особое внимание специалистов ²⁹.

Закончив работу над книгой, в ожидании выхода ее в свет О. Л. Вайнштейн опубликовал статью, свидетельствующую о том, что автор продолжает дальнейшие изыскания в том же направлении. Статья представляет собой обзор источников и литературы о русско-шведской войне 1656—1658 гг. и связи ее с результатами закончившейся в 1648 г. Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальским миром ³⁰.

В 1951 г. О. Л. Вайнштейн опубликовал новую статью по этой теме, в которой рассмотрены проблемы экономического положения России в середине XVII в. в связи с ее внешней политикой ³¹.

Работа над этими проблемами отечественной истории вызвала у О. Л. Вайнштейна стремление к дальнейшему углублению и обобщению некоторых положений о международной роли России в средние века, что он и сделал в новой статье, опубликованной в «Вестнике Ленинградского университета»³².

В течение нескольких лет, с 1951 г., О. Л. Вайнштейн работал заведующим кафедрой в Киргизском университете во Фрунзе, где вел большую педагогическую работу, подготовил нескольких аспирантов, написал две научные статьи, опубликованные позднее в «Ученых записках» этого университета³³.

Возвратившись в 1955 г. в Ленинград и возобновив работу в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, он снова вернулся к начатой еще в конце 40-х годов исследовательской работе по русско-шведским отношениям в XVII в. Вскоре ему стало ясно, что для успешного ее продолжения необходимо ознакомление со шведскими архивными фондами. С этой целью он получил в 1956 г. научную командировку в Швецию, где провел большую и очень плодотворную работу³⁴. Однако дальнейшая разработка этой исследовательской проблемы осталась незавершенной.

Основным направлением научных интересов О. Л. Вайнштейна по возвращении в Ленинград стала историография, история исторической науки, чем он начал заниматься еще с 1940 г.

Начало новому циклу работ по историографии положил опубликованный в 1956 г. обзор новейшей буржуазной литературы по истории исторической науки³⁵.

Следующей работой, написанной в историографическом плане О. Л. Вайнштейном совместно с Б. А. Чагиным, является статья «К истории социально-политических идей»³⁶.

В эти же годы О. Л. Вайнштейн рецензировал первый том «Очерков по истории исторической науки в СССР», сборники «Средние века». В 1956—1958 гг. опубликовал большую статью об изучении истории Франции в СССР, в которой дал подробный обзор работ советских историков по основным проблемам, начиная с меровингских времен и до новейшего времени³⁷.

В начале 60-х годов были опубликованы работы О. Л. Вайнштейна по ряду теоретических вопросов современной буржуазной историографии³⁸. В статье о современной американской медиэвистике он рассматривает одну из другой работы ее современных представителей³⁹. На конкретных фактах, указывая точно имена и названия, он анализирует их методологические позиции, показывает их все более явный отход от традиций либеральной буржуазной историографии XIX в.: «просветительства», позитивизма. Отрицание объективной закономерности и рационализма, признававшихся в XIX в. буржуазно-либеральными течениями, неизбежно приводит к открыто реакционной, политизированной историографии, отрицающей само понятие закономерности исторического процесса, роль в нем экономики, силу и значение народных движений. В основном эти работы имеют, по мнению

О. Л. Вайнштейна, одну цель — дискредитировать марксистско-ленинскую методологию, социалистическую идеологию и вместе с тем советскую историографию.

В рассматриваемых публикациях показан глубокий кризис исторической и философской мысли на Западе.

Особый интерес представляет его статья о средневековой историографии⁴⁰. В начале ее дан сжатый критический обзор важнейших работ буржуазных историков XIX—XX вв., заканчивающийся выводом о том, что «при всех особенностях западноевропейской средневековой историографии на различных ее этапах, она все же отличается известной однородностью, позволяющей, несмотря на различные отклонения от нормы, дать ей классово-идеологическое определение как феодально-церковной или феодально-клерикальной историографии»⁴¹.

Во втором разделе статьи О. Л. Вайнштейн, опираясь на свидетельства средневековых авторов (Августина, Исидора Севильского, Фомы Аквинского, Гвиберта Ножанского и ряда других), характеризует классовые черты средневековой историографии, выраженные достаточно ярко в их произведениях.

В третьем разделе автор критически анализирует исторические представления средневековых хронистов.

Итоги многолетнего изучения средневековой историографии О. Л. Вайнштейном были подведены в фундаментальной монографии, в которой дана наиболее полная и систематическая картина всего ее развития⁴². Этот труд явился реализацией главной задачи, которую автор поставил перед собой в своей научной деятельности.

Монография имеет обширный научный аппарат, который в подстрочных примечаниях содержит не только огромную библиографию, но и большой справочный материал. О масштабах этого аппарата говорит несколько цифр: в книге 800 подстрочных примечаний, многие из которых насчитывают 8—10 строк, в именном указателе 1200 имен.

Собственно средневековая историография прослежена в книге в двух частях: с IV до XV в. и с XV до середины XVII в. по четырем главным западноевропейским странам — Франции, Англии, Италии и Германии. Излагая развитие историографии, автор выходит за рамки узкоисторических произведений, охватывая в своем исследовании философские, правовые, церковные сочинения, которые рассматриваются в соотношении с историческими взглядами и представлениями данной эпохи.

Следующая исследовательская проблема, к изучению которой перешел О. Л. Вайнштейн — история советской медиевистики. В этом плане представляет большой интерес выступление О. Л. Вайнштейна по вопросам историографии на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 года. Отметив значение средневековых «эрудитов» и их исторических сочинений для позднейшей историографии, он высказался за необходимость отказаться от искусственного дробления историографии на древнюю, сред-

ную, новую и т. д., — «дробления, которого нигде не существует, помимо наших университетских планов». Историческая наука, процесс ее развития едины. «...Не следует забывать, что новейшая история, история современности, сделалась наукой именно благодаря этим эрудитам и антикварам (так в XV—XVII веках назывались ученые, занимавшиеся историей далекого прошлого, а историками назывались только те, кто занимался историей своего или близкого к ним времени)». Далее он отметил, что «принципы исторической критики, на которых основывается вся техника научного исследования, родились именно в процессе работы над историей далеких эпох, новейшая история заимствовала эту технику и эти принципы. Поэтому нельзя пренебречь историей отдаленных эпох: ведь упадок этих областей науки будет означать и падение научного уровня изучения современности. Это — теснейшим образом связанные между собой разделы истории, и это нужно иметь в виду, когда мы говорим, что никоим образом нельзя допустить в нашей стране упадка изучения истории античности и средних веков, забвения целого ряда специальных и вспомогательных дисциплин»⁴³.

А в 1968 г. вышел в свет третий фундаментальный историографический труд О. Л. Вайнштейна, посвященный советской медиевистике⁴⁴. Этим изданием он реализовал еще одну задачу, к выполнению которой готовился многие годы. Впервые появилась монография, охватывающая первое пятидесятилетие истории советской исторической науки о западноевропейском средневековье. Автор шел к этой книге двумя путями: конкретно-историографическое исследование соединялось с разработкой теоретических вопросов истории средневековья. Прослеживая процесс развития советской медиевистики, автор устанавливает три его периода: с 1917 до начала 30-х годов; 30-е годы до середины 50-х годов; с середины 50-х годов. Соответственно книга содержит и три части, не считая введения, которое знакомит с основными оценками классиков марксизма-ленинизма по средневековой истории, и заключения, кратко подытоживающего все исследование.

По своему содержанию книга О. Л. Вайнштейна не ограничивается узкоисторической тематикой. Автор, как и в монографии о западноевропейской историографии, рассматривает работы экономистов, юристов, социологов и философов.

Проблемы советской медиевистики рассматриваются О. Л. Вайнштейном не изолированно, а в контексте общего процесса развития этой отрасли исторической науки.

Достоинством этой книги является также ее широкая источниковая база: помимо публикаций, анализируются стенограммы и отчеты о научных совещаниях, симпозиумах, конференциях, конгрессах, на которых дискутировались вопросы медиевистики.

После завершения работы над монографией по истории советской медиевистики О. Л. Вайнштейн вновь обратился к теоретическим проблемам исторической науки. Интерес к методологии

стимулировало, несомненно, еще и то, что он руководил методологическим семинаром в Ленинградском отделении Института истории. В этом семинаре он и сам выступал с докладами.

Еще до выхода в свет «Истории советской медиевистики» Вайнштейн опубликовал статью, в которой была рассмотрена проблема содержания, границ и специфики теоретических дисциплин истории⁴⁵. Он констатировал, что советские историки пока недостаточно уделяют внимания теоретическим вопросам: плохо разработан понятийный аппарат, имеет место определенная неясность в понимании содержания и соотношения отдельных теоретических дисциплин (исторического материализма, социологии, философии истории, логики исторического исследования и др.). Включаясь в дискуссию, О. Л. Вайнштейн предлагает «выделить... следующие четыре теоретические дисциплины истории: 1) методология истории; 2) теоретическая социология, утрачивающая свое значение по мере того, как в конкретных марксистско-ленинских исторических трудах все шире применяется социологический метод исследования; 3) философия истории (без всяких идеалистических добавлений «формальная», «теоретическая» и т. п.); 4) логика исторического исследования, познания, мышления».

По мнению О. Л. Вайнштейна, в последние десятилетия реакционные буржуазные философы, социологи, историки все более откровенно выступают не только против марксизма, коммунизма, но и вообще против всякой идеи прогресса, отрицают само это понятие и даже отвергают саму идею закономерности общественного развития. В указанной статье даны характеристики концепции целого ряда современных буржуазных теоретиков, выступавших по этим темам, отмечен поворот многих из них к теологии и клерикализму. В ходе подготовки будущей книги О. Л. Вайнштейн опубликовал еще несколько статей, посвященных отдельным проблемам методологии истории⁴⁶.

Обращаясь еще раз к вопросу о соотношении истории, философии и социологии, он констатирует наличие множества вариантов решения этой проблемы в буржуазной историографии, противоречивость этих концепций, их неопределенность у многих авторов. Подчеркнув, что «в марксистско-ленинской литературе этой путанице противостоит единство в главном». О. Л. Вайнштейн отмечает, однако, что и здесь все же у отдельных авторов, стоящих на позициях марксизма, имеются расхождения, которые «касаются, главным образом, вопроса о соотношении социологии и диалектико-материалистического историзма»⁴⁷.

Итогом размышлений О. Л. Вайнштейна о проблемах методологии исторического исследования явилась его четвертая монография — «Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках»⁴⁸.

Рассматривая буржуазные историко-социологические и историко-философские школы — позитивизм, разновидности буржуазного историзма, О. Л. Вайнштейн показывает наличие глубокого

кризиса буржуазной исторической науки, откровенный отказ от концепции историзма уже в начале XX в., усиление этой тенденции вплоть до настоящего времени, когда ясно обозначился переход современной буржуазной историографии к антиисторизму под флагом антикоммунизма.

Большой интерес представляет третья часть книги, в которой рассматриваются вопросы методологии и методики общественных наук, и в частности истории.

Развивая идеи, высказанные им в ранее опубликованных статьях, автор более основательно анализирует концепции буржуазных обществоведов о соотношении социологии и исторической науки, показывает, какая путаница взаимоисключающих положений и выводов, да и просто определений наблюдается в современной литературе по этим проблемам. Сказывается явное стремление буржуазных социологов вытеснить историческую науку социологией настолько, «чтобы при обработке чисто исторического материала они могли бы пользоваться не историческими, а своими собственными социологическими методами. В этой связи и возникла и особая „эволюционная социология“ (в Англии — Поппер, в США — Парсонс), которая подчиняет историческое развитие во времени („диахронию“) задачам „синхронии“ — неисторическому исследованию общественных систем»⁴⁹.

О. Л. Вайнштейн всегда стремился к пополнению источниковой базы своих исследований. С этой целью он неоднократно выезжал за границу для работы в архивах и библиотеках, принимал участие в международных съездах историков (в Вене в 1965 г. и в Москве в 1970 г.).

Сушествен вклад О. Л. Вайнштейна и в создание коллективных трудов по истории Западной Европы. Это были, главным образом, учебники по истории средних веков и некоторые энциклопедические статьи. Особо следует отметить работу О. Л. Вайнштейна в качестве редактора или члена редколлегии. Ряд выпусков «Ученых записок ЛГУ», «Ученых записок Киргизского университета», «Научно-методические записки Ленинградского института усовершенствования учителей», пятый и шестой тома «Всемирной истории», «Французский ежегодник. 1964», три сборника Ленинградского Отделения Института истории АН СССР, «Критика новейшей буржуазной историографии» и другие издания прошли редактуру О. Л. Вайнштейна — всегда творческую, глубоко научную и принципиальную.

Активно участвовал О. Л. Вайнштейн во всех изданиях «Большой Советской Энциклопедии» как автор, редактор и рецензент.

Велика была забота О. Л. Вайнштейна и о научной смене. Всюду, где он работал, он активно участвовал в подготовке аспирантов. В 1955 г. под его руководством окончили аспирантуру 19 человек, 18 из которых с успехом защитили диссертации. Общее же число тех, у кого он был научным руководителем, составляет около 30 человек.

Шестьдесят лет отдал О. Л. Вайнштейн советской историче-

ской науке. Три поколения историков знали его как великолепно-го педагога, щедро делившегося всем, что сам знал, умело, с подлинной любовью к делу указывавшего верный путь в науке.

- ¹ *Вайнштейн О. Л.* Граф А. Г. Строганов у Франції в 1842–45 pp. // *Бібліологічні Вісті*. Київ, 1924. № 3. С. 147–162; Коллекция «Orientalia» в «Воронцовском фонде» Одесской научной библиотеки // *Новый Восток*. 1924. № 3. С. 9–26; Музей книги в Праці Одеської центральної наукової бібліотеки. Одеса, 1927. С. 17–55.
- ² *Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции, 1789–96: По материалам Воронцовской библиотеки/Под ред. и с предисл. проф. А. Васютинского.* Харьков: Гос. изд-во Украины, 1924.
- ³ *Этюды й розвідки з історії Паризької Комуні.* Харків: Вид-во «Пролетар», 1931; *История Парижской Коммуны*. М., 1932.
- ⁴ *Революційні організації в період першої облоги // Прапор марксизму.* 1928. № 2. С. 167–190; *Парижская Коммуна: Сб. статей/Под ред. Н. М. Лукина.* М.: Партиздат, 1932. С. 64–76.
- ⁵ *К вопросу о научной разработке истории Парижской Коммуны // Историк-марксист.* 1926. № 1. С. 299–302; *Збірник заходознавства.* 1925. Т. 2. С. 146–162.
- ⁶ *См.: Парижская Коммуна и Французский банк // Историк-марксист.* 1926. № 1. С. 11–47.— То же // *Записки Одесского Института народного просвещения.* 1927. № 1. С. 147–189; То же // *Журнал научно-исследовательских кафедр г. Одессы.* 1927. № 1. *Парижская Коммуна и протариат в революции 1871 года // Изв. АН СССР: Отд-ние гуманитар. наук.* 1930. № 6. С. 383–414; № 7. С. 467–488; *Нова праця про Паризьку Комуну // Прапор марксизму.* 1929. № 1. С. 162–166; *Новые книги о Парижской Коммуне 1871 года // Историк-марксист.* 1934. Т. 2. С. 156–159; *Зарубежная историография Парижской Коммуны 1871 года // Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961.* Т. 2. С. 602–621.
- ⁷ *Невиданий уривок про Вольтера // Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе.* 1924. Т. 1, № 7. С. 44–50.
- ⁸ *Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции. См.: Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов.* М., 1930. Т. 2. С. 113–137. Расширенный вариант доклада был опубликован в кн.: *Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции: Сб. статей.* М.; Л., 1931. С. 348–393. На основе доклада была также опубликована ст. «Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток» (*Новый Восток*. 1929. № 25. С. 216–235; № 26/27. С. 210–253, а также в *Учен. зап. ЛГУ.* 1940. № 52. Сер. ист. наук. Вып. 6. С. 191–229.
- ⁹ *См.: Зап. Одеського інс-ту народної освіти.* 1927. Т. 1, № 7. С. 9–21; *Тенденційність флорентійських хроністів в освітленні гвельфського перевороту 1267 р. // Ювілейн. збірник на пошану ак. Грушевського.* Київ, 1928. С. 457–466; *Тенденциозность флорентийских хронистов в освещении гвельфского перевороту 1267 г. // Историк-марксист.* 1926. № 2. С. 457–482; *Занепад античного світу в освітленні новітньої історіографії // Прапор марксизму.* 1929. № 5. С. 186–192; *Разбор II тома кн. В. С. Сергеева «Очерки по истории Древнего Рима» // Науч.-метод. зап. Ленингр. гор. ин-та усовершенствования учителей. Фак. истории.* 1938. Т. 2. Вып. 1. С. 168–178; *Этнические основы государств Одоакра и Теодориха в Италии // Историк-марксист.* 1938. № 6. С. 134–158; *Очерк историографии западноевропейского феодализма // Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе.* М., 1932. Ч. 1. С. 136–164; *Западноевропейский феодализм // Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе.* Л., 1933.
- ¹⁰ *Германия IX–X вв.: Особенности феодального развития Германии в IX–X вв. // Науч.-метод. зап. Ленингр. гор. ин-та усовершенствования учителей.* 1938. Т. 2. Вып. 1. С. 5–22; *Германские княжества во второй половине XVII в. // Всемирная история.* М., 1958. Т. 5. Гл. 17. С. 401–

420. В соавторстве с В. Ф. Семеновым; Франция. Средние века (IX—XV вв.) // БСЭ. 1936. Т. 58. Стб. 474—485; Введение // Огюстен Тьерри. Избр. сочинения. М., 1937. С. VIII—XXVI. (О. Л. Вайнштейн являлся также редактором этого издания); Италия. Средние века (V—XVIII вв.) // БСЭ. М., 1936. Т. 30. Стб. 141—176; Франция, Германия и Италия в период раннего феодализма // Всемирная история. М., 1957. Т. 3. Гл. X. С. 166—187; Дипломатическая подготовка Столетней войны // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л.: Наука, 1972. С. 392—411.
- ¹¹ Культура Западной Европы в период раннего средневековья (IX—X вв.) // Ист. журн. 1938. № 6. С. 72—86; Культура западноевропейского средневековья (XI—XIV вв.) // Там же. 1939. № 10. С. 85—100; Культура раннефеодального общества во Франции, Германии и Италии в IX—X вв. // Всемирная история. М., 1957. Т. 3. Гл. X. С. 184—187;
- ¹² Средние века: Лекции 1—45. Л., 1936—1937. Литогр. изд.
- ¹³ История средних веков. М., 1938. Т. 1. 592 с.; М., 1939. Т. 2. 560 с.
- ¹⁴ История средних веков. 2-е изд. М., 1941. Т. 1. 507 с.; Т. 2. 561 с.
- ¹⁵ Методические указания для заочников к программе по курсу истории средних веков. Л., 1938. Вып. 1—6.
- ¹⁶ См.: *Шеголев П. П.* Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв.: Курс лекций. Л., 1938. 491 с.
- ¹⁷ История средних веков: Собрание для неисторических факультетов/Отв. ред. А. Д. Люблинская. Л.: Изд-во ЛГУ. 1946. 424 с.
- ¹⁸ Научно-исследовательская работа по истории Западной Европы в советских провинциальных вузах в 1924—1926 годах по их публикациям // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 209—212.
- ¹⁹ Историческая наука в средние века // Журнал научно-исследовательских кафедр г. Одессы. 1927. № 1. С. 60—76.— То же // Ист. журн. 1940. № 9. С. 66—76.
- ²⁰ Современный кризис буржуазной исторической мысли // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 24—38.
- ²¹ *Вайнштейн О. Л.* К вопросу о периодизации истории // Учен. зап. ЛГУ. История. 1939. № 39. С. 135—145; Наука истории средних веков в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1940. № 8; Развитие историографии средних веков в царской России // Там же. № 9. С. 99—114; Начало буржуазной исторической науки // Ист. журн. 1940. № 6; Романтическая историография в Германии (1800—1848) // Историк-марксист. 1940. № 5. С. 64—77.
- ²² Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. М.; Л., 1940. 376 с.; Историография средних веков: Тезисы к дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. Л.: Изд-во ЛГУ. 1940. 9 с.
- ²³ *Он же.* Энгельс как историк средних веков: К 120-летию со дня рождения // Учен. зап. ЛГУ. № 86. Сер. ист. наук. Вып. 12. 1941. С. 3.
- ²⁴ См.: *Вайнштейн О. Л., Полегика Н. П., Гужковский М. А.* Железом и кровью: Судьбы гитлеровской Германии в зеркале истории. М.: Госполитиздат, 1941. 31 с.; *Вайнштейн О. Л.* Национальная демагогия в политике германского фашизма // Вестн. АН СССР. 1942. № 2/3. С. 26—39; *Он же.* Внутреннее положение гитлеровской Германии. Саратов, 1943. 48 с.; *Он же.* Пангерманизм и немецкий фашизм в XIX—XX вв. // Учен. зап. ЛГУ. Ист. фак. 1945. Вып. 2. О. 141—184.
- ²⁵ Очерк истории Ленинградского университета (1819—1944). М., 1945. Ч. 3. С. 141—183.
- ²⁶ Ленинградский университет за советские годы (1917—1947). Л., 1948. С. 291—318.
- ²⁷ *Вайнштейн О. Л.* Сто двадцать пять лет ЛГУ // Ист. журн. 1944. № 5/6. С. 87—89; Юбилейная научная сессия Ленинградского государственного университета (20.XI—8.XII.1944) // Там же. 1945. № 4. С. 107—110; Исторический факультет Ленинградского университета в дни Великой Отечественной войны // Там же. 1942. № 11. С. 103—107.

- ²⁸ Россия и Тридцатилетняя война, 1618–48 гг.: Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947. 216 с.
- ²⁹ См.: *Вайнштейн О. Л.* Московское государство и Тридцатилетняя война XVII века: Тезисы доклада // Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 247–248.
- ³⁰ См.: *Он же.* Русско-шведская война 1655–60 гг. (нужно 1655–58 гг. – *Б. Р.*): Историографический обзор // *Вопр. истории.* 1947. № 3. С. 53–72.
- ³¹ См.: *Он же.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и русская внешняя политика в середине XVII века // *Учен. зап. ЛГУ.* 1951. № 130. Сер. ист. наук. Вып. 18. С. 157–184.
- ³² См.: *Он же.* Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века // *Вестник ЛГУ.* 1950. № 5. С. 61–79.
- ³³ См.: *Он же.* Происхождение некоторых западноевропейских наций в свете марксистско-ленинского учения о нации // *Учен. зап. Киргиз. гос. ун-та.* Фрунзе, 1954. Вып. 3. С. 105–124; *Иностранцы путешественники о Киргизии 60–70-х гг. XIX века: Библиографический обзор // Там же.* 1958. Вып. 5. С. 39–72.
- ³⁴ См.: *Он же.* Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции // *Вестник АН СССР.* 1957. № 1. С. 83–91.
- ³⁵ См.: *Он же.* Новейшая буржуазная литература по истории исторической науки: Обзор // *Вопр. истории.* 1956. № 3. С. 146–157.
- ³⁶ См.: *Вайнштейн О. Л., Чагин Б. А.* К истории социально-политических идей // *Вопр. истории.* 1957. № 2. С. 176–182.
- ³⁷ См.: *Он же.* Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками // *Французский ежегодник,* 1958. М., 1959. С. 490–513.
- ³⁸ См.: *Он же.* Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // *Критика новейшей буржуазной историографии.* М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 113–149.
- ³⁹ Реакционные течения в современной американской медиевистике // *Средние века.* М., 1960. Т. 18. С. 56–78; *Историческая школа права // Советская историческая энциклопедия.* М., 1965. Т. 6. Стб. 543–545.
- ⁴⁰ Некоторые черты средневековой историографии // *Средние века.* М., 1964. Т. 25. С. 251–263.
- ⁴¹ Там же. С. 253.
- ⁴² Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 483 с.
- ⁴³ См.: Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18–21 декабря 1962 года. М.: Наука, 1964. С. 460–462.
- ⁴⁴ История советской медиевистики (1917–1966). Л.: Наука, 1968. 424 с.
- ⁴⁵ Теоретические дисциплины истории // *Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей.* Л., 1967 (Труды ЛОИИ; Вып. 10). С. 7–29.
- ⁴⁶ Структурализм как метод исследования // *Городская научная методическая конференция руководителей и актива методологических семинаров «Идеологическая борьба и методология научных исследований»:* Методические указания и материалы в помощь пропагандистам и лекторам. Л., 1974. С. 49–61; *Вайнштейн О. Л.* Марксизм-ленинизм об историческом факте // *В. И. Ленин и проблемы истории.* Л., 1976. С. 9–36; *Он же.* Философия, история и социология // *Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей.* Л., 1976 (Труды ЛОИИ; Вып. 15). С. 5–17.
- ⁴⁷ См.: Там же. С. 15, 17.
- ⁴⁸ *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках/Под ред. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука. 1979. 270 с.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 204.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

ОСВЕЩЕНИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ СССР В ЖУРНАЛЕ «МИЛИТЕРГЕШИХТЕ» (ГДР) (1962—1982 гг.)

Х. Гиртц (ГДР)

С 1962 г. Военно-исторический институт (ВИИ) ГДР издает в Потсдаме журнал «Милитергешихте» («Военная история») (в 1962—1971 гг. он выходил под названием «Цайтшрифт фюр милитергешихте» — «Журнал военной истории»). Ежегодно выходят шесть номеров по 128 страниц в каждом. Являясь рупором военно-исторической науки, этот журнал Национальной народной армии (ННА) ГДР обобщает опыт военной истории в целях использования его для решения актуальных идеологических задач в области военного воспитания и развития военно-теоретической мысли, публикует материалы, содержащие результаты новейших научных исследований вопросов истории военной политики, вооруженных сил, ведения войны, информирует о развитии военно-исторической научной жизни.

Журнал «Милитергешихте» адресован в первую очередь командному составу ННА; повествуя о событиях истории, прогрессивных, революционных военных традициях немецкого народа и народов братских социалистических стран, в особенности Советского Союза, журнал оказывает помощь в воспитании военнослужащих в духе патриотизма и интернационализма, готовности к обороне родины, братства по оружию. Вместе с тем журнал предназначен также и для историков, работающих в научных учреждениях ГДР. Публикуемые в «Милитергешихте» статьи помогают им в научно-исследовательской, педагогической и историко-пропагандистской деятельности, способствуют уяснению ими места проблем военной истории в историческом познании. Много места «Милитергешихте» отводит также информации о военно-исторических исследованиях ученых братских социалистических стран. Марксистско-ленинская методология, актуальность, высокий научный уровень и широкий тематический диапазон публикаций позволили журналу завоевать достойное место и в международной военно-исторической публицистике, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что содержание номеров журнала печатается в болгарском «Военно-историческом сборнике» и «Милитери афферс» (США).

Кроме того, журнал публикует специальные материалы, предназначенные для использования в ходе идеологической, особенно

историко-пропагандистской, работы среди населения. На конкретных исторических примерах журнал расширяет у своих читателей знания о необходимости и справедливости вооруженной защиты социалистических завоеваний.

Именно поэтому особое значение приобретает в рамках журнала «Милитергешихте» рассмотрение вопросов истории Советского Союза и его Вооруженных Сил, ибо СССР располагает самым богатым опытом в вопросах строительства социалистической армии и защиты социалистического Отечества, а также вооруженной борьбы против империалистических агрессоров. Журнал помогает в глубоком изучении, творческом освоении и использовании этого богатого опыта и тем самым вносит свой вклад в научно-теоретическую и идеологическую работу в ННА, а также в укрепление и углубление братства по оружию между ННА и Советской Армией.

В течение периода издания журнала «Милитергешихте» вопросы становления и развития Советской Армии, боевого сотрудничества между прогрессивными силами немецкого народа и народами СССР, а также разоблачения преступной антисоветской агрессивной политики германского милитаризма занимают в нем центральное место, подчас им посвящались отдельные номера или же целые годовые комплекты. Поводами для подобной тематической концентрации материалов были такие события, как 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 50-я и 60-я годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 50-я и 60-я годовщины Советской Армии, 30-летие и 35-летие Победы СССР и его союзников над германским фашизмом, а также 25-я годовщина создания Варшавского Договора.

Основополагающий принцип деятельности коллектива журнала состоит в распространении новейших достижений советских военных историков. Эта деятельность, уже вышедшая за пределы ГДР и призванная стать вкладом в наступление марксистско-ленинской военно-исторической науки на международной арене, осуществляется журналом на четырех уровнях: публикация оригинальных статей советских авторов; перепечатка статей по теоретическим и конкретным вопросам из советских журналов; интенсивное использование достижений советской науки в работах авторов ГДР; публикация сообщений о научной военно-исторической жизни в СССР, тематических литературных сообщений, а также различных откликов на советские публикации. Проведенные в этой связи мероприятия позволили — об этом можно с удовлетворением сказать — создать не только правильную в своих главных чертах, но также и впечатляющую обилием подробностей картину строительства, развития и испытаний, через которые прошли Советские Вооруженные Силы, картину осуществления на практике ленинского учения о вооруженных силах и обороне социалистического Отечества, картину громадного прогресса советского военного искусства и успехов идейно-политической работы в Советской Армии.

Празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина стало для журнала «Милитергешихте» поводом для более глубокого и целенаправленного освоения богатого военно-теоретического опыта КПСС, Советского государства и Советских Вооруженных Сил и особенно военно-теоретического наследия В. И. Ленина. Х. Визнер, начальник Военной академии им. Ф. Энгельса, в обобщающей статье исследовал дальнейшее развитие В. И. Лениным военных концепций К. Маркса и Ф. Энгельса (1970. № 1). Директор ВИИ Р. Брюль показал значение В. И. Ленина в развитии социалистической военно-исторической науки (1970. № 2). Эти статьи по принципиальным проблемам освоения и использования военно-теоретического наследия положили начало серии работ по этой проблематике. Она нашла отражение в статьях советских исследователей Н. Н. Азовцева о роли В. И. Ленина в создании Красной Армии (1973. № 2) и об указаниях В. И. Ленина по вопросам воспитания и обучения солдат социалистической армии (1975. № 2), К. Л. Селезнева об инициативах В. И. Ленина по изучению морального духа империалистических армий (1976. № 2) и в работах ученых ГДР Р. Ламбрехта о взглядах В. И. Ленина на мирные и немирные формы революционной борьбы (1977. № 4), а также Х. Гиртца и В. Кюттлера о ленинской оценке милитаризма (1976. № 6) и революционного анти-милитаризма (1977. № 4).

Основополагающим для всех этих статей стало положение о том, что теоретическое наследие В. И. Ленина имеет непреходящее значение и в современных условиях, что требует его все более глубокого изучения. Указания В. И. Ленина по вопросам военного строительства и военного дела, как показано в указанных выше статьях, необходимо полнее раскрывать и использовать в целях обеспечения надежной защиты социализма.

Примеры решения этой задачи средствами военно-исторической науки содержатся в статьях об основных принципах защиты социалистической Родины П. А. Жилина (1973. № 3), Н. Ф. Бугая и П. С. Смирнова (1978. № 3). В них авторы на базе обширного конкретного материала из истории Советского Союза и его Вооруженных Сил высказали емкие и принципиальные мысли по тематике, имеющей большое значение для всех социалистических стран и армий. Публикацией специальных материалов журнал «Милитергешихте» также показал роль XXIV и XXV съездов КПСС для развития оборонительной Организации Варшавского Договора, а также для военно-исторической науки (1971. 5; 1977. № 2).

Великая Октябрьская социалистическая революция, ее всемирно-историческое значение закономерно являются одним из основных направлений тематики журнала. В. Фернер, бывший в течение ряда лет заместителем министра национальной обороны ГДР и начальником Главного политического управления ННА, посвятил этой тематике две статьи теоретического характера. Он рассмотрел вопрос о создании Советских Вооруженных Сил как

поворотном пункте в военной истории (1968. № 1; 1977. № 4).

Х. Визнер показал 60-летнюю борьбу Советской Армии по защите завоеваний социализма (1978. № 1) и тем самым продолжил в плане тематики начатый С. Квиличем обзор борьбы СССР за разоружение и военную разрядку (1977. № 6). Различные аспекты интернационалистского характера Советской Армии анализировали В. Фернер (1972. № 5), И. С. Медников (1972. № 5) и В. С. Гаврилов (1974. № 3). М. И. Семиряга (1971. № 3) и В. Фернер (1975. № 1) отметили интернациональный подвиг Советских Вооруженных Сил, разгромивших фашизм и освободивших народы Европы. Боевые традиции Советской Армии и их значение для воспитания и обучения воинов вооруженных сил социалистических государств были предметом рассмотрения в статьях А. А. Гречко (1964. № 1). Г. П. Белоконова (1972. № 6) и А. А. Епишева (1976. № 1; 1976. № 2).

Особое значение для ННА как относительно молодой социалистической армии имеет то обстоятельство, что она имеет возможность опереться на достижения советской военно-исторической науки. Журнал публикует многочисленные работы представителей советской военно-исторической науки: Л. Короткова, В. Кулакова, В. Логина и С. Тюшкевича (1967. № 5; 1969. № 2; 1972. № 4, 5; 1974. № 1). В этих работах — в большинстве случаев на примере Советской Армии — рассматриваются основные вопросы военного строительства на современном этапе и делаются принципиальные выводы, например, о руководящей роли марксистско-ленинской партии в этом строительстве, о создании и деятельности социалистической армии, о соотношении человека и техники. А. Грылев посвятил статью военно-исторической работе в Советских Вооруженных Силах (1966. № 3).

Важное значение в плане выполнения ННА ее классовой задачи имеют исследования по истории строительства и боевых действий Красной Армии в первые годы Советской власти. Х. Гиртц (1975. № 5) и П. А. Голуб (1968. № 1) остановились на важных аспектах борьбы большевиков за решение военного вопроса в период революции 1905—1907 гг., в канун Октябрьской революции. Опубликована статья А. Я. Грунта «Всеобщая забастовка и вооруженное восстание» (1981. № 4).

Н. Макаров рассмотрел проблемы роли коммунистов в Красной Армии и многонационального характера Советских Вооруженных Сил (1972. № 5), И. Д. Побежимов исследовал советское военное законодательство до 1924 г. (1976. № 5), А. Г. Киселев проанализировал вопрос о формировании командных кадров в годы гражданской войны и интервенции (1968. № 1). Опубликованы статьи Л. И. Козлова о борьбе молодой Советской власти со срыву намерений германского милитаризма захватить весной 1918 г. Черноморский флот (1982. № 1), а также Н. Ф. Бугая о роли Красной Армии в укреплении Советского государства в 1918—1920 гг. (1981. № 1). Военно-экономическими вопросами того времени занимались В. Хипе, особое внимание уделивший

изучению роли М. В. Фрунзе в этой области (1968. № 1), и С. Бёрнген, проанализировавший военный коммунизм как первый этап формирования военной социалистической экономики (1978. № 1).

Н. Ф. Бугай в биографических очерках показал деятельность Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, Д. А. Фурманова, С. И. Гусева, В. В. Куйбышева и (в соавторстве с Г. Кузьминым) М. В. Фрунзе в военной области (1978. № 3; 1979. № 1, 5, 6; 1980. № 2, 4). В них отражены многие эпизоды жизни и деятельности этих большевиков-революционеров, в большинстве случаев ранее не известные немецкому читателю; наряду с этим автор убедительно показывает, что рабочие и крестьяне, завоевавшие политическую власть в стране, располагали также и выдающимися военными руководящими кадрами и умели растить такие кадры. Кроме того, биографические очерки явились стимулом к созданию биографических очерков, посвященных, в частности, основателям ННА.

Что касается русской военной истории, то здесь в первую очередь рассматривались вопросы борьбы против Наполеона, интенсивно разрабатываемые и военными историками ГДР. В последнее время тематический диапазон публикаций по русской военной истории в журнале «Милитергешихте» стал шире, о чем свидетельствует появление статей Х. Шниттера о Куликовской битве (1980. № 3), В. А. Артамонова о Полтавской битве (1981. № 5) и М. Д. Курмачевой о Крестьянской войне под руководством Е. Пугачева и политике Екатерины II (1981. № 2).

Большое внимание журнал уделяет проблеме современного состояния постоянно углубляющегося братства по оружию, связывающего Советскую Армию и ННА ГДР. Г. Богипп охарактеризовал военный союз между ГДР и СССР как важнейшую международную основу военной политики СЕПГ (1968. № 1). В. М. Турантаев рассказал о Группе советских войск в Германии, стоящей вместе с солдатами ННА на страже рубежей социалистического содружества (1969. № 1).

После того как К. Фишер (1963. № 2) и К. Арнольд (1968. № 1) проанализировали принципиальные вопросы братства по оружию ННА и Советской Армии, Х. Хён и К.-Р. Майснер (1973. № 4), Э. Фалькенберг (1975. № 2), а также К.-У. Койбке, Т. Неллес и Х. Эккель (1978. № 4) дали обобщающую картину развития содружества двух социалистических армий с 1963 г. и до конца 70-х годов. К.-У. Койбке опубликованы два основополагающих документа о военном содружестве двух братских армий (1982. № 1). Р. Вегнер рассказал о братстве по оружию между Народным Военно-Морским флотом ГДР и Краснознаменным Балтийским флотом, а также Военно-Морским флотом Польши (1965. № 6). Авторы указанных статей единодушны в том, что братство по оружию социалистических армий, имеющее глубокие социальные и исторические корни, стало предметом искренней заботы солдат и офицеров отдельных армий, значительной части

населения соответствующих стран. Это нашло свое конкретное выражение, в частности, в связях братьев по оружию, военнослужащих ННА и ГСВГ, на что указывали К. Греезе и А. Фюрстер (1974. № 4), О. Л. Зарин (1979. № 4), Я. Грюммерт (1980. № 2) и К.-У. Койбке (1980. № 2), в исследованной Х. Вольффом разносторонней помощи Советской Армии ННА в период ее становления (1973. № 6), а также в ходе совместных маневров и учений частей и соединений обеих армий, о чем писали К. Греезе (1968. № 1), А. Фюрстер (1969. № 2) и Х. Хён (1974. № 5). Значение советских боевых традиций и их использования для классового воспитания военнослужащих ННА стало темой статей Д. Д. Колбасова (1972. № 5), С. Мая и В. Тиля (1976. № 1), К. Гильберта (1977. № 3), а также Р. Кирхнера, Х. Люттке и Р. Цигенбайна (1978. № 1).

Одним из важнейших источников братства по оружию ННА и Советской Армии явилась всесторонняя совместная деятельность советских граждан и немецких антифашистов по обе стороны линии фронта, направленная на разгром фашизма, а также совместная работа в лагерях для военнопленных по демократическому перевоспитанию бывших солдат германского империализма. Эта тематика до настоящего времени рассматривалась прежде всего в воспоминаниях и биографических очерках, что в значительной степени определяется ее спецификой.

Статьи о борьбе немецких антифашистов в советских партизанских отрядах, а также в составе регулярных войск Красной Армии по отражению фашистской агрессии стали продолжением работ К. Л. Селезнева (1967. № 2), Э. Штенцеля (1967. № 5) и Р. Квайзера (1968. № 6) об участии немецких интернационалистов в вооруженной защите Советской власти в период Октябрьской революции и гражданской войны. По этому вопросу важный материал, содержащий обширные воспоминания о борьбе одного из интернациональных отрядов против японских оккупантов и белогвардейцев в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1919 гг., опубликовали Й. Дворке и С. Штригниц (1981. № 1).

В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал оказали огромную идеологическую помощь и поддержку революционным силам германского пролетариата и особенно молодой КПГ в их антимилитаристской и антивоенной работе. Этой тематике посвятили работы В. Имиг (1963. № 4), Р. Майстер и Ф. Фойгт (1974. № 1). В большом количестве статей о военной политике и антифашистской борьбе КПГ во второй половине 20-х и в начале 30-х годов подробно раскрывается, что германский пролетариат, руководимый КПГ, ее Центральным Комитетом во главе с Эрнстом Тельманом, видел одну из своих важнейших интернациональных задач в защите Советского Союза от грозившей ему империалистической агрессии. К этому вопросу обратился П. Хейдер (1982. № 5). В. Виммер (1974. № 2; 1976. № 3), Н. Мельхорн и Р. Квайзер (1978. № 1) специально занимались отноше-

нием Союза красных фронтовиков, и в первую очередь Эрнста Тельмана, к Советскому Союзу и Красной Армии.

Тесные связи прогрессивных сил немецкого народа с советским народом явились продолжением прогрессивных традиций той, отстоящей более чем на 100 лет эпохи совместной антинаполеоновской борьбы, ставшей одним из кульминационных моментов в дружеском взаимодействии армий Германии и России. Р. Рёдер в статьях о Таурогенской конвенции (1962. № 2) и о развитии немецко-русского братства по оружию в начале 1813 г. (1963. № 1), а также Ф. Штраубе в исследованиях о роли русских войск в военном походе 1813 г. (1963. № 2) и о роли Кутузова в кампании 1813 г. (1973. № 5) показали, что в тот период ход событий, вступление русских войск на территорию Пруссии заставили прусского монарха пойти на заключение союза против Наполеона. К этой же тематике обращались авторы многочисленных статей, опубликованных по случаю 200-летия со дня рождения Карла фон Клаузевица. Общая борьба немецких и русских крестьян и горожан против наполеоновского господства жила в памяти народа и, вопреки политике реакционных кругов, которые в течение долгого времени проводили политику национализма, натравливания одного народа на другой, стала одним из существенных истоков нынешнего братства по оружию социалистических армий Советского Союза и ГДР.

Общность армий социалистического оборонительного союза проявляется не только в их идейно-политической сплоченности, но также и в единстве их военно-стратегических концепций. Одна из причин этого в том, что в армиях стран Варшавского Договора анализ и использование громадного опыта Советских Вооруженных Сил, накопленного во время второй мировой войны, рассматриваются в качестве важного средства по повышению боеготовности. Особое значение этот фактор приобретает для ННА, которая в отличие от других армий Варшавского Договора была образована через 10 лет после завершения второй мировой войны. Поэтому для нее особо ценен опыт Советской Армии по защите завоеваний социализма. Опубликованные по этой тематике работы, в первую очередь советских авторов, а также ученых ГДР, наряду с раскрытием значения победы над фашизмом (1963. № 3) содержат рассмотрение коренных проблем военной стратегии периода Великой Отечественной войны, отдельных кампаний, операций и сражений, вопросов развития отдельных видов вооруженных сил и родов войск, а также вопросов стратегии, оперативного искусства и тактики. Опираясь на богатый фактический материал, авторы этих статей формулируют важные положения по вопросам военного искусства, сохраняющим свое значение и в современных условиях. На примере советской экономики во время Великой Отечественной войны Р. Кизер указывает на закономерное превосходство социализма над империализмом в военно-экономической области (1968. № 1). Рассматривая влияние географических факторов на боевые действия Советских Вооруженных Сил в

1941—1945 гг. (1972. № 5), В. Н. Григорьев поднимает тему, которая охотно использовалась военными идеологами германского милитаризма для оправдания поражений, которые Советская Армия нанесла вермахту.

При рассмотрении отдельных кампаний, операций и сражений в журнале «Милитергешихте» особое внимание уделяется победоносному наступлению Советских Вооруженных Сил, начиная со второй половины 1944 г., которое затем, весной 1945 г. завершилось штурмом Берлина, разгромом фашизма и освобождением немецкого народа. Эти боевые действия, в стратегическом, оперативном и тактическом отношении принадлежащие к наиболее выдающимся событиям военной истории в целом, и сейчас поучительны во многих отношениях; достаточно, к примеру, назвать окружение и уничтожение мощных соединений противника или взятие крупных городов штурмом. Окружение армий противника в 1944 г. на примере Белорусской операции рассмотрел Б. В. Панов (1970. № 2, № 3), Г. Фёрстер раскрыл эту тему на примере Яско-Кишиневской операции (1974. № 5). Фёрстер, который совместно с Х.-И. Бетом издал документы Советской Армии о ее освободительном походе в 1944—1945 гг. (1972. № 5), в своей статье отметил значение Яско-Кишиневской наступательной операции для освобождения народов Юго-Восточной Европы и развития революционного движения в этом регионе; на примере Болгарии этот вопрос специально исследовал Л. Б. Валев (1979. № 6). Н. И. Шеховцов охарактеризовал основные черты освободительного похода советских войск в 1945 г. в Европе (1970. № 3) и тем самым как бы суммировал работы по частным вопросам Висло-Одерской и — в первую очередь — Берлинской операций, написанные И. В. Пароткиным (1965. № 3), Э. А. Болтиным и С. И. Рощиным (1966. № 6), им самим (1975. № 1), Х. Гиртцем (1979. № 3), Н. А. Антипенко (1980. № 3), Ю. Маем (1980. № 3) и К.-П. Цёльнером (1980. № 3). В тематическом плане эти статьи охватывают проблемы военного искусства в Берлинской операции, использования тыловых служб 1-го Белорусского фронта, описание боев за Берлин, биографию первого советского коменданта Берлина Н. Э. Берзарина; были опубликованы также оперативные документы 2-го Белорусского фронта за апрель и май 1945 г.

В статьях, посвященных отдельным кампаниям, операциям и сражениям, наряду с описанием и анализом конкретных военно-исторических событий и процессов содержатся также методологические и методические выводы и положения по самым различным проблемам ведения войны вооруженными силами социалистических государств, т. е. по проблемам военной науки. И, наоборот, обобщающие статьи по основополагающим вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны опираются на многочисленные примеры из истории этой войны и тем самым содержат конкретный материал, наглядно подтверждающий оценки авторов

этих статей. Основные черты советской военной стратегии в завершающий период Великой Отечественной войны, а также в ходе военных действий на Дальнем Востоке убедительно раскрыты Э. А. Болтиным (1965. № 4) и В. А. Мацуленко (1975. № 4). М. Малахов проанализировал соотношение сил и его значение для советской военной стратегии во время Великой Отечественной войны (1972. № 2). А. Фюрстер показал, какую большую роль играли военное искусство и овладение им руководством Советских Вооруженных Сил в течение и исходе битвы за Сталинград (1982. № 6). Различные аспекты тактики советских войск в наступательном бою исследовали Б. Арушанян (1964. № 2), В. Вюнше (1967. № 1), И. Г. Веракс (1970. № 1), И. А. Вязанкин (1970. № 5), В. А. Мацуленко (1971. № 6; 1973. № 6) и Б. Фролов (1978. № 3). В этих работах рассматриваются, в частности, вопросы маневра, темпа наступления, взаимодействия сухопутных и военно-воздушных сил, оперативной маскировки, разведки боем и применения танков. К. Вальтер рассмотрел вопрос о форсировании водных преград Советскими Вооруженными Силами в период Великой Отечественной войны (1965. № 3; 1966. № 5; 1967. № 3). Анализ В. А. Мацуленко развития тактики оборонительного боя советскими войсками в период Великой Отечественной войны (1974. № 2) в значительной степени дополнен Л. П. Козловым в специальном исследовании о противотанковой обороне пехотных соединений (1976. № 4).

В. В. Андрианов в обобщающей статье показал борьбу советских партизан против фашистских захватчиков и на конкретных примерах продемонстрировал, как борьба народных масс во все большей степени препятствовала осуществлению как планов наступательных операций, так и оккупационной политике фашизма (1977. № 2). Взаимодействие советских партизан с регулярными частями Советских Вооруженных Сил в первые годы Великой Отечественной войны исследовал Х. Кюнрих (1968. № 4).

О том, какие большие потери в живой силе и технике понес фашистский вермахт в войне против Советского Союза — в чем также проявилась роль советско-германского фронта как главного фронта второй мировой войны, — на основе впечатляющих цифровых материалов писали О. Хеннике (1967, № 2) и В. Штанг (1973. № 4; 1975. № 1) в обзорных статьях о вермахте в целом, а также О. Грёлер в статье о военно-воздушных силах (1978. № 3) и Х. Шперлинг и В. Штанг в статье о танковых войсках в апреле 1945 г. (1972. № 2).

Во многих статьях показаны основные направления развития отдельных родов войск Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны. Главным здесь является показ развития советских ВВС, что не в последнюю очередь объясняется желанием авторов разоблачить лживость утверждений фашистской пропаганды, а также современной буржуазной историографии о якобы незначительных и малоэффективных — по сравнению с ВВС Англии и США, а также фашистским люфтваф-

фе — действиях советских ВВС. В трех статьях Ф. Шестерин на примере советской истребительной авиации (1963. № 4), А. Струевич на примере боевого применения частей ПВО страны (1972. № 1) и М. Новиков применительно к техническому развитию советских бомбардировщиков (1978. № 6) показали, что советские ВВС быстро компенсировали тяжелые потери, которые они понесли в начале войны, и добились превосходства над противником. Они надежно прикрывали и поддерживали сухопутные войска, обеспечивали отражение воздушных налетов на тыловые объекты. Э. Штенцель рассмотрел развитие советской артиллерии до конца второй мировой войны (1977. № 4), В. Науманн проанализировал развитие и значение реактивной артиллерии до 1945 г. (1982. № 5). А. Пали обратился к такому редко исследуемому предмету, как боевое применение войск связи. Он показал, как советские радисты добывали данные о противнике, а в отдельных случаях путем создания помех мешали управлению его войсками, дезорганизуя радиосвязь (1978. № 3).

Одна из важных задач военно-исторических исследований в ГДР, а следовательно и журнала «Милитергешихте», состоит в раскрытии направленных против Советского Союза агрессивных планов германского фашизма, применявшихся германскими милитаристами методов ведения войны, а также преступлений против советского народа, в исследовании отдельных операций вермахта, в показе закономерности поражения империалистической Германии в войне против Советского Союза и его союзников. Статьи, которые были опубликованы в «Милитергешихте» по этим проблемам, написаны почти исключительно учеными ГДР. Авторы этих работ, использовавшие главным образом документальные материалы из архивов ГДР, не только способствовали более точному пониманию событий на советско-германском фронте — главном фронте второй мировой войны, разоблачению антисоветской политики и стратегии германского империализма — они специфическим образом, так сказать под углом зрения противоположной стороны, существенно дополняют материал по истории СССР.

Подготовка нападения на Советский Союз, политический, военный, военно-экономический и идеологический аспекты которой подробно проанализированы Р. Брюлем (1971. № 5), а в плане обеспечения связи она была раскрыта Г.-Г. Кампе (1981. № 3), включала в себя также и оценку Красной Армии германскими военными специалистами. Э. Мориц (1966. № 3; 1969. № 2) и О. Грёлер (1968. № 6) показали, что фашистское руководство Германии до июня 1941 г. (и в первые месяцы войны) вследствие своих антикоммунистических представлений принимало желаемое за действительность и грубо ошибалось в оценке политического, военного и экономического потенциала Советского Союза. Тем не менее на этих заниженных оценках руководство вермахта строило планы молниеносной войны, реальность которых пыталось проверить и доказать учебными маневрами. При этом

оно не учло тех уроков, которые преподавал ему Советский Союз, что подчеркивают В. Блейер и Р. Чоллек (1980. № 4), сорвав агрессивные планы германского империализма, направленные против Прибалтийских государств. Ошибочная оценка мощи Советских Вооруженных Сил стала затем одной из причин краха осенью 1941 г. фашистского плана молниеносной войны, что наглядно проявилось в разгроме вермахта под Москвой. Этот вопрос специально рассмотрел Х. Гёпферт (1965. № 2). Г. Эрнст опубликовал два документа (личные письма одного из штабных офицеров 4-й армии группы армий «Центр»), в которых наглядно показана тяжесть поражения вермахта под Москвой (1962. № 1). Х. Буссе разоблачил милитаристскую легенду о том, что крах плана «Барбаросса» якобы вызвал у фашистов «кризис руководства», за которой скрывается попытка снять с германских военных ответственность за смерть многих десятков тысяч немецких солдат (1962. № 1).

Г. Фёрстер и В. Вюнше в ряде статей исследовали планирование и осуществление вермахтом летнего наступления 1942 г. (1967. № 6; 1968. № 6; 1969. № 2). П. Минов описал авантюристический рейд тяжелого фашистского крейсера «Адмирал Шеер» в Карское море летом 1942 г. (1967. № 1). В. Вюнше проанализировал планирование фашистским руководством операции «Цитадель», в ходе которой вермахт летом 1943 г. в последний раз пытался вернуть стратегическую инициативу в войне против Советского Союза.

Авторы многочисленных статей рассматривают на страницах журнала «Милитергешихте» те преступления, которые германский фашизм совершил против советского народа. Д. Эйххольц на основании значительного цифрового материала проанализировал экономический грабёж оккупированных советских территорий (особенно Днепровско-Донецкого промышленного района) (1979. № 3). Х. Фишер показал, как фашистские оккупационные власти организовывали борьбу против партизан, в которой они, несмотря на значительные потери собственных войск, не были в состоянии добиться решающих успехов (1968. № 4). Роль вермахта и его командования в планировании и осуществлении фашистского оккупационного режима на территории Советского Союза, в первую очередь в массовых преступлениях против советского гражданского населения, рассматривается в двух работах Н. Мюллера (1967. № 4; 1969. № 5). Совместно с М. Вестерманисом Мюллер исследовал также преступления вермахта против советских военнопленных, опровергая тем самым тезис буржуазной историографии о том, что якобы лишь СС чинили массовые убийства и ответственны за них (1977. № 1).

Важной составной частью деятельности журнала «Милитергешихте» по распространению достижений советской военной и военно-исторической науки является информация относительно результатов научно-исследовательской деятельности советских ученых. Эта работа осуществляется в первую очередь через пуб-

ликацию обзоров научно-исследовательских работ и литературы, рецензий, а также обзоров периодических изданий для ежегодно издающейся библиографии «Журнальные публикации по военной истории». Усилия в этой области за последние 10 лет значительно активизировались, в чем также находит отражение все более тесное сотрудничество между военными историками СССР и ГДР. В результате информационной деятельности журналу удается достаточно полно знакомить своих читателей в ГДР и за ее пределами с достижениями советских военных историков.

Главное место в содержании историографических статей, обзоров научно-исследовательских работ и литературы в журнале «Милитергешихте» занимает информация о новых результатах и публикациях советских военных историков по проблемам истории Великой Отечественной войны. В этой связи прежде всего необходимо назвать статьи И. Шунке (1963. № 3), К. Шмиделя (1964. № 3), Г. Войте (1964. № 3; 1965. № 2; 1966. № 2), Х. Буссе и Д. Дреетца (1964. № 4), О. Кузнецовой и К. Селезнева (1970. № 5), Э. Морица и В. Штанга (1973. № 6), Х. Гиртца и С. Егера (1979. № 5), Г. Хасса (1982. № 3), а также составленную В. Шраммом библиографию мемуарной литературы (1981. № 3). На примере буржуазной литературы о битве за Москву Г. Хасс показал фальсификацию истории Великой Отечественной войны империалистическими идеологами. В своих статьях К. Л. Селезнев (1971. № 6), К. Шмидель и Х. Шниттер (1968. № 1) и Х. Гиртц (1980. № 2) информировали читателя о новинках советской литературы, посвященной военно-теоретическим работам Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Историография истории Советских Вооруженных Сил и историографическое творчество советских ветеранов войны рассматривались в статьях В. Тиля (1980. № 1; 1981. № 2), а также работе М. И. Бурцева (1972. № 3). Н. Бугай проанализировал существующие в советской историографии точки зрения по проблеме истории ревкомов в 1918—1921 гг. (1981. № 1) и подробно рассказал о конференции советских историков, посвященной 60-летию победы в гражданской войне (1981. № 5). Советские и немецкие публикации документов по вопросу об ответственности за первую мировую войну аннотируются Б. Бекером, Р. Экертом, Д. Гритцке (1981. № 2).

Центральное место в рецензионной деятельности «Милитергешихте» занимает публикация откликов на произведения представителей советской военно-исторической науки по теоретическим вопросам. В 1976—1979 гг. ежегодно в среднем рецензировалась 31 работа, что составляло почти 24% всех рецензий и аннотаций. Из большого количества примеров, на которые можно было бы сослаться, назовем появившиеся в последние годы рецензии на такие произведения, как «Советская военная энциклопедия», «История второй мировой войны 1939—1945 гг.», «Марксистско-ленинская методология военной истории», «Философия и военная история». Наряду с этими работами были прорецензи-

рованы советские труды по многим специальным вопросам всемирной военной истории, причем главное внимание уделялось произведениям по истории войн и военного искусства (особенно в период второй мировой войны и прошедших после ее окончания десятилетий), истории социалистических вооруженных сил и их деятельности по защите дела мира, книгам о революционных и боевых традициях прогрессивных сил, а также по военной истории империалистических стран и молодых национальных государств. Многие из этих тем раскрываются советскими авторами на примерах из отечественной истории. Однако во многих работах такие проблемы рассматриваются и в международном масштабе. Эти рецензии и аннотации знакомят военных историков ГДР со многими новыми положениями и фактами, которые стимулируют ученых нашей республики в их научно-исследовательской деятельности, в поисках новых идей и результатов.

Специфической формой информации о военно-научной жизни в СССР является издание с 1972 г. информационных обзоров Х. Гёпферга, а с 1980 г.— Д. Котша о содержании «Военно-исторического журнала» за предыдущий год. Однако в условиях тематического многообразия советского журнала в таком сообщении, несмотря на сравнительно детальное изложение, можно сконцентрировать внимание на главных направлениях исследований. Они в значительной степени совпадают с основными направлениями военно-исторических исследований вопросов советской и русской истории в журнале «Милитергешихте».

В научно-исследовательской и литературной деятельности военных историков ГДР, как она отражается на страницах журнала «Милитергешихте», советская и русская военная история выступает в первую очередь в ее связи с военной историей ГДР или Германии. Это положение также относится и к статьям, посвященным изучению военно-теоретических взглядов В. И. Ленина и руководителей КПСС, а также использованию боевого опыта Советских Вооруженных Сил. Изучение различных аспектов этой широкой тематики осуществлялось в журнале советскими авторами и авторами ГДР, причем их сотрудничество становилось все более тесным. Рассмотрение вопросов советской и русской военной истории на страницах «Милитергешихте» в 1962—1982 гг. способствовало тем самым не только расширению военно-исторических знаний, но также и углублению германо-советской дружбы и братства по оружию Советской Армии и ННА.

БИБЛИОГРАФИЯ

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ ВЕБЕР

(1902—1984)

В. А. Дунаевский

Как часто бывает в жизни, общаясь многие годы с некоторыми людьми, мы начинаем в полной мере отдавать себе отчет в их значимости, и человеческой, и научной, только тогда, когда их среди нас уже нет. Конечно, не приходится говорить о том, что научный вклад крупного ученого (за редким исключением) уже и при его жизни получает должную оценку. И тем не менее многие потери, как это сразу же становится ясным, оказываются невозможными. Подобной потерей для советской исторической науки является кончина одного из представителей ее старшего поколения — доктора исторических наук Бориса Георгиевича Вебера.

Жизненный и научный путь Б. Г. Вебера был тесно связан с историей Советского государства. Родившись в 1902 г. в семье видного педагога Г. К. Вебера и получив разностороннее домашнее образование, Борис Георгиевич в 1920 г. поступил в Московский университет и в 1925 г. окончил факультет общественных наук. Одновременно в годы учебы он работает инструктором библиотечной секции Московского военкомата, научным сотрудником библиотеки Исторического Музея.

В 1926 г. Б. Г. Вебер становится аспирантом Института истории РАНИОН. К середине 20-х годов в штате этого института работает целый ряд ведущих специалистов в области всеобщей истории: В. П. Волгин, Н. М. Лукин, П. Ф. Преображенский, С. Д. Сказкин и другие, а также группа талантливой молодежи, аспирантов, именуемых тогда «сотрудниками второго разряда». Среди последних были такие выдающиеся впоследствии советские ученые, как А. С. Ерусалимский, Н. А. Машкин, А. З. Манфред, Б. Ф. Поршнев, В. Ф. Семенов, В. М. Хвостов и др. В их числе был и Б. Г. Вебер.

Участие в методологических семинарах, выступления с научными докладами, коллективная работа молодых историков РАНИОН способствовала постепенному овладению ими марксистско-ленинской методологией. Обратил на себя внимание и содержательный доклад Б. Г. Вебера «Лютер и социальная действительность». Наметившиеся уже в первые годы научно-исследовательской деятельности Вебера внимание к истории общественной мысли стало впоследствии ведущим направлением в творчестве ученого.

Закончив аспирантуру Института истории РАНИОН, Б. Г. Ве-

бер был утвержден научным сотрудником Комиссии ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. Начинается плодотворный период работы над интереснейшими источниками по истории международных отношений и внешней политики, новейшими трудами западноевропейских авторов. И в 1932 г. в журнале «Красный архив» Б. Г. Вебер (совместно с С. Р. Диамант) публикует обширную подборку архивных документов под заглавием «Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг.», а год спустя при его участии выходят 2-й и 3-й тома III серии (1914—1917 гг.) «Международных отношений в эпоху империализма» (Документы из архива царского и Временного правительств). Также при участии Б. Г. Вебера в 1935 г. выходят две части 8-го тома той же серии, содержащие внешнеполитические документы России за период с мая по октябрь 1915 г.

В том же 1935 году Вебер написал несколько развернутых рецензий: на вышедшие в СССР в двух томах «Военные мемуары» Дэвида Ллойд-Джорджа и увидевшую свет в Амстердаме книгу Эмиля Людвиг о Гинденбурге. В сущности это не столько рецензии, сколько размышления историка об эпохе, о людских судьбах, об историческом месте рассматриваемых им персонажей. Подобный же подход характеризует и следующую рецензию Б. Г. Вебера, опубликованную также в 1935 г., названную им «Империализм в оценке М. Н. Покровского» (журнал «Книга и пролетарская революция», № 4). Основная мысль автора, пронизывающая всю эту работу, сводится к тому, что статьи Покровского по истории первой мировой войны, которые Б. Г. Вебер оценивает достаточно объективно, следует, по его мнению, рассматривать «в диалектике их развития, т. е. исторически (тем самым критически!), но отнюдь не догматически» (с. 43). В этом проявилось присущее Б. Г. Веберу глубокое понимание историзма. Ученый не раз подчеркивал, что даже те статьи М. Н. Покровского, которые «глубоко неправильны в своем анализе и по методам своей аргументации», представляют несомненный интерес при их сравнении с последующими статьями того же автора.

Особо примечателен написанный Б. Г. Вебером совместно с К. П. Добролюбским раздел сводной статьи «История и историография», озаглавленный «Историческая наука в новое время», помещенный в 30-м томе первого издания Большой Советской Энциклопедии, в которой в 1935—1939 г. Б. Г. Вебер выступал в качестве научного редактора отдела новой истории. По сути дела, это была первая в нашей историографии обобщающая работа, раскрывающая с позиций исторического материализма развитие исторической мысли в крупнейших странах Европы и в США, начиная с французских историков-просветителей и до периода середины 30-х годов XX в. Основанная на широком использовании трудов классиков марксизма, статья Вебера и Добролюбского сыграла большую роль в понимании советскими читателями содержания основных школ и направлений зарубежной исторической мысли.

С 30-х годов начинается и преподавательская деятельность Б. Г. Вебера в высших учебных заведениях Москвы. Он исполняет обязанности доцента в Вечернем городском педагогическом институте, затем в Московском государственном историко-архивном институте, а в предвоенные годы в МИФЛИ. К этому времени Б. Г. Вебер создал оригинальный курс по историографии нового времени стран Западной Европы и Америки, во многом развивавший и продолживший историографические курсы, читанные ранее Е. А. Косминским, Н. М. Лукиным и некоторыми другими историками-марксистами.

Именно историографическое исследование Б. Г. Вебера «История политического компромисса. Традиция, среда, эволюция Э. Галеви» явилось темой его кандидатской диссертации, защищенной в 1941 г. в МИФЛИ. Выбор темы был в известной мере подготовлен предшествующей работой историка над переводом и редактированием книги Э. Галеви «История Англии в эпоху империализма», выпущенной издательством «Соцэкгиз» в 1937 г.

Занимаясь историей политических движений и историей буржуазных политических учений, Б. Г. Вебер написал содержательную статью «Либерализм», опубликованную в 36-м томе Большой Советской Энциклопедии» (1938).

Предвоенные исследования Б. Г. Вебера завершил коллективный труд Института истории АН СССР «Французская буржуазная революция. 1789—1794», вышедший в 1941 г. под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле, в котором Борису Георгиевичу принадлежат два раздела: «Международные противоречия к 1789 году» и «Бельгийская революция 1789—90 гг.» В первом из названных разделов автору на основании анализа значительного документального материала удалось нарисовать яркую картину международной обстановки кануна Великой французской революции. Второй раздел был посвящен вопросу, крайне слабо изученному в советской историографии.

Началась Великая Отечественная война. Б. Г. Вебер вступает в ряды московского народного ополчения, затем с 1942 г., как свободно владеющий немецким языком, получает назначение на должность диктора-переводчика, а позднее преподавателя в одном из подразделений Западной группы войск. Был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Позднее к ним прибавились медали «За трудовое отличие» и «Ветеран труда».

По возвращении из армии Борис Георгиевич назначается Ученым секретарем Комиссии по истории исторической науки при Отделении истории и философии АН СССР, а в 1950 г. он становится научным сотрудником сектора новой истории Института истории АН СССР, и вся его последующая творческая жизнь проходила в стенах этого института (после его разделения — в Институте всеобщей истории АН СССР). Б. Г. Вебер работает в секторе по подготовке Всемирной истории, Группе зарубежной историографии и научной информации, группе по истории Фран-

ции. До последних дней своей жизни Борис Георгиевич — бессменный член редколлегий сборников «История и историки», «Ежегодник германской истории», серии «Памятники исторической мысли».

И весь послевоенный период научного творчества Б. Г. Вебера был отдан историографии. Он принимает активное участие в подготовке фундаментального издания «Очерков истории исторической науки в СССР» (начиная со второго тома), является членом редколлегии, автором глав 2-й (1960 г.) и 3-й (1963 г.) томов «Очерков». Во втором томе им написан раздел «Изучение новой истории», в котором рассмотрено становление и развитие отечественной науки истории нового времени в лице ее виднейших представителей: М. Н. Петрова, Б. В. Бауэра, В. И. Герье, И. В. Лучицкого, Н. И. Кареева. В третьем томе Б. Г. Вебер, продолжив анализ трудов Лучицкого и Кареева, написал также очерк о научном вкладе М. М. Ковалевского.

В 50—60-х годах по названной проблематике, а также по истории немецкой исторической науки Б. Г. Вебером были опубликованы и отдельные исследовательские очерки: «Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в. (Н. И. Кареев)», «Великая крестьянская война в Германии в освещении М. Н. Петрова», «Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого», «Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции», «Немецкая историография конца XVIII — первой половины XIX в.», «Карл Маркс и проблема раннего этапа развития общественных отношений в немецкой историографии». Со свойственной Борису Георгиевичу глубиной рассмотрена им ленинская концепция якибинизма.

В 1974 г. увидела свет монография Б. Г. Вебера, кратко названная автором «Историографические проблемы», но за этой краткостью названия стоит огромный труд маститого ученого, его широкая эрудиция, исключительная требовательность к тексту своих трудов, великолепное владение разноплановым историографическим материалом.

Книга состоит из двух частей. Первая из них содержит анализ ведущих тенденций в немецкой историографии ко времени формирования марксизма, вторая посвящена рассмотрению проблемы революции в русской исторической науке второй половины XIX — начала XX в. Казалось бы, прямая связь между этими частями отсутствует. Но это только первое впечатление. Б. Г. Веберу удалось и в том и в другом случае показать формирование концепций изучаемых им авторов и всесторонне рассмотреть поднятые ими проблемы, постановка которых явилась результатом как развития социально-экономических отношений в тех или иных странах, так и формирования в них различных течений исторической мысли. Обращаясь к изучению воззрений И.-Г. Гердера и А.-Л. Шлецера, Б. Г. Вебер фиксирует внимание на их построении «универсальной истории», в противовес Ю. Мё-

зеру — стороннику и апологету местного партикуляризма. Анализируя взгляды ряда ведущих немецких и русских историков, Вебер стремится вычлениить стержневые проблемы в их работах. Это, в частности, исключительное внимание к общине у древних германцев (Маурер), борьба за землю в республиканском Риме (Нибур), видение средних веков как идеала социальной гармонии (Эйхгорн и его школа), апология роли насилия в истории (Ранке), роль массовых движений: крестьянская война в Германии (М. Н. Петров), немецкая реформация (В. В. Бауэр), религиозные войны во Франции (И. В. Лучицкий), значение «идеи нации» и ее интерпретация в дореволюционной и революционной Франции (В. И. Герье), специфика крестьянского вопроса в эпоху Великой французской революции (Н. И. Кареев), результаты воздействия революции на социальную и политическую сферы (М. М. Ковалевский). И как справедливо отметил В. М. Далин, один из рецензентов монографии Б. Г. Вебера, его книга, продолжившая традиции русской историографии в изучении проблематики всеобщей истории (В. П. Бузескул, Н. И. Кареев и др.), явилась «ценным вкладом в изучение рассматриваемого вопроса»¹.

Анализ основных трудов русских историков по истории нового времени стран Запада (XIX — начало XX в.) был также осуществлен Б. Г. Вебером в историографических пособиях для высшей школы.

Не раз Б. Г. Вебер выступал в качестве ответственного редактора монографий ученых разных поколений: Б. Ф. Поршнева, В. М. Далина, С. В. Оболенской, М. Н. Машкина, Г. С. Кучеренко, А. С. Намазовой.

Необычайная благожелательность к людям, в первую очередь к молодежи, неизменное стремление поддержать, направить по верному пути начинающих ученых всегда были отличительной особенностью Б. Г. Вебера, снискав ему огромное уважение всех, кто с ним общался.

Все, кто хоть в какой-то степени соприкасался с Борисом Георгиевичем, навсегда запомнят огромную научную эрудицию, его сердечность, его стремление ненавязчиво подсказать человеку оптимальное решение, исключительную принципиальность и глубокую убежденность ученого, при которой не было места беспринципному либерализму, его огромную требовательность ко всем, кто причастен к науке, и в первую очередь к самому себе.

¹ Новая и новейшая история. 1974. № 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
ТРУДОВ Б. Г. ВЕБЕРА *

1930

Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию // Красный арх. Т. 2. С. 185–188.

1932

Из эпохи японо-китайской войны 1894–1895 гг.: Публикация архивных документов // Красный арх. Т. 1/2. С. 3–63.— Совместно с С. Р. Диамант.

1933

Сост.: Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. 3-я сер.— М.; Л. Т. 2.— 559 с.; Т. 3.— 467 с.

1935

Империалистическая война в оценке М. Н. Покровского // Книга и пролетарская революция. № 4. С. 43–52.

Сост.: Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. 3-я сер.— М.; Л. Т. 8, ч. 1.— 578 с.; ч. 2.— 528 с.

Ред.: «Военные мемуары» Давида Ллойд-Джорджа.— М., 1934. Т. 1–2.— 678 с. // Борьба классов. № 3. С. 132–139.

Ред.: *Ludwig E. Hindenburg und die Lage von der deutschen Republik*. Amsterdam. 1935. 378 S. // Вестн. Коммунистической академии. № 4. С. 97–103.— Подписано — Б. Берве.

1937

Историческая наука в новое время // БСЭ. Т. 30. Стб. 48–88.— Совместно с К. П. Добролюбским. Ред. перевода и предисловие: *Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма.— М.: Соцэкгиз.— 407 с.

1938

Либерализм // БСЭ. Т. 36. Стб. 737–749.

1940

Ред. и примеч.: *Бисмарк О.* Мысли

* Составитель Е. В. Котова

и воспоминания.— М.: ОГИЗ. Т. 2. Гл. XIX—XXIII. С. 3–118.

1941

Бельгийская революция 1789–1790 гг. // Французская буржуазная революция 1789–1794 гг./Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 124–144.

Историография Французской революции XVIII века: Вводная часть // Там же. С. 692–693. Международные противоречия к 1789 году: Введение // Там же. С. 10–34.

1948

Ред.: *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 724 с. // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 5, № 4. С. 382–387.

1950

Питт Вильям (мл.) // Дипломатический словарь/Под ред. А. Я. Вышинского. М.: Госполитиздат. Т. 2. Стб. 401–405.

Сост.: Дипломатический словарь/Под ред. А. Я. Вышинского.— М.: Госполитиздат. Т. 2.— 996 стб.

1953

Кареев Николай Иванович // БСЭ. 2-е изд. Т. 20. С. 165–166.

1955

Обсуждение первых четырех томов «Всемирной истории» // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. Вып. 3. С. 177–180.— Совместно с Г. Ф. Ильиным и А. Ц. Мерзеном.

Первое русское исследование Французской буржуазной революции в XVIII в. // Из истории социально-политических идей: Сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР. С. 643–663.

1956

Токвиль // БСЭ. 2-е изд. Т. 42. С. 554.

1958

Великая крестьянская война в Германии в освещении М. Н. Петрова // Средние века. Т. 13. С. 79–88.

1959

Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого // Французский ежегодник, 1958. М.: Изд-во АН СССР. С. 514–559.

Neue sowjetische Arbeiten zur allgemeinen Geschichte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. № 3. С. 428–436.

1960

Изучение новой истории // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2. С. 393–483.

Член редкол.: Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Изд-во АН СССР. Т. 2.— 862 с.

1961

Ардашев Павел Николаевич // СИЭ. Т. 1. Стб. 716–717.

Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции // Французский ежегодник, 1960. М.: Изд-во АН СССР. С. 489–526.

1963

Герье Владимир Иванович // СИЭ. Т. 4. Стб. 422.

Изучение истории нового времени. Гл. 3 [Кроме § IV] // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР. Т. 3. С. 449–487.

Член редкол.: Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Изд-во АН СССР. Т. 3.— 831 с.

1964

Ред.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы.— М.: Наука.— 520 с.

1965

Кареев Николай Иванович // СИЭ. Т. 7. Стб. 27–29. Ковалевский Максим Максимович // СИЭ. Т. 7. Стб. 452–456.— В соавторстве с Б. Г. Сафроновым.

Лучицкий Иван Васильевич // СИЭ. Т. 8. Стб. 822–823.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник. Историография истории СССР.— М.: Наука.— 469 с.

1966

Доктор исторических наук, профессор Борис Федорович Поршнев: (К 60-летию со дня рождения) // История и историки: Историографический ежегодник. Историография всеобщей истории. М.: Наука. С. 375–377.

Отв. ред.: Оболенская С. В. Франц Меринг как историк. М.: Наука. 219 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник. Историография всеобщей истории.— М.: Наука.— 430 с.

Член редкол.: Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Наука. Т. 4.— 854 с.

1967

Основные труды русских историков нового времени в конце XIX — начале XX вв. // Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ. С. 512–522.

Первые труды русских историков по новому времени // Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ. С. 345–361.

Член редкол.: Историография нового времени стран Европы и Америки.— М.: Изд-во МГУ.— 670 с.

1968

Немецкая историография конца XVIII — первой половины XIX в. // Маркс-историк. М. С. 49–82.

1969

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1968.— М.: Наука.— 503 с.

1970

Историографические проблемы нового времени: Автореф. дис. ... — д-ра ист. наук.— М.— 48 с. Памяти Ю. Я. Мошковой // Новая и новейшая история. № 3. С. 174.— Совместно с В. М. Далиным.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1969.— М.: Наука.— 512 с.

1971

Карл Маркс и проблема раннего этапа развития общественных отношений в немецкой историографии // Ежегодник германской истории, 1970. М.: Наука. С. 416–431.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1970.— М.: Наука.— 503 с.

1972

В. И. Ленин и историческое наследие якобинцев // Французский ежегодник, 1970. М.: Наука. С. 5–34.

Член редкол.: Геродот: История в девяти книгах.— Л.: Наука.— 599 с.

Член редкол.: История и историки. Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория: Историографический ежегодник, 1970.— М.: Наука.— 568 с.

1973

Кареев Николай Иванович // БСЭ. 3-е изд. Т. 11. С. 417–418.

Ковалевский Максим Максимович // БСЭ. 3-е изд. Т. 12. С. 357.

Плодотворное сотрудничество историков СССР и ГДР // История СССР. № 6. С. 196–201.— Совместно с Д. С. Давидовичем.

Токвиль // СИЭ. Т. 14. С. 283.

Член редкол.: Блок М. Апология истории или ремесло историка.— М.: Наука.— 232 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1971.— М.: Наука.— 491 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1972.— М.: Наука.— 503 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1971.— М.: Наука.— 411 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1972.— М.: Наука.— 408 с.

Член редкол.: Макьявелли Н. История Флоренции.— Л.: Наука.— 440 с.

1974

Историографические проблемы.— М.: Наука.— 336 с.

Рец.: Далин В. М. // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 186–188; Кантор Р. Е., Колпа-

ков А. Д. // Вопр. истории. 1975. № 3. С. 180–184.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1973.— М.: Наука.— 503 с.

1975

Выступление в прениях на Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и пединститутов // Вопросы историографии в высшей школе: (Материалы конференции. Смоленск, 1973). Смоленск. С. 465–466.

Отв. ред.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.— М.: Наука.— 359 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1974.— М.: Наука.— 389 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1973.— М.: Наука.— 367 с.

1976

Отв. ред. и от редактора: Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства.— М.: Наука.— 435 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1975.— М.: Наука.— 368 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974.— М.: Наука.— 359 с.

1977

Изучение новой истории стран Европы в России во второй половине XIX — начале XX в. Гл. 6 [Кроме раздела о Г. В. Плеханове] // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М. Ч. 1. С. 209–223.

Отв. ред.: Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России.— М.: Наука.— 336 с.

Ред.: Труды Института всеобщей истории АН СССР (1969–1975 гг.): Указатель литературы.— М. Вып. 1–2.— 297 с. Составитель Н. Я. Крайнева.

Член редкол.: Гердер И. Г. Идеи к философии человечества.— М.: Наука.— 703 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1976.— М.: Наука.— 373 с.

1978

- Член редкол.: *Болингброк Генри Сент-Джон*. Письма об изучении и пользе истории.— М.: Наука.— 359 с.
- Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1977.— М.: Наука.— 383 с.
- Член редкол.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.— Л.: Наука.— 312 с.
- Член редкол.: История и историки. Историографический ежегодник, 1975.— М.: Наука.— 367 с.
- Член редкол.: *Пселл Михаил*. Хронография.— М.: Наука.— 319 с.

1979

- Karl Marx, Friedrich Engels und das Problem der germanischen Agrarverhältnisse als Frühetape der gesellschaftlichen Beziehungen in der deutschen Historiographie (Möser, Hanssen, Haxthausen, Maurer) // Jahrbuch für Geschichte. Bd. 19. Berlin. Academie-Verlag. S. 349—365.
- Отв. ред.: *Намазова А. С.* Бельгийская революция 1830 года.— М.: Наука.— 206 с.
- Член редкол.: Ежегодник германской истории,— 1978. М.: Наука.— 352 с.
- Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1976.— М.: Наука.— 399 с.
- Член редкол.: *Кропоткин П. А.* Великая Французская революция, 1789—1793.— М.: Наука.— 575 с.

1980

- Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1977.— М.: Наука.— 454 с.
- Член редкол.: *Коллинз Р. Дж.*

Идея истории: Автобиография.— М.: Наука.— 485 с.

1981

- Отв. ред.: *Далин В. М.* Историки Франции XIX—XX веков.— М.: Наука.— 325 с.
- Отв. ред.: *Машкин М. Н.* Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос, 1830—1871.— М.: Наука.— 318 с.
- Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1979.— М.: Наука.— 358 с.
- Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1978.— М.: Наука.— 352 с.
- Член редкол.: *Саллюстий Гай Крисп*. Сочинения.— М.: Наука.— 221 с.

1982

- Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1980. М.: Наука.— 308 с.
- Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1979.— М.: Наука.— 414 с.

1983

- Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1981.— М.: Наука.— 303 с.
- Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1982.— М.: Наука.— 253 с.

Дунаевский В. А. О защите докторской диссертации на тему: «Историографические проблемы нового времени» в Институте всеобщей истории АН СССР: Хроникальная заметка // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 245—246.

Борис Георгиевич Вебер: Некролог // Вопр. истории. 1985. № 2. С. 188.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ САЛОВ (1923—1984)

Б. И. Марушкин, С. Р. Сухоруков

В расцвете творческих сил ушел из жизни известный советский историограф Владимир Иванович Салов. Безвременно оборвалась жизнь блестящего ученого, стойкого бойца идеологического фронта, глубоко образованного, обаятельного человека. Научные публикации В. И. Салова отличались высоким профессио-

нализмом, фундированностью, партийной убежденностью. Талант серьезного исследователя удачно сочетался в нем с лучшими качествами публициста, незаурядного пропагандиста советской исторической науки.

В. И. Салов пришел в науку зрелым человеком. Поступив в 1940 г. на исторический факультет Московского государственного университета, В. И. Салов с июня 1941 г. и до окончания Великой Отечественной войны был в рядах действующей Красной Армии, с боями прошел от Москвы до Берлина. Его ратный труд был отмечен многими боевыми наградами Родины. Вернувшись в 1945 г. в МГУ, В. И. Салов успешно закончил его в 1949 г. и в этом же году поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. После окончания аспирантуры в 1952 г. В. И. Салов стал младшим научным сотрудником, а в 1961 г. — старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. Вся последующая научная деятельность В. И. Салова была неразрывно связана с Институтом истории СССР, созданным в 1968 г.

Жизненный опыт В. И. Салова, участие в Великой Отечественной войне, несомненно, сыграли роль в выборе им объекта исследований. Тема кандидатской диссертации Владимира Ивановича «Борьба прогрессивных сил Восточной Германии за демократическое решение германской проблемы (1945—1949 гг.)», успешно защищенной в 1953 г., отражала глубокий интерес к главным проблемам современности — проблемам войны и мира, разоблачению сил, стремящихся ввергнуть человечество в новую военную катастрофу. Этот интерес сохранился у В. И. Салова на протяжении всей его творческой деятельности.

Трудно переоценить роль В. И. Салова в формировании целого направления в советской исторической науке, посвященного критике буржуазной историографии. Под его руководством и при непосредственном участии в Институте истории АН СССР началась разработка проблем зарубежной историографии советского общества. В. И. Салова можно по праву назвать одним из ведущих специалистов в данной области. В исследованиях ученого, в его анализе историографического процесса за рубежом, раскрытии антинаучной сущности теорий и концепций буржуазной советологии проявились присущие В. И. Салову глубокие и разносторонние познания, незаурядная эрудиция. Уже первая книга В. И. Салова «Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции», изданная в 1960 г., привлекла внимание научной общественности аналитическим характером, широким диапазоном избранных проблем, доказательностью. Дальнейшее изучение западногерманской буржуазной историографии завершилось подготовкой докторской диссертации, успешно защищенной в 1967 г., а затем переработанной в монографию «Современная западногерманская буржуазная историография». Некоторые проблемы новейшей истории», опубликованную в 1968 г. Эта книга служит образцом историографического исследо-

вания и является настольным пособием всех советских, да и не только советских, германистов, изучающих историю и историографический процесс в ФРГ. Это глубокое и всестороннее исследование, основанное на фундаментальном знании марксистско-ленинской философии и методологии, в котором дан дифференцированный анализ историографических направлений в буржуазной исторической науке и убедительно показана несостоятельность буржуазных теорий и концепций в трактовке ряда важнейших проблем советской и зарубежной истории. Точность критических оценок В. И. Салова была впоследствии неоднократно подтверждена самой жизнью.

В последние годы В. И. Салов много внимания уделял проблемам методологии историографического исследования, что нашло наиболее полное воплощение в монографии «Историзм и современная буржуазная историография» (1977). На примере ряда конкретно-исторических проблем, связанных с историей трех революций в России, В. И. Салов дал обстоятельный критический разбор наиболее актуальных теоретических вопросов современной буржуазной историографии, ярко показал роль марксистско-ленинского историзма как доминирующего принципа познания общественно-исторических явлений. Эта книга явилась прологом к коллективному труду «Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций» (1983 г.), в котором В. И. Салов выступил в качестве ведущего исследователя и руководителя авторского коллектива.

Перу В. И. Салова принадлежит более 100 работ. Ряд из них переведен на иностранные языки и вошел в золотой фонд советской историографии.

Много сил отдавал В. И. Салов организационной работе. С 1968 г. он руководил Группой научной информации и историографии, а с 1977 г. — Сектором зарубежной историографии советского общества в Институте истории СССР АН СССР. В. И. Салов был членом ряда специализированных ученых советов, членом бюро Научного совета по истории исторической науки, возглавляемого академиком М. В. Нечкиной, членом Комиссии историков СССР — ГДР, членом редколлегий ряда изданий, в том числе «Ежегодника германской истории». Благодаря его усилиям в области организации историографических исследований и работе в качестве научного руководителя значительно пополнился отряд специалистов по зарубежной историографии во многих вузовских центрах нашей страны, а также в ГДР, ПНР, ЧССР. В. И. Салов всегда считал для себя принципиально важным участвовать в научных историографических конференциях и тем самым немало способствовал развитию исторической науки.

Товарищи и коллеги В. И. Салова, его многочисленные ученики навсегда сохраняют самые светлые воспоминания о нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
ТРУДОВ В. И. САЛОВА *

1952

Борьба прогрессивных сил Восточной Германии за демократическое решение германской проблемы (1945–1949 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М. 12 с.

1955

Борьба трудящихся масс Восточной Германии за ликвидацию монополитического капитала // Учен. зап. по новой и новейшей истории (Ин-т истории АН СССР). Вып. 1. С. 455–498. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1959. Н. 1. S. 47–73.

О некоторых попытках фальсификации истории второй мировой войны в западногерманской историографии // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. Вып. 8. С. 133–143.

1957

Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции // Новая и новейшая история. № 4. С. 239–249.

Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Ист. зап. № 60. С. 3–30.

Правда Октября и ложь буржуазных историков // Знамя. Кн. 11. С. 153–158.

Рец.: *Георг фон Раух*. История большевистской России // История СССР. № 5. С. 261–269.

Lenin über die Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. — Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Н. 9. S. 913–939.

Zur reaktionären westdeutschen Geschichtsschreibung über die Große Sozialistische Oktoberrevolution // Die Oktoberrevolution und Deutschland: Referate und Diskussion zum Thema: Der Einfluß der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland: Protokoll der wissenschaftlichen Tagung in Leipzig vom 25. bis 30. November 1957 in zwei Bänden. Bd. 1. В. S. 166–178. То же на рус. яз.: О реакционной западногерманской историографии Великой Октябрьской

социалистической революции // Октябрьская революция и Германия: Докл. и дискус. по теме: «Влияние Великой Окт. соц. революции на Германию»/Протокол науч. сес. в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 г. М. 1960. С. 189–201.

1959

Как извращается история советского общества в работах Б. Мейсснера // История СССР. № 1. С. 240–249.

Некоторые вопросы истории советского рабочего класса в освещении буржуазной историографии // Науч. сес. по истории сов. рабочего класса (22–25 дек. 1959 г.): Тезисы докладов. Л. С. 39–43.

О фальсификации тактики большевиков в марте – апреле 1917 года западногерманской буржуазной историографией // Вопр. истории. № 8. С. 120–129.

1960

Германская историография Велпкой Октябрьской социалистической революции. — М. — 212 с.

Рец.: *Экштейн А. Э.* // Вопр. истории. 1961. № 7. С. 137–139; *Anderle A.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1962. N 1. S. 238–239; *Anderle A.* // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. В., 1962. Bd. 6. S. 457–460.

Как искажаются исторические факты (Создание большевистской партии в кривом зеркале западногерманской буржуазной историографии) // Вопр. истории КПСС. № 5. С. 186–195. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1961. Н. 3. S. 228–341.

Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики: Обзор работ западногерманских историков // Вопр. истории. № 12. С. 164–174. — Совместно с М. Р. Тульчинским. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1961. Н. 4. S. 404–419.

* Составители С. Р. Сухоруков, Н. П. Козлова

О западногерманской буржуазно-реакционной историографии Октябрьской социалистической революции // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М. С. 39–68.

О западногерманской реакционной историографии нового и новейшего времени: В помощь преподавателю новой и новейшей истории // Новая и новейшая история. № 4. С. 115–123. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1961. Н. 1. S. 91–102. Пер. на рум. яз.: Analele romîno-sovietice: Seria istorie. 1961. 2(34). С. 98–108.

Об освещении истории советского рабочего класса в зарубежной историографии // Науч. конф., посвященная истории рабочего класса Урала (29 ноября – 3 декабря 1960 г.): Тезисы докл. и сообщ. Пермь. С. 3–5.

1961

Буржуазная фальсификация проблемы сосуществования и соревнования двух систем // Решающий этап экономического соревнования двух систем. М. С. 151–165.

Изучение истории Октябрьской революции в Германской Демократической Республике // Зарубежная литература об Октябрьской революции. М. С. 52–55.

Об освещении истории советского рабочего класса в зарубежной историографии // Из истории рабочего класса Урала. Пермь. С. 33–46.

Освещение истории Октябрьской революции в исторической литературе ФРГ // Зарубежная литература об Октябрьской революции. М. С. 234–251.

Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. – М. – 31 с. – Совместно с В. Т. Пашуто и А. Л. Хорошкевич.

СССР в борьбе за мир и безопасность народов: К работе 16-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – М. – 39 с. – Совместно с А. С. Протопоповым и В. М. Хайцманом.

1962

В группе по критике философских основ буржуазной историографии // Вопр. историч. № 7. С. 163–

164. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1963. Н. 2. S. 219–221.

Западногерманский журнал реабилитирует германский милитаризм: Обзор журнала «Вервиссеншафтliche рундschau» // Воен.-ист. журн. № 1. С. 105–109.

Некоторые вопросы истории советского рабочего класса в освещении западногерманской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР. Л. С. 130–149.

Об антинаучных приемах использования источников западногерманскими буржуазными историками // Вопр. истории КПСС. № 5. С. 167–176.

Об освещении истории советского общества в буржуазной историографии // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М. С. 235–253. – Совместно с В. С. Васюковым, И. М. Красновым, С. В. Мокиным, Б. И. Марушкиным.

Советская историческая наука в борьбе против буржуазной фальсификации истории советского общества // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М. С. 526–539. – Совместно с И. М. Красновым и Б. И. Марушкиным. Russland und Europa // Auf den Spuren der «Ostforschung». Leipzig. S. 1–39. – Совместно с В. Т. Пашуто.

1963

В группе по критике философско-теоретических основ современной буржуазной историографии: Хроника научной жизни // Вопр. истории. № 5. С. 143. Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1963. Н. 8. S. 899–900.

О некоторых проповедниках реваншизма: По поводу освещения истории Германии в современной западногерманской литературе // Новая и новейшая история. № 2. С. 135–144.

Рец.: Боннский журнал об установлении гитлеровской диктатуры. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Bonn, 30.1.1963 // Вопр. истории. № 8. С. 198–199.

Рец.: Еще одна антинаучная кон-

цепция второй мировой войны. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Bonn, 26.IX.1962. S. 469-483; «Wehrwissenschaftliche Rundschau». Frankfurt a/M. 1962. H. 9. S. 485-500. // Вопр. истории. № 6. С. 189-191.

1964

Рец.: Фридрих Мейнеке и современная западногерманская буржуазная историография. «Historische Zeitschrift». München, 1963. H. 1. S. 102-133 // Вопр. истории. № 4, С. 193-194.

1966

Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». М. С. 72-90.

Вопрос об ответственности фашистской Германии за вторую мировую войну // Вторая мировая война: Материалы науч. конф., посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией (14-16 апреля 1965 г.): В 3 кн. Кн. 1: Общие проблемы. М. С. 337-343.

Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Коммунист. № 4. С. 72-79.- Совместно с В. Т. Пашуто и Л. В. Черепниным. Пер. на англ. яз.: The Daily Review. 1966. Vol. XII. N 37.

Современная западногерманская буржуазная историография: (Проблемы новейшей истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.- М.- 31 с.

Член редкол.: Критика западногерманского «остфоршунга». - М.- 275 с.

1967

«Остфоршунг» // СИЭ. Т. 10. С. 660-661.

Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции // Вопр. истории. № 11. С. 192-201.

Czy ustnieje «demokratyczny antikomunizm»? // Kraj rad. N 40. S. 12-13.

1968

Современная западногерманская буржуазная историография: Некоторые проблемы новейшей истории.- М.- 382 с.

Рец.: *Георгиев Л. И.* // Новая и новейшая история. 1971. № 5.

С. 174-176; *Рахимир П. Ю.* // История СССР. 1969. № 4. С. 205-207; *Ahrens W.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1971. N 2. S. 266-267; *Sprawy międzynarodunar.* 1969. N 9. S. 141.

Рец.: *Мерцалов А. Н.* Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне // Новая и новейшая история. № 4. С. 155-156.

1969

Литература капиталистических стран: Историографический обзор // Ленинская внешняя политика Советской страны, 1917-1924 гг. М. С. 322-385.- Совместно с М. И. Козовым, Д. Г. Наджафовым, М. М. Наринским, О. В. Серовой, С. Р. Сухоруковым.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1968.- М.- 503 с.

1970

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М. С. 39-63.- Совместно с В. Т. Пашуто и Л. В. Черепниным.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1969.- М.- 512 с.

1971

Зарубежная историография ленинской «Искры» // Ленинская «Искра» и местные партийные организации России (1900-1903 гг.). Пермь. С. 491-503.

Рец.: Германская история в новое и новейшее время.- М. 1970. Т. 1-2 // Новая и новейшая история. № 3. С. 197-200.- Совместно с А. И. Борозняком, Г. В. Павленко, В. В. Чистяковым.

Рец.: *Unbewältigte Vergangenheit: Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtsschreibung/Hrsg. G. Lozek, H. Meier, W. Schmidt, W. Berthold.- B., Akademie-Verlag, 1970. 566 S.* Непреодоленное прошлое: Пособие по критическому разбору западногерманской буржуазной историографии/Ред. Г. Лоцек, Г. Мейер, В. Шмидт, В. Бертольд.- Берлин. 1970.- 566 с. // Новая и новейшая история. № 6. С. 186-187.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1970.— М.— 503 с.

1972

Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы // Критика буржуазной историографии советского общества. М. С. 14—62.— Совместно с В. С. Васюковым.

Вторжение психоанализа в буржуазную историографию // Новая и новейшая история. № 4. С. 89—105.

История комсомола и современная буржуазная историография // Вопр. истории КПСС. № 3. С. 61—68.

К критике антимарксистской историографии гражданской войны и иностранной интервенции // Критика буржуазной историографии советского общества. М. С. 64—101.— Совместно с В. С. Рыкаловым.

Национальная политика Советского государства и ее буржуазные фальсификаторы // Междунар. жизнь. № 7. С. 101—110.— То же // XXIV съезд КПСС и проблемы научного коммунизма. М. 1973. С. 153—168; То же на фр. яз. // *La vie internationale*. N 8. P. 96—140; То же на англ. яз. // *International Affairs*. N 8. P. 86—93; То же на нем. яз. // *Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge*. N. 10. S. 1160—1170.

Проблема создания и развития советского многонационального государства в новейшей буржуазной историографии // СССР — великое дружество народов-братьев. М. С. 312—333.

Рец.: *Давидович Д. С.* Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы.— М., 1971 // Вопр. истории. № 6. С. 147—149.

1973

Исторический факт и современная буржуазная историография // Новая и новейшая история. № 6. С. 43—56. Пер. на англ. яз.: *Questions of the Methodology of History*. М. 1975. P. 78—96. *Problems of the Contemporary World*. N 32 (издается также на исп. и фр. яз.).

Критика современной буржуазной историографии ленинской политики КПСС по национальному вопросу.— М.— 32 с.

Обобщающий труд историков ГДР о западногерманской историографии («Unbewältigte Vergangenheit». В., 1970) // Ежегодник германской истории, 1972. М. С. 439—444.— Совместно с В. В. Труновой.

Рец.: *Иноятов Х. Ш.* Ленинская национальная политика в действии: Ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстане.— Ташкент.— 440 с. // Вопр. истории. № 11. С. 148—150.— Совместно с М. П. Кимом.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1971.— М.— 491 с.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1972.— М.— 503 с.

1974

Роль историографии в современных условиях // Вестн. АН СССР. № 6. С. 58—65.

Psychoanalysis and History // Social Sciences. N 2. P. 177—190.— (Журнал вышел также на фр., исп., португ. языках).

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1973.— М.— 503 с.

Член редкол.: История второй мировой войны, 1939—1945: В 12 т. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР.— М.— 503 с.

1975

Советская и зарубежная литература о деятельности СССР в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций, 1966—1970 гг. М. С. 380—418.— Совместно с А. Е. Иоффе, И. И. Орлик, В. С. Рыкаловым.

Современная буржуазная историография трех русских революций // Вестн. АН СССР. № 11. С. 47—58. Пер. на нем. яз.: *Gesellschaftswissenschaften*, 1977. № 2. S. 202—214.— Журнал вышел также на англ., фр., исп., португ. языках.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1974. М. 389 с.

1976

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1975.— М.— 368 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974.— М.— 359 с.

Отв. ред.: *Сугориков С. Р.* Западно-

германская буржуазная историография советско-германских отношений, 1917–1932. – М. – 231 с.

1977

Великий Октябрь в современной буржуазной историографии // Исторический опыт Великого Октября и его международное значение. Тбилиси. С. 359–371.

Историзм и современная буржуазная историография. – М. – 253 с.

Рец.: *Игрицкий Ю. И.* // *Вопр. истории.* 1978. № 11. С. 151–153; *Кунина А. Е.* // *Новая и новейшая история.* 1978. № 4. С. 174–177; *Lozek G.* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1981. № 2. S. 161–163; *Prus J.* // *Wojskowy Przegląd historyczny.* 1979. № 1. S. 293–299; *J. T.* // *Historický časopis.* 1978. Č. 3. S. 459–460; *Z. D.* // *Československe časopis historicky.* 1979. R. 27. № 27. S. 293–294.

Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех революций в России // Первая русская революция – генеральная репетиция Великого Октября. Тбилиси. С. 231–247.

Критика современной буржуазной историографии Октябрьской революции // Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии. М. С. 328–340.

Geschichte der KPdSU // Unbewältigte Vergangenheit: Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung in der BRD. В. S. 620–634.

Член редкол.: *Ежегодник германской истории.* 1976. – М. – 373 с.

Член редкол.: *Проблемы социально-экономической истории СССР.* – М. Вып. 1. – 116 с.; Вып. 2. – 240 с.

1978

Критика зарубежной литературы по истории СССР // *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС.* М. Вып. 1: *Советский период.* С. 297–319.

О современной буржуазной историографии первой русской революции 1905–1907 гг. // *История и историки: Историкографический ежегодник.* 1975. М. С. 236–249. – Совместно с Т. П. Придворовой. Против фальсификации истории на-

шей Родины: В помощь лектору. – М. – 39 с. – Совместно с Т. П. Придворовой и В. В. Труновой.

Разрядка напряженности, идеологическая борьба и буржуазная историография // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин. Ч. 1. С. 41–45.

Член редкол.: *Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей.* – М. – 367 с.

Член редкол.: *История и историки: Историкографический ежегодник.* 1975. – М. – 367 с.

1979

Антикоммунизм в школьных учебниках ФРГ // *Вопр. истории.* № 12. С. 52–65. – Совместно с В. Т. Пашуто.

Современная буржуазная историография Февраля 1917 г.: Преемственность и перемены // *Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов.* М. С. 281–314. – Совместно с Г. З. Иоффе.

Рец.: *Никонова С. В.* *Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг.: От плана Дауэса к плану Юнга.* – М. 1977. – 373 с. // *Новая и новейшая история.* № 1. С. 188–189.

Член редкол.: *Ежегодник германской истории.* 1978. – М. – 352 с.

Член редкол.: *История и историки: Историкографический ежегодник.* 1976. – М. – 399 с.

Член редкол.: *Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов.* – М. – 318 с.

1980

Несостоятельность современных буржуазных концепций революционного процесса // *40 лет Прибалтийским республикам Союза ССР: Тезисы докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., посвященной революциям 1940 г. и восстановлению Советской власти в Прибалтийских республиках Союза ССР (1–2 июля 1980 г.).* Вильнюс. С. 239–242.

Проблема революции в современной

методологии истории // Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси. С. 259–276.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1977.– М.– 454 с.

Член редкол.: П. А. Кропоткин (1842–1920): Библиогр. указатель печатных трудов/Сост. Е. В. Старостин.– М.–249 с.

1981

Кризисные явления в современной буржуазной методологии истории // Вопр. истории. № 4. С. 85–98.

Победное знамя Октября // Коммунист. № 15. С. 3–13.

Революционный процесс и современная буржуазная историография // Новая и новейшая история. № 1. С. 77–90.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1979.– М.– 358 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1978.– М.– 353 с.

Член редкол.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции.– М.– 293 с.

1982

Изучение современной зарубежной историографии советского общества // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М. С. 320–338.

Несостоятельность современных буржуазных концепций революционного процесса // Ежегодник германской истории, 1980. М. С. 5–20.

Против буржуазной и ревизионистской фальсификации истории первой русской революции 1905–1907 годов // Историография и источниковедение деятельности В. И. Ленина и местных партийных организаций в революции 1905–1907 годов. Пермь. С. 131–143.– Совместно с Т. П. Прядковой.

Современная буржуазная историография гражданской войны в СССР. // Боевое содружество Советских республик, 1919–1922 гг. М. С. 199–208.– Совместно с Ю. А. Беляевым.

Рецензент издания: *Иванов В. В.* Историзм в ленинской методоло-

гии научного исследования.– М. 240 с.

Рецензент издания: *Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П.* Сила правды и бессилие лжи: Критика буржуазной историографии ленинской национальной политики КПСС в Казахстане.– Алма-Ата.– 264 с.

Отв. ред.: Критика буржуазных концепций истории СССР: Сб. статей.– М.– 163 с.– Совместно с В. Я. Сиполсом.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1980.– М.– 308 с.

Член редкол.: История и историки: Историографический ежегодник, 1979.– М.– 412 с.

1983

Новые труды по германистике // Ежекварт. прил. к науч.-пед. журн. «Школа и жизнь». № 2(69). С. 88–90 (на груз. яз.).

The History of the Formation of the USSR and the Bourgeois Falsifiers // International Affairs. N 1. P. 45–53. То же на фр. яз.: La vie internationale. N 1. P. 44–52.

Рец.: *Пагрушев А. И.* Неолиберальная историография ФРГ: Формирование, методология, концепции.– М. 1981.– 151 с. // Новая и новейшая история. № 1. С. 180–181.

Член редкол.: Ежегодник германской истории, 1981.– М.– 303 с.

Рук. авт. коллектива и член редкол.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций.– М.– 335 с.

1984

Буржуазная историография о трех российских революциях // Наука сегодня: Ежегод. справ. лектора. М. Вып. 12. С. 91–95.

Против извращений в освещении образования СССР в современной буржуазной историографии//СССР в борьбе за мир и безопасность народов: Исторический опыт. М. С. 63–70.

Рец.: Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии.– Киев, 1981.– 319 с. // Вопр. истории. № 4. С. 145–147.– Совместно с С. И. Аппатовым.

Рецензент издания: *Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А.* Опыт имитационного моделирова-

ния исторического процесса.—
М.— 160 с.
Член редкол.: История и историки:
Историографический ежегодник,
1980.— М.— 356 с.

1985

Член редкол.: Буржуазная историо-
графия второй мировой войны:
Анализ современных тенденций.—
М.— 424 с.

МАТЕРИАЛЫ К РОСПИСИ «ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА» (1880—1917)

М. Д. Эльзон

«Исторический вестник» (1880—1917) принадлежал к числу ведущих историко-культурных журналов второй половины XIX — первой четверти XX в. Издателями журнала были А. С. Суворин (1880—1912) и Б. Б. Глинский, редакторами С. Н. Шубинский (1880—1913) и Б. Б. Глинский.

Формально позиция журнала определялась консервативно-монархическими взглядами его издателей и редакторов. Объективное же значение журнала в развитии отечественной культуры и науки трудно переоценить. Прежде всего это относится к обилию опубликованных в нем ценнейших источниковедческих материалов: воспоминаний, дневников, фактологических заметок, посвященных отдельным вопросам истории, исторической географии и этнографии, истории литературы. Значительное место в журнале, носившем научно-популярный характер, занимали отечественные и переводные исторические романы.

Авторский коллектив журнала был достаточно представлен. В разное время в нем сотрудничали В. И. Герье, Н. И. Костомаров, Н. С. Лесков, Д. Л. Мордовцев, П. Е. Щеголев и многие, многие другие.

О значении и популярности журнала свидетельствует также наличие капитальных указателей содержания, в целом охватывающих почти весь период его существования¹.

Цель настоящего указателя — ввести в научный оборот псевдонимы (преимущественно), а также некоторые анонимные наиболее значительные материалы, опубликованные в «Историческом вестнике» за весь период издания. Источниками послужили: 1) часть огромного эпистолярного архива С. Н. Шубинского (Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 874. оп. 1. № 14—103 (письма 1879—1905 гг.) и 2) гонорарные ведомости за 1906—1917 гг., обнаруженные в архиве Б. Б. Глинского (Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ф. 72, № 429—439).

Эвристическое значение указанных источников не нуждается в пространном доказательстве. Они могут служить неоцени-

мым подспорьем при создании полной росписи журнала, потребность в которой все острее ощущается с каждым годом.

Безусловный интерес для историографа представляют также сами письма к С. Н. Шубинскому и Б. Б. Глинскому, причем не только крупнейших русских историков данного периода, но и тех, чей расцвет научного творчества связан с послеоктябрьской эпохой (для примера назову письма П. Е. Щеголева, занимавшегося рецензированием в каземате Петропавловской крепости). Заслуживают так же внимания читательские письма, в особенности те, которые по разным причинам не были опубликованы.

В частности, при сплошном просмотре эпистолярной части архива С. Н. Шубинского за указанные выше годы мною была обнаружена заметка Н. Ноневича². Автор сообщал, что опубликованные в декабрьском номере журнала за 1897 г. воспоминания католического монаха М. Лавриновича «Вильна в 1812» (перевод Е. С. Мирзы-Туган-Барановского) в действительности являются главой из ранее напечатанной в «Историческом вестнике» (1880, № 5—6) повести Игнаци Ходзько (1795—1861) «Записки квестара»³, герой которой, католический монах, описывает бегство русских из Вильно и вступление в город французских войск. Вероятно, С. Н. Шубинский усмотрел в этой заметке покушение на репутацию журнала, и, таким образом, литературная мистификация просуществовала до наших дней: в ценнейшем многотомном указателе «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», выходящем под редакцией профессора П. А. Зайончковского, отрывок из повести польского писателя фигурирует на правах исторического документа⁴.

Пользуясь случаем, составитель приносит сердечнейшую благодарность за многолетнюю неоценимую помощь и всемерную поддержку сотруднику Пушкинского дома, библиографу и историку литературы Анатолию Дмитриевичу Алексееву и сотруднику Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, специалисту по истории русской культуры XIX — начала XX в. Валерию Николаевичу Сажину.

¹ *Городецкий Б. М.* Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 25 лет (1880—1904). СПб., 1908; *Рудаков В. Е., Мартемьянов Т. А.* Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за семь лет (1905—1911). Пг., 1915.

² ГПБ. Ф. 874. Оп. 1, № 74. Л. 16. Не датировано; находится среди писем 1898 г.

³ Повесть И. Ходзько «Pamiętniki Kwestarza» (1851) была издана под заглавием «Дневник монаха-бернардина» (перевод и предисловие Вл. И. Веселовского, СПб., 1882); см. о ней письма к С. Н. Шубинскому Вл. И. Веселовского (б. д., ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 14, Л. 220—221) и Е. П. Карновича (от 7 марта 1880 г., ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 16. Л. 18).

⁴ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1977. Т. 2. Ч. 1: 1801—1856. С. 291 (№ 1686).

**АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК
ПСЕВДОНИМНЫХ И АНОНИМНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
«ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»
С РАСКРЫТИЕМ АВТОРСТВА**

- [*Абашидзе А. Р.*] История бедствий одной семьи: Из воспоминаний старого кавказца // 1903. № 12. С. 865—884. Подп.: Ав-е.
Письма от 6 сентября и 15 октября 1903 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 92. Л. 1—2).
- [*Александров П.*] Музей в селе Акшуте Симбирской губернии // 1908. № 9. С. 982—986. Подп.: А. А-ъ.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 9).
- [*Александрова В. Д.*] О М. Ю. Лермонтове // 1914. № 9. С. 855—857. Подп.: В. Д. А-ва.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 9).
- [*Алексеев В. А.*] Рец. на кн.: А. В. Жиркевич. Сонное царство великих начинаний. Вильна, 1911 // 1912. № 4. С. 290—292. Подп.: В. А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Жиркевич. Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской. Вильна, 1912 // 1913. № 3. С. 1042—1043. Подп.: А. А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Д. Мережковский. Павел I. СПб., 1908 // 1913. № 4. С. 323—326. Подп.: В. А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Письма высочайших особ к графине А. С. Протасовой. СПб., 1913 // 1913. № 7. С. 306—307. Подп.: В. А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. В. Жиркевич. Жизнь во Христе старца Зосимы. Вильна, 1913; Он же. Архим. Зосима (в мире Дм. Рашин) был невиновен. Вильна, 1913 // 1913. № 9. С. 1073—1076. Подп.: В. А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 9).
- [*Амосов Г. Б.*] Памяти П. С. Ваиновского // 1912. № 5. С. 513—514. Подп.: А-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [*Андреевский*]. Воспоминания о князе К. А. Бебутове // 1908. № 7. С. 115—136. Подп.: А. Е. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 7).
- [*Анофриев Г. П.*] Степи // 1908. № 8. С. 487—495. Подп.: Г. А.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 8).
- [*Антропов*] Рец. на кн.: Русский календарь на 1910 г. СПб., 1910 // 1910. № 3. С. 1125—1126. Подп.: N.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 3).
- [*Ардатов*] Рец. на кн.: Исторический обзор Симбирска... Симбирск, 1909 // 1910. № 1. С. 318—319. Подп.: Ар. Датов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).
- [*Ардашев И. А.*] «Аксаковские дни» в городе Уфе // 1909. № 6. С. 1020—1026. Подп.: z.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).

- [*Он же*] Семинарист у А. В. Сухова-Кобылина: Из воспоминаний // 1912. № 12. С. 1123—1128. Подп.: И. А.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).
- [*Бавад А.*] Эпизод из воспоминаний о Новогеоргиевской крепости // 1916. № 7. С. 123—131. Подп.: А. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).
- [*Бакунин М. М.*] Эпизоды из политической жизни Боснии и Герцеговины в последние тридцать лет // 1887. № 3. С. 643—660; № 5. С. 415—441. Подп.: Дм. Рудин.
Письмо от 13 (25) марта 1887 г. (ГПБ. Ф. 874. Он. 1. № 36. Л. 34—35).
- [*Барское Я. Л.*] Рец. на кн.: Записки имп. Екатерины Второй. СПб., 1907 // 1907. № 8. С. 625—629. Подп.: Б-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 8).
- [*Барцинский Б.*] Рец. на кн.: А. Серафимович. Город в степи. СПб., 1913 // 1913. № 11. С. 745. Подп.: Б. Барский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).
- [*Безобразов П. В.*] Рец. на кн.: В. Ф. Дерюжинский. Из истории политической свободы в Англии и Франции. СПб., 1906 // 1906. № 1. С. 316—318. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 2). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов отнесено к 1913—1917 гг.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. М. Ковалевский. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906 // 1906. № 3. С. 1048—1050.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: С. Д. Пападимитриу. Федор Продром. Одесса, 1905 // 1906. № 4. С. 304—306. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Н. Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. Киев, 1906. Т. 2. // 1906. № 5, с. 646—648. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ф. Меринг. История германской социал-демократии. СПб., 1906. Т. 1 // 1906. № 6. С. 996—998. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Луи. История социализма во Франции. М., 1906 // 1906. № 7. С. 284—286. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Г. Мижувев. История великой американской демократии. СПб., 1906 // 1906. № 8. С. 610—611. Подп.: П. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 9).
- [*Белов А. М.*] Рец. на кн.: Д. Кеннан. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. Ч. 1—2; Тюрьмы в России. СПб., 1906; Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906 // 1906. № 5. С. 636—638. Подп.: Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Университет и политика. СПб., 1906 // 1906. № 8. С. 599—600. Подп.: Б. А.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Самодержавие и печать в России. СПб., 1906 // 1906. № 8. С. 613. Подп.: Б. А.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Белявский. Исторический очерк развития элементарной школы в биографиях замечательнейших педагогов и по уставам правительств. СПб., 1905 // 1906. № 9. С. 1011. Подп.: Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 10).
- [*Он же*] Иностранцы о России. Последние годы царствования Алексан-

тра II (Воспоминания гр. Пфейля «Конец имп. Александра II») // 1908. № 2. С. 684—693. Подп.: М-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 2).

[Он же] Рец. на кн.: В. И. Никольский. О русском национальном самосознании. СПб., 1907 // 1908. № 7. С. 332—333. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: С. Эфрон (Литвин). Миссионеры и начетчики. М., 1908 // 1908. № 12. С. 1124—1125. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: А. С. Вязигин. В тумане смутных дней. Харьков, 1908 // 1909. № 1. С. 333—336. Подп.: А. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: В. В. Назаревский. Имп. Александр I, 1812 год и другие войны этого царствования. М., 1909 // 1909. № 11. С. 702—703. Подп.: А. П.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 11).

[Белов И. Д.] Университет и корпорация // 1880. № 4. С. 779—804. Подп.: И. Б-в.

Письмо от 28 июня 1880 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1, № 14, Л. 109 об.—110).

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление «ателонима» отнесено к 1881—1886 гг.

[Вельцман И. Е.] Записки покойного учителя // 1888. № 8. с. 296—337. Б. п.

Письма от 26 сентября и 2 октября 1890 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 45. Л. 24—27).

[Беллев И. С.] Рец. на кн.: Д. В. Цветаев. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913 // 1913. № 4. С. 303—306. Подп.: Бого-род-ий.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).

[Бергенсон Вяч. Б.] Рец. на кн.: Л. Бергенсон. Радиоактивность в лечеб-ных водах и грязях. Пг., 1914 // 1914. № 11. С. 649. Подп.: Б-я.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914—1915 // 1916. № 1. С. 284—283. Подп.: Б-я.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 1).

[Болдаков И. М.] Рец. на кн.: Д. А. Лутохин. Граф С. Ю. Витте как ми-нистр финансов. Пг., 1915 // 1916. № 6. С. 795. Подп.: Им. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).

[Бородин А.] Встречи и впечатления на Балканах // 1915. № 5. С. 512—544. Подп.: А. Сербский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).

[Бородин А. К.] Просветительное дело // 1898. № 9. С. 952—9/4. Подп.: А. Де-ла-Фосс.

Письмо от 13 августа 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1, № 72. Л. 73 — 73 об.).

[Он же] Русские католики в Москве в конце XVII столетия // 1886. № 9. С. 588—599. Подп.: А. Б-ин.

Письмо К. А. Бородинна (со списком работ А. К. Бородинна) от 22 сентября 1888 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 39. Л. 38—39 об.).

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление «ателони-ма» отнесено к 1888—1900 гг.

[Бородин И. Н.] Рец. на кн.: Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикополова. М., 1916. Ч. 1 // 1916. № 9. С. 781—782. Подп.: И. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).

{*Бочков Д. А.*} Рец. на кн.: Город Борисов. Вильна, 1910 // 1911. № 3. С. 1121. Подп.: Д. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова сотрудничество Д. А. Бочкова в журнале ограничено 1913 г.

{*Он же*} Рец. на кн.: М. В. Аксенов. Сенатор М. М. Карниолин-Пинский. Смоленск, 1910 // 1911. № 10. С. 344–345. Подп.: Д. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 10).

{*Он же*} Рец. на кн.: Отчет о деятельности Черниговской ученой архивной комиссии за 1910 г. Чернигов, 1911 // 1912. № 7. С. 343–345. Подп.: Д. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).

{*Булаков А. С.*} Рец. на кн.: Н. Н. Модестов. Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге. Оренбург, 1912 // 1914. № 2. С. 674. Подп.: А. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).

{*Он же*} Рец. на кн.: Е. Балабанова. Пятьдесят лет назад. СПб., 1913; *Она же*. Из моих странствий и приключений. СПб., 1913 // 1914. № 3. С. 1111. Подп.: А. Б-нов(!) В подписи опечатка, следует читать «Б-ков».

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).

{*Он же*} Рец. на кн.: Полоцко-витебская старина. Витебск, 1913. Вып. 2 // 1914. № 6. С. 1132. Подп.: А. С. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 437, л. 6).

{*Он же*} Рец. на кн.: Ф. Титов. Русский царствующий Дом Романовых в его отношениях к Киево-Печерской лавре. Киев, 1914 // 1914. № 9. С. 1013. Подп.: А. С. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 9).

{*Он же*} Рец. на кн.: П. Дульский. Памятники Казанской старины. Казань, 1914 // 1915. № 5. С. 652. Подп.: А. С. В.(!)

Гонорарная ведомость (ИРЛИ, ф. 72, № 438, л. 6).

{*Он же*} Рец. на кн.: У. Г. Иваск. Жизнь и труды В. И. Соболящикова. М., 1914 // 1915. № 10. С. 283. Подп.: А. С. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 12).

{*Булгаков Ф. И.*} Пушкинские дни в Москве и Петербурге // 1880. № 7. С. 560–576. Б. п.

Письма от 8 и 16 июня 1880 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 14. Л. 193, 196–197 об.).

{*Он же*} Китайский Бисмарк: По книге Пясецкого «Путешествие по Китаю» // 1880, № 9. С. 200–203. Б. п.

Письмо от 18 июля 1880 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1, № 14. Л. 204 об.).

{*Бутузов В. Н.*} Нунхузы // 1910. № 6. С. 923–954. Подп.: В. Н. Рудокопов. См.: «Заработано по „Историческому вестнику“ в 1910 г.» (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 15 об.).

{*Былов М. Н.?*} Пером печального образа (Эпизод из жизни Воронежского края конца XVIII века) // 1903. № 11. С. 554–561.

Письмо от 21 ноября 1901 г. о статье «Викулинские бунтовщики» (из жизни Воронежского края в 1804 и 1805 годах) (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 84. Л. 65).

{*Валединский И.*} Рец. на кн.: П. С. Коган. Пролог. Пг., 1915 // 1915. № 11. С. 664. Подп.: И. В.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 14).

{*Он же*} Рец. на кн.: Сборник в честь проф. Ф. А. Брауна. Пг., 1915 // 1916. № 1. С. 292–293. Подп.: И. В.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 1).

{*Он же*} Рец. на кн.: Е. В. Аничков. Очерк развития эстетических учений. Харьков, 1915 // 1916. № 3. С. 874–876. Подп.: И. В.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 3).

- [*Вальман Н.*] Рец. на кн.: В. В. Розанов. Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1 // 1913. № 11. С. 725–728. Подп.: Н. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).
- [*Барищев Д. К.*] Евграфов: Из жизни в Туркестане // 1912. № 6. С. 902–911. Подп.: Джанур.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6). Опечатка, следует читать «Джантур». См.: «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова.
- [*Варнеке Б. В.*] Рец. на кн.: Ю. Кулаковский. Стратегика имп. Никифора. СПб., 1908 // 1908. № 11. С. 750. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431, л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: С. П. Шестаков. Памятники христианского Херсонеса. М., 1908 // 1908. № 12. С. 1128–1129. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).
- [*Он же*] Как мы издавали газету (для будущего историка провинциальной печати) // 1909. № 1. С. 206–221. Подп.: М. Туринский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ю. А. Кулаковский. Аммиан Марцелин. История. Киев, 1908. Вып. 3 // 1909. № 1. С. 345. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. П. Бузескул. История афинской демократии. СПб., 1909 // 1909. № 4. С. 342–343. Подп.: Р.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Овett. История итальянской литературы. СПб., 1909 // 1909. № 5. С. 703–704. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Р. Ю. Виппер. Очерки истории римской империи. М., 1908 // 1909. № 6. С. 1071. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ю. А. Кулаковский. Римское государство и его армия. СПб., 1909 // 1909. № 12. С. 1161. Подп.: Б. В.
Атрибутировано по аналогии.
- [*Он же*] Россия в Германии // 1910. № 2. С. 572–587. Подп.: М. Туринский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев. 1909. Вып. 15 // 1910. № 5. С. 721–723. Подп.: М. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Н. Кудрявцев. Римские женщины. СПб., 1910 // 1911. № 2. С. 746–748. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 2).
- [*Он же*] Из зарубежных встреч // 1911. № 3. С. 937–957. Подп.: М. Туринский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3).
- [*Он же*] Газеты в провинции: Воспоминания и наблюдения // 1912. № 4. С. 151–176. Подп.: М. Туринский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: И. Г. Попруженко. Указатель статей, помещенных в I–XXX томах «Записок имп. Одесского общества истории и древностей». Одесса, 1914 // 1915, № 9. С. 954–955. Подп.: К. Е.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).
- [*Он же*] У потомков Перикла: Впечатления туриста // 1915. № 12. С. 865–892. Подп.: М. Туринский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 15).
- [*Васильев Е. Л.*] Последнее желание. Рассказ // 1904. № 12. С. 988–993. Подп.: Евгений Князев.

- Письмо от 4 мая 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 96. Л. 74–74 об.).
 [Васильковский С. Н.] Еще черта из жизни имп. Александра II // 1885. № 5. С. 438–441. Подп.: С. В-ий.
- Письмо от 18 марта 1885 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1, № 30. Л. 175).
 [Верховский П. В.] Рец. на кн.: Записки Общества истории, филологии и права при имп. Варшавском университете. Варшава, 1912. Вып. 6 // 1913. № 6. С. 1074–1075. Подп.: Н.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).
 [Веселовский Н. И.] Рец. на кн.: P. Kouznetsov. La lutte de civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Paris, 1912 // 1914. № 1. С. 305. Подп.: Н. В.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).
 [Виддигов В. И.] Рец. на кн.: Д. П. Пурцеладзе. Грузинские церковные гуджари (грамоты). Тифлис, 1881; Грузинские дворянские грамоты. Тифлис, 1881 // 1881. № 11. С. 668–669. Подп.: В. В-ов.
- Письмо от 30 июля 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 18. Л. 125–126).
 [Он же] Рец. на кн.: Материалы для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 1 // 1881. № 11. С. 671–673. Подп.: В.-ов.
- Письмо от 30 июля 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 18. Л. 125–126).
 [Вильер де Лиль Адан] Поездка на Венскую всемирную выставку в 1873 году с персидским принцем Бегмен-Мирзой // 1903. № 12. С. 1005–1012. Подп.: Владимир Передольский.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 872. № 431. Л. 12).
 [Виноградов Ф. А.] Рец. на кн.: И. Карпинн. История монголов. СПб., 1911; В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911 // 1910. № 11. С. 733–735. Подп.: Ф. В.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 14).
 [Витмер А. Н.] В защиту славного прошлого // 1915. № 12. С. 830–838. Подп.: А. Фрейганг.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 15).
 [Он же] Памяти П. В. Максимова // 1916. № 12. С. 692–699. Подп.: А. Фрейганг.
- Атрибутировано по аналогии.
 [Военский К. А.] Рец. на кн.: Ю. В. Руммель. Отечественный флот как средство обороны и международной политики. СПб., 1907 // 1907. № 8. С. 635–636. Подп.: В.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 8).
 [Он же]. Рец. на кн.: А. И. Мпловидов. Старопечатные славянорусские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI–XVIII вв. М., 1908 // 1908. № 10. С. 311. Подп.: В.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 10).
 [Он же] Рец. на кн.: А. И. Миловидов. Описание славяно-русских старопечатных книг виленской публичной библиотеки. Вильна, 1908//1908. № 10. С. 313. Подп.: В.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 10).
 [Вознесенский С.] Рец. на кн.: Н. Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. СПб., 1907 // 1907. № 2. С. 683–684. Подп.: С. В-ский.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).
 [Он же] Рец. на кн.: В. С. Якушкин. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1907 // 1907. № 3. С. 1063–1064. Подп.: С. В-ский.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).
 [Он же] Рец. на кн.: И. Д. Беляев. Судьбы земщины и выборного начала на Русн. М., 1906 // 1907. № 6. С. 980–981. Подп.: С. В-ский.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 6).

- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. М. Петровский. Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906 // 1907. № 6. С. 994—996. Подп.: С. В-ский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 6)
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Родосский. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-петербургской духовной академии 1814—1869 гг. СПб., 1907 // 1907. № 6. С. 997—998. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 6)
- [*Воронов Е. М.*] Рец. на кн.: Э. Мейер. Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904 // 1904. № 9. С. 1036—1037. Подп.: Е. В.
Письмо П. Е. Щеголева от 28 августа 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129—130).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Д. Р. Сили. Расширение Англии. СПб., 1904 // 1904. № 9. С. 1046—1047. Подп.: В.
Письмо П. Е. Щеголева от 28 августа 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129—130).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века. СПб., 1904. Вып. 3 // 1905. № 4. С. 331—333. Подп.: Е. М. В.
Атрибутировано по аналогии.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Х. Г. Инсаров. Кн. Миттерних, его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1905 // 1905. № 7. С. 263—264. Подп.: W.
Письмо П. Е. Щеголева от 28 августа 1904 (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129—130).
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Конколь. Коммуна 1871 года. СПб., 1906; Б. Бакс. Парижская Коммуна 1870—1871 гг. Ростов н/Д., 1905 // 1906. № 4. С. 301—303. Подп.: Е. Михайлович.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Бернгейм. Введение в историческую науку. М., 1908 // 1908. № 9. С. 1074—1076. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Гарнак. Монашество, его идеалы и история. СПб., 1908 // 1909. № 2. С. 785—787. Подп.: Пантарей.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Оствальд. Изобретатели и исследователи. СПб., 1909 // 1910. № 5. С. 743—745. Подп.: В-ов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ш. Диль. Византийские портреты. Харьков, 1910 // 1910. № 10. С. 354—355. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Памяти Н. Г. Чернышевского. М., 1910 // 1910. № 11. С. 756—758. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: И. Х. Озеров. Atlas диаграмм по экономическим вопросам. М., 1909. Вып 2 // 1910. № 12. С. 1165—1166. Подп.: Е. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 12).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Юшкевич. Новые веяния. СПб., 1911 // 1911. № 5. С. 667—668. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ломбар. Агония. М., 1911 // 1911. № 6. С. 1091—1093. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. Г. Виноградов. Господство права. М., 1911 // 1911. № 11. С. 776—777. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ш. Диль. Византийские портреты. Харьков, 1911. Ч. 6 // 1912. № 1. С. 381—382. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 1).

- [*Он же*] Рец. на кн.: А. А. Кауфман. Статистика. М., 1911 // 1912. № 3. С. 1095–1096. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: И. Гольдшднгер. Лекции об исламе. [СПб.], 1912 // 1912. № 7. С. 347–348. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Гетте. История иезуитского ордена. М., 1912. Т. 1 // 1912. № 9. С. 1089–1090. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Houssaye. Клеопатра. СПб., 1911 // 1912. № 12. С. 1270–1271. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Кареев. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет, 1902–1911. СПб., 1912 // 1913. № 3. С. 1055–1056. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Древний мир и средние века. 2-е изд., М., 1913 // 1913. № 8. С. 692–693. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Е. В. Тарле. Континентальная блокада. М., 1913 // 1913, № 10, С. 353–357. Подп.: Пант.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1915 // 1915. № 6. С. 1007–1008. Подп.: Евг. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
- [*Он же*]. Рец. на кн.: В. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915 // 1915. № 11. С. 655–656. Подп.: Евг. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 14).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Кареев. Историология. Пг., 1915 // 1915. № 12. С. 945. Подп.: Евг. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 15).
- [*Вороновский А. М.*] Земство и жизнь (записки председателя земской управы) // 1912. № 1. С. 156–186; № 2. С. 583–614. Подп.: В. А. Авеский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 1–2).
- [*Герд И. Я.*] Первая в России ланкастерская школа // 1887. № 9. С. 650–656. Подп.: И. Г.
Письмо от 29 января 1887 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 36. Л. 105).
- [*Гиммерман Л.*] Убийство П. А. Столыпина // 1914. № 3. С. 960–997; № 4. С. 192–215. Подп.: Л. Ган.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).
- [*Гинс Г. К.*] Рец. на кн.: Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912. Б. м., Б. г. // 1913. № 1. С. 242–245. Подп.: Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Материалы по киргизскому землепользованию. Ташкент, 1912 // 1913. № 2. С. 672–673. Подп.: Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг., 1914 // 1915. № 2. С. 648–649. Подп.: Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Землеустройство. Пг., 1914 // 1915. № 9. С. 955–956. Подп.: Г. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).
- [*Глинский Б. Б.*] Н. Х. Бунге (некролог) // 1895. № 8. С. 509–512. Б. п.
Письмо от 4 июня 1895 (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 60. Л. 159–159 об.).

- [Он же] Восьмидесятилетие графа Л. Н. Толстого // 1908. № 9. Прил. С. 3—16. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 431. Л. 9).
- [Он же] Юбилейные дни Полтавской битвы // 1909. № 8. С. 561—585. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 432. Л. 8).
- [Он же] Собрание Пушкинского лицейского общества в память П. Я. Дашкова // 1910. № 5. С. 673—683. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 433. Л. 5).
- [Он же] Петровские дни // 1910. № 8. С. 561—576. Подп.: Л. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 433. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: Н. Крохоткина. Революционное время в России. СПб., 1910 // 1910. № 8. С. 662. Подп.: Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 433. Л. 8). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициала отнесено к 1890-м годам.
- [Он же] Граф Лев Николаевич Толстой (некролог) // 1910. № 12. Прил. С. 1—40. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 433. Л. 12).
- [Он же] Великая годовщина (19 февраля 1861—1911 гг.) // 1911, № 2. С. 656—666. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 2).
- [Он же] Пятидесятилетие освобождения крестьян // 1911. № 3. С. 1140—1151. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: С. и Ш. Азарг. СПб., 1911 // 1911. № 6. С. 1105. Подп.: -ский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 6).
- [Он же] Царская собака и именинный крендель: Быль // 1911. № 8. С. 569—573. Подп.: Г. Борисов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 8).
- [Он же] Петр Аркадьевич Столыпин // 1911. № 10. Прил. С. 1—22. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 10).
- [Он же] Ломоносовские дни // 1911. № 12. С. 1143—1154. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 434. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: В. И. Ясевич-Бородаевский. Борьба за веру. СПб., 1912 // 1912. № 4. С. 288—290. Подп.: Л. И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Военная галерея 1812 года. СПб., 1912 // 1912. № 8. С. 730—731. Подп.: Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 8). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициала отнесено к 1890-м годам.
- [Он же] Рец. на кн.: А. Родных. Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона в двенадцатом году при помощи воздухоплавания. СПб., 1912 // 1912. № 8. С. 732—734. Подп.: Б. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: Е. Нарбут. 1812 год в баснях Крылова. СПб., 1912 // 1912. № 8. С. 736—738. Подп.: Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: М. Г. Веселкова-Кильштедт. Колычевская вотчина. СПб., 1912 // 1912. № 8. С. 742—743. Подп.: -ий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 8).
- [Он же] Бородинские торжества // 1912. № 10. С. 323—352. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 435. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: В. К. Кузнецов. Сборник статистических сведений

- об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 1—4 // 1913. № 4. С. 331—333. Подп.: Б. Б.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).
- [Глуховцев В.] Т. И. Флиппов у себя дома // 1912. № 4. С. 123—131. Подп.: В. Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).
- [Гнедич П. П.] Рец. на кн.: В. А. Верещагин. Русская карикатура. Вып. 1. В. Ф. Тимм. СПб., 1911 // 1911. № 11. С. 780—782. Подп.: Г-ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: Сборник работ учащихся в школе пмп. Общества поощрения художеств, [СПб., 1912]. Т. 1. Вып. 1—2 // 1912. № 6. С. 1030. Подп.: Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: Библиотека В. В. Протопопова. Театр. СПб., 1912 // 1913. № 2. С. 666. Подп.: -ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ, Ф. 72, № 436, л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Сборник работ учащихся в школе пмп. Общества поощрения художеств, [СПб., 1912]. Т. 2. Ч. 2. // 1913. № 2. Подп.: П.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: J. Patouillet. Ostrovski et théâtre de moeurs russes. Paris, 1913 // 1913. № 10. С. 345—347. Подп.: Г-ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: Письма гр. Л. Н. Толстого к жене (1862—1910). СПб., 1913 // 1913. № 11. С. 719—721. Подп.: Г-ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: В. Курбатов. Петербург. СПб., 1913 // 1913. № 12. С. 1157. Подп.: Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: Л. И. Шуберт. Моя жизнь. СПб., 1913 // 1914. № 2. С. 681—682. Подп.: Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: К. Кузьминский. Художник-иллюстратор А. А. Агин. М., 1913 // 1914. № 2. С. 685. Подп.: Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [Он же]. Рец. на кн.: В. К. Лукомский и Г. К. Лукомский. Кострома. СПб., 1913 // 1914. № 2. С. 703. Подп.: Г.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: А. С. Суворин. Театральные очерки (1866—1876 гг.). СПб., 1914 // 1914. № 3. С. 1102—1104. Подп.: Г-ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Н. А. Обольянинов. Русские граверы и литографы. М., 1913 // 1914. № 3. С. 1102—1104. Подп.: Г-ъ.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Б. В. Варнеке. История русского театра. СПб., 1914 // 1914. № 4. С. 304—305. Подп.: Р.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Ю. Озаровский. Музыка живого слова. СПб., 1914 // 1914. № 4. С. 311. Подп.: N.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Академик живописи Ал. Ал. Киселев (1838—1911). М., 1914 // 1914. № 5. С. 711. Подп.: N.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Неведомский. А. И. Куинджи. СПб., 1914 // 1914. № 5. С. 711—712. Подп.: Р.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Ю. и З. Шамурины. Москва в ее старине. М., 1914;

Ф. Ф. Горностаев. Дворцы и церкви юга. М., 1914 // 1914. № 7. С. 330–332. Подп.: Р-с.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7).

[Гольденев П. Л.] Фамильная хроника Хованских // 1911. № 6. С. 969–974. Подп.: П. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).

[Горбунов] Поняли (бытовой очерк) // 1912. № 6. С. 815–829. Подп.: К. Бурляев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).

[Он же] К столетию Кульмского боя (17 августа 1813–1913 года) // 1913. № 8. С. 630–637. Подп.: К. Бурляев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).

[Горовцов А. М.] Трудовая помощь голодающим в 1899 г. // 1902. № 1. С. 261–293. Подп.: А. М. Г-в.

Письмо от 20 декабря 1901 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 84. Л. 156).

[Гофштетер И. А.] Рец. на кн.: С. Д. Урусов. Записки губернатора. СПб., 1907 // 1907. № 10. С. 293–297. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: Собрание сочинений С. Н. Трубецкого. СПб., 1907. Т. 1 // 1907. № 11. С. 667–668. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: В. Д. Кузьмин-Караваев. Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907 // 1908. № 1. С. 329–331. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 1).

[Грамагичков В. В.] Освободительное движение в Ижевском заводе Вятской губернии // 1909. № 4. С. 176–183. Подп.: В. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).

[Он же] Среди вотяков // 1910. № 10. С. 235–243. Подп.: В. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).

[Греков Б. Д.] Остафьево 18 июля 1911 года // 1911. № 9. С. 1106–1109. Подп.: Б. Г-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 9).

[Он же] 15 июля 1913 года в Остафьево // 1913. № 9. С. 1040–1048. Подп.: Б. Г-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 9).

[Грибовский В. М.] Рец. на кн.: В. М. Грибовский. Настоящее и будущее европейского парламентаризма. СПб., 1906 // 1907. № 3. С. 1061. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: М. М. Бородин. Краткая история Финляндии. СПб., 1911 // 1912. № 2. С. 754. Подп. В. Т-ий. Опечатка в подписи.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 2).

[Он же] Рец. на кн.: А. Пиленко. Очерки по систематике частного международного права. Пг., 1915 // 1915. № 9. С. 956. Подп.: Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).

[Гуревич И.] Рец. на кн.: Insel-Almanach auf das Jahr 1909. Leipzig, 1909 // 1910. № 10. С. 368–369. Подп.: И. Г-ч.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: O. Hauser. Päschas Tod. München, 1911 // 1911. № 3. С. 1113–1114. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3).

[Он же] Еще страничка о поэте божьей милостью [К. М. Фофанов] // 1911. № 8. С. 592–597. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: Б. Б. Глинский. Царские детп и их наставники. 2-е изд. Сб., 1911 // 1911. № 12. С. 1164–1165. Подп.: И. Г.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 12).

- [*Он же*] Из деятельности «апостола» Японии // 1912. № 3. С. 1016—1024. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письма и несобранных произведений/Сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М., 1911 // 1912. № 3. С. 1096—1097. Подп.: И. Г.-ъ.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).
- [*Он же*] Во власти глупости: Обзор журналов 1905—1906 гг. // 1912. № 4. С. 97—112; № 5. С. 461—481. Подп.: М. А. Л-ский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4, 5).
- [*Он же*] Гапон и его газета // 1912. № 6. С. 923—932. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Е. Васильева. Записки крепостной девки. Новгород, 1912 // 1912. № 12. С. 1267—1269. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).
- [*Он же*] Памяти литературного инвалида [Е. О. Дубровиной] // 1913. № 2. С. 560—566. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [*Он же*] Последний из «стаи славной» (Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова) // 1913. № 3. С. 903—922. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на: «Известия по литературе, наукам и библиографии» М. О. Вольфа за 1912 г. // Там же. С. 1044—1047. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [*Он же*] Датчанин Войнагорский [Памяти Г. В. Т. Герстенберга] // 1913. № 12. С. 1043—1050. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 12).
- [*Он же*] Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова // 1914. № 1. С. 145—149. Подп.: И. Г.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).
- [*Гурьев Б. М.*] Рец. на кн.: М. Орманьян. Армянская церковь. М., [1913] // 1913. № 11. С. 739—140. Подп.: Б. Г-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Б. Л. Сегаль. Пространный еврейский катехизис. СПб., [1913] // Там же. С. 742—743. Подп.: Б. Г-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: С. Д. Эльманович. Законы Ману. СПб., 1913 // 1914. № 2. С. 700—702. Подп.: Б. Г-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1914 // 1915. № 6. С. 999—1000. Подп.: Б. Г-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
- [*Данилов В. В.*] Рец. на «Русский филологический вестник» за 1909 г. // 1910, № 2. С. 710—713. Подп.: П. С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 2). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление «псевдоинициалов» отнесено к 1911—1913 гг.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. [Воронеж], 1912 // 1912. № 5. С. 648—649. Подп.: В. Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. И. Розанов. Трагедии Ломоносова. СПб., 1911; *Его же*. К истории русской драмы. Нежин, 1911 // 1912, № 5. С. 651—652. Подп.: Е. О. П.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Э. П. фон Берг. Русская комедия до появления А. Н. Островского. Варшава, 1912 // 1912. № 10. С. 409. Подп.: Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 10).

- [*Он же*] Рец. на кн.: Сборник Киевского отдела Всероссийского национального студенческого союза. Киев, 1912 // 1913. № 10. С. 370. Подп.: Б. Д. В подлиси опечатка.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).
- [*Дейер (Дрейер) К. К., фон*] Император Вильгельм в Выштынце // 1909. № 1. С. 190—194. Подп.: К. К. Трионов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 1).
- [*Дилакторский П. А.*] Рец. на кн.: В. Ф. Кудряцев. Ананьинский могильник. Вятка, 1905 // 1906. № 1. С. 323. Подп.: Д-ий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: К. Н. Дерунов. Примерный библиотечный каталог, СПб., 1906. Ч. 1 // 1906. № 2. С. 662. Подп.: П. Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Бычков. Систематический указатель журнальных статей и книг для чтения по вопросам общего образования. Томск, 1905 // 1906. № 2. С. 666—667. Подп.: П. Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Указатель важнейших сочинений по женскому вопросу. М., 1907 // 1907. № 10. С. 307. Подп.: Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 10).
- [*Диль Э. В.*] Рец. на кн.: Фукидид. История. М., 1915 // 1916. № 2. С. 583—584. Подп.: Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).
- [*Доможиров*] Июльское восстание в Ташкенте // 1909. № 6. С. 891—900. Подп.: А. Рудый.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).
- [*Домонгович М. А.*] Манифест польского шляхтича. Сообщил М. А. Д. // 1887. № 2. С. 470—471.
Письмо от 2 октября 1890 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 45. Л. 216—216 об.).
В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов связано с публикацией 1890 г.
- [*Драганов П. Д.*] Рец. на кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1898 год. СПб., 1902 // 1902. № 12. С. 1135—1138. Подп.: С. Пчельников.
Письмо от 9 марта 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 96. Л. 198—198 об.).
- [*Дунин А. А.*] Рец. на кн.: Н. А. Павлов. Записки землевладельца. Пг., 1915 // 1916. № 2. С. 581. Подп.: А. Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).
- [*Духанов*] Рец. на кн.: После войны. СПб., 1806—1907. Вып. 1—2; Думы после войны, СПб., 1907. Вып. 1 // 1907. № 12. С. 1982—1083. Подп.: Д.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 12).
- [*Евлахов А. М.*] Рец. на кн.: В. Батурицкий (В. П. Маслов-Стокоз]. А. И. Гецен, его друзья и знакомые. СПб., 1904. Т. 1 // 1904, № 9. С. 1029—1031. Подп.: А. Е.
Письмо П. Е. Шеголева от 28 августа 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129—130).
- [*Ельчанинов*] Брусса и ее памятники // 1909. № 8. С. 620—644. Подп.: Бей-оглу.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 8).
- [*Жерве В. В.*] Рец. на кн.: К. А. Военский. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911 // 1911. № 4. С. 297—299. Подп.: В. Ж.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [*Жиров М. С.*] По поводу похода в Индию в 1801 г. // 1895. № 2. С. 687—688. Подп.: М. Ж.

Письмо от 14 января 1895 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 60. Л. 272—273 об.).

[Жуков и Савич] Воспоминания о Ляличах // 1910. № 4. С. 129—141. Подп.: Е. С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 4).

[Заборский] Мертвый город: Из путевых впечатлений // 1907. № 10. С. 207—229. Подп.: В. Горев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 10).

[Зайченко З. И.] Андрижанское восстание и его причины // 1908. № 5. С. 659—670. Подп.: С. Т-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 5).

[Зарин Ф. Е.] Екатерина Ивановна Зарина-Новикова // 1914. № 7. С. 225—229. Подп.: Ф. Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7).

[Здравомыслов К. Я.] Рец. на кн.: Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего синода, СПб., 1904—1906. Т. 1—2. // 1907. № 6. С. 1001—1002. Подп.: М. ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 6).

[Он же] Рец. на кн.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1899, 1905—1907. Т. 1—II, IX // 1907. № 7. С. 282—283. Подп.: М-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897—1907. Т. 1—2 // Там же. С. 283—284. Подп.: М-ов.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего синода, т. XV—XVII // 1907. № 8. С. 634—635. Подп.: М-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 8).

[Зеленин Д. К.] Рец. на кн.: А. Е. Крымский. Древнекиевский говор. СПб., 1907 // 1907. № 7. С. 286—287. Подп.: З.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: О. Вильчинский. История Руси по сказаниям современников, документам и памятникам (839—1078). Вильна, 1908 // 1908. № 4. С. 349—350. Подп.: З.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 4).

[Зорин] Рец. на издания «Сельского вестника» к 100-летию Отечественной войны 1812 г. // 1912. № 5. С. 633—635. Подп.: А. З. Е.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).

[Иванов Арк.] Рец. на кн.: Пережитое. СПб., 1909. Сб. 1 // 1909. № 7. С. 322—324. Подп.: А. И-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 7).

[Иванов И. Е.] Владивостокские воспоминания // 1904. № 6. С. 960—969. Подп.: Ф. Китаев.

Письма от 14 августа 1904 г. и 19 июля 1905 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 97. Л. 40; № 101. Л. 1—2).

[Иванов М. М.] Военная вспышка (Отрывок из воспоминаний о смутном времени в Харькове) // 1909. № 2. С. 612—629. Подп.: М. И. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 2).

[Ивойлов (Княжнин) В. Н.] Рец. на кн.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. СПб., 1911—1913 // 1913. № 4. С. 326—328. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).

[Он же] Рец. на кн.: И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Пг., 1914. Вып. 1. // 1915. № 2. С. 655—656. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 3).

- [*Он же*] Рец. на кн.: К. С. Аксаков. Сочинения. [СПб., 1915]. Т. 1. // 1915. № 6. С. 1001—1002. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Временник Пушкинского дома. Пг., 1915 // 1915. № 7. С. 269—270. Подп.: Евг. Павлов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Русская литература XX века. М., 1916. Ч. 1. Т. 1—2. Вып. 1—5. // 1916. № 10. С. 220—223. Подп.: Евг. Павлович.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 10).
- [*Ильченко Д. В.*] Еще о «Гаврииладе» // 1905. № 3. С. 1135—1136. Подп.: Д. Илько.
Письмо от 27 января 1905 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 101. Л. 6—6 об.).
- [*Исаевич П. П.*] Храм в память бомбардира Микитина // 1887. № 45. С. 501—502. Подп.: П. Ис-чъ.
Письмо от 10 апреля 1887 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 36. Л. 218—218 об.).
- [*Карбасников Н.*] Рец. на кн.: В. В. Святловский. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. Профессиональные рабочие союзы. 2-е изд. СПб., 1906. Вып. 1 // 1907. № 10. С. 300—302. Подп.: Н. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 10).
- [*Каррик Г.*] Эскизы недавнего прошлого // 1912. № 2. С. 615—623. Подп.: Г. К-к.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 2).
- [*Он же*] Петербургские наброски: (Трагедия директора банка) // 1913. № 8. С. 527—535. Подп.: Г. К-к.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [*Карханин М.*] Самозванец Калугин // 1914. № 4. С. 167—173. Подп.: М. Кароханин. Опечатка.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 4).
- [*Кауфман А. Е.*] Рец. на кн.: Е. П. Семенов. В стране изгнания. СПб., 1910 // 1911. № 3. С. 1108—1109. Подп.: А.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Первые литературные шаги/Сост. Ф. Ф. Фидлер. СПб., 1911 // Там же. С. 1110—1112. Подп.: К. Ф. М.
То же.
- [*Кауфман (фон Кауфман) П. М.*] Штурм Карса 17-го сентября 1855 г.: (Из записок очевидца полковника де-Саже). Сообщил П. Ф. К. // 1898. № 7. С. 92—110.
Письмо Е. С. Шумигорского от 11 июня 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 75. Л. 158—158 об.).
- [*Он же*] Русское знамя в Средней Азии // 1899. № 4. С. 96—122; № 6. С. 895—924; № 7. С. 81—99; № 8. С. 477—493. Подп.: П. М. К.
Письмо от 6 июня 1899 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 77. Л. 55—56).
- [*Качановский В. В.*] К вопросу о константинопольской библиотеке последних византийских императоров // 1900. № 12. С. 1197—1199. Подп.: В. К-ий.
Письмо от 11 октября 1900 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 81. Л. 64).
- [*Кегов*] Страничка из прошлого // 1912. № 5. С. 508—512. Подп.: К-ов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [*Кильштейн А. Е.*] Игнатий Платонович Закревский и введение судебной реформы в Царстве Польском // 1912. № 4. С. 206—218. Подп.: А. Е. К-т.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).
- [*Клейн В.*] Рец. на кн.: Н. А. Попов. Опись патриаршей ризницы 1720 г. М., 1910 // 1910. № 10. С. 346—347. Подп.: К. W.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).

- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Л. Снегирев. Архивное законодательство при Петре Великом. М., 1913 // 1914. № 8. С. 678–680. Подп.: В. Ар-т.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 8).
- [*Клочков М. В.*] Рец. на кн.: А. Ефименко. Южная Русь. СПб., 1905. Т. 1–2. // 1906. № 5. С. 631–633. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Е. Ончуков. Печорская старина. СПб., 1906 // 1906. № 8. С. 627–628. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Маллцкий. Из прошлого Владимирской епархии. Владимир, 1905. Вып. 1 // 1906. № 10. С. 329–330. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 11).
- [*Клочкова М.*] Рец. на кн.: Юрий Шамурин. Подмосковные. М., 1912 // 1913. № 4. С. 306–309. Подп.: Мария К-ва.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).
- [*Она же*] Рец. на кн.: Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с Александром I. М., 1912–1913 // 1914. № 3. С. 1091–1095. Подп.: Мария К-ва.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).
- [*Клуге Н. К.*] Памятник Г. С. Щербине возле Митровицы // 1915. № 12. С. 908–911. Подп.: Н. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 15).
- [*Ковнер А. Г.*] Из записок еврея // 1903. № 3. С. 977–1009; № 4. С. 126–154. Подп.: А. Г.
Письма от 4 ноября 1902 г. и 30 января 1903 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 89. Л. 61–62; № 93. Л. 86).
- [*Колесников И.*] Рец. на кн.: В. М. Металлов. Богослужбное пение русской церкви (период домогольский). М., 1906. Ч. 1–2 // 1907. № 2. С. 690–694. Подп.: И. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).
- [*Колокольцева А.*] Воспоминания о холере 1891 года // 1908. № 11. С. 570–575. Подп.: А. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 11).
- [*Конкевич А. Е.*] Кто занял Новгородскую гавань в 1860 году? // 1892. № 3. С. 801–810. Подп.: А. Беломор.
Письма Б. К. Кукеля от 11 июля и 3 ноября 1895 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 61. Л. 186–187).
- [*Коноплянцев А. М.*] Рец. на кн.: А. Успенский. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. М., 1914. Вып. 3 // 1915. № 5. С. 649. Подп.: Ал-др Елецкий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. М., 1915 // 1915. № 6. С. 1005–1006. Подп.: А. Елецкий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Э. Мальмгрен. Русские народные картинки. Ми-тава. 1915. Ч. 1 // 1916. № 3. С. 872–873. Подп.: Ал-др Елецкий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 3).
- [*Красножен М. Е.*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев. 1905–1906. Т. I–IX // 1906. № 7. С. 289–292. Подп.: М. Г. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. XI // 1907. № 9. С. 989–993. Подп.: -ий.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 9).

[*Он же*] Рец. на кн.: Д. А. Червонецкий. Мошеничество по уголовному праву. Юрьев, 1906 // Там же. С. 1011. Подп.: -ий.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. XII // 1908. № 6. С. 1080-1082. Подп.: П-р.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1908. Т. XIII // 1909. № 1. С. 350-354. Подп.: О-ль.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1909. Т. XIV // 1910. № 1. С. 319-323. Подп.: О. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, Юрьев, 1912. Ч. 1 // 1912. № 10. С. 391. Подп.: М. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 10). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов ограничено 1907 г.

[*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете, Юрьев, 1911. Т. XVIII; То же. Юрьев, 1912. Т. XIX // 1914. № 1. С. 307-309. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1915-1916. Т. XX-XXII. // 1916. № 9. С. 776-777. Подп.: N.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).

[*Крищевский Н. Н.*] Страничка из недавнего прошлого // 1911. № 4. С. 174-180. Подп.: Н. Н. Несмелов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 4).

[*Он же*] Первая стычка // 1912. № 7. С. 204-222. Подп.: Н. Н. Несмелов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).

[*Кружовская Л. Я.*] Из воспоминаний тюремной надзирательницы // 1910. № 3. С. 920-937. Подп.: Л. Я. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 3).

[*Кружикова А. П.*] На могиле богдыхана (Из пребывания в Маньчжурии) // 1902. № 5. С. 601-615. Подп.: А. К-ова.

Письмо от 1 марта 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 89. Л. 135).

[*Крыжановский Н. О.*] Сын декабриста // 1911. № 9. С. 1044-1047. Подп.: Н. О. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 9).

[*Кудряшов К. В.*] Рец. на кн.: Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1. // 1912. № 4. С. 269-272. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).

[*Он же*] Рец. на кн.: Н. П. Муратов. 1812 г. Тамбов, 1912 // 1912. № 5. С. 633. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).

[*Он же*] Рец. на кн.: Сенатский архив. СПб., [1910-1911]. [Т. 12-14] // 1912. № 6. С. 1004-1007. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: П. Г. Васенко. Двенадцатый год. СПб., 1912 // Там же. С. 1011-1013. Подп.: К.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: А. И. Боргман. Учебная книга по русской истории. СПб., 1913. Ч. 2 // 1913. № 6. С. 1046-1048. Подп.: К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).

- [*Он же*] Рец. на кн. П. Пирлинг. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913 // 1913. № 8. С. 662—664. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1913—1914. Кн. 4—5 // 1914. № 5. С. 695—697. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Памятная книжка Сенатского архива. Пг., 1913 // 1914. № 10. С. 287. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Кизеветтер. Исторические отклики. М., 1915 // 1916. № 4. С. 242—245. Подп.: К. В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916 // 1916. № 5. С. 530—532. Подп.: К-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. И. Боргман. Повторительный и дополнительный курс русской истории. Пг., 1916 // 1916. № 7. С. 222—224. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Строев. Учебник русской истории. М., 1915 // 1916. № 8. С. 519—520. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916 // 1916. № 10. С. 229. Подп.: К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 10).
- [*Лавров П. В.*] Рец. на кн.: А. Ренников. «В стране чудес»: Правда о прибалтийских немцах. Пг., 1915 // 1915. № 5. С. 650—651. Подп.: П. Л-ов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Я. Штах. Очерки из истории и современной жизни южно-русских колонистов. М., 1916 // 1916. № 11. С. 511—513. Подп.: П. Л-ов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 11).
- [*Лавровский Л. Я.*] Подневольный муниципал (Н. Г. Великанов) // 1902. № 8. С. 404—421. Подп.: Л. Я. Л-ский.
Письма от 27 октября и 8 ноября 1901 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 85. Л. 122—124).
- [*Лачинов Н. А.*] Рец. на кн.: Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1907 // 1907. № 2. С. 701—703. Подп.: Н. Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: П. И. Ковалевский. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1906 // 1907. № 5. С. 633—635. Подп.: Л-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. В. Апушкин. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1908 // 1908. № 1. С. 331—333. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. СПб., 1908. Ч. 1 // 1908. № 3. С. 1097—1100. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Отечественная война 1812 года. СПб., 1908—1909. Т. VIII—IX // 1908. № 4. С. 329—330. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Г. Лебон. Психология социализма. СПб., 1908 // 1908. № 5. С. 728—731. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Газенкамф. Мой дневник, 1877—78 гг.. СПб., 1908 // 1908. № 6. С. 1091—1092. Подп.: Л. Н.

- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 6).
 [Он же] Рец. на кн.: М. И. Драгомиров. Одиннадцать лет, 1895—1905. СПб., 1909 // 1908. № 11. С. 741—742. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: М. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909; Он же. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет. СПб., 1909; А. Гамильтон. Афганистан. СПб., 1908 // 1909. № 1. С. 324—326. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: П. Хислам. Господство на Атлантическом океане. СПб., 1908 // Там же. С. 348—350.
 То же.
- [Он же] Рец. на кн.: П. Ренненкампф. Мукденское сражение. СПб., 1909; Ф. Лигниц. Японо-русская война. СПб., 1909; Русско-японская война/Сост. Г. М. Кивай. СПб., 1909 // 1909. № 2. С. 801—802. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Н. П. Вольнский. Жертвы войны. СПб., 1909 // 1909. № 4. С. 330. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Родина: Альманах для нижних чинов на 1909 год/Сост. А. Плипенко. Одесса, 1909 // Там же. С. 341—342. Подп.: Л. Н.
 То же.
- [Он же] Рец. на кн.: В. Ф. Новицкий. На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909 // 1909. № 5. С. 715—718. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Д. Дубенский. Российская армия и флот. СПб., 1908 // Там же. С. 718—719. Подп.: Л. Н.
 То же.
- [Он же] Рец. на кн.: А. И. Медведев. Персия. СПб., 1909 // 1909. № 6. С. 1082—1083. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: Документы и изложение полтавского периода Северной войны. СПб., 1909 // 1909. № 12. С. 1133—1136. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: В. Р. Канненберг. Всенная география. СПб., 1909 // 1910. № 2. С. 724—725. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Отечественная 1812 года. СПб., 1909. Т. XI // 1910. № 3. С. 1104. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: «Готовься к войне. Банзай!». СПб., 1909 // Там же. С. 1108—1109. Подп.: Л. Н.
 То же.
- [Он же] Рец. на кн.: А. Н. Куропаткин. Россия для русских. СПб., 1910. Т. 1—2 // 1910. № 5. С. 717—719. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Л. Н. Соболев. Куропаткинская стратегия. СПб., 1910 // 1910. № 6. С. 1059—1061. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: А. Н. Куропаткин. Россия для русских. СПб., 1910. Т. 3 // 1910. № 7. С. 281—283. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: А. П. Галкин. Русско-японская война. СПб., 1909 // 1910. № 8. С. 660—662. Подп.: Л. Н.
 Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 8).

- [Он же] Рец. на кн.: Н. М. Лагов. Что такое Франция. СПб., 1910 // 1910. № 10. С. 364—365. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: Г. Селецкий. 645 дней у японцев. СПб., 1910 // 1911. № 1. С. 332—333. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: Баден-Пауль. Юный разведчик. СПб., 1911 // 1911. № 2. С. 742—744. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. П/т. 1 // 1911. № 3. С. 1095—1096. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Отечественная война 1812 года. СПб., 1910. Т. 14 // 1911. № 4. С. 299—300. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: И. Н. Божерянов. Война русского народа с Наполеоном в 1812 г. СПб., 1910 // 1911. № 5. С. 649—650. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. П/т. 2 // 1911. № 6. С. 1104—1105. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. М., 1911. Т. 3 // 1911. № 7. С. 296—297. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: I. Двенадцатый год. II Пожар Москвы. М., 1911 // 1911. № 8. С. 717—718. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: Ф. А. Тарапыгин. Год русской славы, 1812—1912. СПб., 1911 // 1911. № 10. С. 339—340. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904—1905 гг. СПб., 1912 // 1912. № 1. С. 367—369. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: Ф. Тарапыгин. Храбрым бессмертие. Военная хрестоматия. СПб., 1911. Ч. 1 // 1912. № 2. С. 751—752. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 2).
- [Он же] Памяти графа Дмитрия Алексеевича Милютина // 1912. № 3. С. 1006—1015. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Нашествие Наполеона: Альбом. СПб., 1911 // Там же. С. 1088. Подп.: Л. Н.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Ф. Тарапыгин. Храбрым бессмертие. СПб., 1912. Ч. 2—3 // 1912. № 5. С. 635—636. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: П. А. Швейковский. Суд чести и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1912 // 1912. № 6. С. 1019—1020. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус. [Н.-Новг.], 1912 // 1912. № 7. С. 348. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: И. С. Симонов. Гр. Д. А. Милютин и военно-учебное ведомство. СПб., 1912 // Там же. С. 349—350. Подп.: Л. Н.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: В. Н. Жилинский. Быт и нравы русской армии после 1812 г. СПб., 1912 // 1912. № 11. С. 840—841. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 11).

- [*Он же*] Рец. на кн.: С. М. Гинзбург. Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912 // 1912. № 12. С. 1258—1259. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ю. Л. Елец. Кульнев. СПб., 1912 // Там же. С. 1260. Подп.: Л. Н.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. К. Соколовский. Памятка вознесенского улана. СПб., 1912; *Он же*. Памятка копорца. СПб., 1912 // Там же. С. 1260. Подп.: Л. Н.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ф. Фон-Бернгарди. Современная война. СПб., 1912 // 1913. № 1. С. 240—242. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. В. Жиркевич. Пасынки военной службы. Вильна, 1912 // 1913. № 2. С. 658—659. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9, ч. 17—18 // Там же. С. 671. Подп.: Л. Н.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: История Астраханского казачьего войска. Астрахань, 1913 // 1913. № 3. С. 1033—1034. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Потто. Кавказская война. [СПб., 1913]. Т. 2 // 1913. № 4. С. 310—311. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. П. Волынский. Постепенное развитие русской регулярной кавалерии в эпоху Великого Петра. [Б. м., Б. г.] Кн. 1—4 // 1913. № 5. С. 666—667. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. Шевалье (Н. Г-д). Правда о войне на Балканах. СПб., 1913 // Там же. С. 686—687. Подп.: Л. Н.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Дорошкевич. Война на Балканском полуострове. СПб., 1913; Иммануэль. Балканская война 1912 года. СПб., 1913. Вып. 1 // 1913. № 9. С. 1085—1087. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. А. Ашик. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812—13—14 годов и в память имп. Александра I. СПб., 1913 // 1913. № 12. С. 1156—1157. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 12).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Отечественная война 1812 года. СПб., 1912. Т. 19—20 // 1914. № 1. С. 289. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Л. Доде. Перед войной. СПб., 1913 // 1914. № 2. С. 694—696. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. Пг., 1914. П/т 27—28 // 1914. № 9. С. 1019—1020. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Военная энциклопедия. Пг., 1915. Т. 33—34. // 1915. № 3. С. 991—992. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 4).
- [*Лебедев А.*] Рец. на кн.: Савва, архиеп. Хроника моей жизни. [Б. м., Б. г.] Т. 8 // 1910. № 1. С. 316—318. Подп.: Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).
- [*Лебедев В.*] Рец. на кн.: Савва, архиеп. Хроника моей жизни. М., 1907. Т. 6 // 1908. № 3. С. 1117—1119. Подп.: В. Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 3).

- [Лендер Н. Н.] Рец. на кн.: Путник (Н. Лендер). Потревоженная Россия. СПб., 1907 // 1907. № 11. С. 673—674. Подп.: Ф. Ф.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: Лендер (Путник) Н. Н. По Европе и Востоку. СПб., 1908 // 1908. № 12. С. 1127—1128. Подп.: Ф. Ф.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: А. П. Мельников. К биографии П. И. Мельникова. Нижний Новгород, 1911 // 1911. № 4. С. 316—317. Подп.: Н. Лид.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: В. Кутейников. Земные песни. СПб., 1912 // 1912. № 5. С. 661. Подп.: Н. Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: А. Пиленко. Стародумцы и обновленцы. СПб., 1912 // Там же. С. 671. Подп.: Н. Лид. Опечатка.
То же.
- [Лепешкин С. А.] По Швеции и Норвегии (примерный маршрут) // 1914. № 7. С. 272—295. Подп.: С. Арсеньев.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7).
- [Лепринский А.] Рец. на кн.: А. А. Измайлов. Рассказы. СПб., 1912 // 1913. № 1. С. 250—252. Подп.: А. Лепский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).
- [Лернер Н. О.] Рец. на кн.: Сочинения и письма А. С. Пушкина. Т. 8: Письма. М., 1906 // 1907. № 1. С. 349. Подп.: М. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. 430. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: Пан(?). Из недавнего революционного движения. СПб., 1907 // 1907. № 5. С. 644—645. Подп.: Л. Н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 7 // 1908. № 12. С. 1121. Подп.: М. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: В. А. Розов. Пушкин и Гете. Киев, 1908 // 1909. № 1. С. 328—329. Подп.: М. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: П. Н. Столпянский. Город Оренбург. Оренбург, 1908 // 1909. № 4. С. 349. Подп.: Н. Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: А. Евлахов. Пушкин как эстетик. Казань, 1909 // 1910. № 1. С. 324. Подп.: М. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: Пушкин. Собрание сочинений. Т. 2—3/Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908—1909 // Там же. С. 327—330. Подп.: М. Б.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Д. С. Мережковский. Лермонтов. СПб., 1909 // 1910. № 3. С. 1114—1116. Подп.: М. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 3)
- [Он же] Рец. на кн.: Обзор художественных изданий общины св. Евгении. СПб., 1909; В. Курбатов. Павловск. СПб., 1910 // 1910. № 9. С. 1077—1078. Подп.: Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72, № 433, л. 9).
- [Он же] Рец. на кн.: Пушкин. Собрание сочинений. СПб., 1910. Т. 4 // 1910. № 11. С. 750—754. Подп.: М. Б.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: С. К. Маковский. Современная скульптура. [СПб., 1910] // 1910. № 12. С. 1169—1170. Подп.: Н. Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 12).

[*Он же*] Рец. на кн.: Вал. Брюсов. Великий ритор. М., 1911 // 1912. № 6. С. 1027–1028. Подп.: О.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912 // 1912. № 7. С. 350. Подп.: Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).

[*Он же*] Рец. на кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, СПб., 1911–1912. Т. 1–2 // 1912. № 9. С. 1091–1093. Подп.: Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 9).

[*Лилеев М. И.*] Нежинская революция и контрреволюция (18–24 октября 1905 года) // 1906. № 4. С. 160–185. Подп.: Г. Г. Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 5).

[*Линиченко И. А.*] Рец. на кн.: W. Rulikowski, Z. L. Radziminski. Kniazowie i zslacta między Janem, Wierpzem, Bugiem, Prupetią, Dnieprem, Sinichą. Dniestrem i połnocnemi stokami Karpat osiedleni. Krakow. 1880–1881. № 2. С. 461–462. Подп.: И. Л.

Письмо без даты (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 19. Л. 171).

[*Литвинова Е. Ф.*] Многогрудная жизнь [Архим. В. Терлецкий] // 1916. № 7. С. 110–122. Подп.: Е. Л.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).

[*Литов В. П.*] Донской музей (в городе Новочеркасске) // 1908. № 7. С. 243–254. Подп.: В. Л.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 7).

[*Ловягин А. М.*] Рец. на кн.: Русские библиографические организации. Пг., 1915 // 1915. № 9. С. 958–959. Подп.: З.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).

[*Он же*] Рец. на кн.: Библиографические материалы, собранные в 1913–1914 гг. Э. А. Вольгером. Пг., 1915; Доклады и отчеты [Русского библиологического общества]. Пг., 1915. Вып. 3 // 1916, № 2. С. 585–586. Подп.: З.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).

[*Логоцкий А. М.*] Рец. на кн.: Е. Поселянин [Е. Н. Погожев]. Святые дети русские и детские годы русских святых. СПб., 1908 // 1908. № 7. С. 335–338. Подп.: А. Л.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 7).

[*Лучинский Г. А.*] Рец. на кн.: М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (в XVI–XVII веках). СПб., 1899; Он же. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. СПб., 1899. Вып. 1 // 1900. № 1. С. 370–373. Подп.: Г. Галланин.

Письмо от 16 апреля 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 89. Л. 220–221).

[*Он же*] Рец. на кн.: Н. А. Благовещенский. Четвертное право. М., 1899 // 1900. № 2. С. 792–795. Подп.: Г. Галланин.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: F. de Rocca. Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. P., 1899 // 1900. № 3. С. 1152–1154. Подп.: Галланин.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: Е. И. Якушкин. Обычное право русских инородцев. М., 1899 // 1900. № 4. С. 303–304. Подп.: Галланин.

То же.

[*Любимов*] Рец. на кн.: В. К. Лукомский, В. Л. Модзалевский. Малороссийский гербовник. Пг., 1914 // 1915. № 5. С. 653–655. Подп.: Р. В. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: В. К. Лукомский, Н. А. Типольт. Русская геральдика. Пг., 1915 // 1916. № 2. С. 579–580. Подп.: З. И. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).

[Ляцкий Е. А.] Юбилейная литература о Пушкине // 1899. № 7. С. 264–282; № 8. С. 592–613. Подп.: Е. Еленин.

Письмо от 13 июля 1899 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 77. Л. 180–181).

[Он же] Рец. на кн.: М. Нейман. Армяне. СПб., 1899 // 1899. № 10. С. 333–335. Подп.: Е. Еленин.

То же.

[Лященко А. И.] Рец. на кн.: Н. В. Воскресенский. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк. Воронеж, 1890. Т. 1 // 1891. № 9. С. 748–750. Подп.: А. Л.

Письмо от 22 декабря 1891 г. с указанием, что в именной указателе (№ 12) рецензия ошибочно приписана А. М. Ловягину (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 49. Л. 137).

[Он же] Рец. на кн.: Pamiętnik piętnastoletniej działalności Akademii Umiejętności w Krakowie. 1873–1888. Krakow, 1890 // Там же. С. 753–755. Подп.: А. Л.

То же.

[Магон П. В.] В 1812 году (Racheté): Повесть (Пер. с фр.) // 1896. № 6–8. Прил. Подп.: Арт-Ройе.

Письмо от 23 июня 1896 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 65. Л. 175–176).

[Майков Л. Н.] Императорское Русское географическое общество в 1880 году // 1881. № 10. С. 454–456. Б. п.

Письмо от 5 августа 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 19. Л. 196).

[Он же] Английский турист в Петербурге в 1774 г. («Записки» Рэксоля) // 1881. № 12. С. 822–834. Подп.: Е. М. Л.

Письмо от 24 апреля 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 19. Л. 192).

[Малеин А. И.] Рец. на кн.: Библиотека А. В. Петрова. СПб., 1913; Книгохранилище С. Р. Минцлова. СПб., 1913 // 1913. № 11. С. 732–733. Подп.: Библ.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Е. Кагаров. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913 // 1914. № 1. С. 300–301. Подп.: Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: В. Н. Бочкарев. Московское государство XV–XVII веков. СПб., 1914 // 1914. № 7. С. 323. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициала ограничено 1901 г.

[Он же] Рец. на кн.: Э. Фукс. Иллюстрированная история нравов. М., 1913. Т. 3: Буржуазный век // 1914. № 8. С. 683–684. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник. Нижний Новгород, 1914. Т. 15–16; Из родной старины. Нижний Новгород, 1914 // 1915. № 2. С. 649–651. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: К. Я. Грот. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг., 1914 // 1915. № 3. С. 998. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 4).

[Он же] Рец. на кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, Нижний Новгород, 1914. Т. 17. Вып. 1 // 1915, № 5. С. 653. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).

[Он же] Рец. на кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1906–1907 г. // 1915. № 6. С. 1003–1004. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: А. Л. Катанский. Воспоминания старого профессора

- (с 1847 по 1913 гг.). Пг., 1914. Вып. 1 // 1915. № 7. С. 264. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 9).
- [Он же] Рец. на кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XV. Вып. 4–5.; Т. XVII. Вып. 2–3. Нижний Новгород, 1913–1914 // 1915. № 10. С. 284. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: С. М. Соловьев. Записки. Пг., 1915 // 1915. № 11. С. 646–647. Подп.: Л.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 14).
- [Он же] Рец. на кн.: К. К. Арсеньев. За четверть века. Пг., 1915 // 1916. № 2. С. 572–573. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913–1915. // Там же. С. 576–577. Подп.: М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1915. Вып. 32 // 1916. № 4. С. 246. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. Вып. 2–6 // 1916. № 6. С. 790. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии, Вятка, 1915. Вып. 2–3 // 1916. № 8. С. 524. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1908–1910 г. Пг., 1915 // 1916. № 9. С. 764–766. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).
- [Он же] Рец. на кн.: И. Тэн. Путешествие по Италии. М., 1916. Т. 2 // 1916. № 10. С. 234–235. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 10).
- [Мальмгерн А. Э.] Рец. на кн.: Адрес-календарь Курляндской губернии. Митава, 1908 // 1909. № 2. С. 804. Подп.: -н-
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Hartwich J. V. Rüdiger von Schoeler. Berlin, 1910; К 100-летию юбилею Отечественной войны. Митава, [1911] // 1911. № 4. С. 326–330. Подп.: М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [Марин В. П.] Яблочинский монастырь – ядро православия и русской народности в Холмско-Подляшском крае // 1910. № 6. С. 1020–1030. Подп.: П. М-н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 6).
- [Он же] Проезд через город Белу имп. Александры Федоровны, супруги имп. Александра I, в 1856 году // 1910. № 10. С. 244–253. Подп.: В. П. М-н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).
- [Он же] Из прошлого // 1911. № 5. С. 578–584. Подп.: В. П. М-н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).
- (Он же) Наленчов // 1915. № 7. С. 241–249. Подп.: В. П. М-н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 9).
- [Марков В. С.] К характеристике преосвященного Николая // 1903. № 4. С. 214–218. Подп.: В. С. М.
Письмо без даты (май 1903 г.; ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 93. Л. 223–224).
- [Мартемьянов Т. А.] Рец. на кн.: Опись дел архива Государственного совета. СПб., 1911–1913. Т. 8, 10, 15, 16, 20 // 1914. № 8. С. 680–681. Подп.: Rustic.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 8).

[*Он же*] Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1914. Кн. 3 // 1914. № 11. С. 637—639. Подп.: Rustic.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 11).

[*Он же*] Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1914. Кн. 4 // 1915. № 4. С. 297—298. Подп.: Rustic.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 5).

[*Марцинский В.*] Рец. на кн.: В. А. Келтуяла. Краткий курс истории русской литературы. СПб., 1912. Ч. 1. Кн. 1 // 1913. № 5. С. 680—681. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 5).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Н. Соболев. Загробный мир по древнерусским представлениям. [СПб.], 1913 // 1913. № 5. С. 682. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 5).

[*Он же*] Рец. на кн.: Ю. А. Яворский. Великорусские песни в старинных карпато-русских записях. СПб., 1912 // 1913. № 7. С. 325—326. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 7).

[*Он же*] Рец. на кн.: Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913 // 1913, № 8. С. 700—701. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).

[*Он же*] Рец. на кн.: A. Mansuy. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siècles. P., 1912 // 1913. № 10. С. 363. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Л. Погодин. Лекции по истории польской литературы. Харьков, 1913. Ч. 1 // 1914. № 1. С. 302—303. Подп.: В. Марский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: Balkanicus. Сербы и болгары в балканской войне. СПб., 1913 // Там же. С. 311—312. Подп.: В. Марский.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Башмаков. Через Черногорию в страну диких гогов. СПб., 1913 // Там же. С. 312—313. Подп.: В. Марский.

То же.

[*Маслов А. Н.*] Рец. на кн.: Фон Реймерс. Инженерные войска в японской армии. СПб., 1906 // 1906. № 7. С. 292—295. Подп.: А. Б.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 8). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов ограничено 1891 г.

[*Масляненко Д. А.*] Рец. на кн.: И. Богданов. Наборно-типографское дело. 2-е изд. СПб., 1908 // 1908. № 10. С. 312. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 10).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Лундгерод. На смертном одре. СПб., [1911] // 1911. № 4. С. 323—325. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).

[*Он же*] Рец. на кн.: В. Б. Бертенсон. Чума. СПб., 1911 // 1911, № 5. С. 672. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Ксюнин. Уход Толстого. СПб., 1911 // 1911. № 6. С. 1102—1103. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: Открытые письма и другие художественные издания Общины св. Евгении Красного Креста: (Справочный указатель). М., 1911 // 1911. № 7. С. 311—312. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 7).

[*Он же*] Рец. на кн.: Е. Клетнова. Отзвуки Отечественной войны в пре-

таниях и сказаниях Вяземского уезда. Смоленск, 1911. Вып. 1 // 1911. № 8. С. 712—714. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: С. Я. Гусев. Свежие раны. СПб., 1911 // Там же. С. 734—735. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: П. Кавтарадзе (П. К.). «Потешные» и воспитание в народной школе. СПб, 1911 // 1911. № 9. С. 1168. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 9).

[Он же] Рец. на кн.: П. Е. Васильковский. Чудеса животного мира. СПб., 1911 // 1911. № 1. С. 787—788. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: А. Бенуа. Путеводитель по картинной галерее имп. Эрмитажа. СПб., 1911 // Там же. С. 790—791. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Е. И. Игнатъев. Наука о небе и земле. СПб., 1912 // 1912. № 1. С. 385—387. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: Русское воздухоплавание, история и успехи. СПб., 1911. Вып. 1 // 1912. № 3. С. 1093—1095. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: Н. Р. Политур. М. В. Ломоносов и жизнь XVIII века. СПб., 1912 // Там же. С. 1105. Подп.: Д. А.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: А. Родных. История воздухоплавания и летания в России. СПб., 1912. Кн. 1 // 1912. № 4. С. 285—288. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).

[Он же] Рец. на кн.: П. Е. Васильковский. Чудеса растительного царства. СПб., 1912 // Там же. С. 302—303. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: В. П. Авенариус. Дочь посадничья. СПб., 1912 // 1912. № 5. С. 653—654. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).

[Он же] Рец. на кн.: А. Плетнев. Собрание сочинений. Одесса-СПб., 1911 // 1912. № 7. С. 355—356. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: И. Богданов. Наборно-типографское дело. СПб., 1912 // 1912. № 8. С. 743—744. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: Сборник памяти Л. М. Мациевича. СПб., 1912 // 1912. № 9. С. 1102—1104. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 9).

[Он же] Рец. на кн.: М. Н. Писарев. В память Отечественной войны. М., 1912 // 1912. № 10. С. 382—386. Подп.: Д. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: И. И. Соневицкий. Холмщина. СПб., 1912 // 1912. № 11. С. 386. Подп.: М-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Вл. Крымов. О рулетке Монте-Карло, Южной Америке, модах и о прочем. СПб., 1912 // 1912. № 12. С. 1261. Подп.: М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: А. Ф. Шидловский. Шницберген в русской истории и литературе. СПб., 1912 // 1913. № 1. С. 237. Подп.: М. М. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: Е. И. Игнатъев. Астрономические досуги. М., 1912 // Там же. С. 253—254. Подп.: М-о.

То же.

- [Он же] Рец. на кн.: А. Филиппов. В вихре жизни. СПб., [1912] // Там же. С. 257–258. Подп.: М-о.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Е. Долгова. Флоренция и ее окрестности. М., 1912 // Там же. С. 271. Подп.: Д. А. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Шекспир. Венецианский купец (С илл. Д. Линтона). СПб., [1912] // 1913. № 2. С. 666–667. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Е. Писарева. Памяти А. П. Filosoфовой. СПб., 1912 // Там же. С. 676–677. Подп.: Д. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: П. Е. Васильковский. Диковинки земли. СПб., 1913 // Там же. С. 670–671. Подп.: М-о.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: М. Чуприков. 1812. СПб., 1913 // 1913. № 3. С. 1031–1032. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Ал. Пилленко. Около болгарской войны. СПб., 1913 // Там же. С. 1033–1039. Подп.: М. А. С.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: В. П. Авенариус. За неведомый океан. СПб., 1913 // Там же. С. 1050. Подп.: М-о.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Е. Н. Водовозова. На заре жизни. СПб., 1911 // 1913. № 5. С. 672–675. Подп.: Д. А. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Е. П. Радин. Душевное настроение современной учащейся молодежи. СПб., [1913] // 1913. № 6. С. 1067–1070. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: И. Прыжов. Нищие на святой Руси. Казань, 1913 // 1913. № 7. С. 304–305. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: Карикатуры Пэма. СПб., 1913 // Там же. С. 332–333. Подп.: М-о.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Ф. Герштекер. Вселенная. 5-е изд. СПб., 1913 // Там же. С. 333. Подп.: М. А. С.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Е. Мюллер. Юность знаменитых людей. СПб., 1913 // Там же. С. 333–334. Подп.: М. М. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Тихонов. В отставке. СПб., 1913 // Там же. С. 338–339. Подп.: Д. А.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: А. Г. Петискус. Олимп. 3-е изд. СПб., 1913 // 1913. № 8. С. 702. Подп. Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: В. Верхованцев. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913 // 1913. № 9. С. 1083–1084. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 9).
- [Он же] Рец. на: Популярные исторические издания «Сельского вестника» (1913) // 1913. № 10. С. 336–340. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: Б. Б. Глинский. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914 // 1913. № 11. С. 729–730. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).

- [Он же] Рец. на кн.: Очерк развития народной школы в Костромской губернии. Кострома. 1913 // Там же. С. 740—741. Подп.: М. М. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Ю. Беляев. Барышни Шнейдер. СПб., 1913; То же. Городок в табакерке. СПб., 1914 // 1913. № 12. С. 1165—1166. Подп.: М-ко.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 12).
- [Он же] Рец. на кн.: А. Плетнев. К жизни новой. Одесса, 1913 // 1914. № 1. С. 310—311. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: М. Бородин. Даль зовет. Харьков, 1913 // Там же. С. 318—319. Подп.: М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Н. Модестов. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Оренбург, 1913 // Там же. С. 322—323. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: И. А. Купчинский. Из воспоминаний об Александре Николаевиче Островском. Курск, 1913 // 1914. № 2. С. 678—679. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: Г. Артуров(?) На жниве смерти. М., 1913 // Там же. С. 697—698. Подп.: Д. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: В. Н. Сумцов. Аракчеевы на Урале. Нижний Новгород, 1913 // 1914. № 4. С. 314—315. Подп.: М-о.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Ф. Е. Зарин-Несвицкий. Тайна поповского сына. СПб., 1914 // Там же. С. 313—314. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: В. П. Авенариус. На Париж! СПб., 1914 // 1914. № 5. С. 712. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 5).
- [Он же] 25-летие литературной деятельности Н. Н. Вентцеля // Там же. С. 748—754. Б. п.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: Е. А. Сабанеева. Воспоминания о былом. СПб., 1914 // 1914. № 6. С. 1130—1131. Подп.: Д. М-ко.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 6).
- [Он же] Дом науки имени П. И. Макушина в Томске // 1914. № 7. С. 217—224. Подп.: К. С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7).
- [Он же] Рец. на кн.: Бор. Горовский (Б. К. Подгурский). Забытые русские земли. СПб., 1914; В. М. Зензинов. Старинные русские люди у Холодного океана. М., 1914 // Там же. С. 332—334. Подп.: М-о.
То же.
- [Он же] Историческая летопись // 1914. № 8. С. VIII—XXVI. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 8).
- [Он же] Рец. на кн.: Воронежская старина. Воронеж, 1913. Вып. 12 // Там же. С. 682—683. Подп.: М. М. М.
То же.
- [Он же] Рец. на кн.: А. Е. Зарин. Северный богатырь. М., [1914] // 1914. № 9. С. 1024. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 9).
- [Он же] Рец. на кн.: Н. А. Лаппо-Данилевская. Княжна Мара. Пг., 1914 // 1914. № 10. С. 284—285. Подп.: Д. М-ко.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 10).

- [*Он же*] Рец. на кн.: Библиографическая летопись. Пг., 1914. Вып. 1 // 1914. № 11. С. 649—650. Подп.: М. А. С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 11).
- [*Он же*] Историческая летопись // 1914. № 12. С. V—LIV. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 12).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Д. И. Багалей. Русская история. М., 1914. Т. 1 // Там же. С. 1005—1006. Подп.: М.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Г. Т. Северцев-Полилов. На поле брани. Пг., [1914] // Там же. С. 1016. Подп.: М.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 1. С. IX—LVI. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 1).
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 2. С. V—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 3).
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 3. С. V—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 4).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Солдатские сказки. Пг., 1915 // Там же. С. 995—996. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. А. Зелинский. Подробный орфографический словарь. М., 1914 // Там же. С. 999. Подп.: Д. М.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. В. Пуцило, М. М. Лебединка. В родном мире: Хрестоматия. Пг., 1910—1914 // Там же. С. 999—1000. Подп.: М-о.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Э. Миккельсон. По следам жертв ледяной пустыни. Пг., 1914 // Там же. С. 1000—1002. Подп.: Д. А. М.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 4. С. V—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Смоленская старина. Смоленск, 1914. Ч. 3, Т. 1 // Там же. С. 301. Подп.: Д. М.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 5. С. I—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Лаврецкий (Б. Суворин). До войны. Пг., 1915 // Там же. С. 659—660. Б. п.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 6. С. I—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
- [*Он же*] Великий князь Константин Константинович (некролог) // 1915. № 7. С. V—XXXIV. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 9).
- [*Он же*] Историческая летопись // Там же. С. XXXV—XXX. Б. п.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Труды Оренбургской ученой комиссии. Оренбург, 1914. Т. 29 // Там же. С. 261—262. Подп.: М. А. С.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Письма А. П. Чехова, М., 1915. Т. 5 // Там же. С. 270—272. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1915. № 8. С. I—XLVIII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Известия Общества любителей изучения Кубанской

области. Екатеринодар, 1914. Вып. 6 // 1915. № 9. С. 941–942. Подп.: Д. М-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Ник. Макаренко. Путевые заметки и наброски о русском искусстве. Вып. 1: Белозерский край. Пг., 1915 // Там же. С. 951. Подп.: Д. М.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1915. № 10. С. V–XLVIII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: Н. Н. Сергиевский. Августейший поэт К. Р. Пг., 1915 // Там же. С. 286–287. Подп.: Д. М-ко.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Н. В. Ястребов. Галиция накануне великой войны 1914 года. Пг., 1915; Н. М. Лагов. Галичина. Пг., 1915 // Там же. С. 294–295. Подп.: Д. А. М.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: А. Репников. Золото Рейна. Пг., 1915 // Там же. С. 297–298. Подп.: Д. М-ко.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1915. № 11. С. V–XLVIII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 14).

[Он же] Рец. на кн.: С. И. Лаврентьева. Пережитое. Пг., 1915 // Там же. С. 650–651. Подп.: Д. М-ко.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: К. Шумский. Очерки мировой войны на суше и на море. Пг., 1915 // Там же. С. 662–663. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: В. И. Рубцов. Учебный курс истории новейшей русской литературы. Пг., 1915 // Там же. С. 664–665. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1915. № 12. С. V–XLVIII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 15).

[Он же] Рец. на кн.: В. Никольский. История русского искусства. М., 1915. Т. 1 // Там же. С. 938–939. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Е. Шумигорский. Тени минувшего. Пг., 1915 // Там же. С. 941–942. Подп.: С. Л-н.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1916. № 1. С. IX–XLVIII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 1).

[Он же] То же // 1916. № 2. С. V–XXXII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 2).

[Он же] Рец. на кн.: С. Л. Винберг. История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Пг., 1915 // Там же. С. 574–575. Подп.: С. Л-н.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: А. И. Фаресов. Народ без водки. [Пг., 1916] // Там же. С. 577–578. Подп.: М-о.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Чего ждет Германия от войны? Пг., 1915 // Там же. С. 580–581. Подп.: Д. А. М.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1916. № 3. С. VII–XXXII. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: Ф. П. Доброхотов и др. Черноморское побережье Кавказа. Пг., 1915 // Там же. С. 886–888. Подп.: Д. М.(?) М-ко. Опечатка.

То же.

- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 4. С. V—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 4).
- [*Он же*] Сорокалетие газеты «Новое время» // Там же. С. 166—193.
Подп.: Д. М.
По аналогии со следующей.
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. Ксюнин. Народ на войне. Пг., 1916 // Там же.
С. 255—256. Подп.: Д. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 4).
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 5. С. I—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Русская история в культурно-бытовых очерках.
М., 1915 // Там же. С. 532—534. Подп.: Д. М.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Пролог русско-японской войны. Пг., 1916 // Там же.
С. 534—535. Подп.: С.-Л-н.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Г. Веселкова-Кильштедт. Листы пожелтелые. Пг.,
1916 // Там же. С. 543—544. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Древний мир в памятниках его письменности. М.,
1915. Ч. 1 // 1916. № 6. С. 789—790. Подп.: С. Л-н.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Г. Чулков. Вчера и сегодня. М., 1916 // Там же.
С. 794—795. Подп.: М. А. С.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Ф. Комиссаржевский. Театральные прелюдии. М.,
1916 // Там же. С. 796—798. Подп.: Дм. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Мининские торжества // Там же. С. 827—834. Б. п.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 7. С. V—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: К. Корниль. Пророки. М., 1915 // Там же., С. 226—
227. Подп.: С. Л-н.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 8. С. I—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 8).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. В. Васильев. Русские самородки. Т. 1. Ревель.
1916 // Там же. С. 518—519. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 9. С. I—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Сенатов. Вавилон, Израиль и Германия. Пг.,
1916 // Там же. С. 771—773. Подп.: С. К.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 10. С. V—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Письма А. П. Чехова. М., 1916. Т. 6 // Там же.
С. 226—228. Подп.: Д. М-ко.
То же.
- [*Он же*] Историческая летопись // 1916. № 11. С. III—XXXII. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 11).
- [*Он же*] Рец. на кн.: И. И. Замотин. Сороковые и шестидесятые годы.
Пг., 1916 // Там же. С. 507—508. Подп.: М-о.
То же.

[Он же] Рец. на кн.: Священная книга Тота. М., 1916 // Там же. С. 509—511. Подп.: С. Л-н.

То же.

[Он же] Историческая летопись // 1916. № 12. С. III—XXIV. Б. п.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: А. П. Коптянев. А. Н. Скрябин. Пг., 1916 // Там же. С. 775—776. Подп.: М. А. С.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Венок [Н. П.] Врангелю от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1916 // Там же. С. 782—784. Подп.: Д. М.

То же.

[Магисевич А.] В Испань и обратно (путевые заметки) // 1908. № 9. С. 987—1023. Подп.: А. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 9).

[Магросов Е. Н.] Новорожденный мессианиззм страны доллара и Старый Свет // 1898. № 11. С. 704—721. Подп.: Е. Правдин.

Письма от 9 сентября, 10 октября, 9 и 17 ноября 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 73. Л. 202—202 об., 208—208 об.).

[Он же] Очерки американской действительности // 1899. № 2. С. 656—678; № 3. С. 994—1023; № 8. С. 646—665; № 10. С. 289—324; № 11. С. 742—766; № 12. С. 1177—1210; 1900. № 7. С. 244—267; № 8. С. 667—683; № 9. С. 1045—1080. Подп.: Евгений Правдин [Е. Правдин].

Письмо от 21 января 1900 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 82. Л. 15—16 об.).

[Маяков Ф. В.] Шпион Наполеона в ссылке // 1912. № 8. С. 615—621. Подп.: Ф. М-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 8).

[Мещанинов И. В.] Барин Гордеич // 1904. № 7. С. 80—87. Подп.: И. М.

Письмо от 1 мая 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 97. Л. 212—212 об.).

[Михель А. Ф.] Киевские беспорядки: (Из воспоминаний очевидца), 1855—1856 гг. // 1897. № 3. С. 973—994. Подп.: А. М.

Письма от 12 и 21 января, 28 ноября 1896 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 65. Л. 226—228).

[Модзалевский Б. Л.] Рец. на кн.: Биографический очерк генерал-фельд-маршала светлейшего князя П. М. Волконского (1776—1852 гг.). СПб., 1914 // 1914. № 8. С. 677—678. Подп.: Г. Гарский.

Опечатка в инициале («Б. Гарский»).

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 8).

[Можьрев С. П.] Рец. на кн.: А. Тупин. Прибалтийский край и война. Пг., 1915 // 1915. № 3. С. 974—976. Подп.: Кн. С. М-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 3).

[Мордвинов И. П.] Из воспоминаний о Викторе Даниловиче Кренке: (К столетию со дня его рождения) // 1916. № 6. С. 663—679. Подп.: И. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).

[Морозов В. А.] Поездка в Казбек // 1909, № 4. С. 252—274. Подп.: В. А. Авие.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).

[Он же] Поездка в Чечню // 1910. № 1. С. 257—286. Подп.: В. А. Авие.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).

[Он же] Безответная: (Из жизни) // 1910. № 10. С. 91—122. Подп.: В. А. Авие.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).

[Он же] Памятные дни: (Воспоминания очевидца) // 1911. № 3. С. 958—986. Подп.: В. А. Авие.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 3).

[*Мустафин В. А.*] Рец. на кн.: Кауфманский сборник. М., [1912] // 1912. № 4. С. 281—285. Подп.: В. М.-н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. И. Добросмыслов. Ташкент в его прошлом и настоящем. [Ташкент], 1912; Он же. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912 // 1913. № 6. С. 1049—1051. Подп.: М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913 // 1913. № 10. С. 340—342. Подп.: В. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 10).

[*Он же*] Рец. на кн.: Цветков. Исламизм. Ашхабад, [1912—1913]. Т. 1—2 // 1913. № 10. С. 358—361. Подп.: В. М.

То же.

[*Он же*] Рец. на кн.: Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии (1912—1913). Ташкент, 1913 // 1913. № 11. С. 741—742. Подп.: В. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).

[*Он же*] Рец. на кн.: Н. П. Остроумов. Исламоведение. Ташкент, 1913. Т. 3. Ч. 1 // 1914. № 2. С. 691—693. Подп.: В. М.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).

[*Он же*] Рец. на кн.: «Абду-с-Саттар казы»: Книга рассказов о битвах текинцев. Пг., 1915 // 1915. № 9. С. 951—953. Подп.: В. М.-н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).

[*Надеждин А. П.*] Рец. на кн.: М. Д. Ордынцев-Кострицкий. Запорожцы в Сарагоссе. СПб., 1913 // 1913. № 3. С. 1049. Подп.: А. П. Надеждин.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).

[*Наскин Н. В.*] Немцы на юге // 1914. № 12. С. 903—918. Подп.: Н. Симбирский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 12).

[*Нечаева А. М.*] Рец. на кн.: А. И. Фаресов. Забытая писательница и ее заслуги. СПб., 1909 // 1909. № 2. С. 799—800. Подп.: А. Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 2).

[*Оглоблин Н. Н.*] К истории холеры 1830—31 годов: (Публикация) // 1883. № 10. С. 213—224. Подп.: Н. О.

Письмо от 8 июля 1883 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 26. Л. 6).

[*Он же*] Около японцев: (Из дневника пленного офицера) // 1908. № 6. С. 924—960. Подп.: Н. Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 6).

[*Ожумич-Казарин Н. Ф.*] Еще о пушкинских местах // 1909. № 11. С. 581—594. Подп.: К.-н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 11).

[*Опочинина В. И.*] Поправка к статье Д. Д. Оболенского «Наброски из прошлого» // 1895. № 6. С. 932. Б. п.

Письмо от 19 мая 1895 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 62. Л. 100).

[*Павловская Н.*] Крымские легенды // 1915. № 7. С. 234—240. Подп.: Н. П.-я.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 9).

[*Переферович*] Рец. на кн.: Еврейская энциклопедия. СПб., 1908. Т. 1—2 // 1909. № 12. С. 1158—1159. Подп.: -чь.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 12).

[*Петров Н. И.*] Рец. на кн.: Историческая хрестоматия для изучения истории русской церковной проповеди/Сост. М. А. Поторжинский. Киев, 1879; Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь, 1879. Т. 1 // 1880. № 3. С. 640—642. Подп.: Н. П.

Письмо без даты (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 17. Л. 35—35 об.). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов связано с конкретными номерами 1881, 1883, 1884, 1889 гг.

- [*Он же*] Отчеты Одесского общества истории и древностей и Киевского церковно-археологического общества за 1879 г. // 1880. № 5. С. 209–210. Б. п.
- Письмо от 20 марта 1880 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 17. Л. 45).
- [*Он же*] Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии // 1881. № 6. С. 421. Б. п.
- Письмо от 24 августа 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 20. Л. 25–25 об.).
- [*Он же*] Дополнение к очерку Н. С. Лескова «Святительские тени» (1881, № 5) // 1881. № 6. С. 424. Подп.: Н. П.
- То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. А. Поторжинский. Образцы русской церковной проповеди XIX века. Киев, 1882 // 1882. № 10. С. 218. Подп.: Н. П.
- Письмо от 15 марта 1882 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 23. Л. 13–13 об.).
- [*Он же*] Аудиенция архимандриту Петру при назначении его в 1858 г. настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // 1886. № 1. С. 491–493. Подп.: Н. И. П.
- Письмо от 30 сентября 1885 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 32. Л. 20)..
- [*Петровский С.*] Несколько слов о рассказах из жизни Никанора 1893. № 2. С. 651–656. Подп.: С. П.
- Письмо от 24 декабря 1892 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 52. Л. 165–165 об.).
- [*Петрокис*] Рец. на кн.: И. И. Соколов. Епархиальное управление в праве и практике константинопольской церкви настоящего времени. Пг., 1914 // 1915. № 9. С. 949–950. Подп.: П.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 11).
- [*Писанецкий А. И.*] Из записок конвойного офицера // 1911. № 1. С. 182–190. Подп.: А. И. П-ий.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 1).
- [*Плосконный С. И.*] Из манчжурских воспоминаний // 1903. № 2, С. 578–592. Подп.: С. П-ый.
- Письмо без точной даты (ноябрь 1902 г.; ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 90. Л. 179).
- [*Помяловский М. И.*] Рец. на кн.: Л. Шипко. Рассказы из русской истории. СПб., 1906 // 1906. № 1. С. 300–303. Подп.: Старов.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 2).
- [*Пономарев П. А.*] Образец помещичьего красноречия: («Приказ моим сорочинским крестьянам» П. Панаевой (1843) из архива В. И. Панаева) // 1881. № 3. С. 698–699. Подп.: П. А. Казанский.
- Письмо от 7 февраля 1881 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 20. Л. 36–36 об.).
- [*Поплавский И.*] Рец. на кн.: С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906. Ч. 1 // 1906. № 7. С. 273–276. Подп.: И. П.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 8).
- [*Попов Л. К.*] Отец современной биологии: (Ч. Дарвин) // 1884. № 2. С. 392–402. Подп.: N. N.
- Письмо без даты (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 29. Л. 26–27).
- [*Попов Р.*] Рец. на кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3 // 1881. № 2. С. 459–460. Подп.: Р. П-в.
- Письмо без даты (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 17. Л. 59).
- [*Пронин И. М.*] Собака Царя-Освободителя (Из воспоминаний старого чиновника) // 1911. № 4. С. 167–173. Подп.: И. М. П.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [*Он же*] Страшная шутка: (Эпизод из истории одного бунта) // 1913. № 1. С. 179–182. Подп.: П. Ронин.
- Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

- [*Он же*] Как я был соседом царя: (Рассказ коммерсанта) // 1914. № 2. С. 530–538. Подп.: П. Ронин.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [*Путилин К. И.*] На воде и на суше (Бытовые картинки из жизни водоходов) // 1913. № 9. С. 870–883. Подп.: Воляной.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 9).
- [*Пухов С. Н.*] Старых времен были // 1914. № 2. С. 579–607. Подп.: С. П-в.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
- [*Пушкин Б. С.*] Рец. на кн.: С. Н. Кологривов. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. СПб., 1911 // 1912. № 1. С. 362–363. Подп.: Б. П.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 1).
- [*Пфаффиус А. Е.*] К истории декабристов // 1898. № 5. С. 675–677. Подп.: А. Е. П.
Письмо от 27 января 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 74. Л. 157–158 об.).
- [*Щелко А. Р.*] Прибалтийские немцы (Историко-юридический очерк) // 1915. № 4. С. 200–211. Подп.: А. Веселов.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 5).
- [*Рагозин Е. И.*] Бунт раскольников в 1859 году: (Из воспоминаний о Сибири) // 1893. № 4. С. 162–168. Подп.: Е. Р.
Письмо от 24 апреля 1893 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 56. Л. 1–1 об.).
- [*Раздольский П. М.*] В поисках царской награды // 1906. № 2. С. 577–582. Подп.: П. М. Р.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 2).
- [*Рембелинский А. М.*] К биографии А. Н. Апухтина // 1907. № 2. С. 580–585. Подп.: А. Р.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).
- [*Розенберг С. С.*] Как смотрели в старину на обязанности школьного учителя // 1898 № 9. С. 1124–1127. Подп.: С. С.
Письмо от 6 августа 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 74. Л. 170–170 об.).
- [*Романов О. Г.*] Чуваши в Константинополе // 1903. № 2. С. 512–526. Подп.: О. Р.
Письмо от 6 ноября 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 90. Л. 215–215 об.).
- [*Рудаков В. Е.*] Запечатание алтарей Рогожского кладбища: (Историческая справка) // 1907. № 5. С. 602–608. Подп.: Д. Ф. Х.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1909. Вып. 2 // 1910. № 7. С. 265–267. Подп.: Р-цы.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 7).
- [*Он же*] Рец. на кн.: С. Васильевич [О. В. Любимов]. Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910 // 1910. № 10. С. 344–346. Подп.: Р-цы.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 10).
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. Р. Апухтин. Народная военная сила: (Дворянские ополчения в Отечественную войну) // СПб., 1912. Т. 1. // 1912. № 5. С. 638. Подп.: В.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Г. Т. Северцев-Полилов. Слепая любовь. СПб., 1912 // 1912. № 6. С. 1030–1031. Подп.: Р.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 6).
- [*Он же*] Рец. на кн.: Новый энциклопедический словарь. СПб., 1910–1912. Т. 1–7 // 1912. № 8. С. 744–746. Подп.: Старый сотрудник «Словаря».
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 8).

[Рык-Богданика Г. М.] Красное озеро // 1902. № 8. С. 436—444. Подп.: Богдан Рык.

Письмо от 13 июня 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 90. Л. 229).

[Самбухин Г.] Три памятных дня // 1913. № 1. С. 102—112. Подп.: Г. Черенков.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

[Северцов-Полилов Г. Т.] Рец. на: Родная страна. 1912, № 1—4 // 1912. № 4. С. 305. Подп.: С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 4).

[Селивановский М. К.] Император Александр I в с. Чумыре в 1824 году // 1903. № 1. С. 271—276. Подп.: М. С.

Письма от 25 июля и 16 октября 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 90. Л. 274 об.—276), 6 января 1903 г. (Там же. № 94. Л. 183—183 об.).

[Селянов Е. П.] Из мемуаров графа Ржевуского // 1913. № 3. С. 879—887. Подп.: Е. Кольб.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 3).

[Сеславина] Рец. на кн.: Ан. А. Титов. Ростов-Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911 // 1911. № 6. С. 1077—1080. Подп.: А. К-ово.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).

[Симонов И. С.] Страничка из истории нашей смуты («Малиновское дело») // 1908. № 5. С. 550—557. Подп.: И. С. С-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 5).

[Синегуб М. В.] Из воспоминаний об аграрном движении 1902 года в Полтавской губернии (Рассказ потерпевшего) // 1908. № 4. С. 163—188. Подп.: М. С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 4).

[Он же] Из деревенской жизни (Очерки) // 1909. № 12. С. 980—998. Подп.: М. С-ъ.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 12).

[Синюжаев Г. Т.] Рец. на кн.: Е. Соловьев (Андреевич). Очерки по истории русской литературы XIX века. СПб., 1902; Н. Энгельгардт. История русской литературы XIX столетия. СПб., 1902. Т. 1. // 1902. № 4. С. 301—306. Подп.: Г. Т. С.

Письмо без даты (1903 г.) (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 94. Л. 191—192).

[Он же] Рец. на кн.: В. А. Мякотин. Из истории русского общества. СПб., 1902 // 1902. № 11. С. 559—760. Подп.: Г. Т. С-хаев.

То же.

[Сиротинин А. Н.] Рец. на кн.: П. А. Лавров. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909; Р. Кошутич. Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины. СПб., 1908; Босния и Герцеговина в народной скупшине Королевства Сербии на заседаниях 29 сентября, 20 и 21 декабря 1908 г. Белград, 1909 // 1910, № 7. С. 306—307. Подп.: С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. ф. 72. № 433. Л. 7).

[Сластников С. И.] Симбирские пожары 1864 года // 1886. № 9. С. 641—643. Подп.: С. И. С-ков.

Письмо от 12 сентября 1886 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 35. Л. 53—54).

[Собко Н. П.] Рец. на кн.: В. И. Межов. Русская историческая библиография на 1865—1876 гг. включительно. СПб., 1882. Т. 1—2. // 1882, № 6. С. 675—681. Подп.: С.

Письмо от 1 декабря 1882 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 23. Л. 66).

Рецензия приписывается В. Р. Зотову. См.: Фрадкина З. Л. В. И. Межов. М., 1949. С. 64).

[Соболев А.] Из смутного времени в Прибалтийском крае // 1913. № 7. С. 198—206. Подп.: А. С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 7).

- [Соковнина К. Д.] Филипп Иванович: (Из семейных воспоминаний) // 1915. № 9. С. 753–767. Подп.: К. Иксуль.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 92. № 438. Л. 11).
- [Соколов Д. Н.] Маска Пушкина // 1896. № 2. С. 743. Подп.: Д. С-ов.
Письмо от 15 декабря 1895 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 63. Л. 49).
- [Соколов И. И.] Рец. на кн.: А. К. Бороздин. Очерки русского религиозного разномыслия. СПб., 1905 // 1906. № 2. С. 648–650. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 3).
- [Он же] Рец. на кн.: Д. М. Березкин. Во тьме вековой. СПб., 1905 // 1906. № 3. С. 1047–1048. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: А. А. Гирс. Россия и Ближний Восток. СПб., 1906 // 1906. № 10. С. 309–311. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: Иона, архим. Свет с Востока. СПб., 1910. Вып. 3 // 1910. № 9. С. 1075–1076. Подп.: Иеромонах И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 9).
- [Он же] Рец. на кн.: И. И. Соколов. Вопрос о реформе календаря перед судом православных церквей Востока. СПб., 1910. // Там же. С. 1088–1089. Подп.: П. В.
То же. Зачеркнуто: «Верховский».
- [Он же] Рец. на кн.: Иона, архим. Герои веры. СПб., 1910 // 1910. № 11. С. 741–743. Подп.: Иеромонах И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: Б. А. Тураев. Египетские церковные впечатления. СПб., 1910 // 1911. № 1. С. 342–343. Подп.: Иер. И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 1).
- [Он же] Рец. на кн.: П. Мансуров. Константинопольская церковь. М., 1909. Ч. 1 // 1911. № 2. С. 723–724. Подп.: Иеромонах И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: А. А. Бронзов. Протопресвитер И. Л. Янышев: Воспоминания. СПб., 1911 // 1911. № 4. С. 310–312. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).
- [Он же] Рец. на кн.: Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете. Одесса, 1910 // 1911. № 5. С. 660–662. Подп.: И. И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Серафим, иер. Путевые впечатления. Нижний Новгород, 1910 // 1911. № 6. С. 1081–1082. Подп.: И. И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 6).
- [Он же] Рец. на кн.: П. Лупшов. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911 // 1911. № 10. С. 333–335. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 10).
- [Он же] Рец. на кн.: А. П. Попов. Младший Григорович. Кронштадт, 1911 // 1911. № 11. С. 772–773. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 11).
- [Он же] Рец. на кн.: Иона, архим. Святая гора Афон. СПб., 1911 // 1912. № 2. С. 755–756. Подп.: И. И.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 2).
- [Он же] Рец. на кн.: А. Н. Львов. В стране Амон-Ра. СПб., 1911 // 1912. № 5. С. 664–665. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 5).
- [Он же] Рец. на кн.: Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910 // 1913. № 1. С. 266–268. Подп.: С.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: Е. Е. Голубинский. О реформе в быте русской церкви. М., 1913 // 1914. № 7. С. 319–321. Подп.: С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 7).

[*Он же*] Рец. на кн.: К. В. Харламович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1 // 1914. № 11. С. 634–637. Подп.: С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 11).

[*Он же*] Рец. на кн.: И. И. Соколов. Вселенские судьи в Византии. Казань, 1915 // 1916. № 6. С. 793. Подп.: Т.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: И. И. Соколов. Патриархия и храмы в Константинополе. Пг., 1916 // 1916. № 7. С. 228. Подп.: Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).

[*Он же*] Рец. на кн.: И. И. Соколов. Православный греческий Восток. Пг., 1916. Вып. 3 // 1916. № 9. С. 779. Подп.: П.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).

[*Соколов М. Н.*] На Чудском озере // 1896. № 5. С. 605–628. Подп.: М. Н. С.

Письмо С. И. Уманца от 18 апреля 1896 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 67. Л. 41–42 об.).

[*Соколов П. И.*] Рец. на кн.: Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1 // 1910. № 4. С. 330–334. Подп.: Э

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 4).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. А. Бронзов. Белозерское духовное училище за сто лет его существования (1809–1909 гг.) // Сергиев Посад, 1909. Т. 1 // 1910. № 8. С. 655–657. Подп.: Э

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 8).

[*Он же*] Рец. на кн.: Г. Гинс. Переселение и колонизация. [СПб.], 1913 // 1913. № 8. С. 693–695. Подп.: П. С-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).

[*Соколов С. М.*] Черемисское языческое вероучение «Кугу-Сорта» // 1895. № 9. С. 723–736. Подп.: С. М. С-в.

Письмо от 7 августа 1894 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 59. Л. 80–81 об.).

[*Соколовская Т. О.*] Рец. на кн.: М. В. Довнар-Запольский. На заре крестьянской свободы. М., 1911 // 1911. № 4. С. 302 – Подп.: Т. С.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).

[*Соколовский М. К.*] Рец. на кн.: Вестник Общества ревнителей истории. [СПб.], 1914. Т. 1 // 1915. № 1. С. 284–286. Подп.: Т. Ф.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 1).

[*Он же*] Рец. на кн.: Вестник имп. Общества ревнителей истории. Пг., 1915. Т. 2 // 1916. № 4. С. 240–242. Подп.: А. О.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 4).

[*Сульжиков А. В.*] Жалоба (Картинка из действительной жизни) // 1911. № 5. С. 560–569. Подп.: А. В. Торянович.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 5).

[*Таберно Н.*] Искания новой жизни // 1913. № 12. С. 1051–1063. Подп.: И. Т.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 12).

[*Тареев Б. Л.*] Поход в Хиву в 1839 году: (Из записок участника) // 1898. № 8. С. 538–545. Подп.: Е. Косырев.

Письмо от 6 августа 1898 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 75. Л. 3–4).

[*Тареев М. М.*] Рец. на кн.: В. В. Розанов. Темный лик. СПб., 1911; *Он же*. Люди лунного света. СПб., 1911 // 1911. № 11. С. 782–787. Подп.: Б. В-ский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 11).

[Тимофеев М. А.] Загадочный ссыльный // 1910. № 11. С. 587–600. Подп.: М. Туманов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 11).

[Тимофеев С. П.] Съезд археологов в Москве // 1890. № 3. С. 667–673. Подп.: С. П. Т-въ.

Письмо от 9 января 1890 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 47. Л. 174).

[Титов А. А.] Рец. на кн.: Ан. Титов. Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии. М., 1909 // 1910. № 1. С. 313–315. Подп.: Р-ц.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 1).

[Тодорский П. П.] Рец. на кн.: Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. СПб., 1912 // 1913. № 4. С. 317–320. Подп.: П. Т.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 4).

[Томин Н. А.] Рец. на: Вестник Общества повсеместно помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. 1908. № 1–3 // 1909. № 1. С. 338–341. Подп.: Н. А.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).

[Он же] Один из больных вопросов (О призрении инвалидов) // 1910. № 3. С. 1040–1062. Подп.: Н. А. Т.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: Е. Т-а (?) Народный университет: Воспитательно-образовательные учреждения для народа в Англии. СПб., 1909 // 1910. № 6. С. 1057–1059. Подп.: Н. А.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 6).

[Он же] Рец. на кн.: Война и войны на службе господней. Сост. А. К. Э. (?) СПб., 1912 // 1913. № 1. С. 261–264. Подп.: Н. И. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: «Наука побеждать» генералиссимуса Суворова. СПб., 1913 // 1913. № 2. С. 671–672. Подп.: Н. И. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 2).

[Он же] Рец. на кн.: А. А. Суворин. Новый человек. СПб., 1913 // 1913. № 6. С. 1064–1067. Подп.: Н. Т-н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).

[Трофимов В. В.] Холера в Петербурге в 1848 году // 1885. № 4. С. 241–242. Подп.: М. Т.

Письмо без даты за той же подписью. Атрибутировано на основании пометы С. Н. Шубинского, воспроизведшего надпись на утраченном конверте (адрес В. В. Трофимова) (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 32. С. 230).

[Троцкий В. В.] Рец. на кн.: С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1909. Ч. 1. // 1909. № 8. С. 675–677. Подп.: В. В-ч.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и памятных денег в первые годы царствования Михаила Феодоровича. М., 1909 // 1909. № 12. С. 1137. Подп.: Т.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 12).

[Уманец Е. С.] Рец. на кн.: С. Минцлов. На заре века. СПб., 1910. № 5. С. 721. Подп.: Е. С. У.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 5).

[Уманец С. И.] О. О. Буксверден. Биографический очерк // 1907. № 12. С. 1015–1024. Подп.: *.*

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 12).

[Он же] Пашковцы-баптисты в Петербурге // 1909. № 4. С. 184–192. Подп.: Р. С. Игнатъев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 4).

[Он же] Наши востоковеды (По поводу возникновения нового «Общества

русских ориенталистов в С.-Петербурге») // 1910. № 8. С. 603–613. Подп.: С. И. Игнатьев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 8).

[*Он же*] Наша слабость на Востоке (По поводу русско-персидской школы в Тавризе) // 1911. № 4. С. 205–210. Подп.: С. И. Игнатьев.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 4).

[*Уманец Ф. М.*] Эчмиадзинский патриарший престол и армянские католики // 1892. № 7. С. 159–164. Б. п.

Письмо от 4 июня 1892 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 53. Л. 175).

[*Успенский А.*] Рец. на кн.: Московская церковная старина. М., 1906. Т. 2 // 1906. № 10. С. 306–309. Подп.: Прив.-доцент А-ский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 11).

[*Он же*] Рец. на кн.: Н. Я. Новомбергский. Врачебная экспертиза в допетровской Руси. СПб., 1906; Он же. Основы борьбы с эпидемиями в допетровской Руси. СПб., 1906; Он же. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906; Он же. Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. 2 // 1907. № 2. С. 698–701. Подп.: Приват-доцент А. Н-ский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 2).

[*Он же*] Рец. на кн.: А. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, 1864–1906. Вильна, 1906 // 1907. № 3. С. 1046–1047. Подп.: Приват-доцент А. Н-ский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 3).

[*Он же*] Рец. на кн.: Монастыри, соборы и приходские церкви владимирской епархии, построенные до начала XIX ст. Владимир, 1906. Ч. 1 // 1907. № 6. С. 1000–1001. Подп.: Прив.-доцент А.-ий.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 6).

[*Он же*] Рец. на кн.: П. Покрышкин. Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906 // 1907. № 7. С. 275–277. Подп.: Приват-доцент А-ский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 7).

[*Успенский И. И.*] Керимет, невестка Шамила – жертва азиатской, а затем русской политики // 1910. № 9. С. 922–933. Подп.: И. И. У.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 9).

[*Фалеев Н. И.*] Из архивных дел XVIII столетия // 1902. № 9. С. 939–945. Подп.: Ф. Л-ев.

Письмо от 4 марта 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 91. Л. 112).

[*Он же*] Рец. на кн.: И. Г. Попов. Введение в историю г. С.-Петербурга. М., 1903 // 1903. № 11. С. 670–672. Подп.: Ф. Л-в.

По аналогии.

[*Он же*] Рец. на кн.: П. К. Симони. Очерки о Петре Великом в записях 1745–1754 годов. СПб., 1903 // 1904. № 3. С. 1126. Подп.: Ф. Л-в.

По аналогии.

[*Он же*] Рец. на кн.: В. Н. Шрейтффельдт. Арестантская честь. СПб., 1903 // 1904. № 4. С. 336–338. Подп.: Ф. Л-в.

По аналогии.

[*Он же*] Рец. на кн.: В. Гемидин. Прошлое города Пскова в его исторических памятниках. Псков, 1903 // Там же. С. 308. Подп.: Ф. Л-в.

По аналогии.

[*Он же*] Рец. на кн.: Н. С. Лобас. Каторга и население на острове Сахалине. Екатеринбург, 1904 // 1904. № 7. С. 298–301. Подп.: Ф. А. Ле-в.

Письма без даты (1903; ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 95. Л. 73–87).

[*Он же*] Рец. на кн.: Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1 // 1905. № 1. С. 326–329. Подп.: Ф. Ле-в.

По аналогии.

[*Фаресов А. И.*] Н. В. Шелгунов (Некролог) // 1891. № 6. С. 770–771. Б. п. Письмо от 11 июля 1891 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 50. Л. 273).

[Он же] Рец. на кн.: А. Исаев. Кризисы в народном хозяйстве. Пг., 1914 // 1914. № 11. С. 650—651. Подп.: Ф.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 11).

[Федоров А. И.] Якутск в эпоху «освободительного движения» // 1908. № 12. С. 698—975. Подп.: Немо.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).

[Фесенко В.] Рец. на кн.: Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13. // 1910. № 2. С. 702—704. Подп.: В. Ф-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 2).

[Флоровский А. В.] Рец. на кн.: В. И. Григорович. Собрание сочинений. Одесса, 1916 // 1916. № 6. С. 781—782. Подп.: А. Ф.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 6).

[Фоменко В.] Рец. на кн.: В. И. Герье. Франциск, апостол нищеты и любви. М., 1908 // 1909. № 7. С. 320. Подп.: В. Ф-ко.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 7).

[Фомин А. Г.] Рец. на кн.: Спутник русского в Берлине. Берлин, 1908 // 1908. № 10. С. 311. Подп.: О.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 10). В автобиблиографии А. Г. Фомина (1931) эта и следующие рецензии не значатся.

[Он же] Рец. на кн.: С. Толузаков. Душа японской армии. СПб., 1908 // 1908. № 11. С. 746. Подп.: О. И. Н.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Брянчанинов. Скитания. М., 1908 // 1908. № 12. С. 1132—1134. Подп.: О. И. Ф.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).

[Хазанов А. С.] Рец. на кн.: А. Церетели. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. М., 1908 // 1909. № 5. С. 705. Подп.: С-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 5).

[Хвалынский М. И.] Похороны А. С. Пушкина и его могила // 1899. № 5. С. 618—633. Подп.: М. И. Каспийский.

Письмо от 22 марта 1899 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 79. Л. 108—109).

[Хойнауцкий А. Ф.]. Куда девались старинные документы православных церквей на юго-западе России? Сообщил А. Ф. Х. // 1880. № 8. С. 804.

Письмо от 4 апреля 1880 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 17. Л. 182—183 об.).

[Христиани Г.] К былому Павловска // 1909. № 6. С. 1037—1044. Подп.: Г. Х.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).

[Чеглоков (Чоголоков) Н. А.]. Забытый герой (П. де Фремери) // 1901. № 7. С. 216—228. Подп.: Н. Чеглок.

Письма с разным написанием фамилии от 22 и 28 ноября 1900 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 83. Л. 155—156).

[Чулицкий М. Ф.]. Из записной книжки бывшего судебного деятеля // 1902. № 10. С. 251—258; 1903. № 8. С. 458—480. Подп.: М. Ч.

Письма от 18 июня и 7 декабря 1902 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 91. Л. 167—168).

[Шавров Н. Н.]. Из воспоминаний потийца // 1908. № 6. С. 971—980. Подп.: Н. Ш.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 6).

[Он же] Из воспоминаний о генерале А. М. Алиханове-Аварском // 1909. № 11. С. 569—580. Подп.: Н. Ш.

[Он же] Губернатор-революционер: (В. А. Старосельский) // 1909. № 12. С. 907—939. Подп.: И. Подольский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 12).

[Он же] По поводу статьи «Губернатор-революционер» // 1910. № 5. С. 691—709. Подп.: И. Подольский.

[Шаломытов Н. В.] Рец. на кн.: О. Крамагева. А. S. Gribolédov. Paris, 1909 // 1909. № 10. С. 303–306. Подп.: Sc.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 10).

[Шевалевский В.] Архиерейская встреча. Быль: (Из воспоминаний о преосвященном Тобольском Виталии) // 1914. № 4. С. 150–154. Подп.: Ш. В.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 4).

[Шеляпин М.] Пролог к Тюренченскому бою // 1904. № 7. С. 137–153. Подп.: М. Ше-ин.

Письмо без даты (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 96. Л. 136); письмо

П. Е. Щеголева от 11 июня 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 141).

[Шепченко Н. Д.] Поездка в Кронштадт (Впечатления провинциала) // 1900. № 5. С. 632–644. Подп.: Иларион Княгиницкий.

Письмо без даты (1900) (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 83. Л. 168–169).

[Он же] К характеристике архиепископа Доната // 1900. № 9. С. 936–944. Подп.: Н. Княгиницкий.

Письмо от 28 февраля 1900 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 83. Л. 165).

[Шидловский А. Ф.] Рец. на кн.: Ю. Елец. История лейб-гвардейского Гродненского гусарского полка // СПб., 1897. Т. 2 // 1898. № 7. С. 354–355. Подп.: С-кий.

Письмо без даты (1898) (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 75. Л. 148).

[Шляпкин И. А.] Рец. на кн.: Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4 // 1881. № 3. С. 684–685. Подп.: И. Ш.

Письмо от 28 января 1881 г. (ГПБ, ф. 874, оп. 1, № 20, л. 154).

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова употребление инициалов связывается только с публикацией 1883 г.

[Штейн В. И. фон] Рец. на кн.: В. Ш. [В. И. фон-Штейн] Новейшие преобразования русского государственного строя. СПб., 1906 // 1906. № 9. С. 1008–1009. Подп.: В-ь.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 10).

[Шубинский С. Н.] Рец. на кн.: А. А. Титов. Тихон Малышко, ростовский епископ XVI века. М., 1908 // 1909. № 6. С. 1072–1073. Подп.: А. К-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 6).

[Он же] Рец. на кн.: Ан. Титов. Летопись костромского Богоявленского монастыря. М., 1909 // 1909. № 9. С. 1078–1079. Подп.: А. К-ово.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 9).

[Он же] Рец. на кн.: А. Титов. Миссионерская деятельность преосвященного Нила Исаковича и Дионисия Хитрова. М., 1910 // 1910. № 7. С. 275–276. Подп.: А. К-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 7).

[Шульман А.] По Франции на автомобиле // 1916. № 7. С. 198–216. Подп.: А. Ш.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 7).

[Шумигорский Е. С.] Сенатор Г. А. Тройницкий // 1915. № 11. С. 566–572. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 14).

[Он же] Императорское Русское историческое общество (1866–1916) // 1916. № 9. С. 735–744. Б. п.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 439. Л. 9).

[Шустрое А.] Домский музей в Риге // 1909. № 5. С. 630–640. Подп.: А. Ш-ов.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 5).

[Щеголев П. Е.] Рец. на кн.: Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века. СПб., 1903. Т. 1–2 // 1904. № 6. С. 1048–1050. Подп.: П.

Письмо от 28 августа 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129–130).

[Он же] Рец. на кн.: А. Мишель. Идея государства. СПб., 1903 // Там же. С. 1051–1053. Подп.: П.

То же.

- [*Он же*] Рец. на кн.: Сборник документов, относящихся к истории царствования имп. Петра Великого/Сост. Е. Ф. Шмурло. Юрьев, 1903. Т. 1 // 1904. № 8. С. 634–635. Подп.: П. П.-в.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1904 // 1904. № 9. С. 1015–1017. Подп.: П. П.-в.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904 // Там же. С. 1017–1019. Подп.: П. П.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; *Он же*. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904 // Там же. С. 1020–1022. Подп.: П. П.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Н. К. Михайловский. Отклики. СПб., 1904. Т. 1 // Там же. С. 1033. Подп.: П.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1904. Кн. 2–3 // Там же. С. 1040–1041. Подп.: П.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: М. Успенский. Редкий антиминс. СПб., 1904 // Там же. С. 1054. Подп.: П. П.
То же.
- [*Он же*] Рец. на кн.: В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Харьков, 1904 // 1905. № 2. С. 710–711. Подп.: П.
То же.
- [*Щелков И.*] К биографии гр. Софьи Потоцкой // 1899. № 5. С. 799. Подп.: И. Ш.
Письмо от 20 марта 1899 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 79. Л. 178).
[*Шербина*] Столица Сибири (Наброски) // 1914. № 2. С. 646–663. Полп.: И. Вязовский.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 2).
[*Эфрон С. К.*] Удивительная история архива старообрядческой Белокриницкой метрополии // 1909. № 9. С. 950–967. Подп.: С. К.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 9).
[*Ювачев И. П.*] Рец. на кн.: Y. F. Hargood. Service book of the Holy Orthodo-Catholic Apostolic (Greco-Russian) Church. Boston and New York, 1906 // 1907. № 5. С. 642–644. Подп.: И. П. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 5).
[*Он же*] Рец. на кн.: Народный печальник: А. В. Рождественский. СПб., 1907 // 1907. № 9. С. 1008. Подп.: И. П. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 9).
[*Он же*] Рец. на кн.: И. Светский (?) Извещение о двенадцати периодах судьбы человечества. 2-е изд. Житомир, 1907 // 1908. № 3. С. 1119. Подп.: И. П. М.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 3).
[*Юнкер Г.*] Рец. на кн.: П. Е. Анненкова. Записки жены декабриста Б. м., Б. г. // 1915. № 6. С. 1004–1005. Подп.: Г. Ю-р.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 438. Л. 7).
[*Юрашкевич П. А.*] Рец. на кн.: С. Д. Арсеньева. Рассказы из русской истории. СПб., 1910. Вып. 1–8 // 1910. № 9. С. 1067–1069. Подп.: П. А. Ю.
Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 9).

[Ющенко А.] Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии в 1905 г. // 1913. № 6. С. 853—871. Подп.: А. Ю.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 6).

[Языков Д. Д.] Русский профессор-гуманист: (Памяти Н. И. Стороженко; к полугодовому дню его кончины) // 1906. № 7. С. 212—222. Подп.: Дм. Шереметьинский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 8).

[Яковенко П.] Рец. на кн.: А. Трачевский. Новая история. СПб., 1908. Т. 2 // 1908. № 2. С. 713—714. Подп.: П. Я.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 2).

[Он же] Рец. на кн.: Е. В. Тарле. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799). СПб., 1908 // 1908. № 3. С. 1112—1113. Подп.: П-о.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 3).

[Яковлев В. В.] Рец. на кн.: П. Фон-Кауфман. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904—1905 гг. СПб., [1912—1913.] Т. 1—2 // 1913. № 7. С. 329—331. Подп.: Я-ъ.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 7).

[Он же] Рец. на кн.: Ф. Тассар. Воспоминания о Гюи де Мопассане. СПб., 1913 // 1913. № 8. С. 691. Подп.: Я.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).

[Он же] Рец. на кн.: С. Глаголь, И. Грабарь. И. И. Левитан. М., 1913 // 1913. № 11. С. 734. Подп.: Я-ъ.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: А. Грищенко. О связях русской жизни с Византией и Западом, XIII—XX вв. М., 1913 // 1914. № 3. С. 1108—1109. Подп.: Я-ъ.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 437. Л. 3).

[Яцимирский А. И.] Рец. на кн.: Н. В. Белозерский. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России (преимущественно монет). СПб., 1903 // 1903. № 3. С. 1158—1159. Подп.: М. О. Ск-вич.

Источник атрибуции см. ниже (1906).

[Он же] Рец. на кн.: Л. Ф. Пантелеев. Из ранних воспоминаний. СПб., 1903 // 1903. № 5. С. 733—734. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: В. В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. СПб., 1902 // Там же. С. 736. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Чернигов, 1902 // 1903. № 8. С. 691—692. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1902 г. [М.], 1903 // 1903. № 8. С. 711—712. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Житие св. Нифонда, лицевое. XVI века. М., 1903 // 1904. № 1. С. 319. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: А. А. Стахович. Ключки воспоминаний. М., 1904 // 1904. № 8. С. 657—659. Подп.: М. О. Ск-вич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Е. Ф. Карский. Белоруссы. Вильна, 1904 // 1904. № 9. С. 1052—1053. Подп.: М. Д. Ник-ский.

Письмо П. Е. Щеголева от 28 августа 1904 г. (ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. № 99. Л. 129—130).

[Он же] Рец. на кн.: Д. Дорошенко. Указатель источников для ознакомления с Южной Русью. СПб., 1904 // 1904. № 12. С. 1155. Подп.: М. Д. Ник-ский.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: Н. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1905. Ч. 1-2 // 1906. № 2. С. 645-646. Подп.: М. О. Ск-вич.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 429. Л. 3).

[Он же] Рец. на кн.: П. Н. Жукович. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией. СПб., 1906. Вып. 3 // 1907. № 1. С. 322-324. Подп.: А. Ив-ич.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905 // Там же. С. 349-350. Подп.: А. Ив-ич.

То же.

[Он же] Рец. на кн.: П. Орш. Современная Италия. СПб., 1907 // 1907. № 10. С. 309. Подп.: Н. Александров.

Опечатка в инициале («И. Александров»).

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 430. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: А. И. Лотоцкий. На повороте. СПб., 1907 // 1908. № 1. С. 328-329. Подп.: И. Ал-ров.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: Б. М. Городецкий. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 25 лет (за 1880-1904 г.). СПб., 1908 // 1908. № 6. С. 1087-1088. Подп.: А.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 6).

[Он же] Рец. на кн.: М. П. Кулепов, Л. Н. Толстой по воспоминаниям крестьян. М., 1908; А. Мошин. Новое об 11-ти великих писателях. 2-е изд. СПб., 1908 // 1908. № 10. С. 301-302. Подп.: А. Иванович.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: И. Г. Попруженко. К истории «безумного года» (1848). Варшава, 1908 // 1908. № 12. С. 114-115. Подп.: А. Иванович.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 431. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: Древности. М., 1907. Т. 4. Вып. 1 // 1909, № 1. С. 355-356. Подп.: А.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: В. Верюжский. Афанасий, архиепископ холмогорский. СПб., 1908 // 1909. № 11. С. 694-696. Подп.: С. Н. Введенский.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 432. Л. 11).

[Он же] Рец. на кн.: Э. Пильц. Русская политика в Польше. Варшава, 1909 // Там же. С. 707-708. Подп.: А. Иванович.

То же.

[Он же] Рец. на «Славянский мир» за 1910 г. // 1910. № 12. С. 1174-1175. Подп.: С. Л. А-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 433. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: С. Ефремов. История украинского письменства. СПб., 1911 // 1911. № 10. С. 348-350. Подп.: А. И-ч.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 434. Л. 10).

[Он же] Рец. на кн.: Н. Г. Спафарий. Описание первая части вселенныя, именуемой Азии. Казань, 1912 // 1912. № 9. С. 1075-1078. Подп.: Н. И. К.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 9).

[Он же] Рец. на кн.: Гербовник А. Т. Князева, 1785 г. СПб., 1912 // 1912. № 12. С. 1251-1253. Подп.: С. В. Л.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 435. Л. 12).

[Он же] Рец. на кн.: Минало. София, 1909-1911. Т. 1-6 // 1913. № 1. С. 269-271. Подп.: С. Л. А-в.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 1).

[Он же] Рец. на кн.: И. И. Гливенко. Витторию Альфиери. СПб., 1912. Т. 1 // 1913. № 8. С. 688-689. Подп.: П. И. А.

Гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 72. № 436. Л. 8).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>В. Л. Харитонов.</i> Вторая российская революция на периферии страны в послевоенной исторической литературе	3
<i>В. В. Поликарпов.</i> Государственное производство вооружения в России начала XX в. (Историография вопроса)	16
<i>Л. И. Иван.</i> Внутреннее освоение земель Северо-Восточной Руси в XIV—XVI вв. в освещении русской дореволюционной и советской историографии	37

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>М. А. Додолев.</i> Ранние буржуазные революции XIX в. в современной испанской историографии (Основные направления и проблемы)	65
<i>Е. Г. Блосфельд.</i> Проблема «Великий Октябрь и Лейбористская партия» в освещении английской лейбористской и буржуазной историографии	81
<i>И. Г. Рыбалкина.</i> Новая литература о современном североирландском кризисе	96
<i>В. В. Согрин.</i> Буржуазная историография США XX в. и проблема роли классовой борьбы в американской истории	117
<i>Н. Д. Мартынов.</i> Изучение истории немецкого рабочего движения конца XIX — начала XX в. западногерманскими историками-марксистами	142
<i>Е. С. Токарева.</i> Латеранские соглашения 1929 г. в итальянской историографии и публицистике	157

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>И. В. Волкова.</i> Историк С. М. Соловьев и двухсотлетний юбилей Петра Первого	176
<i>В. П. Золотарев.</i> «История Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева: замысел и воплощение	201
<i>Л. Н. Колосов.</i> А. П. Берже: материалы к научной биографии	213
<i>Т. Д. Сергеева.</i> Концепция «дофеодального периода» в творчестве А. И. Неусыхина	225
<i>С. А. Левитан.</i> Ф. Розинь о некоторых вопросах истории феодализма в Латвии (К становлению марксистской историографии истории Латвии в конце XIX — начале XX в.)	244
<i>Б. Я. Рамм.</i> Научная и общественная деятельность Осипа Львовича Вайнштейна (1894—1980)	258

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

<i>Х. Гиртц</i> (ГДР). Освещение военно-исторических проблем истории СССР в журнале «Милитергешихте» (ГДР) (1962—1982 гг.) . . .	271
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. А. Дунаевский</i> . Борис Георгиевич Вебер (1902—1984)	284
Библиографический указатель трудов Б. Г. Вебера (составитель <i>Е. В. Котова</i>)	289
<i>Б. И. Марушкин, С. Р. Сухоруков</i> . Владимир Иванович Салов (1923—1984)	292
Библиографический указатель трудов В. И. Салова (составители <i>С. Р. Сухоруков, Н. П. Козлова</i>)	295
<i>М. Д. Эльзон</i> . Материалы к росписи «Исторического вестника» (1880—1917)	301
Алфавитный список псевдонимных и анонимных публикаций «Исторического вестника» с раскрытием авторства	303

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1982—1983

Утверждено к печати
Научным советом по проблеме
«История исторической науки»,
Институтом истории СССР,
Институтом всеобщей истории
АН СССР

Редакторы издательства
М. А. Васильев, Т. А. Пустыкова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректор Л. А. Стойкина

ИБ № 32070

Сдано в набор 29.04.86.
Подписано к печати 15.07.86.
Т-15577. Формат 60×90^{1/16}
Бумага кн.-журнальная
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 22. Усл. кр. отт. 23. Уч.-изд. л. 27,7
Тираж 2100 экз. Тип. зак. 2538
Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

**К 70-й ГОДОВЩИНЕ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВИТСЯ КНИГА**

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЗАЩИТА ЕГО ЗАВОЕВАНИЙ. ПОБЕДА
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ/Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1987 (II кв.).—
35 л.— (В пер.): 4 р.**

Обобщающая монография, подготовленная большим авторским коллективом, охватывает события с марта 1917 по лето 1918 г., время подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции, первых месяцев Советской власти. В книге раскрывается многообразная деятельность партии большевиков как организатора победы Великого Октября и защиты его завоеваний от внутренней и внешней контрреволюции, строительства Советского государства.

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академ-

книга»;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга — почтой» Украинской конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».